ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY SERIES:
PHILOLOGY. JOURNALISM

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – Д. А. Ендовицкий, д-р экон. наук, проф.; заместители председателя – Ю. А. Бубнов, д-р филос. наук, проф., Д. В. Костин, д-р физ.-мат. наук, доц.; координатор – Н. М. Близняков, канд. физ. мат. наук, доц. Члены совета: В. Г. Артюхов, д-р биол. наук, проф., В. Н. Глазьев, д-р ист. наук, проф., А. С. Кравец, д-р филос. наук, проф., А. А. Кретов, д-р филол. наук, проф., С. А. Куролап, д-р геогр. наук, проф., А. Д. Савко, д-р геол.-минер. наук, проф., А. А. Сирота, д-р техн. наук, проф., Ю. Н. Старилов, д-р юрид. наук, проф., В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф., С. А. Шабров, д-р физ.-мат. наук, доц., А. И. Шашкин, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – В. В. Тулупов, д-р филол. наук, проф.; заместитель главного редактора – О. А. Бердникова, д-р филол. наук, доц.; ответственный секретарь – М. Е. Новичихина, д-р. филол. наук., проф. Члены редколлегии: А. В. Сосновский, д-р гуманитарных наук, проф. (г. Берлин, Германия); Б. Я. Мисонжников, д-р филол. наук, проф. (СПбГУ, г. Санкт-Петербург); А. В. Млечко, д-р филол. наук, доц. (ВолГУ, г. Волгоград); В. Ф. Олешко, д-р филос. наук, проф. (УФУ, г. Екатеринбург); Т. А. Тернова, д-р филол. наук, доц.; Г. Ф. Ковалев, д-р филол. наук, проф.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-19722 от 7 апреля 2005 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, утвержденный ВАК.

Журнал принимает к публикации статьи по специальностям: 5.9.1 – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.4. - Фольклористика (филологические науки), 5.9.9 – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки), 5.9.5 – Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Адрес редакции, издателя: 394018, г. Воронеж, Университетская пл., 1
Воронежский государственный университет
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика»
E-mail: vlvtul@mail.ru
Тел.: +7 (473) 274-52-71

© Воронежский государственный университет, 2024

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ФИЛОЛОГИЯ. ЖУРНАЛИСТИКА
Выходит 4 раза в год

Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. Апрель – июнь

СОДЕРЖАНИЕ

К 225-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА

Ковалев Г. Ф. ПОЭМА А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА» — КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ 5

Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В. ТЕМА МИЛОСТИ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО) 10

Скуридина С. А. ПУШКИН В РЕЦЕПЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО 17

Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Толчеева Е. А. «ТЕКСТ РУКОДЕЛИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПУШКИНА И ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (А. БЛОКА, М. ВОЛОШИНА, Д. МЕРЕЖКОВСКОГО, Ф. СОЛОГУБА): СУДЬБА — ИСКУССТВО — ИСТОРИЯ 20

ФИЛОЛОГИЯ

Аверина А. В. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОНЦЕПТА «ANGST» («СТРАХ») И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НЕМЦЕВ И АВСТРИЙЦЕВ 27

Гальцова Д. Н. НАИМЕНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В АСПЕКТЕ МОТИВИРОВАННОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ XVII–XVIII ВВ. И СОВРЕМЕННЫХ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ 32

Горбацевич О. А. О «ГЛУБИННОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ» МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТА» А. Е. РОЗЕНА) 38

Дубаков Л. В. БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЕГОРА ЛЕТОВА И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ЛЕТОВА: ВАРИАНТЫ ПРОРЫВА В ОБЛАСТЬ ПОДЛИННОЙ СВОБОДЫ 42

Ильина Т. В., Швецова О. А. РОЛЬ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ В ОСКОРБЛЕНИИ 47

Качурина И. И. ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ 51

Корнева В. В., Разворотнева И. Н. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕМАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ) 55

Лочмелис Е. Р. ЛЮБОВЬ И ЕЕ ИПОСТАСИ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ 61

Ромащенко Л. В. МЕТАПОЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФЕЛЬЕТОНА Н. ЭРДМАНА И В. МАССА «ЗАСЕДАНИЕ О СМЕХЕ» 64

Скрипникова Т. И. СТИЛИЗАЦИЯ КАК МОДЕРНИСТСКИЙ СПОСОБ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СКАЗКЕ И. А. БУНИНА «О ДУРАКЕ ЕМЕЛЕ, КАКОЙ ВЫШЕЛ ВСЕХ УМНЕЕ» 69

Сузрюкова Е. Л. СВЕТ И ЦВЕТ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» 75

Сухова Е. Ф. ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ Ф. Г. СУХОВА «ИВНИЦА» 80

Чуриков С. А., Лешкова Т. В., Коротких А. И. КОНЦЕПЦИЯ «СЛОВАРЯ РЕЛЯТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА» 86

Чурикова Е. И. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЛОВАРЯХ XIX–XXI ВВ. 91

Щепалин М. Д. О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДОВ Е. Д. ПОЛИВАНОВА) 95

ЖУРНАЛИСТИКА

Абрамова В. Д., Возовиков О. И. ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ 99

Андреевич С. Р., Мохаммад А. С. ВЛИЯНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В ИОРДАНИИ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ЙЕМЕНЕ 104

Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. НОВЫЕ МЕДИА В ПРОЦЕССЕ МОДИФИКАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ВАЛЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА 107

Гааг Н. А. «ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ»: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАДИОФОРМ 112

Гудова Т. В. ЭВОЛЮЦИЯ НОВОСТНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ ДНР В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ 114

Дабежа В. В., Иоввa Н. И., Ткаченко Ю. В. ЮМОР В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРОВ ТЕЛЕКАНАЛОВ «ТСВ» И «ПЕРВЫЙ ПРИДНЕСТРОВСКИЙ») 118

Евдокимов В. А. ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ СОДЕРЖАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ 122

Игнатова И. Б. МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В ВИДЕОИГРАХ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ МЕДИА 126

Чан Ван Ле. ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TIKTOK ВО ВЬЕТНАМЕ 130

Найговзин И. Э. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ 134

Осенкова Т. А. ТЕХНИКА САМОРАСКРЫТИЯ БЛОГЕРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ АУДИТОРИИ К РЕКЛАМЕ 139

Пономарев П. А. КОММУНИКАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ 143

Синенко П. Д., Богуславская В. В. РОЛЬ АФФОРДАНСОВ В РОССИЙСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ О СЕМЬЕ 145

Старых Н. В. ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА «КОНВЕРГЕНТНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»: ОТ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ДО ГИБРИДА «МЕДИАТЕКСТ» И ПРОБЛЕМЫ ФЕЙКОВ 150

Тулупов В. В. «СТРАШНЫЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 155

Ушанов П. В. ДВА ГОДА СВО НА УКРАИНЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА 158

Хао Яньянь. СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ДЕТСКОГО КОНТЕНТА НА CCTV (2016–2021 ГГ.) 163

Чан Тхи Тху Хыонг. «НОВАЯ ПРЕССА» ВЬЕТНАМА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ 167

Цао Линь. СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ WECHAT В КИТАЕ: АУДИТОРИЯ, ФУНКЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕКЛАМЫ 171

Шашкова Е. В. ПОГРАНИЧНЫЕ СМИ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ФСБ РФ 174

Шилова М. А., Красова Е. Ю. ВИДЕОРЕКЛАМА БАНКОВСКИХ УСЛУГ И ЕЕ УБЕЖДАЮЩИЙ ЭФФЕКТ 178

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ 184

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: PHILOLOGY. JOURNALISM
Published quarterly

Series: Philology. Journalism. 2024. № 2. April – June

CONTENTS

THE 200TH BIRTH ANNIVERSARY OF A. S. PUSHKIN

Kovalyov G. F. A. S. PUSHKIN'S POEM "POLTAVA" − AS A FORERUNNER OF THE MODERN SITUATION IN UKRAINE 5

Satarova L. G., Styuflyaeva N. V. THE THEME OF MERCY IN A. S. PUSHKIN'S STORY "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" AND M. A. SHOLOKHOV'S NOVEL "QUIET DON FLOWS" (IN THE LIGHT OF THE ST. TIKHON OF ZADONSK TEACHINGS) 10

Skuridina S. A. PUSHKIN AT THE RECEPTION OF F. M. DOSTOEVSKY 17

Shpilevaya G. A., Bondarenko V. A., Tolcheeva E. A. "THE TEXT OF NEEDLEWORK" IN THE WORKS OF A. PUSHKIN AND THE POETS OF THE SILVER AGE (A. BLOK, M. VOLOSHIN, D. MEREZHKOVSKY, F. SOLOGUB): FATE − ART − HISTORY 20

PHILOLOGY

Averina A. V. PHENOMENOLOGY OF THE CONCEPT "ANGST" ("FEAR") AND ETHNOCULTURAL FEATURES OF ITS REFLECTION IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF GERMANS AND AUSTRIANS 27

Galtsova D. N. NAMES OF OUTBUILDINGS IN TERMS OF MOTIVATION BASED ON DOCUMENTS FROM THE 17TH-18TH CENTURIES. AND MODERN VORONEZH DIALECTS 32

Gorbatsevich O. A. THE "DEEP COMPOSITIONAL STRUCTURE" OF PROSE MEMOIR (BASED ON «THE DECEMBRIST'S NOTES» BY A. E. ROSEN) 38

Dubakov L. Vi. BUDDHIST MOTIFS IN THE POETRY OF EGOR LETOV AND THE AUTOBIOGRAPHICAL PROSE OF SERGEI LETOV: OPTIONS FOR A BREAKTHROUGH INTO THE FIELD OF GENUINE FREEDOM 42

Ilina T. V., Shvetsova O. A. THE ROLE OF EVALUATIVE SUFFIXES IN INSULT 47

Kachurina I. I. LANGUAGE REPRESENTATION OF THE CATEGORY OF TIME IN THE POETRY OF E. P. ROSTOPCHINA 51

Korneva V. V., Razvorotneva I. N. FUNCTIONAL FEATURES OF TOPONYMS IN HEADLINES OF THE MEDIA TEXTS ON INTERNATIONAL ISSUES (BASED ON RUSSIAN AND SPANISH LANGUAGES) 55

Lochmelis E. R. LOVE AND ITS HYPOSTASES IN RUSSIAN ROCK POETRY 61

Romashchenko L. V. METAPOETIC COMPONENT OF THE FEUILLETON BY N. ERDMAN AND V. MASS "MEETING ON LAUGHTER" 64

Skripnikova T. I. STYLIZATION AS A MODERNIST METHOD OF ARTISTIC CONSCIOUSNESS IN I. A. BUNIN'S FAIRY TALE "ABOUT THE FOOL EMELYA, WHO CAME OUT SMARTER THAN EVERYONE ELSE" 69

Suzryukova E. L. LIGHT AND COLOR IN THE CYCLE OF STORIES BY V. A. NIKIFOROV-VOLGIN "CHILDHOOD" 75

Sukhova E. F. THE HISTORY OF WRITING F. G. SUKHOV'S LYRICAL CHRONICLE "IVNITSA" 80

Churikov S. A., Leshkova T. V., Korotkich A. I. CONCEPT OF "DICTIONARY OF RELATIVES OF THE RUSSIAN LANGUAGE" 86

Churikova E. I. REPRESENTATION OF RUSSIAN AUTHOR'S NEOLOGISMS IN DICTIONARIES OF THE XIX-TH –XXI-ST CENTURIES 91

Schepalin M. D. ON CONCEPTUAL METAPHORS IN SCIENTIFIC CORNITION (CASE STUDY OF PAPERS BY E. D. POLIVANOV).. 95

JOURNALISM

Abramova V. D., Vozovikov O. I. INFORMATION POLICY OF THE AUTHORITIES IN SOCIAL NETWORKS 99

Savastenko R. A., Mohammad A.S. THE INFLUENCE OF THE ARABIC LANGUAGE AND ITS DIALECTS ON SOCIAL PROGRAMS IN JORDAN, SAUDI ARABIA AND YEMEN 104

Bredikhin S. N., Kamensky M. V., Shibkova O. S. NEW MEDIA IN THE PROCESS OF CONCEPTUAL VALUE SPACE MODIFICATION 107

Gaag N. A. «READING WITH CONTINUATION»: THE HISTORY OF THE EMERGENCE OF LITERARY RADIO FORMS 112

Gudova T. V. THE EVOLUTION OF DPR NEWS BROADCASTING IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION 114

Dabezha V. V., Iovva N. I., Tkachenko Yu. V. HUMOR IN MODERN MEDIA DISCOURSE (USING THE EXAMPLE OF MESSENGERS OF TV CHANNELS "TSV" AND "THE FIRST TRANSNISTRIAN") 118

Evdokimov V. A. ORMING CONCEPTS FOR THE CONTENT OF REGIONAL NEWSPAPERS 122

Ignatova I. B. MEDIATIZATION OF HISTORICAL CONTENT IN VIDEO GAMES IN THE CONTEXT OF NEW MEDIA 126

Tran Van Le. POSITIVE EFFECTS OF TIKTOK SOCIAL NETWORK IN VIETNAM 130

Naigovzin I. E. COMMUNICATION STRATEGIES OF RUSSIAN PUBLIC TELEVISION IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATIONS 134

Osenkova T. A. BLOGGER'S SELF-DISCLOSURE TECHNIQUE AS A FACTOR IN BUILDING AUDIENCE TRUST IN ADVERTISING 139

Ponomarev P. A. COMMUNICATION RESPONSIBILITY IN JOURNALISTIC DISCOURSE 143

Sinenko P. D., Boguslavskaya V. V. THE ROLE OF AFFORDANCES IN THE RUSSIAN MASS MEDIA DISCOURSE ABOUT THE FAMILY 145

Starykh N.V. THE EVOLUTION OF THE CONVERGENT JOURNALISM PHENOMENON : FROM THE INTEGRATION OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES TO THE HYBRID "MEDIATEXT" AND THE CHELLENGES OF FAKE NEWS 150

Tulupov V. V. «SCARY QUESTION» IN JOURNALISM RUSSIAN WRITERS 155

Ushanov P. V. TWO YEARS OF SVO IN UKRAINE AND CURRENT ISSUES OF THE COMMUNICATION PROCESS 158

Hao Yanyan. THE SPECIFICS OF THE IMPLEMENTATION OF THE EDUCATIONAL FUNCTION OF CHILDREN'S CONTENT ON CCTV (2016–2021) 163

Tran Thi Thu Huong. VIETNAM'S "NEW PRESS" IN THE DIGITAL AGE: THE SPECIFICS OF PERCEPTION AND IMPACT 167

Cao Lin. WE CHAT SOCIAL NETWORK IN CHINA: AUDIENCE, FUNCTIONS AND ADVERTISING OPPORTUNITIES 171

Shashkova E. V. BORDER MEDIA IN THE DEPARTMENTAL PRESS SYSTEM OF THE FSB OF THE RUSSIAN FEDERATION 174

Shilova M. A., Krasova E. Yu. VIDEO ADVERTISING OF BANKING SERVICES AND ITS CONVINCING EFFECT 178

SUBMISSION GUIDELINES 184

УДК 811.161

ПОЭМА А. С. ПУШКИНА «ПОЛТАВА» — КАК ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННОЙ СИТУАЦИИ НА УКРАИНЕ

Г. Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме исторического и поэтического содержания через выборку исторических реальных онимов и подбор необходимых поэтическому содержанию онимов. Во вполне реальном ономастиконе гениальной поэмы А. С. Пушкина, соответствующем исторической действительности, поэт все же выбирает онимы, помогающие опоэтизировать эту действительность.*
Ключевые слова: *оним, ономастикон, литературная ономастика, автобиографизм, А. С. Пушкин.*

Abstract: *the article is devoted to the problem of historical and poetic content through a selection of historical real onyms and the selection of onyms necessary for the poetic content. In the very real onomasticon of the brilliant poem by A. S. Pushkin, corresponding to historical reality, the poet still chooses onyms that help to poeticize this reality*
Keywords: *onym, onomasticon, literary onomastics, autobiography, A. S. Pushkin.*

Есть произведения, которые время от времени выплывают и предпосылают нам истины, кои нам не так очевидны. Именно такова историко-романтическая поэма Александра Сергеевича Пушкина — нашего национального писателя и… провидца. Ведь многое, что было прописано в этой поэме, уже потом той или иной стороной проявлялись в нашей отечественной истории. Правда мы в нашей работе будем исследовать не столько историю, сколько ономастику поэмы. Но ведь история и пишется не только датами, но и именами.

Поэму «Полтава», судя по наброскам в рукописях, А. С. Пушкин начал 5 апреля 1828 г. с тщательного изучения источников, одним из которых послужила «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского (М., 1830). Именно в этой книге поэт находит любовный ключ к сюжету отношений главных героев поэмы: «Кочубей с давних времен питал ненависть к Мазепе, который в 1704 году обольстил дочь его Матрену» [1, 60].

Заметка в Дневнике А. Н. Вульфа, видимо, записанная под влиянием слов Пушкина, объясняет, почему выбрано именно такое название поэмы — «Полтава» (скорее всего, по цензурным соображениям): «…был у Пушкина, который мне читал почти уже конченную свою поэму. Она будет в 3 песнях и под названием П о л т а в ы, потому что ни К о ч у б е е м, ни М а з е п о й ее назвать нельзя по частным причинам» [2, 278–279]. Сам Пушкин в своих заметках «Опровержение на критики» пояснил: «В «Вестнике Европы» заметили, что заглавие поэмы ошибочно и что, вероятно, не назвал я ее *Мазепой*, чтоб не напомнить о Байроне. Справедливо. Но была тут и другая причина: эпиграф». Речь шла об эпиграфе, взятом из поэмы Д. Г. Байрона «Мазепа» [3], в котором говорится о победном триумфе Петра I:

The power and glory of the war,
Faithless as their vain votaries, men,
Had pass'd to the triumphant Czar.

Да, Пушкина, безусловно, прочтение Байрона, видимо, во французском переводе, крайне заинтриговало. И действительно, для поэта здесь две заманчивые романтические линии: победа Петра I и преступная любовная история Мазепы и Матрены Кочубей.

Показательно в этой ситуации, что в украинской школе не проходят «Полтаву» Пушкина, зато тщательно изучают байроновскую поэму «Mazeppa» [4, 11].

В книге «История Малой России» Д. Н. Бантыша-Каменского, имевшейся в библиотеке Пушкина, были разрезаны не все страницы, однако среди прочих были разрезаны для прочтения страницы 81–85, в которых в примечании приводились любовные письма Мазепы к Матрене Кочубей. Вот образец обращения И. С. Мазепы к Матрене Кочубей в одном из писем:

«Моя сердечна кохана Мотронько!» [5, 115]. Любви Матрены Кочубей и Ивана Мазепы посвятил свое произведение воронежский писатель Н. А. Задонский [6: т. 2].

Фамилия Ивана *Мазепы*, вероятно, отражает профессию его далеких предков. Скорее всего, они были изготовителями де гтя — дегтярниками (дегтем *мазали* оси и колеса). Видимо, поэтому И. М. Ганжина, производя эту фамилию от глагола *мазать*, оши-

© Ковалев Г. Ф., 2024

бочно предполагает ее значение — ‘неряха, грубиян’ [7, 301–302]. Кстати, при описании быта бурсаков Н. Помяловский в «Очерках бурсы» отмечал их ругательства:

«– Сволочь!

— Животина!

— *Мазепа*!

Замечательно, что в бурсе *Мазепа* было ругательное слово, и, вероятно, основание тому историческое; но во времена нами описываемой бурсы из пятисот человек вряд ли пятеро знали о существовании Мазепы. Здесь это имя было слово нарицательное, а не собственное. По преимуществу называли *мазепами* толсторожих».

Воможно, что фамилия Мазепа является коллективным профессиональным прозвищем, поскольку родился он в деревне *Мазепынци* близ Белой Церкви. Отцом его был украинский шляхтич Стефан-Адам Колединський-*Мазепа*.

«Жизнеописание Мазепы», выполнявшее роль исторического введения к поэме К. Ф. Рылеева «Войнаровский» и принадлежавшее перу А. О. Корниловича, содержало однозначное осуждение Мазепы: «Низкое, мелочное честолюбие привело его к измене. Благо козаков служило ему средством к умножению числа своих соумышленников и предлогом для скрытия своего вероломства. И мог ли он, воспитанный в чужбине, уже два раза опятнавший себя в предательстве, двигаться благородным чувством любви к родине?..» (Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.: Academia, 1934, с. 195).

В. Г. Короленко высказался по случаю о героине пушкинской «Полтавы»: «Таким образом, любовь молоденькой Кочубеевны к седому старцу является одним из парадоксов женского сердца, скрепленным историей. Правда, историк-реалист Костомаров оборвал несколько лепестков у этого поэтического букета. Героиню звали не Марией, как у Пушкина, а более вульгарным именем Матрены» [8, 52].

Почему же Пушкин реальное имя *Матрена* заменил на *Мария*? Он сам писал об этих двух именах: «Мария (или Матрена) увлечена была, говорили мне, тщеславием, а не любовию…» («Опровержение на критики», 1830). Замена имени была необходима поэту потому, что имя Матрена в конце XVIII в. уже перестало быть престижным, дворянским. Более того, в пушкинские времена оно уже стало откровенно и исключительно крестьянским. Г. Г. Красухин пишет: «Матрена по-латыни — «знатная». Сохрани она свое имя, оно подтвердило бы пушкинские слова о ее отце: «Богат и знатен Кочубей». Но не для того ли Пушкин не сохранил ее имени, чтобы показать, что не знатность — ее главная художественная функция в поэме и что не знатностью определяется та ключевая роль, какую сыграла его Мария в судьбах других персонажей поэмы (как, впрочем, и реальная Матрена в судьбах своих близких)?» И далее: «Назвав главную героиню Марией, Пушкин высветил суть основного конфликта «Полтавы». Мария значит «любимая», «желанная». И все драматические, трагические коллизии пушкинской поэмы обусловлены отношением к ее героине тех, кем она любима, кому она желанна» [9, 52].

Рис. 1. Матрена Кочубей. Портрет работы неизвестного художника.

Правда, Е. Ляцкий не без оснований полагал иную причину изменения имени *Матрена* на *Марию*: «На первом психологическом плане — коварный Мазепа с его любовью к юной Марии. <…> Внимательный читатель с волнением следит за двойной жизнью сюжета: в опрокинутом изображении проносятся живые призраки седовласого Сергея Волконского и Марии… Марии Раевской, отдавшей свою юную жизнь этому декабристу, нарушителю царской присяги» [10, 190].

Другой поэт того же времени — К. Ф. Рылеев, сторонник чистого историзма, в плане к неосуществленной трагедии «Мазепа» употребил историческое имя: «*Матрена*. Дочь их. Любовница Мазепы. Пылкая девушка».

Однако и к имени *Мария* Пушкин пришел не сразу. Вначале была *Анна*:

«И подлинно: прекрасней Анны,
Милее нет…»

Потом Пушкин пробует на эту роль имя Наталья:

«И жертвой пламенных страстей
Судьба Наталью назначала…»

Казалось бы, имя найдено. Тем более, что имя Наталья очень популярно именно на Украине (можно вспомнить героиню национальной оперы «Наталка-Полтавка»). Но Пушкин не хочет отдавать Мазепе любимое имя, ведь он в совсем молодые годы влюблялся в *Наталью Кочубей*! Возможно, поэтому он отвергает имя Наталья и награждает свою героиню высоким именем Мария. А уж это имя, видимо, действительно навеяно Пушкину Марией Раевской, впоследствии ставшей женой декабриста С. Г. Волконского и уехавшей за ним в Сибирь. Доказательством этому могут служить черновые наброски к поэме, в которых вместо окончательного «Твоя печальная пустыня» было: «Сибири хладная пустыня…» [11, 324].

А откуда же взялась такая неславянская фамилия *Кочубей*? Прадед Матрены Васильевны был родом из Крымского Ханства. Фамилия его тогда имела вид *Кучук-бей* или *Кучум-бей*. Это была знатная фамилия, а прадед был очень богатым человеком. Кстати, среди богатств отца Матрены — Василия Леонтьевича — находилась и прославленная Н. В. Гоголем деревня *Диканька*. Она была подарена ему Мазепой в 1687 г.

Кроме главных персонажей в поэме много второстепенных, есть и только упоминающиеся персонажи. А некоторые персонажи вообще лишь описаны, не получив личных имен. Это, прежде всего, казак, влюбленный в Марию и застреленный в попытке убить растленного гетмана, это и нищий, регулярно посещавший гетмана. Под образом этого нищего Пушкин вывел некоего болгарского архиепископа, очевидно, вероотступника, изгнанного из своего отечества, который под видом нищего, но в качестве шпиона ходил из Польши в Украину и обратно (все повторяется и сейчас!).

Это и безымянный в поэме польский иезуит, который тоже был агентом гетмана, скорее всего, Пушкин имел в виду поляка Заленьского (Zaleńskiego).

А вот влиятельная агентесса-полька *Дульска*, входившая в этот анклав антирусской агентуры гетмана Мазепы, все-таки названа. Вначале Мария из чувства женской ревности спрашивает о ней у гетмана, но он ее успокаивает:

Ты пил недавно, знаю я,
Здоровье Дульской. Это новость;
Кто эта Дульская?

Друзей надежных я имею:
Княгиня Дульская и с нею
Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят.
Чрез руки их ко мне доходят
Наказы, письма королей.

А пока христопродажный гетман готовит бунт против Петра:

Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги:
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным мутят

Сам гетман активно ведет антироссийскую дипломатию:

Там будят диких орд отвагу;
Там за порогами Днепра
Стращают буйную ватагу
Самодержавием Петра.
Мазепа всюду взор кидает
И письма шлет из края в край:
Угрозой хитрой подымает
Он на Москву Бахчисарай.
Король ему в Варшаве внемлет,
В стенах Очакова паша,
Во стане Карл и царь.

И в то же самое время он же пишет подобострастные письма Петру, расписывая собственные якобы благие деяния:

Не он ли помощь Станиславу
С негодованьем отказал,
Стыдясь, отверг венец Украйны,
И договор и письма тайны
К царю, по долгу, отослал?
Не он ли наущеньям хана
И цареградского салтана
Был глух?

Пушкин старательно упоминает многих второстепенных персонажей. Названы и старые друзья Мазепы:

И на протяжный слабый крик
Другим ответствовал — тем криком,
Которым он в весельи диком
Поля сраженья оглашал,
Когда с Забелой, с Гамалеем,
И — с ним… и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал.

Названы и те, кто мог бы возглавить борьбу с москалями:

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко,
Иль Самойлович молодой,
Иль наш Палей, иль Гордеенко
Владели силой войсковой.

Почти все они на тот момент были под арестом в России: *Дорошенко*, один из героев старой Малороссии, непримиримый враг российской власти; Григорий *Самойлович*, сын гетмана, сосланного в Сибирь уже в начале царствования Петра I; Костя *Гордеенко*, кошевой атаман запорожских казаков. Предательски ушел со своими казаками к Карлу XII. Был взят в плен и казнен в 1708 г. *Чечель* отчаянно защищал городкрепость Батурин против войск князя Меншикова:

Трепещет бунт осиротелый.
На плахе гибнет Чечель смелый
И запорожский атаман.

Симеон *Палей*, хвастовский полковник. Был со-

слан в Енисейск по жалобе Мазепы. После измены Мазепы Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении:

Мазепы враг, наездник пылкий,
Старик Палей из мрака ссылки
В Украйну едет в царский стан.
Указан автором и соратник Кочубея Искра:
Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра заодно.

Искра — полтавский полковник, товарищ Кочубея, казненный вместе с ним.

Пушкин дает два словесных портрета полководцев. Они разнополюсно различаются. Вот краткий, но впечатляющий портрет Петра I:

Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как божия гроза.

Рис. 2. Юноша Петр I. 1698 г.

Работа неизвестного английского художника

Пушкин перечисляет сподвижников Петра, тех, кто и принес великую победу под Полтавой:

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И совершенно по-иному рисуется Пушкиным пространный портрет Карла XII:

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье…
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

Имя города *Полтава*, давшее название поэме А. С. Пушкина, довольно древнее. По типу словообразования — это, видимо, еще общеславянское название, характерное наличием гидронимического форманта *-ава*. Этимологию названия Полтава разбирал В. М. Мокиенко. Он пришел к выводу: «Как и древнее летописное название *Лътава — Олтава* и чешское *Влтава,* оно восходит к славянской и древней европейской модели наименований рек по особенностям рельефа и, возможно, реконструируется как **Vъltava* с исходным значением ‘болотистая река‘. На ней наши общие предки из Киевской Руси и основали укрепленное городище, которое — как и столица современной России Москва — приняло на себя древнее речное имя» [12, 197]. Первое упоминание о будущей Полтавщине датируется XII веком, но, судя по археологическим раскопкам, на месте Полтавы еще в VIII веке существовало поселение. Действительно, в Ипатьевской летописи под 1174 г. впервые упоминается поселение на реке *Лтаве*, однако Полтава расположена на реке *Ворскла*. А в главном компендиуме украинской гидронимии — Словнике гідронімів України [13] упоминается еще ручей *Полтавка* (с. 657).

В прекрасной поэме Пушкина указано даже последнее место пребывания гетмана Мазепы на нашем свете — городок Бендеры в Молдавии:

В стране — где мельниц ряд крылатый
Оградой мирной обступил
Бендер пустынные раскаты,
Где бродят буйволы рогаты
Вокруг воинственных могил,—
Останки разоренной сени,
Три углубленные в земле
И мхом поросшие ступени
Гласят о шведском короле.

Пушкин старательно изучал места, связанные с будущей поэмой. Есть сообщение И. П. Липранди, его товарища по таким поездкам, в котором зафиксировано, что Пушкин в сопровождении Липради в середине января 1824 г. специально приезжал в Бендеры на место шведского военного размещения в Варницах, куда бежали после поражения в Полтавской битве и Карл XII, и Мазепа. Однако Пушкину так и не уда-

лось обнаружить даже следов могилы Мазепы [14: стб. 1460–1465]:

И тщетно там пришлец унылый
Искал бы гетманской могилы:
Забыт Мазепа с давних пор!

К сожалению, возвеличиванию предателей нашей Родины посвятила свою книгу «Мазепа» Т. Таирова-Яковлева (М., 2007), причем книга сначала была написана на средства чужеземного гранта, издана как шедевр на Украине, а затем издевательски вышла в России в серии «Жизнь замечательных людей».

ЛИТЕРАТУРА

1. Бантыш-Каменский Д. Н. История Малой России / Д. Н. Бантыш-Каменский.— М., 1830.
2. Вульф А. Н. Дневники / А. Н. Вульф // Любовный быт пушкинской эпохи.— М., 1994.— Т. 1.— С. 278–279.
3. George Gordon Byron. Mazeppa: A Poem / Byron George Gordon.— 1819 (написана в Италии в 1818 г.).
4. Нечаенко Д. Мазепа как романтический герой, или Какую литературу преподают в украинских школах / Д. Нечаенко // Лит. газ.— 2014.— № 38.— С. 11.
5. Іван Мазепа / Упорядник В. Шевчук.— Київ, 1992.— С. 115.
6. Задонский Н. А. Смутная пора. Горы и звезды // Задонский Н. А. Избр. произв.— Т. 2.— М.: Худож. лит., 1973.
7. Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий / И. М. Ганжина.— М., 2001.
8. Короленко В. Полтавские празднества / В. Короленко // Наше наследие.— 1988.— № 3.— С. 52.
9. Красухин Г. Г. Доверимся Пушкину / Г. Г. Красухин.— М., 1999.— С. 52.
10. Ляцкий Е. Пушкин и его историческая мысль / Е. Ляцкий // Заветы Пушкина. Из наследия первой эмиграции.— М., 1998.— С. 190.
11. Бонди С. М. Комментарий / С. М. Бонди // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. V.— С. 324.
12. Мокиенко В. М. О топониме Полтава / Мокиенко В. М. // Русское слово. Сб. научных трудов к юбилею доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского гос. соц.-пед. ун-та В. И. Супруна. Вып.6.— Волгоград, 2018.— С. 197.
13. Словник гідронімів України.— Київ: Наукова думка, 1979.— 781 с.
14. Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний / И. П. Липранди // Русский архив.— 1866.— № 10.— стб. 1460–1465.

Воронежский государственный университет
Ковалев Г. Ф., доктор филологических наук, профессор
E-mail: kovaiev@phil.vsu.ru

Voronezh State University, Russia,
Kovalyov G. F., Doctor of Pfilology, Professor
E-mail: kovaiev@phil.vsu.ru

УДК 82–3:821.161.1

ТЕМА МИЛОСТИ В ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И РОМАНЕ М. А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН» (В СВЕТЕ УЧЕНИЯ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО)

Л. Г. Сатарова, Н. В. Стюфляева

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Поступила в редакцию 10 мая 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется одна из ключевых категорий художественного мира повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романа М. А. Шолохова «Тихий Дон» — милость как ценностное ядро Благодати, противоположной Закону. В духе наставлений святителя Тихона Задонского о милости как плоде христианской любви писатели приходят к выводу о том, что месть разрушительна, только милосердие, прощение, мысль о всеобщем братстве людей во Христе могут остановить кровавую смуту.*

Ключевые слова: *святитель Тихон Задонский, Пушкин, Шолохов, смута, милость, добродетель, покаяние, прощение, любовь к врагам, соборность.*

Abstract: *the article analyzes one of the key categories of the artistic world of A. S. Pushkin's novella "The Captain's Daughter" and M. A. Sholokhov's novel "The Quiet Don" — mercy as the value core of Grace, the opposite of the Law. In the spirit of St. Tikhon's of Zadonsk instructions on mercy as the fruit of Christian love, the writers come to the conclusion that revenge is destructive, only mercy, forgiveness, and the thought of the universal brotherhood of people in Christ can stop the bloody turmoil.*

Keywords: *St. Tikhon of Zadonsk, Pushkin, Sholokhov, turmoil, mercy, virtue, repentance, forgiveness, love for enemies, conciliarity.*

Одним из лейтмотивов учения святителя Тихона Задонского является проповедь милосердия и любви к ближнему, сострадания к несчастным, терпеливого несения своего креста во Христе, глубоко укорененная в Священном Писании. Эти библейские истины получают особое звучание в трагические, переломные моменты отечественной истории, которые получили название Смутного времени и сопровождались мировоззренческим расколом общества, обрывом преемственной многовековой традиции, непримиримой ненавистью и жестокостью по отношению к соотечественникам, массовым пролитием братской крови. В произведениях, посвященных осмыслению Смутного времени, сходятся важнейшие для человека проблемы долга и личной ответственности за судьбу Отечества, нравственного выбора, чести и бесчестия. Художественный анализ данного феномена убедительно доказывает, что истинную причину смуты следует искать прежде всего в духовном мире человека, гордыне, отступлении от веры, а путь к ее преодолению — в покаянии и возвращении к Богу. При этом важнейшей категорией, определяющей поведение человека на смутном перекрестке истории, способной остановить бессмысленное кровопролитие, является милосердие — одна из христианских добродетелей, уподобляющих верующего Творцу (Гал. 5: 22–23). Именно милость по отношению к ближнему становится нравственным императивом в двух знаковых произведениях отечественной словесности, исследующих на разном историческом материале тему Смуты,— повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и романе М. А. Шолохова «Тихий Дон».

Анализируя религиозно-нравственный контекст последнего крупного произведения А. С. Пушкина, которое по праву считают духовным завещанием писателя, В. Н. Катасонов определяет ценностную доминанту пушкинского текста следующим образом: «взаимоотношение человека с человеком во всей полноте исторических и нравственных детерминаций перед лицом Истины, перед лицом Бога» [2]. При этом все герои повести, даже ключевые антиподы эпохи — Екатерина II и Пугачев,— оказываются носителями идеи милосердия и Божественной благодати, избегая жестокости буквы закона, находятся в пределах православной аксиологии, хотя и принадлежат к противоборствующим лагерям. Исключение составляют только Швабрин, который «в Бога не верует», и Белобородов, которому «бы всё душить да резать». Особого внимания в данном плане заслуживает оппозиция двух центральных образов произведения: «нравственный закон "преступить сумевшего"» Пугачева и «твердо держащегося чести

© Сатарова Л. Г., Стюфляева Н. В., 2024

и совести» [2] Гринева. При этом ценностным началом, объединяющим героев-антагонистов в едином пространстве христианского этического поля, выступает милосердие, которое является ключом ко всему пушкинскому повествованию, задавая нравственный вектор оценки персонажей и их поступков.

В своих трудах святитель Тихон Задонский неоднократно обращался к теме милости, которую, вслед за св. Иоанном Златоустом, считал «сердцем добродетелей». Так, о милости он пишет в 23 параграфе «книжицы» о грехах и добродетелях «Плоть и дух», где приводит цитаты из Священного Писания и создает флорилегий (сборник цитат) из творений св. Иоанна Златоуста, посвященных милости и милосердию. К этой же теме богослов обращается и в своем главном произведении — энциклопедии духовной жизни «Об истинном христианстве» (Кн. 1, гл. 11). В этом сочинении категория милости оказывается напрямую связана с центральным вопросом духовного творчества святого, обозначенным в заглавии его фундаментального труда: В чем заключается дух истинного христианства? Как отличить его от ложной веры?

В главе «О милости к ближнему» святитель Тихон пишет, что «истинная милость есть плод христианской любви» [8]. На страницах своего сочинения он разделяет милость на душевную и телесную, подробно характеризуя каждый из этих видов. Милость телесная заключается в том, чтобы напитать алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника, посетить больного (Мф. 25: 35–36). Душевная милость связана прежде всего с заботой о спасении души ближнего и включает в себя утешение скорбящего, наставление заблудшего на истинный путь, вразумление сомневающегося и т.д. В делах милости душевной проявляется подлинно братская любовь, которая побуждает заблудшего грешника к покаянию и богоугождению, укрепляет изнемогающего в духовной брани, врачует его душевные раны, в чем и состоит дух истинного христианства.

Определяя милосердие как одно из свойств Бога, святые отцы указывают на его связь с Божественной справедливостью, правосудием. В книге «Плоть и дух», в главе «Угрозы некающимся», свт. Тихон Задонский отмечает: «Сами угрозы Божьи — знак Божия милосердия к грешникам, потому что Бог грозит казнью для того, чтобы они в чувство пришли, оставили злое прежнее житие и к Нему с покаянием обратились. Ибо различным образом Бог призывает грешника к покаянию, то обращением внутрь совести его, то обещанием благ, то угрозой наказания; а если всем этим грешник пренебрежет, тогда его, как нераскаянного, суд Божий постигает» [9].

Весь текст повести Пушкина пронизан предчувствием покаяния Пугачева, в котором он может найти очищение и стать Благоразумным разбойником, вернуться в лоно милосердия Божия и спасти свою душу. Евангелие повествует о том, что по обе стороны от Христа мучительную смерть приняли два разбойника. Распятый «ошуюю» роптал на Бога и хулил Его: «если Ты Христос, спаси Себя и нас». Другой, распятый «одесную» Спасителя, говорил товарищу: «…мы осуждены справедливо, потому что достойное по делам нашим приняли; а Он ничего худого не сделал. И сказал Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!» И Иисус Христос отвечает ему: «истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (Лк. 23, 39–43). Согласно христианскому преданию, Рах — Благоразумный разбойник — был первым человеком, вошедшим в рай вместе с Иисусом Христом. Символический и многослойный мотив диалога Господа с Благоразумным разбойником тонко звучит и сопровождает глубокие, сокровенные диалоги Гринева и Пугачева, переводит земное общение в перспективу вечности, ставит героев перед лицом Высшего Судии.

Этот постоянный призыв к покаянию будоражит зачерствевшее сердце бунтовщика, который не видит для себя возможности покаяния и искупления, сомневаясь в милосердии Божием. Между тем свт. Тихон Задонский напоминает о том, что Господь может простить любого человека, даже преступника, единственным условием этого является глубокое и истинное покаяние, сопряженное с верой в благодатную силу Христа распятого: «Не бойся, не отчаивайся, бедный грешниче! Христос Сын Бога живаго… пришел тебя спасти и в небесное Свое царствие привести… Пришел Сын Божий, грешников спасти, не таких и таких, а всяких, какие бы они ни были. Только бы покаялись, веровали в пришедшего грешников спасти Иисуса Христа — и рай им откроется рукой на Кресте распятого Христа. Покайся и ты, грешник, и веруй в святое и сладчайшее Евангелие это, и, без сомнения, войдешь с разбойником в рай» [11].

Эта «радостная весть» определяет отношение Гринева к Пугачеву, дает возможность увидеть за внешним человеком, поруганным грехом, утопающим в страстях, образ Божий: «Не могу изъяснить, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех, кроме одного меня… В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему» [7, 319]. Вера Гринева в доброе начало, которое живет в душе Пугачева и открывает возможность спасения, прощения его грехов, преображает и самого предводителя восстания, пробуждает в разбойнике «внутреннего» человека, разрушает устоявшийся образ «кровопийцы», переводит отношения героев из сферы земного, человеческого закона в духовную реальность, сферу благодати Божией.

Непростая линия отношений Гринева и Пугачева является отражением духовного братства людей — излюбленной идеи свт. Тихона Задонского, заявленной им в книге «Сокровище духовное, от мира собираемое», в главе «Я не твой брат».

Этот мотив отчетливо звучит уже во время первой встречи Гринева с самозванцем, когда Пугачев выводит заблудившегося в непроглядном буране Петра к постоялому двору, где можно переждать непогоду. Гринев, озябший на морозе, входит в избу: «– Где же вожатый? — спросил я у Савельича. "Здесь, ваше благородие",— отвечал мне голос сверху. Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающих глаза. "Что, ***брат***, прозяб?" — "Как не прозябнуть в одном худеньком армяке! Был тулуп, да что греха таить? Заложил вечор у целовальника: мороз показался не велик"» [7, 251].

Обращение «брат» из уст дворянина по отношению к безродному босяку устанавливает равенство между героями. Христианское, братское обращение к ближнему, пусть и к разбойнику, в повести Пушкина оказывается весомее, чем социальные условности, задает аксиологическое пространство, в котором на милость, совершенную одним братом, можно ответить только братской милостью. Именно такое единство в духе, когда центром существования одного Божьего творения является другое и Сам Бог, было идеалом, о котором неустанно напоминал в своих творениях свт. Тихон: «А забывше о Господе забыли… что Господь оный равно промышляет о всех, равно сияет солнце Свое господам и рабам, благородным и худородным» [10].

Эпизод с заячьим тулупом заставляет вспомнить библейскую притчу о Хаме и его отце Ное. Савельич ведет себя как Хам, который посмеялся над пьяным отцом: «Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке» [7, 253]. Для верного барского слуги Пугачев — «собака», «пьяница оголтелый». Параллель с библейским персонажем поддерживается и социальным статусом Савельича: именно с проклятия Ханаана, сына Хама, получает свое начало рабство как социальное явление. Слуга в данном случае мыслит в рамках господско-рабской оппозиции, забывая о природном равенстве всех людей перед Творцом. Гринев не просто спасает «бродягу» от холода, он прикрывает духовную наготу Пугачева, который сам признается в страсти винопития, проявляет уважение к человеку как к образу Божию. Прощальные слова Пугачева «Спасибо, ваше благородие! Награди вас Господь за вашу добродетель. Век не забуду ваших милостей» [7, 253] — напоминают о благословении Ноя Симу и Иафету, прикрывшим наготу своего отца. Как уже неоднократно было отмечено литературоведами, мотив благословения является определяющим в судьбе Гринева: как благочестивые сыновья ветхозаветного патриарха, он наследует благословение Божие, которое распространяется и на его потомков, благоденствующих, по замечанию Издателя, в Симбирской губернии.

Тема милосердия проходит через всю сюжетную линию Гринева и Пугачева. В сцене взятия Белогорской крепости жестокий бунтовщик «помиловал» офицера вражеского войска, спас от смертной казни, руководствуясь тем же законом милосердия, который когда-то заставил Гринева увидеть в пьяном бродяге брата во Христе: «…я помиловал тебя за твою добродетель, за то, что ты оказал мне услугу, когда принужден я был скрываться от своих недругов» [7, 293].

На однажды проявленное милосердие Пугачев отвечает многократным добром, подчиняясь высшему закону христианской любви — за стакан вина и заячий тулуп дарует жизнь врагу, отказавшемуся присягнуть самозванцу: «Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего… Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — Бог тебе судья; а я сказал тебе правду…» [7, 294]. Несмотря на такую дерзость, Пугачев не меняет своего решения, поднимаясь над ложными законами мира сего, где царят вражда, ненависть и разделение. Только милосердие способно остановить зло, победить тьму вражды и братоубийства.

Метафизика любви, когда офицер-дворянин сотрудничает с безродным самозванцем и преступником, когда сражающиеся насмерть враги в одночасье становятся братьями, когда один надеется на спасение и помощь от другого, пронизывает и третью встречу Пугачева и Гринева: «Ты мой благодетель. Доверши как начал: отпусти меня с бедной сиротою, куда нам Бог путь укажет» [7, 317]. «Внутренний» человек Пугачева с радостью откликается на эту просьбу: «Ин быть по-твоему!.. Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь, и дай вам Бог любовь да совет!» [7, 317].

Воспоминания о милосердии, которое проявил Пугачев, неотступно возвращают «Гринева к мысли о нем, но не как самозванце, не как атамане бунтовщиков, а как о том внутреннем человеке, открытом влиянию добрых сил, не желающему,— как это ни странно,— и в глазах людей быть кровопийцей…» [2]: «Ты видишь, что я не такой еще кровопийца, как говорит обо мне ваша братья» [7, 313].

Сквозь все злодеяния и преступления Пугачева не перестает просвечивать образ Божий, и это побуждает Гринева молиться за своего военного противника, соединяя их в соборном круге милосердия Божия и даруя грешнику надежду на спасение: «А мы, где бы ты ни был и что бы с тобою ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души» [7, 317]. «Молитва за других, болезновать душой за грехи людей и с любовью о них молиться — это жертва, равной которой нет ничего на свете»,— писал прот. Николай Троицкий [4]. По мысли свт. Тихона Задонского, высшая милость и братская любовь заключаются в том, чтобы «брат заблуждающий не погибл, но на путь истины обратился, в покаяние пришел, и тако бы спасение получил» [3]. Известно, что по ходатайству святителя Ти-

хона был отменен смертный приговор участникам Пугачевского восстания, когда многие из них были присланы в г. Воронеж для казни.

Поэтому так важна для обоих героев последняя, четвертая встреча — во время казни бунтовщика: «Из семейственных преданий известно, что он (П. А. Гринев. — *Л. С., Н. С.*) был освобожден от заключения в конце 1774 года, по именному повелению; что он присутствовал при казни Пугачева, который узнал его в толпе и кивнул ему головою, которая через минуту, мертвая и окровавленная, показана была народу» [7, 334]. В этом диалоге без слов, «в беспредельности» предстояния перед судом Божиим, перед тайной жизни и смерти мы видим кульминацию идеи духовного братства. Ссылаясь на слова святителя Иоанна Златоуста «Любовь не отчаивается в любимом; но если и зол будет, продолжает исправлять, промышлять прилежно» (Беседа 33 на первое Послание к коринфянам), святитель Тихон провозглашает: любовь надеется даже там, где нет надежды. Пребывая в любви к ближнему, человек не оставит усилий, чтобы исправить его, даже если тот оказывается непреклонным. Когда исчерпаны, казалось бы, все возможности, человеку остается молиться за ближнего, чтобы Милосердный Господь, «какими Он Сам знает, судьбами обратил заблуждающегося брата» [5]. Гринев не отрекается от погибающего брата во Христе, своим присутствием на казни он подтверждает данное когда-то Пугачеву обещание молиться о спасении его души, дает ему надежду на божественное милосердие и прощение.

Таким образом, идеи братства, соборности, милости и милосердия по отношению не только к ближним, но и к врагам, надежда на прощение грехов, важнейшие в трудах свт. Тихона Задонского, находят отражение в тексте повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и позволяют считать ее «одним из самых христианских произведений в мировой литературе» [2].

Тема милости является религиозно-нравственным императивом и в романе М. А. Шолохова «Тихий Дон». Революция и гражданская война стали результатом духовной смуты, ослабления веры, утраты соборного согласия в понимании добра и зла, христианского духа любви и милосердия. Изображая противостояние белых и красных, описывая кровавые преступления, которые творились с обеих сторон, М. А. Шолохов показывает процесс расчеловечивания человека, утратившего страх Божий, ослепленного ненавистью и жаждой мщения. В кровавом хаосе смуты и безвременья оказались подорваны исконные начала русской души с ее отзывчивостью, жалостью, состраданием ближнему в его бедах и горестях, милостью к побежденному, безоружному врагу. Освободившись от сдерживающих начал христианской нравственности, человек превратился в средоточие разрушительных и гибельных страстей.

События начала XX века разрушили атмосферу товарищества, дружбы, взаимопомощи, которая царила в большой и крепкой семье тихого Дона. Чувство братства, духовного родства казаков уступило место классовой ненависти, разделению народа на «своих» и «врагов», ожесточенному истреблению друг друга. Между тем еще свт. Тихон Задонский предупреждал: «Общее благополучие от взаимной любви процветает. О, сколь благополучную имели бы жизнь все, если бы взаимно друг друга любили! Не было бы тогда браней и такого ужасного и воистину плача достойного кровопролития. Не было бы так много в одно время вдов, плачущих по своим мужам, сирот, плачущих по своим отцам, отцов и матерей, плачущих по своим детям, которых столь много в короткое время оружие бранное поражает, ибо ссора и брань есть знак разорванной любви» [8].

Этот глубинный смысл трагического конфликта эпохи выходит на первый план в сцене казни Петра Мелехова. Шолохов подчеркивает, что убийство Петра совершается не просто его однохуторянами, в нем участвует кум Мелехова Иван Алексеевич Котляров. К нему, а не к Мишке Кошевому обращается Петро с мольбой о пощаде, трижды напоминая ему о том, что они соединены узами высшего, духовного родства в Таинстве Крещения: «Кум… Кум Иван, ты моего дитя крестил… Кум, не казните меня!» [12, III, 185]. Но Иван Алексеевич, в котором идет сложная внутренняя борьба между традиционным христианским гуманизмом, основанном на любви, сочувствии, братской взаимопомощи, и новой правдой революционной эпохи, требовавшей от человека подавить в себе жалость и сострадание к ближнему, отвечает молчанием. С утратой глубинного мировоззренческого, религиозно-нравственного единства русского общества оказались порваны не только социальные и кровнородственные связи между людьми. В гражданской войне, в которой, по определению Кошевого, «сватов, братов нету» [12, III, 138], духовное родство подменялось классовой солидарностью. Иван Алексеевич, участвуя в казни Петра, своего брата во Христе, совершает неслыханное преступление, соединяющее грехи Каина и Иуды. Отречение Котлярова, за которым скрывается глубинный христианский смысл, отсылающий нас к главе «Я не твой брат» из труда свт. Тихона Задонского «Сокровище духовное», порождает цепь новых преступлений, способствует непрерывному возрастанию зла в мире: «опаляемый слепой ненавистью», будет мстить за брата Григорий; «изощряясь в самых жесточайших пытках», будут издеваться над пленными сердобцами родственники казаков, погибших в бою вместе с Петром; задыхаясь от лютой злобы, выстрелит в своего кума старшая мелеховская сноха, Дарья. Об этом духовном законе напоминает свт. Тихон: «Как огонь огнем не гасится, так гнев гневом не побеждается, но еще

больше разжигается. Отсюда восстают ссоры, брани, драки, кровопролития, убийства и прочее зло» [8].

Но победа злого, жестокого, дьявольского начала в человеке не была окончательной. Смута, которая была послана русскому народу как искушение, как мученический венец, показала, что как ни старались богоборцы, они так и не сумели вытравить из народной души христианских ценностей любви, служения ближнему: «И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей» (Мф. 10:42). Этот Евангельский идеал жертвенности и сострадания буквально осуществляется на страницах «Тихого Дона»: «хмурясь от жалости», выполняет свой христианский долг вступившийся за пленных сердобцев старик-конвоир, напоивший измученных, жаждущих красноармейцев холодной ключевой водой из степного колодца [12, III, 301].

Разливу жестокости и насилия народ противопоставил сдерживающее и скрепляющее начало традиционной нравственности, христианский идеал милости («Блаженны милостивые; ибо они помилованы будут» — Мф. 5:7). В связи с этим важным оказывается ценностное разграничение понятий Закона и Благодати. Эта универсальная для русской ментальности оппозиция проходит через всю тысячелетнюю историю русской словесности и в значительной степени определяет духовное своеобразие русской культуры в целом.

Два полюса духовности и два типа ценностной ориентации человека манифестированы в двух зеркальных сценах романа — разговор Мишки Кошевого с Прохором Зыковым, а затем с Григорием Мелеховым. Кошевой требует ответа перед законом («…должен человек всегда отвечать за свои дела… за службу в белых надо отвечать перед советским законом» [12, IV, 291]), отвергая Евангельский идеал прощения и милосердия, о котором напоминают ему Прохор и Дуняшка: «Об старом забывать надо» [12, IV, 290]; «…кто старое вспомянет, тому, говорят, глаз вон» [12, IV, 290]. Эта позиция, глубоко укорененная в недрах народного сознания, нашла отражение в пословицах и поговорках русского народа: «Бог прощал и нам велел» и др. Апелляция к традиционным началам казачьей нравственности, проверенным тысячелетним опытом народной жизни, придает словам Прохора и Дуняшки хоровое звучание. Кошевой судит с позиций наличной действительности человеческого существования, отраженной в законе, требующей «оправдания в сем мире», в то время как Дуняшка предлагает другую точку отсчета: не «снизу», не от условий «действительности» падшего мира, пусть и упорядочиваемой «законом», а «сверху», со стороны идеала — высокого призвания человека, «благодати и истины», явленной человеку Христом [6, 151], предполагающей надежду и веру в любого человека, хотя бы и живущего вне закона, потенциальную возможность покаяния, пока этот человек жив, а следовательно, прощения и милосердия.

Столкновение двух жизненных позиций представлено и в эпизоде встречи Михаила с Григорием. Если Мелехов идет навстречу Кошевому с открытым сердцем, с улыбкой, сокровенными думами (Григорий «хотел обнять Михаила» [12, IV, 314] — жест примирения, восстановления родственных связей), то Кошевой встречает его с холодной неприязнью, отчуждением, язвительной насмешкой и даже злобой. Кошевой не только против евангельского всепрощения, но настаивает на кровном отмщении: «За старые долги надобно платить сполна!» [12, IV, 323]. Позиция Мелехова оказывается близка позиции Ильиничны: «Ты брата Петра убил, а я тебе что-то об этом не напоминаю…» [12, IV, 322], подкреплена традиционной этикой, понятиями о долге, милосердии, прощении. Он готов забыть старые обиды («Ежли все помнить — волками надо жить» [12, IV, 322]), переступить через кровь, простить своего личного врага.

А. А. Ильин утверждает, что «светское правосудие строится на споре и диалоге омраченных грехом людей, просьба о милости предполагает раскаяние в грехах, смиренное сознание собственных преступных немощей, оставление всем должникам, надежду на собственное прощение людьми и Богом» [1, 16–17]. Но именно в этом отказывает Григорию Кошевой, который «сроду… не стеснялся об врагов руки поганить и зараз не сморгнет при нужде» [12, IV, 322].

Основа христианской любви кроется, по словам свт. Тихона Задонского, в прощении и милосердии к ближнему, в отказе от мести, ибо только так можно остановить ненависть и злобу. «Если бы все друг другу мстили, общество бы стоять не могло, ибо все бы друг друга погубили,— предупреждает святой.— Ибо от взаимной вражды следует взаимная злоба и мщение, а от мщения — взаимная погибель» [8]. Свт. Тихон призывает удерживать свое сердце от гнева, угашать его «духом кротости и человеколюбия», напоминая о важности прощения: «”Если вы будете прощать…,— говорит Христос,— людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный” (Мф. 6:14). Напротив, закрывается дверь к получению милосердия Божия и прощения своих согрешений для того, кто ближнему согрешений не оставляет, как Христос, Господь наш, явно об этом говорит: “Если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших” (Мф. 6:15)» [8].

Даже во время разгула святотатства, безбожия и богоборчества в народе сохранялась эта истина. Поэтому, прощаясь с умирающим Стерлядниковым, Чумаков обращается к другу: «Василий! Прощай и прости меня и всех нас, ради Христа! На том свете сойдемся, и нас там рассудят…» [12, IV, 407]. Даже в жестоком палаче, у которого «не сердце, железяка заместо него», просыпается жалость, состра-

дание, чувство вины всех за вся. Убийство товарища осознается им как грех, поэтому Чумаков просит прощения, ожидая Высшего Суда и надеясь на милосердие Божие.

Высшей степенью милосердия является любовь к врагам. Восхождение на этот уровень позволяет христианину «не только любящих любить, но и ненавидящих; не только благотворящих благодарить, но и творящих зло; не только благословляющих, но и проклинающих благословлять; не только молиться за делающих добро, но и за творящих напасть и изгоняющих (см. Мф. 5:44)» [8].

Шолохов приводит множество примеров прощения врага. Испытывая «щемящую материнскую жалость» [12, IV, 279], прощает Ильинична ненавистного ей Кошевого, убийцу своего сына, и принимает его в свою семью. Отказывается от мщения за брата Григорий, который бешено скачет в Татарский, чтобы спасти Ивана Алексеевича и Кошевого от смерти: «Кровь легла промеж нас, но ить не чужие ж мы?!» [12, III, 288].

Показателен в этом отношении эпизод спасения Мелеховым Степана Астахова — кровного врага, который поклялся отомстить Григорию и в бою трижды пытался убить его. В герое побеждает христианское начало его души, он оказывается способен на высокое самоотречение и самопожертвование, следуя евангельской заповеди о любви к врагам, исполнение которой делает человека «сыном Божиим по благодати». «Подчиняясь сердцу», движимый живым нравственным чувством, уступает Мелехов своего коня раненому Степану, поднимается над ненавистью и враждой, испытывая при этом духовную радость, рожденную сопричастностью Высшему Началу: «…Григорий увидел, как Степан спрыгнул с убитого под ним верного коня и закружился волчком. Григорий, обожженный внезапной и радостной решимостью, с трудом удержал коня и, когда последняя сотня… промчалась мимо, подскакал к нему, крикнул:

— Хватайся за стремя!» [12, II, 44].

Особенно пронзительно чувство жалости к врагу звучит в сцене, когда Григорий видит Степана, в отчаянии рвущего на себе казачьи шаровары ради спасения собственной жизни. И в момент духовного озарения Григорию становится ясно: нет больше правды и милости, чем помощь брату-казаку. В этой сцене Мелехов одерживает высшую победу: «Ибо так человек самого себя побеждает, и эта победа — преславная и более славная, нежели города и государства побеждать… Знатная победа — добром зло побеждать! Преславное торжество — над самим собой торжествовать! Благоприятное зрелище — ненавидящих любовью обнимать, делающим зло благотворить!» [8]. Своим поступком Григорий и Степана удерживает от смертного греха — убийства, оказывая тем самым духовную милость ближнему, спасая душу своего врага.

Вслед за свт. Тихоном Задонским М. А. Шолохов всем ходом своего повествования утверждает, что только милосердие, отказ от мести, прощение и смирение способны остановить братоубийственную войну, восстановить соборное единство народа. Эта мысль, проведенная по многим голосам романа, постепенно становится всеобщей, образуя хоровое звучание. В этот хор включен и главный герой романа — Григорий Мелехов, который после долгих метаний и сомнений приходит к пониманию Высшей Истины, о которой говорили и дед Гришака («Поднявший меч бранный от меча да погибнет… Ты… людей на смерть водишь, супротив власти поднял. Грех великий примаешь… Бог — Он вам Свою стезю укажет» [12, III, 252]), и Ильинична («Ты Бога-то… Бога, сынок, не забывай!..» [12, III, 281]), и Дуняшка («Ну, кончили воевать, чего им зараз-то делить? Хоть бы образумил их Господь!» [12, IV, 314]), и старик Чумаков («Бог — милостивец, Он все видит, Он вам все это не простит, попомни мое слово! Ну, мыслимое ли это дело: русские, православные люди сцепились между собой, и удержу нету… Я стариковским умом так сужу: пора кончать!» [12, IV, 374]), и другие персонажи романа.

Возвращаясь домой до амнистии, отказываясь утверждать «справедливый» социальный порядок на путях мести и насилия, Мелехов становится на путь Богосыновства, истинной христианской любви, которая в каждом, даже во враге, видит брата во Христе, ибо «не близость крови и плоти, а союз любви и милосердия делает нас ближними» [8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин А. А. Русская литература в контексте отечественных православных традиций / А. А. Ильин.— Ярославль: Яросл. епарх. ведомости, 2000.— 98 с.

2. Катасонов В. Н. Хождение по водам: Религиозно-нравственный смысл повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» / В. Н. Катасонов.— Калуга: Изд-во Н. Ф. Бочкаревой, 1999.— Режим доступа: https://katasonov-vn.narod.ru/statji/razdel4/4–1_v.n.katasonov_khozhdenie_po_vodam.htm (дата обращения: 12.05.2024 г.).

3. Милосердие // Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского.— М.: Самшит-Издат, 2003.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo-sokolova/142#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).

4. Милосердие.— Режим доступа: https://azbyka.ru/miloserdie (дата обращения: 12.05.2024 г.).

5. Милость // Иоанн (Маслов), схиархимандрит. Симфония по творениям святителя Тихона Задонского.— М.: «Самшит-Издат», 2003.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Maslov/simfonija-po-tvorenijam-svjatitelja-tihona-zadonskogo-sokolova/142#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).

6. Непомнящий В. С. Пушкин. Русская картина мира / В. С. Непомнящий.— М.: Наследие, 1999.— 544 с.

7. Пушкин А. С. Капитанская дочка / А. С. Пушкин // Собрание сочинений: В 10 т.— Т. 5.— М.: Художественная литература, 1975.— 576 с.

8. Тихон Задонский, святитель. Об истинном христианстве. Книга 1 // Собрание творений: В 5 т.— Т. 3.— М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2009.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/ob_istinnom_hristianstve_kniga1/2_3_11#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).

9. Тихон Задонский, святитель. Плоть и дух // Собрание творений: В 5 т.— Т. 1.— М.: Изд-во Сестричества во имя свт. Игнатия Ставропольского, 2008.— 800 с.

10. Тихон Задонский, святитель. Рукописи сочинений. НИОР РГБ. Ф. 609. К. 1. Ед. 4. Л. 60.

11. Тихон Задонский, святитель. Сокровище духовное, от мира собираемое.— Издательство Задонского мужского монастыря, 2006.— Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Tihon_Zadonskij/sokrovische_duhovnoe/#source (дата обращения: 12.05.2024 г.).

12. Шолохов М. А. Тихий Дон. Роман в четырех книгах. Том I // Шолохов М. А. Собрание сочинений. В 8 т. / Сост. М. Манохиной.— М.: Художественная литература, 1985. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

Сатарова Л. Г., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы

Стюфляева Н. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

E-mail: stuf77@mail.ru

Lipetsk State Pedagogical University named after P. Semenov-Tyan-Shansky

Satarova L. G., Doctor of Philology, Professor of the Russian Language and Literature Department

Styuflyaeva N. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department

E-mail: stuf77@mail.ru

УДК 801.3:882

ПУШКИН В РЕЦЕПЦИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

С. А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

Поступила в редакцию 10 января 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматривается восприятие феномена А. С. Пушкина не только самим Ф. М. Достоевским, но и его героями. Отмечается, что отношением к поэту и его произведениям проверяется истинная сущность человека, его способность быть носителем русского национального духа.*
Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский, А. С. Пушкин, рецепция, ономастические параллели.*

Abstract: *the article examines the perception of the phenomenon of A. S. Pushkin not only by F. M. Dostoevsky himself, but also by his characters. It is noted that the attitude towards the poet and his works verifies the true essence of a person, his ability to be a bearer of the Russian national spirit.*
Keywords: *Dostoevsky, Pushkin, reception, onomastic parallels.*

Свою речь, произнесенную во время открытия памятника А. С. Пушкину, Ф. М. Достоевский завершил словами: «Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем» [1, т. 26, с. 149]. Для Ф. М. Достоевского А. С. Пушкин — это пророк, раскрывший в своих произведениях горизонты русской культуры, унаследовавшей образы русского фольклора и русского классицизма, и способствовавший преодолению раскола русского народа: «в Пушкине <…> есть именно что-то сроднившееся с народом взаправду, доходящее в нем почти до какого-то простодушнейшего умиления» [1, т. 26, с. 144].

А. М. Достоевский, младший брат писателя, вспоминал о том, как Федор Михайлович воспринял известие о гибели поэта, полученное спустя некоторое время после свершившегося факта, что, вероятно, обусловлено семейным горем Достоевских, связанным со смертью Марии Федоровны Достоевской: «Не знаю, вследствие каких причин известие о смерти Пушкина дошло до нашего семейства уже после похорон маменьки. <…> Брат Федор в разговорах с старшим братом несколько раз повторял, что ежели бы у нас не было семейного траура, то он просил бы позволения отца носить траур по Пушкине» [2, с. 95].

По мнению Д. С. Мережковского, Ф. М. Достоевский «любит Пушкина, как самое недостижимое, самое противоположное своей природе, как смертельно больной — здоровье,— любит и уж более не стремится к нему» [3].

Интересно, что Л. Н. Толстой, прочитав «Записки из Мертвого дома», поставил Ф. М. Достоевского в один ряд с Пушкиным. В письме к Н. Н. Страхову Л. Н. Толстой сообщает: «На днях нездоровилось, и я читал «Мертвый дом». Я много забыл, перечитал и не знаю лучше книги изо всей новой литературы, включая Пушкина» [4]. Ф. М. Достоевский был рад такому отзыву, оставил у себя письмо, но увидел в словах Л. Н. Толстого «непочтение к Пушкину» [5].

Практически почти в каждом сочинении Ф. М. Достоевский обращается к пушкинскому слову, которое по-разному вводится в художественный текст: в виде названий произведений поэта или цитат из них, в виде эпиграфа, аллюзий, персонажей, имена которых совпадают с именем пушкинских героев, а соответственно, создается и проекция образа.

А. С. Пушкин упоминается уже в первом романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди»: Варенька Доброселова тратит на покупку сочинений поэта, оказавшего огромное влияние на ее нравственное развитие, деньги, заработанные рукоделием и отложенные на новое платье, и данная авторская ремарка свидетельствует о жизненных приоритетах героини — духовное для нее важнее материального. В связи с этим интересна двусмысленная фраза героини: «Тотчас я послала нашу кухарку, старуху Матрену, узнать, что стоит весь Пушкин» [1, т. 1, с. 40], рассчитанная на внимательного читателя, который понимает, что для Вареньки Доброселовой Пушкин бесценен. Собрание сочинений Пушкина становится олицетворением любви к студенту Покровскому.

Книгу Пушкина дает Варенька Доброселова Макару Девушкину и советует бережно с ней обращаться, отмечая, что книга чужая: «не запачкайте и не задержите» [1, т. 1, с. 55]. Эмблематичен выбор произведения А. С. Пушкина: Макар Алексеевич читает повесть «Станционный смотритель», где «вся-то жизнь твоя как по пальцам разложена», и отмечает: «это вот всё около меня живет» [1, т. 1, с. 59]. В сознании Макара

© Скуридина С. А., 2024

Девушкина Самсон Вырин превращается в чиновника Горшкова, фамилия которого в тексте романа выделена курсивом: «ведь он, может быть, такой же Самсон Вырин, только у него другая фамилия, *Горшков*» [1, т. 1, с. 59]. Графический акцент на фамилии *Горшков* сделан Ф. М. Достоевским с целью привлечения читательского внимания к проблеме маленького человека посредством введения семантически маркированного антропонима, который образован от апеллятива *горшок*, входящего в паремию со значением безразличного отношения к человеку: *Хоть горшком назови, только в печь не станови* [6, т. 1, с. 383].

По мнению В. А. Берсеневой, рассматривающей рецепцию «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе «Бедные люди», «пушкинский контекст подсвечивает душевную эволюцию Макара Девушкина» [7].

В повести «Двойник» Голядкин ставит Пушкина на одну ступень с Гомером: «О, если бы я был поэт! — разумеется, по крайней мере, такой, как Гомер или Пушкин» [1, т. 1, с. 128]. Таким же образом, в этой повести Ф. М. Достоевский обращается к теме поэта-прорицателя (как известно, Гомер — это символ поэта-сказителя, который, несмотря на слепоту, обладает божественной проницательностью), которую впоследствии обозначит в пушкинской речи.

Ярослав Ильич в повести «Хозяйка» сообщает Ордынову: «Я много читал без вас <…> Я прочел всего Пушкина…» [1, т. 1, с. 284]. Авторитетность Пушкина наблюдается и в другой фразе Ярослава Ильича, рассказывающего о сверхъестественных способностях Мурина: «Сам Пушкин упоминает о чем-то подобном в своих сочинениях» [1, т. 1, с. 287]. Как видим, имя Пушкина становится для Ярослава Ильича показателем эрудированности и зрелости мировоззрения, а также критерием проверки истинности суждений. Но в конце повести Ярослав Ильич предстает перед Ордыновым другим человеком, и симптомом произошедшей метаморфозы является отношение к Пушкину: «мимоходом, даже более чем с равнодушием, не преминул отозваться о Пушкине» [1, т. 1, с. 320], и далее следует ироничное замечание автора: «Одним словом, Ярослав Ильич поумнел» [1, т. 1, с. 320].

В повести «Дядюшкин сон» имя Пушкин не упоминается, но многие исследователи отмечают параллели, например с романом «Евгений Онегин», главная героиня которого частично воспроизводится в образе Зинаиды Москалевой. Другой намек на творчество А. С. Пушкина заключен в образе князя К., одним из прототипов которого мог стать граф Нулин.

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф. М. Достоевский, обращаясь к Пушкину, предвосхищает главный вопрос современных научных исследований, посвященных поиску автобиографических мотивов в художественном творчестве разных писателей и поэтов,— «что считать событием биографии»: «Ведь грустно и смешно в самом деле подумать, что не было б Арины Родионовны, няньки Пушкина, так, может быть, и не было б у нас Пушкина» [7]. Различные жизненные импульсы: воспоминания о каких-то, казалось бы, незначительных фактах, детские мечты и желания, увиденное однажды во сне, случайные знакомства и важные встречи, семейные традиции — все это визуализируется, переосмысляется, преобразуется в творческом процессе, оформляясь в художественный текст.

Встречается пушкинское слово и в «Записках из Мертвого дома»: «Проявлялось что-то вроде дружества. <…> между арестантами почти совсем не замечалось дружества, не говорю общего,— это уж подавно,— а так, частного <…>. Этого почти совсем у нас не было, и это замечательная черта: так не бывает на воле» [2, IV, с. 107]. Лексема «дружество» явно отсылает читателя к стихотворению А. С. Пушкина «Во глубине сибирских руд…».

В романе «Преступление и наказание» о Пушкине, обсуждая проблему уборки помойных ям, вспоминает Андрей Семенович Лебезятников и уверяет, что эта работа «стоит всякой другой, и уже гораздо выше, например, деятельности какого-нибудь Рафаэля или Пушкина, потому что полезнее!» [1, т. 6, с. 285]. Несомненно, что данный диалог является ключевым для понимания авторского отношения к Лебезятникову, в связи с тем, что обозначенное в нем уничижительное отношение к А. С. Пушкину диссонирует с мнением рассказчика, в данном случае выступающего рупором авторских идей, обозначенном в начале романа: сны «и не выдумать наяву этому же самому сновидцу, будь он такой же художник, как Пушкин или Тургенев» [1, т. 6, с. 46]. Лебезятников транслирует мысли молодых радикалов, современников Ф. М. Достоевского, представлявших А. С. Пушкина как легкого светского поэта, творчество которого малозначимо для русской культуры. Вводя в свои произведения цитаты из текстов поэта, Ф. М. Достоевский вступает в полемику с целью продемонстрировать истинную ценность пушкинских идей для развития русского общества.

Большинство исследователей рассматривает роман «Преступление и наказание» как один из вариантов переосмысления повести «Пиковая дама» (к другим вариантам можно отнести романы «Игрок» и «Подросток», а также, по предположению Е. Г. Николаевой, роман «Бесы» [9]) и поэму «Медный всадник» А. С. Пушкина. Слова Разумихина, обращенные к Раскольникову после его четырехдневного беспамятства: «Не беспокойся: о графине ничего не было сказано» [1, т. 6, с. 98], очевидно. отсылают читателя к тексту «Пиковой дамы», а вопрос Раскольникова: «тварь ли я дрожащая или право имею?» [1, т. 6, с. 322],— восходят к строфе из «Евгения Онегина»:

Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно…

Показательно, что компаньонками графини в «Пиковой даме» и старухи-процентщицы в «Преступлении и наказании» являются две героини с одинаковым именем-отчеством — *Лизавета Ивановна.*

В романе «Идиот» Аглая вдохновенно и восторженно читает пушкинскую балладу «Жил на свете рыцарь бедный…» и откровенно возмущается вопросом матери о ее авторстве: «Пушкина, maman, не стыдите нас, это совестно!» [1, т. 8, с. 210]. При внимательном прочтении можно увидеть совпадения эпизодов жизни князя Мышкина и жизни пушкинского «рыцаря бедного»: Швейцария становится страной, где на обоих нисходит озарение, связанное с образом женщины — в балладе А. С. Пушкина это Мария, в романе Ф. М. Достоевского — Мари. Поэт говорит о верности «рыцаря бедного» сладостной мечте, в романе же после прочтения пушкинской баллады появляется Вера Лебедева (обратим внимание на символичность имени героини), в руках которой полное собрание сочинений А. С. Пушкина. Позднее, в 1880 году, в «Дневнике писателя», рассуждая о силе воздействия произведений поэта на русское общество, Ф. М. Достоевский запишет следующее: «Уверуйте в дух народный и от него единого ждите спасения и будете спасены» [1, т. 26, с. 130].

Лизавета Прокофьевна Епанчина велит принести ей Пушкина, а выяснив, что есть только «два какие-то растрепанные тома», приказывает «тотчас же послать купить в город, Федора иль Алексея, с первым поездом» [1, т. 8, с. 210]. Как указывает О. В. Леушина, Ф. М. Достоевский, включая текст пушкинской баллады, проводит «христологическую мысль (характерную для обоих авторов) о безграничной вере в идеал, в «положительно прекрасное» [10]. Князь Мышкин читает Пушкина с Парфеном Рогожиным, и это является знаком одного порядка, что и обмен крестами: «я только в Москве, с Рогожиным, говорил откровенно… Мы с ним Пушкина читали, всего прочли; он ничего не знал, даже имени Пушкина…» [1, т. 8, 184]. Совместное прочтение сочинений Пушкина является символом единения душ, символом братского доверия друг к другу.

Два четверостишия из пушкинского стихотворения «Бесы» являются эпиграфом к одноименному роману Ф. М. Достоевского и готовят читателя к восприятию романа о человечестве, потерявшем свой путь.

Колю Красоткина, позиционирующего себя зрелым человеком, Алеша Карамазов выводит на чистую воду вопросом: «Ну скажите, а Пушкина-то вы читали, «Онегина»-то… Вот вы сейчас говорили о Татьяне?» [1, т. 14, с. 501]. Человек, не прочитавший Пушкина или не осознавший его вклада в развитие русской культуры, по Достоевскому, не состоялся, во-первых, как личность, а во-вторых, как истинно русский человек: «Не понимать русскому Пушкина значит не иметь права называться русским» [1, т. 26, с. 114].

Как видим, А. С. Пушкин для Ф. М. Достоевского — олицетворение настоящего русского человека. Персонажи Ф. М. Достоевского проверяются именем Пушкина: если мы видим презрительное отношение героя к великому поэту, значит, он не входит в число тех персонажей, которые выражают авторскую точку зрения, значит, к этому действующему лицу нужно повнимательнее присмотреться, чтобы выяснить, состоялся ли он как настоящий человек.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 т.— Л.: Наука, 1972–1988.
2. Достоевский А. М. Из «Воспоминаний» / А. М. Достоевский // Достоевский в воспоминаниях современников.— В 2 т.— Т. 1.— М.: Худ. лит., 1990.— С. 29–163, с. 95.
3. Мережковский Д. С. Пушкин / Д. С. Мережковский.— Режим доступа: https://ilibrary.ru/text/1004/p.4/index.html (дата обращения — 21.01.2024).
4. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений:– в 90 т. / Л. Н. Толстой.— Т. 63.— Письма, 1880–1886.— М.: Худ. лит., 1934.— С. 24.
5. Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894. Изд. Об-ва Толстовского музея.— СПб., 1914.— С. 259.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль.— М.: Терра, 1995.
7. Берсенева В. А. Рецепция «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» А. С. Пушкина в романе Ф. М. Достоевского «Бедные люди» / В. А. Берсенева // Вестник Томского государственного университета.— 2018.— № 431.— С. 12–18.
8. Касаткина Т. А. Что считать событием биографии? / Т. А. Касаткина // Вопросы литературы.— 2016.— № 2.— С. 51.
9. Николаева Е. Г. «Бесы» Ф. М. Достоевского: несколько заметок о связи романа с «Пиковой дамой А. С. Пушкина» / Е. Г. Николаева // Вестник КемГУ.— 2012.— № 4(52).— Т. 4.— С. 75–78.
10. Леушина В. О. Роль Баллады А. С. Пушкина «Жил на свете рыцарь бедный…» в поэтике романа Ф. М. Достоевского «Идиот» / В. О. Леушина // Наука о человеке: гуманитарные исследования.— 2017.— № 2(28).— С. 20–26.

Воронежский государственный технический университет

Скуридина С. А., доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского зыка и межкультурной коммуникации

E-mail: saskuridina@yandex.ru

Voronezh State Technical University

Skuridina S. A., Doctor of Philology, associate professor, department chairman, the chair of Russian language and cross-cultural communication

E-mail: saskuridina@ya.ru

УДК 821.621.1

«ТЕКСТ РУКОДЕЛИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. ПУШКИНА И ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (А. БЛОКА, М. ВОЛОШИНА, Д. МЕРЕЖКОВСКОГО, Ф. СОЛОГУБА): СУДЬБА — ИСКУССТВО — ИСТОРИЯ

Г. А. Шпилевая, В. А. Бондаренко, Е. А. Толчеева

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 6 февраля 2024 г.

Аннотация*: в данной статье рассматривается «текст рукоделия», представленный в творчестве А. С. Пушкина и поэтов Серебряного века. Показано, что в авторских художественных произведениях (а также в мифах и фольклоре) указанный прием предшествует изменениям в судьбе персонажей. Однако, кроме событий частной жизни, таким образом маркируются и важные социальные перемены. Если рассматривать эволюцию «текста рукоделия», то в произведениях авторов начала XX века намечается трагический контекст, отражающий исторические реалии.*
Ключевые слова: *рукоделие, интертекст, творческий процесс, судьба, искусство, лирический сюжет.*

Abstract*: this article examines the ''text of needlework'' presented in the works of A. Pushkin and the poets of the Silver Age. It is shown that this technique precedes changes in the fate of the characters in the author's works of fictions (as well as in myths and folklore). However, in addition to the events of private life, important social changes are also marked in this way. If we consider the evolution of the ''text of needlework'', then in the works of the authors of the early 20th century, there is a tragic context that reflects historical realities.*
Keywords: *needlework, intertext, creative process, fate, art, lyrical plot.*

«Текст рукоделия» достаточно обширен как в мифологии и фольклоре, так и в авторских произведениях. Согласно одному из апокрифов, сидя за прялкой, Дева Мария увидела ангела, который принес ей *благую* весть. Также Дева Мария выткала завесу из пурпура для Иерусалимского храма. Ткала покрывало Пенелопа, вышивала рушники Марья-искусница, Царевна-лягушка «руководила» изготовлением «мамками-няньками» ковра для царя.

Рукоделием занимались и царственные персоны более поздних авторских художественных произведений, например, вышивала скрибовская «уступчивая» королева Анна («Стакан воды, или Следствия и причины»). Пряла гетевская Гретхен в «Фаусте» (по крайней мере, она сидела «за прялкой»). В «Анне Карениной» Л. Н. Толстого героини неоднократно прибегают к рукоделию. В «тяжелые минуты» бралась «за одеяло» (за изготовление одеяла) Долли, «недружелюбным взглядом» смотрела на свое вязание Анна Каренина, «решительно» вяжет перед родами Кити. Часто возвращается к образу рукоделия Ф. М. Достоевский в романе «Бедные люди», где героиня готовится к свадьбе, и это нерадостное для нее событие представлено через детали, относящиеся к изготовлению наряда невесты.

Очевидно, что во всех приведенных примерах (их список, разумеется, неполон) раскрывается характер персонажей, их состояние в определенный момент жизни, а также прогнозируется их судьба и, соответственно, очередной сюжетный «шаг». Таким образом, рукоделие является *знаком* (наряду с другими знаками), указывающим на ключевые моменты в развитии характеров и конфликта произведения.

А. С. Пушкин также довольно часто вводит в ткань своих произведений образ «рукоделия», «ручной работы». Начнем с того, что Пушкин не раз обращается к образу Парки (как известно, их три: Клото прядет нить жизни, Лахесис проводит ее через препоны судьбы, Антропос (неотвратимая) обрывает нить жизни). Впервые — в 1814 г. в «Опытности»: «И покамест жизни нить / Старой Паркой там прядется… ») [5, т. 1, 50]; в 1827 г.— в наброске («Если звание любителя отечественной литературы…»): «…надеюсь быть полезен любезным моим соотечественникам, пока неумолимые парки прядут еще нить жизни, как говорит г. Филимонов в одном трогательном газетном объявлении о поступившей в продажу книжке своего сочинения» [5, т. 7, 69]; затем — в «Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы» (1830): «Парки бабье лепетанье, / Спящей ночи трепетанье, / Жизни мышья беготня… / Что тревожишь ты меня?» [5, т. 3, 198]. Наконец, в 1835 г.— в «Оде» LVI («Из Анакреона»): «Сладкой жизни мне немного / Провожать осталось дней: / Парка счет ведет им строго, / Тартар тени ждет моей…» [5, т. 3, 326]. Приведенные строки подчеркивают актуальность образа Парок для Пушкина.

© Шпилевая Г. А., Бондаренко В. А., Толчеева Е. А., 2024

Можно привести еще ряд примеров, когда Пушкин вводит образ «рукоделия» при изображении *бега времени.* Так, прядет пушкинская няня в стихотворении «Зимний вечер»: «Или дремлешь под жужжаньем / Своего веретена» [5, т. 2, 291]. Эта же героиня в стихотворении «Няне» вяжет: «И медлят поминутно спицы / В твоих наморщенных руках…» [5, т. 2, 355].

Иногда пушкинские персонажи готовят для себя новую одежду, что предсказывает скорые перемены в их судьбе. Шьет себе платье Дуня перед приездом Минского — «…однажды, в зимний вечер, когда смотритель разлиневывал новую книгу, а дочь его за перегородкой шила себе платье, тройка подъехала…» [5, т. 6, 135]. Л. В. Гайворонская отмечает, что «героиня повести «шила себе платье» в канун пятницы, когда приехал гусар. Свою работу Дуня не бросает и на следующий день (в пятницу!), как будто торопясь во что бы то ни стало закончить новое платье (может статься, для новой жизни) и невольно приготовляя этим действом свое превращение из простой бедной девушки в "прекрасную барыню"» [2, 263].

Параскева Пятница — как известно, чтимая святая, покровительница женщин, помогающая им вести домашние дела: шить, вязать и пр. Л. В. Гайворонская видит сходство Дуни и Параши («Домик в Коломне»), т.к. последняя умела «шить и плесть» (в отличие от Мавры, которая (который) «шить сядет — не умеет взять иголку»). Параша (ср. ее имя с именем Параскевы Пятницы) из «Домика в Коломне» не только умела «плесть» в прямом смысле слова. Она также была мастерица ««плести интриги» (что актуально и для семантики «судьбы», и для сюжета поэмы, любовная интрига в котором занимает центральное место)» [2, 263]. Мать Параши связывает ожидаемое ею воровство со стороны Мавруши, отказавшейся идти в церковь по известной причине, с новостью, с «обновкой»: «Не вздумала ль она нас обокрасть / Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой / Для праздника! Ахти, какая страсть!» [5, т. 4, 334]. «Старушка обмирает от мнимой возможности лишиться сокровищ — нарядов» [2, 264], и опять повороты судьбы у Пушкина связаны с обновлением гардероба, хотя в данном случае, конечно, иносказательно.

«Вся девичья» шьет Лизе («Барышня-крестьянка») рубашку и сарафан, а пастух Трофим плетет ей лапти перед встречей с Алексеем: «На другой же день приступила она к исполнению своего плана, послала купить на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок, с помощью Насти скроила себе рубашку и сарафан»; «Трофим, проходя перед Настей, отдал ей маленькие пестрые лапти и получил от нее полтину в награждение» [5, т. 6, 152].

В «Пиковой даме» Лизавета Ивановна работает «в пяльцах» (и об этом говорится неоднократно, что указывает на важность действия) перед тем, как в ее жизни произойдет значительное событие, а в произведении завершится завязка сюжета: «У окошка сидела за пяльцами барышня…» [5, т. 6, 324]; «Вскоре на одной стороне улицы из-за угольного дома показался молодой офицер. Румянец покрыл ее щеки: она принялась опять за работу, и наклонила голову над самой канвою»; «Лизанька встала из-за пяльцев и стала убирать свою работу» [5, т. 6, 326]; «…однажды Лизавета Ивановна, сидя под окошком за пяльцами, нечаянно взглянула на улицу и увидела молодого инженера, стоящего неподвижно и устремившего глаза к ее окошку» [5, т. 6, 329]; «Она встала, начала убирать свои пяльцы и взглянув нечаянно на улицу, опять увидела офицера» [5, т. 6, 329–330]; «Сидя на своем месте за работой, она чувствовала его приближение,— подымала голову, смотрела на него с каждым днем долее и долее» [5, т. 6, 330]; «На другой день, увидя идущего Германна, Лизавета Ивановна встала из-за пяльцев, вышла в залу, отворила форточку и бросила письмо на улицу…» [5, т. 6, 334]. Создается впечатление, что пяльцы служат до определенного момента защитой, границей (очерченным кр*у*гом), отделявшей Лизавету Ивановну от роковых обстоятельств. Они в данном случае — залог покоя (статичности), знак вынужденного, но «безопасного» времяпрепровождения бедной воспитанницы.

В «Сказке о царе Салтане…» героини прядут: «Три девицы под окном / Пряли поздно вечерком…», а одна из них готова *наткат*ь полотна «на весь… мир» [5, т. 4, 420].

В пушкинском «Рославлеве» рукоделие представлено в отрицательном контексте. Героиня (Полина) на замечание подруги («женщины на войну не ходят») с возмущением говорит: «…Стыдись… разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужьев? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтобы нас на балах вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?» [5, т. 6, 206]. Как видно, в данном случае «текст рукоделия» соотносится с важными историческими событиями 1810-х гг.

Вышивает в пяльцах Марья Кириловна Троекурова («Дубровский»), но «Она не путалась шелками, подобно любовнице Конрада, которая в любовной рассеянности вышила розу зеленым шелком. Под ее иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то ее мысли не следовали за работой, они были далеко» [5, т. 6, 295].

В данном случае интересны интертекстуальные отношения, которые отчасти проясняют чувства пушкинской героини — в сравнении с персонажем А Мицкевича из поэмы «Конрад Валленрод»: любовница Конрада действительно вышила розу зеленым. Марья Кириловна не «путалась шелками» и не вышла замуж за Дубровского, более того, у несчастной Марьи Кириловны Дубровский хотя и оказался на «первом месте», но после некоторых колебаний: «Нет, нет,— повторяла она в отчаянии,— лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского»

[5, т. 6, 296]. Таковы законы реалистического искусства, предполагающие неоднозначное изображение чувств: их «текучесть», изменчивость.

В «отрицательном» варианте «модуса сотворения» (Р. Якобсон) (несвершения) находится и «молодая калмычка, собою очень недурная», которая «шила, куря табак» («Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года»). Шила она, как известно, «портка <…> себя» (для себя). Автор «бежал» от «степной Цирцеи» («Калмыкское кокетство испугало меня…»), а «чай с бараньим жиром и солью», которым она его угостила, напомнил о чародейке и отравительнице (по некоторым сведениям) — Цирцее. Налицо ряд признаков, исключающих приятное общение и симпатию: молодая женщина шьет «портка» (портки), да еще и для себя! Угощение представляет собой «чай с бараньим жиром и солью», и эта «народная кухня» была настолько чужда европейцу, что показалась ему гадкой. Заесть пришлось кусочком «сушеной кобылятины», что также не совсем удовлетворило гастрономические потребности гостя из Петербурга («я был и тому рад») [5, т. 6, 644]. Как видно, «текст рукоделия» интерферирует с «текстом приготовления пищи»[8, 90–91].

Иногда изображение работы за пяльцами — знак прилежания, женского обаятельного образа: «Когда за пяльцами прилежно / Сидите вы, склонясь небрежно, / Глаза и кудри опустя,— / Я в умиленьи, молча, нежно / Любуюсь вами, как дитя! [5, т. 2, 338] («Признание»). Однако порой отсутствие интереса к рукоделию — знак исключительности, нетривиальности, т.к. рукоделие — типичное женское занятие, как и игра на фортепиано или пение (вне зависимости от способностей к этому). Посему *незанятие* Татьяны Лариной рукоделием — это ее характеристика как личности, непохожей на других: «Ее изнеженные пальцы / Не знали игл; склонясь на пяльцы, / Узором шелковым она / Не оживляла полотна» [5, т. 5, 48].

Приведенные примеры подтверждают: рукоделие — знак того, что герои сами творят свою судьбу, а их характеры (решительные / нерешительные, покорные / непокорные) дают проекцию на их будущее.

Не будем забывать, что существует пушкинское обобщение — в знаменитом эпиграфе к «Капитанской дочке» («Береги честь смолоду»), представляющем собой часть пословицы, где упоминается и платье. Данное обобщение (пословица) актуально «в целом для творческого сознания Пушкина» [2, 264].

Пушкин жил в эпоху производства «штучных» товаров: мастер***а*** вручную медленно делали мебель, искусницы изготовляли и расшивали ткани, поэты пером писали свои произведения. Отсюда проистекает представление о том, что рукоделие и творчество неразрывно связаны, творчество, в определенном смысле, и есть *рукоделие* («И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге…» («Осень»)).

Словосочетание «в пяльцах» (по отношению к труду литератора) также означало в пушкинское время — «в работе», «в черновике». Например, Пушкин в 1825 г. пишет А. А. Дельвигу следующее: «…что делает Жуковский? — Передай мне его мнение о 2-й главе Онегина да о том, что у меня в пяльцах» [5, т. 10, 148]. В «пяльцах» в это время был «Борис Годунов».

В «Монахе» Пушкин прямо сравнивает творчество — писание стихов — с рукоделием: «Чернилами я не марал бы пальцы, / Не засорял бумагою чердак, / И за бюро, как девица за пяльцы, / Стихи писать не сел бы я никак» [5, т. 1, 16]. Интересно, что рисование, о котором герой мечтает («Ах, отчего мне дивная природа / Корреджио искусства не дала? / Тогда б в число парнасского народа / Лихая страсть меня не занесла»), не рассматривается как работа «за пяльцами». Только писание стихов! Эта мысль подтверждается и развивается далее в том же русле: рифмовать — значит «плести»: «Но Рубенсом на свет я не родился, / Не рисовать, я рифмы плесть пустился» [5, т. 1, 17].

В одном из стихотворений («Зима. Что делать нам в деревне?») Пушкин соединяет «рукоделие» («Иду в гостиную; там слышу разговор / О близких выборах, о сахарном заводе; / Хозяйка хмурится в подобие погоде, / Стальными спицами проворно шевеля, / Иль про червонного гадает короля») и «рукотворное» создание произведения — «слишком» *рукотворное*, т.к. не осененное Музой и поэтому, по жалобе лирического героя (он поэт!),— неудачное:

По капле, медленно глотаю скуки яд.
Читать хочу; глаза над буквами скользят,
А мысли далеко… Я книгу закрываю;
Беру перо, сижу; насильно вырываю
У музы дремлющей несвязные слова.
Ко звуку звук нейдет… Теряю все права
Над рифмой, над моей прислужницею странной:
Стих вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, с лирою я прекращаю спор… [5, т. 3, 125].

Однако после слов о гадании, о «червонном короле» все устраивается наилучшим образом: видимо, после вмешательства каких-то неведомых сил (явно из области «нерукотворного», хотя карты все же находятся в руках человека, который прикасается к таинственному) судьба вдруг дарит счастливые встречи с девами-розами («северными»), поцелуи на морозе и пр.

Как видно, в сознании художника прочно укоренено диалектическое противопоставление / сопоставление «нерукотворного» (божественного) и «штучного», творимого своими руками. Интерферируя, рукотворное и нерукотворное отзываются в человеческой судьбе, национальных данностях, творчестве.

Не только творческий процесс, но и исторический в пушкинскую эпоху и в пушкинском художественном сознании воспринимался как нечто, творимое

человеком, его энергией, волей, мужеством. Пушкин и его современники, безусловно, отдавали должное и «фортуне», «божественному провидению», поэтому в одном ряду рассматривается «высшее» участие и дела конкретных личностей: «Барклай», «зима» и «русский бог…» («Евгений Онегин»).

В иносказательной (и ироничной) форме это «ручное» сотворение истории представлено в метафоре («Когда не наши повара / Орла двуглавого щипали / У Бонапартова шатра…» («Евгений Онегин»)), соединяющей Тильзитские переговоры, которые «велись в палатке, разбитой на плоту на середине Немана, между враждующими армиями», и «образ ощипывания символа русской императорской власти у шатра Наполеона»[3, 399–400]. Ощипывание птицы — тоже ручная работа. Здесь возникает ассоциация с выражением «щипать корпию» — вручную готовить перевязочный материал для нужд фронта, т.е. тоже каким-то образом включиться в ход истории.

«Каковы времена, таковы и песни»,— гласит афоризм, и посему в творчестве писателей Серебряного века «текст рукоделия» отличается от рассмотренного пушкинского, ибо художественное сознание конца XIX — начала XX вв. уже «озарили сполохи надвигающегося исторического катаклизма»[4, с. 12].

Как будто бы еще в пушкинской традиции пишет стихотворение «Парки» (1892) Д. Мережковский:

Будь, что будет,— все равно.
Парки дряхлые, прядите
Жизни спутанные нити,
Ты шуми, веретено… [6, 348].

Лирический сюжет данного стихотворения — традиционное занятие сестер-Парок, однако в сравнении с подобными моделями произведений поэтов начала XIX столетия здесь усиливаются тревожные ощущения (этому способствуют неоднократно повторенные «ложь», «лгу»). Концовка стихотворения (столь важное звено в любом лирическом произведении) передает некие надежды лирического «я», предчувствие того, что «цепи рабства и любви» будут рассечены «ножницами» Парки.

Еще более гнетущее настроение царит в «тексте рукоделия» стихотворения З. Гиппиус «Швея» (1901), где иголке швеи сопутствуют эпитеты «неумелая», «робкая». Данное стихотворение (любовное) основывается на смене цвета-символа: голубой / алый, и между этими цветовыми пятнами располагаются «огонь» и «кровь», усиливающие ощущение безысходности и тревоги. Швея, казалось бы, занимается нужным и даже необходимым ей делом, однако ни удовлетворения, ни радости это ей не приносит: «Уж третий день ни с кем не говорю… / А мысли — жадные и злые. / Болит спина…» [6, 350].

Сестер-Парок в одном из замечательных стихотворений И. Анненского («Старые эстонки (Из стихов кошмарной совести))», 1906) заменяют старушки-эстонки. В лирику в данном случае врывается жестокая история, а именно: подавление выступлений в Прибалтике в 1905–1906 гг. Человек стихотворения И. Анненского испытывает чувство вины перед старухами-эстонками, чьи сыновья были погублены («Сыновей ваших… я ж не казнил их…»). «Текст рукоделия» в стихотворении, разумеется, трагический:

Как земля, эти лица не скажут,
Что в сердцах похоронено веры…
Не глядят на меня, только вяжут
Свой чулок бесконечный и серый [6, 401].

В этом же году (1906) было создано стихотворение А. Блока «Холодный день», где *труд* и *счастье* представлены как понятия взаимоисключающие. Счастье — «в радостном саду», труд — там, где «зловонные дворы». Соответственно, «текст рукоделия» не содержит позитивных образов:

Нам скоротает век работа,
Мне — молоток, тебе — игла.

Сиди да шей, смотри в окошко,
Людей повсюду гонит труд… [6, 502].

Отдельного рассмотрения заслуживает «текст рукоделия» Ф. Сологуба, например в его «Мелком бесе» (1905–1907). Одну из главных героинь указанного произведения — Варвару — автор представляет фразой о том, что она в свое время «жила домашнею портнихою для простых работ» [7, 38]у княгини с соответствующей фамилией — Волчанская. Как и следовало ожидать, ни Варваре, ни другим персонажам рукоделие радости и удовольствия не приносит.

Рукоделие в «Мелком бесе» пребывает чаще всего в упомянутом выше (якобсоновском) «модусе несотворения»: невеста (Варвара) напоминает жениху (Передонову), что подвенечное «платье пора шить». Наряд невесты читателю «не покажут», но разговоров о нем будет много: «Какое платье? — угрюмо спросил Передонов»; «Да разве в этом затрапезе венчаться? — крикнула Варвара.— давай же денег, Ардальон Борисыч, на платье-то»; «Себе в могилу готовишь? — злобно спросил Передонов»; «Скотина ты, Ардальон Борисыч! — укоризненно воскликнула Варвара» [7, 27].

Если шить новое платье — к повороту в судьбе, к изменениям в жизни, то очевидно, что события для новобрачных грядут невеселые. Не получит и главный персонаж — Передонов — новое платье, так как не видать ему вожделенного «инспекторского места». Однако Передонов (жутковатое продолжение чеховского Беликова, который упоминается в сологубовской повести) поначалу деловито об этом хлопочет: «Надо поскорее заказать новую форму» [7, 67]; «По дороге он зашел к портному, поторопить его,— скорее бы шил заказанную третьего дня новую форму» [7, 15].

Созидают в рассматриваемом произведении Ф. Сологуба мало, но разрушают много и с огромным удо-

вольствием: устраивают пожар, «неистово» мажут ворота дегтем, портят жилище — «все равно съезжать»: «Плевали на обои, обливали их пивом, пускали в стены и потолок бумажные стрелы, запачканные на концах маслом, лепили на потолок чертей из жеваного хлеба. Потом придумали рвать полоски из обоев на азарт,— кто длиннее вытянет» [7, 52]. Не последнюю роль в этих странных действиях играет «текст рукоделия», вернее «антирукоделия». Передонов, уже пораженный душевной болезнью, «кромсал» наряды своей жены: «Одно Варварино платье привлекло внимание Передонова. Оно было в оборках, бантиках, лентах, словно нарочно сшито, чтобы можно было спрятать кого-нибудь. Передонов долго рассматривал его, потом с усилием, при помощи ножа, вырвал, отчасти вырезал карман, бросил его в печку, а затем принялся рвать и резать на мелкие куски все платье. В его голове бродили смутные, странные мысли, а на душе было безнадежно тоскливо» [7, 96].

В «Мелком бесе» очень подробно изображается современный автору быт учителей и других жителей небольшого городка. Мы узнаем, что читали в то время люди, что они варили, пекли, ели, шили, вязали и пр. Так как персонажи в большинстве своем — народ завистливый, недоброжелательный и нечестный, то «текст рукоделия» (к которому художественное сознание автора постоянно возвращается) часто сопровождает разного рода интриги, лживые объяснения, фальшивые и неприятные ситуации.

Так, неудачей заканчивается «брачная» интрига учителя Володина, нанявшегося преподавать «ручной труд» в семейство Адаменко. Ни ожидаемый «кофеек», ни «приятные беседы» искателю богатых невест не предлагали, напротив, «его каждый раз провожали прямо в покойчик, назначенный для ручного труда. Миша обыкновенно уже стоял в сером холщевом переднике у верстака, приготовив потребное для урока. Все, что Володин показывал, он исполнял радушно, но без охоты». Афера, конечно же, не удалась: сестра ученика отказала «жениху».

«Текст рукоделия» присутствует в сценах совращения гимназиста Саши «милой Людмилочкой», одной из сестер Рутиловых, которая шила «отроку богоравному» экзотические платья: «Но лучше нравились ему и ей наряды, которые шила сама Людмила: одежда рыбака с голыми ногами, хитон афинского голоногого мальчика» [7, 188].

Обманными оказываются в доме трех сестер Рутиловых намеренно «начатые и оставленные здесь вышивки». «Неужели в этой обстановке могло совершиться какое-то обольщение ее скромного мальчика заботливыми молодыми хозяйками этой гостиной?» — думала Сашина тетушка. Увы, могло. Все, за что берутся герои «Мелкого беса», выходит недобрым, «ненастоящим». О поддельным письме (центральная деталь произведения) говорится, что его «изготовили» (как платье!), а о «шарлатанке Грушиной» иносказательно замечено: «погодите, она будет петли метать, а потом и пойдет деньги вымогать» [7, 77]. Как видно, сомнительные дела объясняются через рукоделие.

Каждый значительный поворот сюжета в «Мелком бесе» сопровождается изготовлением какой-либо новой одежды, маркирующей грубое *телесное*, которое, в свою очередь, подчеркивает патологическое *душевное*.

Финальной сцене кровавого убийства предшествует яркий, «дикий» маскарад со всеми карнавальными атрибутами (сочетанием несочетаемого): юноша надевает костюм гейши, молодая учительница облачается в шкуру медведицы (да еще и «водку дует») и пр.

Подготовка к маскараду также будет показана посредством «текста рукоделия», так как это весьма значимое сюжетное событие. В данном случае достаточно длинное описание «шитья платья» успокаивает читателя перед бурными финальными событиями. «Текст рукоделия» на этот раз очень яркий и экзотичный: «Костюм для гейши Людмила смастерила сама по ярлыку от карилопсиса: платье желтого шелка на красном атласе. <…> на платье шитый пестрый узор, крупные цветы причудливых очертаний. Сами же девицы смастерили веер из тонкой японской бумаги с рисунками, на бамбуковых палочках и зонтик из тонкого розового шелка <…> На ноги — розовые чулки и деревянные башмачки скамеечками. И маску для гейши раскрасила искусница Людмила: желтоватое, но милое худенькое лицо <…>, косо прорезанные глаза…» [7, 198].

Однако ни яркие краски, напоминающие красивый кустарник, цветущий в далекой Японии, ни энтузиазм девушек и самого Саши никому не принесли радости. Все красивое превращается в безобразное, и мотив «поруганной телесной красоты» [7, 199] становится одним из ключевых в повести.

Как было отмечено в «пушкинской» части данной работы, «текст рукоделия» связан не только с творчеством и судьбой, но и с историей, судьбой целой нации. В поэзии и прозе Серебряного века обозначится дополнительный аспект: рукотворное может быть *добрым* и *недобрым*. Особенно ярко это проявится в лирике и критических статьях М. Волошина, чей «текст рукоделия» отразил трагические моменты русской истории и претерпел эволюцию, следуя за историческими событиями.

«Текст рукоделия» раннего Волошина выдержан в русле «софийных умозрений Соловьева», а именно: «совместимости в центральном образе конкретно-чувственного с абстрактно-мистическим»[4, 10]. Ярким подтверждением этому служит сонет «Грот нимф» (1907):

Где пчелы в темноте слагают сотов грани,
Наяды вечно ткут на каменных станках
Одежды жертвенной пурпуровые ткани [1, т. 1, 80].

Исследователи полагают, что в приведенных строках отражено «воплощение души в тело, то есть приобщение ее к конкретному земному миру», а «каменные станки — это кости, одеваемые телесно-кровяной материей» [4, 22].

Рассматриваемый сонет Волошина справедливо сравнивают со стихотворением Вяч. Иванова «Сад роз»: «Что земля и лес пророчит, / Ключ рокочет, лепеча,— / Что в пещере густотенной / Сестры пряли у ключа». «Сестры»-Парки Вяч. Иванова и Наяды Волошина действительно схожи, они плоть от плоти «гула природы» и «голосов судьбы» [4, 22]. Однако есть и отличие, ибо в волошинских строках уже ощущается «мистическое предзнаменование» судьбы поэта, отражающей трагедию Христа [4, 21]и грядущую трагедию России.

Чудо природы и чудо искусства у Волошина всегда рядом, и эта связь часто маркируется образами «текста рукоделия»: «вырезали», «ткут» и пр. Например: «Я привез себе в подарок / Пару звонких кастаньет <…> / Из груди сухой оливы / Сталью вырезали их» («Кастаньеты», 1901); «В дождь Париж расцветает, / Точно серая роза… / Шелестит, опьяняет / Влажной лаской наркоза <…> Тянут тысячи пальцев / Нити серого шелка, / И касается пяльцев / Торопливо иголка» («Дождь», 1904) [1, т. 1, 23].

Волошинский «текст рукоделия» также связан с сакральными смыслами сфер культуры и церковных т***а***инств: «Темным светом вытканные ткани, / Страстных душ венчальная фата» («Руанский собор (Вечерние стекла)», 1907) [1, т. 1, 21].

Однако, как уже не раз отмечали исследователи творчества писателя, в его строках ощущается предчувствие исторической трагедии, и здесь также не последнюю роль играет «текст рукоделия»: «Свивши тучи в кудель и окутав горные щели, / Ветер, рыдая, прядет тонкие нити дождя»,— напишет поэт в 1907 г.

Действительно, «текст рукоделия» более позднего Волошина дышит трагедией, так как художник был свидетелем и даже участником событий, развернувшихся в послереволюционном Крыму. «Шили погоны», «кроили лампасы»,— напишет Волошин 29 апреля 1921 г. (в Симферополе), и эти кровавые метафоры проясняют свой жуткий смысл рядом с более откровенными «хлопнуть», «угробить», «отправить на шлепку» [1, т. 1, 344] («Терминология») — такова новая «терминология».

В поэме «Россия» (1924) Волошин снова создает «текст рукоделия» для того, чтобы отразить «междоусобицу»:

И белые, и красные Россию
Плечом к плечу взрывают, как волы —
В одном ярме — сохой междоусобья,
Москва сшивает снова лоскуты
Удельных царств, чтоб утвердить единство.

Отмечу, что характерное «Москва сшивает снова лоскуты…» маркирует нечто повторяющееся в истории многострадальной России.

В своих критических работах, например о театре, писатель сопоставляет труд людей искусства с трудом ремесленников. Отражая «поточный», *коммерсализованный* характер эпохи, Волошин отмечает, цитируя П. Гзеля: «…в наши дни становятся драматургами точно таким же образом, как становятся фабрикантами обуви», и это «путь закройщиков» [1, т. 3, 231].

Себя Волошин сравнивает с ремесленником, например в известной полемике с И. Репиным, полагавшим, что поэт в своей свободной одежде подражает «богам». Волошин же отмечает, что «в холщевой длинной блузе, подпоясанный веревкой, босиком и с ремешком в волосах» он скорее похож на скромного «сапожника».

«Текст рукоделия» иногда служит способом характеристики человека. Это можно видеть в волошинской работе о художнике В. Сурикове. Писатель счел нужным указать, что сестры Сурикова занимались рукоделием — гарусом на пяльцах вышивали. Отмечается, что сам Суриков придавал большое значение *тканям*, например показывал Волошину «куски шелковой ткани», платок «из парчевой материи» («бабушка на голове носила»).

Характеризуя семейную жизнь Л. Н. Толстого, Суриков опять же прибегает к описанию «рукоделия», что Волошин не преминул запомнить и процитировать: «Софья Андреевна <…> заставляла Льва в обруч скакать — бумагу прорывать. Не любил я бывать у них из-за нее. Прихожу раз: Лев Николаевич сидит, у него на руках шерсть, а она мотает. И довольна: вот что у меня, мол, Лев Толстой делает. Противно мне стало — больше не стал к ним ходить» [1, т. 3, 449–450]. Как видно, здесь шерсть (рукоделие) становится психологической деталью, указывающей на подчинение, подавление, «опутывание».

Итак, «текст рукоделия», сохраняя основные свои признаки и функции, претерпевает эволюцию, следуя за историей литературы, историей нации. Персонажи художественных произведений, вслед за мифологическими Парками и фольклорными героями, прядут, ткут, шьют, вяжут перед самыми значимыми событиями в своей жизни. Однако, отражая критические периоды в бытии народа, писатели наделяют «текст рукоделия» и трагическим смыслом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М. Собр. соч.: в 13 т. / М. Волошин.— М.: Эллис Лак, 2003.— 2015.

2. Гайворонская Л. В. Еще раз о фольклорных и евангельских мотивах в «Станционном смотрителе» А. С. Пушкина / Л. В. Гайворонская // Филологические записки. Вып. 23.— Воронеж, 2005.— С 262–267.

3. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителей / Ю. М. Лотман.— Л.: Просвещение, 1980.— 416 с.

4. Постмодернизм: взаимодействия в поле культуры (преемственность, диалог, интертекст): коллективная монография / под. ред. А. Г. Коваленко.— М: РУДН, 2014.— 316 с.

5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. / А. С. Пушкин.— М.; — Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1949.

6. Русская литература XX века (дореволюционный период). Хрестоматия / сост. Н. А. Трифонов.— М.: Гос. учеб.-педагог. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1966.— 676 с.

7. Сологуб Ф. Свет и тени: Избр. проза / Ф. Сологуб.— Минск: Мастацкая литература, 1988.— 383 с.

8. Фаустов А. А. Герменевтика личности в творчестве А. С. Пушкина (две главы) / А. А. Фаустов.— Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003.— 239 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Шпилевая Г. А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: 19alex04@mail.ru

Бондаренко В. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка, современной русской и зарубежной литературы

E -mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Толчеева Е. А., магистрант кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического университета

E -mail: tolcheeva.lena@icloud.com

Voronezh State Pedagogical University

Shpilevaya G. A., Doctor of philology, professor of the department of the theory, history and methods of teaching the Russian language and literature

E -mail: 19alex04@mail.ru

Bondarenko V. A., Candidate of philology, senior lecturer of the department of the Russian language, modern Russian and foreign literature

E -mail: vikabondarenko1@rambler.ru

Tolcheeva E. A., Master's student of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature

E -mail: tolcheeva.lena@icloud.com

УДК 81’27:112.2

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ КОНЦЕПТА «ANGST» («СТРАХ») И ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЕГО ОТРАЖЕНИЯ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НЕМЦЕВ И АВСТРИЙЦЕВ

А. В. Аверина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 23 мая 2024 г.

Аннотация: *в рецензии рассматривается монография проф. З. Е. Фоминой и доц. Г. С. Бородкиной «Страх (Angst) и «Груши страха» («Grausbirnen») как этнокультурные феномены в немецкой и австрийской концептосфере эмоций», в которой представлено многогранное, системное и комплексное исследование феномена «Angst» («СТРАХ») в аспекте его концептуальной релевантности и этнокультурной значимости для немецкой и австрийской эмоциональной картины мира. Источниками для исследования послужили художественные произведения немецких и австрийских писателей и публицистические тексты современных СМИ.*

Ключевые слова: *эмотивная лингвистика, когнитивная наука, история эмоций, этнолингвистика, лингвокультурология, лингвистика текста, медийная лингвистика, межкультурная коммуникация.*

Abstract*: the review examines the monograph by Professor Z. E. Fomina and Associate Professor G. S. Borodkina “Fear (Angst) and “Pears of fear” (“Grausbirnen”) as ethnocultural phenomena in the German and Austrian conceptual sphere of emotions”, which presents a multifaceted, systematic and comprehensive study of the phenomenon of “Angst” (“Fear”) in the aspect of its conceptual relevance and ethno-cultural significance for the German and Austrian emotional worldview. The sources for the research were the artistic works of German and Austrian writers and journalistic texts of modern media.*

Keywords: *emotive linguistics, cognitive science, history of emotions, ethnolinguistics, linguoculturology, text linguistics, media linguistics, intercultural communication.*

В издательстве Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург) вышла монография «Страх (Angst) и “Груши страха” (“Grausbirnen”) как этнокультурные феномены в немецкой и австрийской концептосфере эмоций», авторами которой являются доктор филологических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член-корреспондент РАЕН РФ Зинаида Евгеньевна Фомина и кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета Галина Степановна Бородкина [1]. Рецензентами монографии являются известные зарубежные и российские ученые. Текст монографии предваряет рецензия Хайнриха Пфандля — австрийского профессора славянской филологии Университета им. Карла и Франца, г. Грац (Австрия), в которой представлен детальный анализ работы, подготовленной З. Е. Фоминой и Г. С. Бородкиной. Одобрительные рецензии представили также д. филол. н., профессор А. Э. Левицкий (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова) и д. филол. н., профессор Л. А. Нефедова (Московский педагогический государственный университет). На разных этапах работы с исследованием был ознакомлен австрийский профессор Рудольф Мур (Университет им. Карла и Франца, г. Грац (Австрия), который поддержал разработку проекта и подчеркнул целесообразность публикации данной работы на немецком и английском языках.

Как отмечает в своей вступительной статье австрийский профессор Хайнрих Пфандль, «выводы авторов монографии удивляют высочайшим уровнем анализа, здесь читатель в сравнительном плане узнает и о различиях, и об общих феноменах немецкого и австрийского варианта языка». Основательное знакомство с содержанием монографии привело австрийского ученого к мысли, что представленный в ней материал убедительно демонстрирует, по его словам, как «один и тот же язык отличает немца от австрийца». По мнению профессора Х. Пфандля, выводы З. Е. Фоминой и Г. С. Бородкиной по поводу австрийского языка «настолько метки, а отчасти и неожиданны, что поражают даже носителя языка, осознающего эти отличия и как бы находящегося в постоянных поисках подобного материала».

В первой главе представлен обзор литературы по проблематике исследования, содержится много-

© Аверина А. В., 2024

аспектное обсуждение актуального состояния исследования эмоций, анализируются работы зарубежных и российских авторов, в фокусе внимания которых находится изучение эмоциональных концептов, формулируется собственная теоретическая база, созданная на основе работ З. Е. Фоминой, а также излагается разработанная авторами методологическая стратегия исследования эмоций.

Во второй главе впервые представлено многогранное, системное и комплексное исследование феномена «ANGST», охватывающее период с 90-х годов прошлого столетия по настоящее время (2024 г.). Значимость полученных результатов определяется их ориентацией на изучение эмоций, вербализующихся в парадигме полицентрического языка, т.е. языка с несколькими кодифицированными стандартными формами, в частности в немецком языке и австрийском варианте немецкого языка.

Феномен *страх* как базовый концепт в эмоциональной картине мира немцев и австрийцев — это не только одно из самых сложных многомерных эмоционально-психологических состояний человека, но и самое прагматически сильное и частотное эмоциональное переживание в национальной концептосфере любого этноса.

Характерно, что Гёте, осмысливая феномен *страха*, писал: «Весь мир полон бедолаг, которые испытывают страх в большей или меньшей степени» [2]. В другом произведении мыслитель отмечает: «Страх соответствует природе, а благоговение — нет; Один боится известного или неизвестного могущественного существа, сильный пытается бороться с ним, слабый пытается избежать его, оба хотят избавиться от него и чувствуют себя счастливыми, когда избавились от него на короткое время» [3].

В монографии представлена своего рода экзистенциональная «АНАТОМИЯ СТРАХА», отражающая описание строения (структуры) эмоционального концепта «Angst», его составляющих, внешних и внутренних концептуальных признаков, внутренней формы, специфики конституирующих ее элементов и др. Авторы анализируют, в частности, концептуально-онтологическое содержание эмоций класса «Angst» с выделением общего и различного в специфике моделирования их архитектоники, определяют и описывают особенности формирования базисных эпистемологических признаков феномена «Angst» в немецкой и австрийской лингвокультурах.

Исходя из основополагающего тезиса Вильгельма фон Гумбольдта относительно дихотомии «Человек и язык»/«Человек и слово», постулирующего идею о том, что «*человек — это нечто гораздо большее, чем то, что он может выразить словами» (Der Mensch geht zwar* ü*ber seine Sprache hinaus; er ist mehr, als er in Worten auszusprechen vermag)* [4]. Авторы монографии подчеркивают, что сказанное Гумбольдтом в полной мере относится и к пониманию, восприятию и описанию человеческих эмоций, в том числе эмоций *страха*, так как именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что вербальная репрезентация *страха* требует охвата всех имеющихся ресурсов языка, в том числе потенциальных.

По наблюдениям З. Е. Фоминой и Г. С. Бородкиной, особая роль в этом процессе принадлежит *лексическим* средствам, представляющим разнообразные семантические типы лексики, каждый из которых в отдельности способен актуализировать одну из многочисленных концептуальных граней данной эмоциональной сущности, а в совокупности представить ее в системном виде. Гетерогенный по семантическому составу корпус лексических единиц включает, в частности: а) категориальную лексику, определяющую эмоции *страха* как *предметные, акциональные, признаковые с*ущности; б) психофизиологическую лексику, манифестирующую психо-физиологический генезис эмоций страха; в) кинематическую, эксплицирующую концептуальную дихотомию «страх — движение»; г) негирующую лексику (лексику отрицания), объективирующую единичность (неповторимость) вербализуемого *страха*; д) темпоральную лексику, репрезентирующую корреляцию эмоций страха с категориями времени («Angst (страх) — Zeit (время)»); е) локальную лексику, отмечающую пространственный характер эмоций страха («Angst (страх) — Raum (пространство)») и др.

Авторы монографии выделяют и описывают также так называемую *пандемийную* (ковидную) лексику, которая в период с 2019 года приобрела особую значимость, а в 2020 году ключевая лексема «ковидного времени» с именем «*Coronapandemie*» в Германии была определена «*словом года*». Все слова, тематизирующие «ковидное» состояние немецкого и австрийского общества, коррелируют с феноменом «Angst» [5].

В представленной в данной монографии лингвистической концепции *страха* авторами подчеркивается, что человеческие эмоции, в том числе эмоции страха, не поддаются их непосредственному, соответствующему их сущностной природе, языковому воплощению из-за их энигматичности и невыразимости. Неопределенность онтологии *страха* отмечается тонким знатоком человеческой души, австрийским писателем Стефаном Цвейгом: «*страх — это нестерпимая неопределенность, жуткая бесконечность ожидания*» [6].

Латентный характер эмоций *страха*, их сложная субстанциональная природа, смысловая гетерогенность и многомерная концептуальная организация в целом мотивируют немецких и австрийских авторов художественных и газетно-публицистических текстов использовать для словесного воспроизведения эмоций *страха* не только репертуар собственно *лексических* средств, но и обращаться к *структурно-морфологическим* возможностям языка, к *словам, ас-*

социативно связанным с эмоциональной картиной мира языкового коллектива, а также заниматься поиском и созданием *метафорических моделей* эмоций класса «ANGST» и т.д. Этим объясняется, в частности, наличие в немецком языке и его австрийском варианте значительного количества *сравнительных конструкций*, интерпретирующих эмоциональный концепт «Angst» через разного рода компаративные константы: [*wie*], [*als*], [*als ob*] и др. Авторы монографии рассматривают сравнительные конструкции как средство экспликации концепта «Angst», а также анализируют различные типы структурных моделей как отражение способов семантико-когнитивной репрезентации феномена «Angst».

В предлагаемой монографии З. Е. Фомина и Г. С. Бородкина выявляют и анализируют весьма объемный, связанный с эмоциями *страха* корпус *слов- ассоциативов*, являющихся результатом непрерывного мыслительного «акта творения» — когнитивного процесса работы нейронных сетей человеческого мозга, порождающего всё новые и новые ассоциативные связи. Авторами монографии установлено, что языковая концептосфера эмоций структурируется в значительной степени на основе объемного в количественном отношении и разнообразного по ассоциативно-смысловой направленности тезауруса *ассоциативно-эмоциональной лексики,* выполняющей функции языкового дескриптора концепта «Angst». Изучение эмотивно детерминированных ассоциативов в немецком и австрийском художественном и газетно-публицистическом дискурсах позволило выделить и описать дифференцирующиеся по семантике и структуре немецкие и австрийские слова-ассоциативы, манифестирующие концепт «*Angst*», а также выявить и детально классифицировать причины (*каузаторы)* страха, значительную часть из которых составляют, в частности, каузаторы страха геополитической, научно-технической, цифровой (дигитальной), натуроморфной, пандемийной («ковидной»), этнической направленности и мн. др. Установлено также, что и собственно «Страх» может быть причиной самого *страха*, например *«страх перед страхом» (Angst vor Angst).*

Стремление человека вербально выразить испытываемые им эмоции в целом, в том числе эмоции страха, желание представить свое видение и понимание сущностной глубины природы страха закономерным образом приводит к созданию метафорических *образов* страха. По мысли Франца Кафки, именно «страх заставляет людей размышлять» и, следовательно, выражать и обобщать в языке связанный с переживанием страха личный опыт познания.

В работе детально описана и представлена национально-культурная специфика метафоризации эмоций *страха* в схожих, но негомогенных языковых пространствах: немецком и австрийском. Моделирование метафорического смысла — это в действительности необозримая область проб и исканий личности, предусматривающая соотнесение ее методологических усилий со всеми ресурсами гносеологической (познавательной), мыслительной и языковой деятельности человека. З. Е. Фомина и Г. С. Бородкина обращаются к рассмотрению *концептуальной метафоры* как средству объективации национального и индивидуально-авторского восприятия концепта «Angst». Они представляют типологию концептуальных метафор, объективирующих концепт «Angst» в текстах современной немецкой и австрийской беллетристики и прессы, структурируют и детально описывают метафорическую модель эмоций класса «Angst», выявляют и систематизируют когнитивные классификаторы метафор концепта «Angst», определяют их эпистемологическую значимость в формировании и конституировании его архитектоники.

Согласно предлагаемой авторами монографии метафорической модели концепта «Angst», образные представления о *страхе* интегрируются в двух доминантных макротипах: биосферном (I) и антропологическом (II).

Биосферный (I) макротип метафор «СТРАХА» представлен широким корпусом фигуративных гештальтов *страха* (страх — волна, поток, вода; страх–лед; страх–сорняк; страх–голодный зверь; страх–призрак; страх–гоблин; страх–смертельный поцелуй; страх–ад; страх–турбина; страх–яд и др.).

Антропологический макротип *(*(II) источников метафор страха конституируется метафорическими образами страха, дифференцирующимися по антропоцентрическим признакам (страх — хороший советчик; страх как полезный ресурс; страх — плохой попутчик; страх — мудрец; страх — коронавирусный дьявол; страх — черное существо и т.п.). Изучение концептуальных метафор *страха* позволило выделить его доминантные признаки, которые характеризуются преимущественно негативным содержанием (текучесть, холодность, вредность, опасность, смертельность, турбулентность, ядовитость и т.п.).

В ходе исследования эмоций класса «Angst» авторами данной монографии было установлено, что на фоне языковой объективации эмоционального конструкта «Angst» в австрийском варианте немецкого языка сформировался собственный, национально маркированный, *культурно-специфический феномен «Груши страха/ужаса» («Grausbirnen»),* отличающийся в этнокультурном осмыслении *уникальностью и самобытностью* своего генезиса. Выявленные когнитивные максимы «австрийского ужаса» расширяют представление о национальных особенностях австрийцев, касающихся восприятия и осмысления эмоций. При осмыслении концепта «GRAUSBIRNEN» («Груши страха/ужаса») в эмоциональной концептосфере австрийцев отмечаются признаки *страха*, являющиеся релевантными только для австрийского национального сообщества. «Австрийский

страх» («Груши страха»/«Grausbirnen») обнаруживает метафорическую соотнесенность с понятиями «*флора», «ягоды», «плоды», «форма», «винные напитки», «предметы», «вкус»* и др. Так, по наблюдениям авторов монографии, концепт «Груши страха/ужаса» коррелирует: а) с флористическими реалиями, в частности с *вегетативными* признаками растений (*страх–колючий кустарник*); б) генеративными (*страх–плод/большая зеленая груша)*; в) морфологическими (*страх–колючая поверхность растения, устремленная вверх, страх–колючий крыжовник*); страх-стелющееся по поверхности *ворсистое* растение, охватывающее всё новые и новые пространства (*страх–ворсистая/колючая клюква*); г) сапорационными (вкусовыми) (*страх–кислое вино, страх–кислый бульон*); д) артефактными (*страх–горящая огненным цветом лампочка*); е) диспозиционными характеристиками (*страх–висящая над головой груша/угроза для жизни/подобие Дамоклова меча*) и т.п. Приведенные метафорические гештальты *страха* понимаются и принимаются языковым коллективом австрийцев, но не релевантны для других европейских культур.

Эмоциональный концепт «Angst», вербализуемый в современной немецкой и австрийской беллетристике и прессе, исследуется З. Е. Фоминой и Г. С. Бородкиной с позиции: 1) *конвенциональных* (универсальных) детерминант страха; 2) *неконвенциональных* (этнокультурных, национально обусловленных); 3) и*ндивидуально-авторских* детерминант страха, включающих ad hoc рассмотрение функций и ценностного потенциала эмоций *страха*.

В монографии уделяется большое внимание описанию концептуально релевантных характеристик эмоций страха, рассматриваемых в аспекте их многообразных к*орреляций с другими эмоциональными конструктами* (например, *страх и одиночество, страх и любовь, страх и печаль (тоска), страх и гнев* и мн. др.). Такой подход позволил определить место эмоций страха в системе формирования сложных эмоционально-психологических комплексов.

Феномен «Angst» как один из ключевых концептов в эмоциональной концептосфере немцев и австрийцев рассматривается авторами монографии с позиции *субъектно-объектных* отношений. *Страх* как *субъект* репрезентируется в немецких и австрийских художественных и газетно-публицистических текстах как глубоко негативная сущность (*страх* подкрадывается, душит, мучает, изводит, парализует, господствует и т.п.). *Страх* как *объект* функционирует в двух ипостасях: страх как реальная (эвидентная) сущность («наш мир полон страха») и страх как футуристическая/прогностическая сущность (*переживание «будущего»,* еще не наступившего *страха:* «остолбенели от возможного события») и т.п.

В монографии предложена разработанная авторами методика герменевтического анализа полярно маркированных эмоций страха, основанная на принципах контекстуальной (индуктивно-дедуктивной) интерпретации, «герменевтического круга» (по Ф. Шлейермахеру), принципе целеполагания, различения понимания и интерпретации, принципе конгениальности (сотворчества) и др., которая позволила выделить новые эпистемологические признаки эмоций «страха» в немецкой и австрийской художественной литературе и публицистике, систематизировать их и отразить их лингвокультурное своеобразие.

Достоверность проведенного исследования подтверждается наличием большого эмпирического материала, извлеченного из 22 текстов художественной литературы немецких (*H. Hesse, H. G. Konsalik* и др.) и австрийских писателей (*S. Zweig, Th. Bernhard, P. Handke* и др.), а также большого объема использованных в исследовании немецких и австрийских газет и журналов, в т.ч. немецких газет (*Bild, Süddeutsche Zeitung, Frankfurter Allgemeine Zeitung, Die Welt* и т.д.), немецких журналов (*Der Spiegel, Stern, Focus* и т.д.), региональных газет (*Berliner Zeitung, Münchner Merkur, Nürnberger Nachrichten* и т.д.), австрийских СМИ (*Wiener Zeitung, Salzburger Nachrichten, Kleine Zeitung, Kronen-Zeitung, Kurier, Die Presse, Heute, Der Standard* и т.д.), а также современных интернет-ресурсов, связанных с рассмотрением эмоций в смежных областях, в частности в сфере искусственного интеллекта, биогенетике, медицине, психологии, философии, религии, истории и мн. др. Объем проанализированных примеров составил свыше 2 500 контекстов за период с 90-х годов XX века по 2024 год.

Монография содержит иллюстрации выдающихся немецких (А. Дюрер, 1513; П. Клее, 1934), испанских (Ф. Гойя, 1796) художников, которые визуально и содержательно коррелируют с описанием эмоционального концепта «Angst». Историческая обусловленность и концептуальная глубинность «груши» как центрального образа самобытного австрийского концепта «Груши страха» («Grausbirnen») иллюстрируется на обратной стороне обложки монографии элементом фруктового венца, расположенного над главным алтарем вокруг замкóвого камня в самой высокой точке купола в соборах Нижней Франконии [7].

Акцентирование исследовательского фокуса на феномене «Angst» — одном из базовых конструктов в эмоциональной картине мира немцев и австрийцев, разработка отличающейся новизной концептуальной философии страха, получение новых знаний о концепте «ANGST» в немецкой и австрийской линговкультурах, его многоаспектное исследование с опорой на новейшие методологические стратегии, высокорезультативный характер работы, а также понятный язык изложения делают монографию привлекательной для читателей.

Монография предназначена для широкого круга филологов, германистов, специалистов в области

эмотивной лингвистики, когнитивной науки, истории эмоций, этнолингвистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, медийной лингвистики, межкультурной коммуникации, а также для преподавателей вузов, молодых ученых и для тех, кто занимается изучением проблематики эмоций в смежных отраслях знаний — философии, культурологии, социологии, психологии, истории и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фомина З. Е. Страх (Angst) и "Груши страха" ("Grausbirnen") как этнокультурные феномены в немецкой и австрийской концептосфере эмоций / З. Е. Фомина, Г. С. Бородкина.— СПб.: Изд-во РХГА, 2024.— 320 с., ил. 13.— Табл.: 7.— Библиогр.: 305 назв.— Режим доступа: http://irhga.ru/2024–03–09-fomina-ze-borodkina-gs-strakh-angst/ (дата обращения: 23.05.2024).

2. Goethe J. W. Gespräche. Mit Friedrich Wilhelm Riemer. 1810, August / J. W. Goethe // Goethes Gespräche. Herausgegeben von Woldemar Freiherr von Biedermann, Band 1–10, Leipzig 1889–1896, Band 2, S. 348–350.— Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Gespr%C3%A4 che/%5BZu+den+Gespr%C3%A4chen%5D/1810 (дата обращения: 23.05.2024).

3. Goethe J. W. Wilhelm Meisters Wanderjahre / J. W. Goethe // Goethes Werke. Hamburger Ausgabe in 14 Bänden. Band 8, Hamburg 1948 ff, S. 149–158.— Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Goethe,+Johann+Wolfgang/Romane/Wilhelm+Meisters+Wanderjahre/Zweites+Buch/Erstes+Kapitel (дата обращения: 23.05.2024).

4. Hofmannsthal Hugo von. Wert und Ehre Deutscher Sprache // Hugo von Hofmannsthal: Gesammelte Werke in zehn Einzelbänden. Reden und Aufsätze 1–3. Band 3, Frankfurt a.M. 1979.— Режим доступа: http://www.zeno.org/Literatur/M/Hofmannsthal,+Hugo+von/Essays,+Reden,+Vortr%C3%A4ge/Wert+ und+Ehre+deutscher+Sprache (дата обращения: 23.05.2024).

5. Wort des Jahres. Coronapandemie.— Режим доступа: https://gfds.de/aktionen/wort-des-jahres/ (дата обращения: 23.05.2024).

6. Murrenhoff S. Angst in Zeiten der Selbstbestimmung / S. Murrenhoff. — Режим доступа: https://www.deutschlandfunkkultur.de/wie-aktuell-ist-stefan-zweigs-angstnovelle-angst-in-zeiten-100.html (дата обращения: 23.05.2024).

7. Schiedermair W. Pflanzenmalereien in drei unterfränkischen Kirchen. Ikonographie, Kunstgeschichte und aktuelle Bedeutung in Bezug auf die Entwicklung von Medizin und Pharmazie. Dissertation zur Erlangung des naturwissenschaftlichen Doktorgrades der Bayerischen Julius-Maximilians-Universität Würzburg vorgelegt von Wolfgang Schiedermair aus Würzburg.— Würzburg, 2003.— 386 S.; S. 222/S. 423 (Pflanze 31 a: Pyrus communis L.).— Режим доступа: https://opus.bibliothek.uni-wuerzburg.de/opus4-wuerzburg/frontdoor/deliver/index/docId/1559/file/Schiedermair.pdf (дата обращения: 23.05.2024).

Московский государственный лингвистический университет

Аверина А. В., доктор филологических наук, профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка

E-mail: Anna.averina@list.ru

Moscow State Linguistic University

Averina A. V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Grammar and History of the German Language

E-mail: Anna.averina@list.ru

УДК 811.161.1'282.2 (470.324)

НАИМЕНОВАНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПОСТРОЕК В АСПЕКТЕ МОТИВИРОВАННОСТИ НА МАТЕРИАЛЕ ДОКУМЕНТОВ XVII–XVIII ВВ. И СОВРЕМЕННЫХ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ

Д. Н. Гальцова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются наименования хозяйственных построек в воронежских говорах в аспекте мотивированности. На материале синхронного и диахронного срезов проводится систематизация выявленных лексем. Отмечаются особенности функционирования зафиксированных слов в современных воронежских говорах и документах деловой письменности XVII–XVIII веков. На примере указанной тематической группы анализируются принципы номинации и выявляются мотивировочные признаки. В ходе исследования подчеркивается осознание диалектоносителями внутренней формы слова и влияние данного осознания на словарный состав диалектного языка. В заключение делается вывод о зависимости сохранения лексем и значений от наличия мотивированности.*

Ключевые слова: *хозяйственные постройки, принципы номинации, мотивированность, лексика, синхронный срез, диахронный срез, воронежские говоры.*

Abstract: *the article discusses the names of outbuildings in Voronezh dialects in the aspect of motivation. Based on the material of synchronous and diachronic sections, the systematization of the identified tokens is carried out. The peculiarities of the functioning of fixed words in modern Voronezh dialects and business writing documents of the XVII–XVIII centuries are noted. Using the example of this thematic group, the principles of nomination are analyzed and motivational signs are identified. The study highlights the awareness of dialect speakers of the inner form of the word and the influence of this awareness on the vocabulary of the dialect language. In conclusion, it is concluded that the preservation of tokens and values depends on the presence of motivation.*

Keywords: *outbuildings, principles of nomination, motivation, vocabulary, synchronous section, diachronic section, Voronezh dialects.*

Лексическая система языка является наиболее подвижной, так как она непосредственно связана с деятельностью человека, следовательно, подвержена преобразованию практически непрерывно. Одним из важных процессов, влияющих на развитие словарного состава языка, становится процесс изменения семантики слов. На протяжении нескольких веков значения могут расширяться, сужаться, сдвигаться либо сохраняться в первоначальном виде. Такие изменения обусловлены как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами. Доля влияния каждой конкретной причины на развитие семантики зависит от состава тематической группы и временного отрезка, на котором происходит сбор материала, поэтому для комплексного исследования семантических процессов необходим анализ лексем в различных аспектах при четком определении тематики и очерчивании периода бытования слов, что становится основанием для определения цели данной работы — рассмотреть наименования хозяйственных построек, фиксирующиеся в XVII–XVIII вв. и современных воронежских говорах, в аспекте мотивированности, а также проследить зависимость сохранности значений лексических единиц от осознания или неосознания диалектоносителями внутренней формы слова.

Термин *внутренняя форма слова* является опорным для мотивологии и понимается исследователями по-разному. Традиционным истолкованием можно назвать следующее: «внутренняя форма слова — это один из ярких, бросающихся в глаза признаков предмета, который положен в основу наименования» [1]. Развёрнутое определение данного термина даёт О. И. Блинова: «внутренняя форма слова — это морфосемантическая структура слова, включающая морфемный состав и выражаемое им мотивационное значение и обусловливающая рациональность связи его звуковой оболочки и лексического значения» [2, 32].

Многими исследователями отмечается, что внутренняя форма служит средством реализации *мотивированности* слова. О. И. Блинова определяет

© Гальцова Д. Н., 2024

мотивированность как «структурно-семантическое свойство слова, позволяющее осознать обусловленность связи значения (семемы) и звуковой оболочки слова (лексемы) на основе соотносительности слова с языковой и неязыковой действительностью» [3, 186–187]. И. С. Торопцев отмечает, что «мотивированность связана с мотивировочным признаком, а не с классификационным» [4, 79]. Под *мотивировочным признаком* понимается «выраженный в слове непосредственно или опосредованно номинационный признак обозначаемого» [5, 24]. На основе обобщения мотивировочных признаков формируется *принцип номинации*, который является исходным правилом и одновременно базой для новых наименований [5, 28].

Обращение к принципам номинации в лексике, связанной с наименованиями хозяйственных помещений, неслучайно. Данные постройки

являются значимой частью материальной культуры русского народа, они характеризуются многообразием способов построения и различным функционалом. Однако в настоящее время изменяется уклад жизни, другими становятся особенности сельскохозяйственного производства и ведения домашнего хозяйства, поэтому присутствие большого количества надворных построек перестает быть обязательным даже в сельской местности, вследствие чего слова, составляющие тематическую группу, выходят из употребления, их значения трансформируются, что подчеркивает важность изучения данного пласта лексики.

Источниками материала исследования послужили: 1) «Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII вв.» В. И. Хитровой, т. 1–4, 2021–2022 гг. [6]; 2) «Словарь воронежских говоров», вып. 1–3, 2004–2019 гг. [7]; 3) картотека «Словаря воронежских говоров» (с 1946 г. по настоящее время); 4) персональная картотека автора (с 2015 г. по настоящее время). Всего было выявлено 98 наименований хозяйственных построек в современных воронежских говорах и 65 наименований — в документах воронежской деловой письменности.

Рассмотрим принципы номинации выявленных лексем.

I. Мотивированные наименования.

1. Номинация по названию животных, которые содержатся в данных постройках: *вол — воловник, воловня* ‘помещение для содержания волов’, ‘помещение для содержания скота’ (современные говоры) — ‘помещение для содержания волов’ (XVII–XVIII вв.); *гусь — гусятник* ‘помещение для содержания гусей’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *жеребенок — жеребятник* ‘помещение для содержания жеребят’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *коза — козлавка* ‘помещение для содержания коз’(XVII–XVIII вв.); *конь — конюшень, конюшня* ‘помещение для содержания лошадей’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *корова — коровник* ‘помещение для содержания коров’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *курица*, диал. *кура — курник, курятник* ‘помещение для содержания кур’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *кролик — крольчатник* ‘помещение для содержания кроликов’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *лошадь — лошадник* ‘помещение для содержания лощадей’(XVII–XVIII вв. и современные говоры); *овца — овчарух, овчарник, овчарня* ‘помещение для содержания овец’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры), *овчарень* ‘помещение для содержания овец; овечий хлев’(XVII–XVIII вв.); *свинья — свинарка, свинарник, свинарня, свинух, свинушник, свинятник, свиновник* ‘загон или помещение для содержания свиней’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *теленок — телятник* ‘помещение для содержания телят’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *утка — утятник* ‘помещение для содержания уток’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры).

2. Номинация по местонахождению называемой реалии: *бок — боковка* ‘чулан, пристроенный к боковой стене избы для складывания продуктов или скарба’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *кут* ‘угол’ — *закута* ‘помещение для содержание скота; хлев’, ‘отгороженное место для скота’, ‘коровник’, ‘конюшня’, ‘свинарник’, ‘подсобное помещение хозяйственного назначения; чулан, кладовая’, ‘пристройка к дому’, ‘туалет’ (современные говоры) — ‘помещение для мелкого скота’, ‘постройка для хранения продовольствия, инвентаря, сырья; кладовая’ (XVII–XVIII вв.); *навес — поднавес* ‘крытый загон, навес’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *погреб — погребец, погребица, погребка* ‘наземная постройка над погребной ямой’, ‘погреб’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *клеть — приклет* ‘пристройка к клети, амбару и другим хозяйственным помещениям’ (современные говоры) — ‘пристройка к клети, амбару и другим хозяйственным помещениям’, ‘крыльцо перед амбаром’ (XVII–XVIII вв.), *приклеток* ‘пристройка к клети, амбару и другим хозяйственным помещениям, как правило, для хранения муки’ (современные говоры) — ‘пристройка к клети, амбару и другим хозяйственным помещениям’, ‘навес у ворот’ (XVII–XVIII вв.), *подклет* ‘погреб’, ‘подвал’ (современные говоры) — ‘нижний этаж жилой или хозяйственной постройки’ (XVII–XVIII вв.); *ледник* ‘погреб, набиваемый льдом’ — *поледница* ‘наземная постройка над ледником’ (XVII–XVIII вв.).

3. Номинация по содержанию в постройке сельскохозяйственной продукции, корма, инвентаря: *жито — житник, житница* ‘помещение для хранения зерна и других припасов’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры), *житня* ‘помещение для хранения зерна и других припасов’, ‘ёмкость для хранения зерна или муки’ (современные говоры) — ‘помещение для хранения зерна и других припасов’ (XVII–XVIII вв.); *колос* → ассоциативная связь с зерном — *колосник*

‘небольшое помещение для хранения зерна’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *хомут — нахомутник* ‘постройка для хранения конской упряжи’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *полова* ‘отходы при обмолоте и очистке зерна хлебных злаков; мякина’ — *половень, половня* ‘постройка для хранения сена и соломы’, ‘постройка для обмолота зерна’, ‘постройка для хранения сельскохозяйственного инвентаря’ (современные говоры) — ‘постройка для хранения половы, соломы’ (XVII–XVIII вв.); *сено — сенник, сенница* ‘помещение для хранения сена’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *солома — соломянка* ‘помещение для хранения соломы’, ‘помещение для хранения корма скоту’ (современные говоры) — ‘помещение для хранения соломы’ (XVII–XVIII вв.).

4. Номинация по способу построения помещения: *мазать — мазанка* ‘сарай, обмазанный глиной’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры); *плести — плетенюшка* ‘загон для крупного рогатого скота, сплетенный из хвороста’ (современные говоры).

5. Номинация по названию материала, используемого в построении: *саман* ‘кирпич из глинистого грунта с добавлением соломы’ — *саманка* ‘помещение для содержание скота, сделанное из самана’ (XVII–XVIII вв. и современные говоры).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что слова и значения в большинстве своем не изменяются на протяжении четырех столетий, если их внутренняя форма остается прозрачной. Обширную группу таких лексем составляют ***наименования, имеющие номинацию по названию животных***, которые содержатся в данных постройках: *гусятник, жеребятник, конюшень, конюшня, коровник, курник, курятник, крольчатник, лошадник, овчарух, овчарник, овчарня, свинарка, свинарник, свинарня, свинушник, свинятник, телятник, утятник.* Названия домашних животных, находящихся в данных постройках, поддерживают устойчивую ассоциативную связь с назначением помещения, вследствие чего лексемы, как правило, сохраняются и значения их не изменяются. Однако отмечены наименования, которые имеют прозрачную внутреннюю форму, но не фиксируются в современных говорах, вероятнее всего, утрачены (*козлавка, овчарень*). Кроме того, в некоторых современных воронежских говорах слова *воловник, воловня* расширили свое значение, стали обозначать помещение для содержания не только волов, но и остального скота. Возможно, здесь повлиял экстралингвистический фактор: в настоящее время в Воронежской области волов в качестве домашних животных практически перестали держать, следовательно, сохранившееся из прошлого название не находит применения, происходит семантический перенос на основе метонимии.

Сохраняется также большая часть значений лексем, имеющих ***номинацию по содержанию в постройке продукции, корма, инвентаря***: *житник, житница, колосник, нахомутник, сенник, сенница.* Однако в некоторых случаях сохранения значения не происходит, оно расширяется, подстраиваясь под новые реалии. *Житней* уже может называться не только помещение для хранения зерна, но и емкость для хранения зерна или муки, так как отдельное помещение для данной продукции сейчас не является обязательным. Аналогичная ситуация происходит с семантикой слова *соломянка*: в настоящее время оно обозначает как традиционное помещение для хранения соломы, так и постройку для хранения любого корма, потому что современные небольшие домашние хозяйства не нуждаются в отдельном помещении конкретно для соломы. Лексемы *половень, половня* являются мотивированными словом *полова*, однако оно выходит из употребления в некоторых воронежских говорах, часто заменяется на более распространенное слово *мякина*, поэтому к экстралингвистическому фактору ненадобности построек со столь дробным функционалом добавляется собственно лингвистическая причина: мотивация данного наименования для диалектоносителей уже не является очевидной, в связи с чем происходит деэтимологизация и расширение значения идет быстрее, чем в двух предыдущих случаях, в дополнение к традиционному ‘постройка для хранения половы, сена и соломы’ добавляются новые — ‘постройка для обмолота зерна’ (значение сохраняет связь *с половой* как отходами от обработки зерна) и ‘постройка для хранения сельскохозяйственного инвентаря’ (значение не связано со словом *полова*).

Лексемы, мотивированные местонахождением называемой реалии, сохраняют значения, как правило, в том случае, если слово, обозначающее место, сохраняется в говоре: *бок — боковка*, *навес — поднавес, погреб — погребец, погребица, погребка*.

Интерес представляет слово *закута*. В современных воронежских говорах данная лексема является мотивированной, так как слово *кут* в значении ‘угол’ повсеместно распространено на исследуемой территории, однако, несмотря на это, в настоящее время отмечено существенное расширение значения лексемы *закута*: помимо традиционных для XVII–XVIII вв. значений (‘помещение для мелкого скота’, ‘постройка для хранения продовольствия, инвентаря, сырья; кладовая’), развиваются новые (‘отгороженное место для скота’, ‘коровник’, ‘конюшня’, ‘свинарник’, ‘пристройка к дому’, ‘туалет’). Это может быть связано с широкой семантикой слова, так как уже в XVII–XVIII вв. *кут* обозначало ‘угол в избе; конец, угол, выступ чего-либо’ и геогр. ‘конец залива’ [8, вып. 11, 93], то есть имело общее значение не только части какого-либо помещения, пространства между двумя сходящимися стенами, но и конца, периферии, отдаления в принципе, в связи с чем при сохранении осознания внутренней формы мотивировочный признак не способствовал закреплению первоначальных значений, происходило расширение семантики.

Слова *приклет* и *приклеток* связаны с лексемой *клеть*, которая в современных говорах является немотивированной и существенно расширяет своё значение, изначально имея широкую семантику на общерусской территории: ‘помещение для хранения чего-либо’; ‘небольшое жилое помещение’; ‘монашеская келья’ [8, вып. 10, 56]. На воронежской территории в XVII–XVIII вв. фиксируются более конкретные значения ‘амбар, кладовая при доме’, ‘летнее помещение для спанья’ [6, т. 2, 233]. Современные говоры, помимо приведенных, дают еще более обширный спектр значений: ‘сарай для сена, соломы’, ‘помещение для скота, хлев’, ‘летняя кухня’, ‘отгороженная часть дома, где обычно спят незамужние девушки’, ‘надворная постройка, где собирались девушки’, ‘отгороженная часть постройки’, ‘жилая комната в доме’, ‘постройка, срубленная из бревен’, ‘нежилой дом’. Интересно, что производные слова *приклет* и *приклеток* в современных говорах имеют значение, логически следующее из первоначального обобщенного значения лексемы *клеть* с добавлением значения близости от приставки *при-*, то есть они всегда обозначают пристройку к клети, амбару и другим хозяйственным помещениям, но не обозначают пристройку к жилому строению или к огороженной части постройки.

Лексема *подклет* в современных говорах связь со словом *клеть* практически не сохраняет. Если в XVII–XVIII вв. так назывался нижний этаж жилой или хозяйственной постройки, то в говорах XX–XXI вв. данное наименование фиксируется лишь для обозначения погреба или подвала, что связано с экстралингвистическим фактором — утратой типа построения традиционных сельских помещений, имеющих два этажа. В отмеченном случае сохраняется лишь семантика низа (нижний этаж → погреб/подвал), в самом же значении происходит семантический сдвиг.

Номинации по способу построения и ***названию материала*** немногочисленны, поэтому данные для развернутого вывода об изменении значений в приведенных группах отсутствуют, однако можно предположить, что значения не станут поддерживаться ярким мотивировочным признаком, так как способы построения и названия строительных материалов не являются разнообразными и универсальными.

II. Немотивированные наименования.

Отметим, что в данном разделе отмечаются наименования, которые не являются мотивированными именно для современных информантов. Мы не исключаем, что в XVII–XVIII веках внутренняя форма некоторых из данных слов могла осознаваться носителями языка. Однако выявление сохранности, изменения либо утраты лексем, чему посвящено наше исследование, основывается на процессе развития семантики, следовательно, чтобы сделать вывод о причинах бытования или исчезновения наименований, важно рассмотреть восприятие слов диалектоносителями на современном этапе.

Ворок ‘крытый или некрытый загон для содержания, как правило, крупного рогатого скота или лошадей в дневное или летнее время’, ‘помещение для скота’, ‘летнее стойбище домашних животных’ (современные говоры) — ‘огороженное место, загон с навесом для скота’ (XVII–XVIII вв.).

По мнению М. Фасмера, связано со словами *вор, вора* ‘забор, ограда’ [9, т. 1, 350]. В. И. Даль также соотносит лексему *ворок* со словом *воры* и отсылает к глаголу *варять* ‘упреждать, опереживать, предварять, предостерегать, оберегать’ [10].

По мнению А. Е. Аникина, данное слово восходит к праславянскому **vorъ, -a* ‘ограждение, загон, жердь для изгороди’ (вост.), ‘мешок, связка’ (в основном зап.) от **verti*, **vьrǫ* ‘закрывать, запирать’, ‘плести’ [11, 229]. Ученый отмечает, что семантические различия дают основания думать и о независимой деривации от **verti* в разных славянских диалектах. Он также отмечает родство с литовским *vãras* ‘жердь (для забора)’, ‘планка для укрепления двери, стола и т.п., скрепка’, *vãrai* мн. ‘жерди, колья’ [11, 229].

Интерес представляет оборот *не ходити в воры* в следующем контексте: «*[крестьяне] … и* ***в воры*** *на лоси, и на медвѣжьи, и на волчьи и на лисьи поля не ходятъ*» (1599) [12, 28]. Толкуется в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» как ‘нести повинности в качестве загонщика в облавной охоте’. А. Е. Аникин отмечает, что слово *воры* обозначает здесь, возможно, засеки, ограждения при охоте загоном [11, 229].

Таким образом, вероятно, изначально *ворок* — это то, что огорожено. Данное значение сохраняется в XVII–XVIII вв., повсеместно бытует в современных воронежских говорах, но по принципу смежности развиваются другие значения: ‘помещение для скота’, ‘летнее стойбище домашних животных’.

Котух ‘помещение для содержания овец’, ‘помещение для содержания мелкого рогатого скота’, ‘помещение для содержания кур’, ‘помещение для содержания домашних животных (любых)’, ‘крытое хозяйственное строение; сарай, в котором могли спать летом’, ‘конура для собаки’ (современные говоры) — ‘помещение для скота’ (XVII–XVIII вв.).

Слово *котух* связывается М. Фасмером с *котец* ‘кошель, запруда для ловли рыбы’; в других славянских языках: укр. *котець* ‘закол для ловли рыбы’, сербохорв. *кòтац* ‘небольшой хлев для ягнят, козлят, курятник’, чеш. *kot, kotec* ‘маленький дом’, польск. *kojec* ‘курятник, перегородка в хлеву’ [9, т. 2, 354]. Считается родственным авест. *kata-* ‘комната, кладовая’, нов.-перс. *kad* ‘дом’ [9, т. 2, 351]. Однако Ф. П. Филин придерживается мнения о том, что слово *котух* образовалось от глагола *котиться* ‘производиться на свет (об овцах и др. животных)’ [13, 123].

Развернутая информация об этимологии анализируемого слова представлена в «Этимологическом словаре славянских языков». Отмечается, что ранее приоритетной была версия о германских исто-

ках славянского *kotъ ‘закут, хлев’ [14, 211]. Однако удовлетворительная германская этимология отсутствует, вероятный германский источник слова указать трудно. Кроме того, славянское слово не могло быть заимствовано из прагерманской формы, которая имела вид *kut-/*kaut-, а более близкие по форме и значениям немецкие *Kote*, *Kate*, нидерландское *kot* ‘хижина’, английское *cot* ‘хижина, хлев’, норвежское *kot* ‘комнатушка, загородка’ не могли быть заимствованы либо по хронологическим ограничениям (слово относится к праславянскому периоду), либо по ограничениям лингвистической географии [14, 211–212]. Авторы словаря говорят о том, что трудно отрицать близость слов и значений иранского *kata-* ‘(подземное) помещение’ и славянского *kotъ, *kotьcь ‘закут, хлев’, так как древним хлевом для мелких животных у славян был, видимо, род землянки, как и преимущественно «земляночным» было древнее жилище самих славян [14, 212]. Таким образом, сближаются слова *kotъ и *xata, отмечается, что слово *хата* до настоящего времени в некоторых говорах сохраняет «земляночное» значение. Делается вывод о древнем заимствовании формы *kotъ из иранского [14, 212].

В современных воронежских говорах у слова *котух* наблюдается конкретизация значения ‘помещение для скота’, так как выявляются следующие значения: ‘помещение для овец’, ‘помещение для кур’, ‘помещение для мелкого рогатого скота’.

Царина ‘огороженное место для скота’ (XVII–XVIII вв.), в современных русских воронежских говорах не фиксируется.

Данная лексема, по мнению В. И. Хитровой, была заимствована воронежскими говорами из украинского языка [15, 118]. В. И. Даль отмечает указанное слово с пометой «новороссийское» в значении ‘пахотная степь, поле или выгон’ [10]. В. П. Бурнашев об интересующей нас лексеме сообщает следующее: «1. В Новороссии называют так часть дачи, где производится посев и блюдется для сенокосов трава. 2. В прямом значении — жниво, в пространственном же смысле под словом *царина* разумеется всё пространство, где есть посеянный хлеб или снятый, только не более одного года. 3. В южной России так называются поля, засеянные зерновым хлебом и засеваемые много лет сряду» [16, 325]. А. А. Москаленко отметил данное слово со значением ‘поле, нива’ в молдавских грамотах XV века, причем отметил его как диалектное образование: «*А хотар томоу… черес* ***царину*** *на копану могилу*» [17, 55]. Лексему *царина* А. А. Москаленко рассматривает как молдаванизм [17, 55].

М. Фасмер указывает, что слово заимствовано из румынского *ţarină* ‘пашня’ [9]. Сходная точка зрения присутствует также в «Этимологическом словаре украинского языка»: «запозичення з румунської мови; рум. *ţarină* ‘поле, лан, нива, рілля’, як и *ţară* ‘країна, область, край, місцевість’, походять від лат. terra ‘земля; край, країна’» [18, 228–229]. Отметим, что первоначальные значения слова *царина* связаны с полем, пашней, то есть с сельскохозяйственными угодьями, однако уже в XVII–XVIII веках на воронежской территории развивается значение, напрямую не связанное с возделываемым участком земли: ‘огороженное место для скота’. Здесь нельзя не отметить сближение со словом *царай* в значении ‘сарай’, распространенным на исследуемой территории. В настоящее время в современных русских воронежских говорах слово *царина* не фиксируется ни в одном из значений.

Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что прослеживается определенная зависимость сохранности значений лексических единиц от осознания или неосознания диалектоносителями внутренней формы слова. Как показывает анализ материала, в большинстве случаев значения слов остаются неизменными на протяжении четырех веков при условии осознаваемой мотивированности лексемы: номинация по названию животных, которые содержатся в данных постройках (*гусятник, жеребятник, конюшень, конюшня, коровник, курник, курятник, крольчатник, лошадник, овчарух, овчарник, овчарня, свинарка, свинарник, свинарня, свинушник, свинятник, телятник, утятник*), номинация по содержанию в постройке сельскохозяйственной продукции, корма, инвентаря (*житник, житница, колосник, нахомутник, сенник, сенница),* номинация по местонахождению называемой реалии *(боковка*, *поднавес, погребец, погребица, погребка*). Однако даже при мотивированности значения могут не сохраняться и трансформироваться в следующих случаях: 1) при частичном процессе деэтимологизации (*половень, половня* — в одних говорах осознается связь со словом *полова*, в других — утеряна); 2) при мотиваторе с изначально расширенной семантикой (*кут — закута; клеть — приклет, приклеток*); 3) при влиянии экстралингвистических факторов *(воловник, воловня, соломянка).*

Немотивированные лексемы в подавляющем большинстве случаев расширяют значения, так как их внутренняя форма не привязана к какой-либо конкретной реалии (*ворок, котух*), либо утрачиваются в современных говорах (*царина*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня; АН СССР; ОЛЯ; общ. ред. ст. чл.- корр. АН СССР В. И. Борковского.— М.: Учпедгиз, 1958.— 536 с.

2. Блинова О. И. Термин и его мотивированность / О. И. Блинова // Терминология и культура речи.— М.: Наука, 1981.— С. 28–36.

3. Блинова О. И. Явление мотивации слов: Лексикологический аспект / О. И. Блинова.— Томск: Издательство Томского университета, 1984.— 192 с.

4. Торопцев И. С. Лексическая мотивированность / И. С. Торопцев.— Екатеринбург: Уральский государствен-

ный университет, 1964.— 307 с.

5. Блинова О. И. Введение в современную региональную лексикологию / О. И. Блинова.— Томск: Издательство Томского университета, 1975.— 258 с.

6. Хитрова В. И. Словарь воронежской деловой письменности XVII–XVIII веков / В. И. Хитрова; под общ. ред. И. Г. Добродомова.— Т. I–IV.— М.: Прометей, 2022–2023-.

7. Словарь воронежских говоров / Под ред. Г. Ф. Ковалева.— Вып. 1–3.— Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2004–2019-.

8. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР; Ин-т рус. яз.; Гл. ред.: Ю. С. Сорокин.— Вып. 1–19-.— Л.-СПб.: Наука, 1984–2011-.

9. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т / М. Фасмер.— М.: Прогресс, 1964–1973.

10. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / В. И. Даль.— М.: Русский язык, 1935.

11. Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 8.— М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт филологии Сибирского отделения РАН, 2014.— 352 с.

12. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; редкол.: С. Г. Бархударов и др.— Вып. 3.-М.: Наука, 1976.— 288 с.

13. Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров (по материалам сельскохозяйственной терминологии) / Ф. П. Филин.— Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936.— 208 с.

14. Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева.— Вып. 11.— М.: Наука, 1984.— 220 с.

15. Хитрова В. И. Местная лексика в языке воронежских рукописных памятников XVII — первой четверти XVIII веков: дис. … канд. филол. наук / В. И. Хитрова.— Воронеж, 1972.—440 с.

16. Бурнашев В. П. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. Том II / В. П. Бурнашев.— Санкт-Петербург: Типография К. Жернакова, 1844.— 415 с.

17. Москаленко А. А. Лексично-семантичні діалектизми в молдавських грамотах XV в. / А. А. Москаленко // Праці XIII республіканськоі діалектологічноі наради.— Київ: Наукова думка, 1970.

18. Етимологічний словник української мови / укладачі Г. П. Півторак, О. Д. Пономарів, І. А. Стоянов, О. Б. Ткаченко, А. М. Шамота.— Т. 6.— Київ: Наукова думка, 2012.— 566 с.

Воронежский государственный университет

Гальцова Д. Н., аспирант кафедры славянской филологии филологического факультета

E-mail: Darij98@yandex.ru

Voronezh State University

Galtsova D. N., Postgraduate Student of the Department of Slavic Philology of the Faculty of Philology

E-mail: Darij98@yandex.ru

УДК 347.471.33.37

О «ГЛУБИННОЙ КОМПОЗИЦИОННОЙ СТРУКТУРЕ» МЕМУАРНОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК ДЕКАБРИСТА» А. Е. РОЗЕНА)

О. А. Горбацевич

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2024 г.

Аннотация: *в работе рассматривается авторская позиция, реализованная в «глубинной композиционной структуре» (Б. А. Успенский) мемуаров декабриста А. Е. Розена, пережившего заключение в Петропавловской крепости и многолетнюю ссылку. Изучаются фразеологический, пространственно-временной, психологический и идеологический планы, в которых выражена авторская точка зрения.*
Ключевые слова: *А. Е. Розен, мемуарная проза, «эстетический документ», нарратор, идеология.*

Abstract: *the work considers the author's position established in the "deep compositional structure" (B. A. Uspensky's term) of Decembrist A. E. Rosen's memoirs, who survived imprisonment in the Peter and Paul Fortress and many years of exile. The phraseological, spatio-temporal, psychological and ideological plans in which the author's point of view is expressed are studied.*
Keywords: *A. E. Rosen, prose memoir, «aesthetic document», narrator, ideology.*

Декабристы оставили сотни страниц воспоминаний, они адресовали потомкам свои исповеди, в которых объясняли причины восстания 14 декабря 1825 г., длительный процесс подготовки к нему, вспоминали 1812 г., философствовали, так как были высокообразованными людьми, пытавшимися примирить теорию с практикой.

«Тюремный» и «каторжный текст» мемуаров декабристов, конечно, содержит описание моральных и физических страданий, лишений, но и свидетельствует о пережитых положительных эмоциях. Об этом пишет исследователь жизни и творчества Ф. Н. Глинки, участника Отечественной войны 1812 г., члена Союзов Спасения и Благоденствия: «В одном из стихотворений времен карельской ссылки он записал: "В твоей живительной волне переродилось все во мне"» [4, 317].

Известно, что возвратившиеся после тридцатилетнего николаевского царствования вольнолюбцы и «бунтовщики» удивили переживших «эпоху безочарования» не только «достоинством, твердостью, бодростью», но и цветущим видом («розы на щеках»), «улыбкою среди мук и горестей» [13, 277]. Благодаря общению с возвратившимися ссыльными (а также с членами их семей) выдающиеся отечественные писатели — Н. А. Некрасов, Л. Н. Толстой — приняли решение создать поэмы («Дедушка», «Русские женщины») и роман («Декабристы»).

О мемуарах («повествование от лица автора о реальных событиях прошлого, участником или очевидцем которых он был») [5, 216] писали самые авторитетные исследователи, что указывает на важность данного явления. Особое положение «записок о пережитом», этого *маргинального* жанра (находящегося между искусством и бытом), теоретически обосновал Ю. Н. Тынянов, отмечая такое свойство, как «литературность мемуаров и дневников в одной системе литературы и внелитературность в другой» [11, 273]. На подвижность границ «между художественным и внехудожественным, между литературой и нелитературой» [1, 476] указывал М. М. Бахтин. О важности для общелитературного процесса как романов (рассказов, повестей и пр.), так и «записок» размышлял Ю. В. Манн: «В формировании эстетических принципов мемуарная и — шире — документальная литература принимает почти такое же участие, как и литература собственно художественная» [6, 155]. Очень значительный признак «промежуточного жанра» подчеркнула Л. Я. Гинзбург, имея в виду его двойственную природу (тяготение к субъективной передаче переживаний и к объективному изложению фактов): «Литература воспоминаний, автобиографий, исповедей и "мыслей" ведет прямой разговор о человеке. Она подобна поэзии открытым и настойчивым присутствием автора» [3, 133].

Если обратиться к истокам «литературы воспоминаний», то это будут образцы, бытовавшие еще в Древней Руси, но настоящий расцвет данного «эстетического документа» приходится на XVIII век, так как, по справедливому замечанию А. Г. Тартаковского, мемуары основаны «на почве признания значимости индивидуального жизненного опыта личности и ощущения ею движения времени, из чего проистекает и ее потребность в историческом самосознании» [10, 8].

© Горбацевич О. А., 2024

В данной статье попытаемся рассмотреть мемуары барона Андрея Евгеньевича Розена (1799–1884), который, будучи молодым офицером, остановил на невском мосту свой взвод, не дав значительному количеству войск направиться расстреливать восставших. Исследователь «записок» декабристов, А. С. Немзер, отмечал: «Воспоминания Розена в чем-то похожи на его действия 14 декабря: мемуарист не стратег, а тактик, он не решает глобальных задач, а цепко фиксирует подробности. Размышляя о поражении, он сосредоточен на его военных аспектах. Словно проводится "штабная игра", ставится вопрос, что было бы, действуй мы чуть иначе (вопрос, кстати, мучающий многих историков и по сей день)» [7, 14].

Сказанное о стиле розеновских мемуаров, безусловно, верно, но в рефлексии «тактика», очень смелого человека, кроме «военного» анализа, на наш взгляд, присутствуют и созданные автором проникновенные образы: матери (переданы мистические ощущения потери в день ее кончины), ожидающей ребенка жены. Также присутствуют эпизоды, могущие перерасти в настоящие «вставные новеллы», наблюдается удивительная игра с грамматическими формами, можно встретить размышления (с точки зрения психологизма) о человеческом милосердии и черствости.

Указанные аспекты розеновского «эстетического документа» проанализируем под углом зрения учения Б. А. Успенского о «глубинной композиционной структуре», включающей планы *фразеологический* (описание «разных героев различным языком» [12, 30]); *пространственно-временно**й*** (фиксация точки зрения нарратора «в пространстве и во времени», информация о месте повествования, «определяемом в пространственных и временн***ы***х координатах» [12, 80]); *психологический* — авторское стремление «использовать какую-то *субъективную*» позицию (то есть опираться «на то или иное индивидуальное сознание»), а также «описывать события по возможности *объективно*», опираться на «факты» [12, 108]. Разумеется, наиважнейший план авторской позиции — точка зрения *идеологическая*, оценочная, если под этим понимать «общую систему идейного мировосприятия», то, как «автор в произведении оценивает и идеологически воспринимает изображаемый им мир» [12, 19].

Начнем с того, что рассмотрим, как с *фразеологической* точки зрения (в композиционном смысле) мемуарист оценивает одну из ситуаций — пребывание уже арестованных декабристов на «Главной гауптвахте Зимнего дворца» [9, 100]. В данном фрагменте важно обратить внимание на графические средства выражения авторского сознания: использование латиницы (при передаче французской речи), кавычек (для выделения прямой речи).

Дело в том, что Розену супруга передала записку, или же он ей приготовил ее, что в положении арестанта было недопустимо. Нарратор не уточняет, кто автор письма, и в этом случае выступает как *ненадежный* (unreliable narrator) [2, 159], то есть по определенным причинам (осторожен в положении арестанта) скрывающий правду от персонажей и читателя.

Некий сколь активный, столь и мелочный «полковник Микулин» залез в карман Розену, вытащил письмо, прочитал его («Sois tranquille, cher ami, Dieu me soutient, ménages-toi» [9, 102]. Это означало: «Будь спокоен, дорогой друг, Господь меня поддерживает, береги себя». Микулин усомнился в том, что автор записки — жена барона и, видимо, предположил, что сам Розен, вопреки правилам, хотел передать весточку домой (или получил ее от другого арестованного «бунтовщика»): «Помилуйте, да как же она пишет в мужском роде tranquille два ll и e!» [9, 102].

В этот момент («на счастие мое») появился неизмеримо более великодушный В. А. Перовский («адъютант государя») и (по-французски, демонстрируя знание этого языка) заставил замолчать придирчивого «ученого грамматика»: «Cessez donc, mon cher, vous dites des bêtises» («Оставьте же, друг мой, вы говорите глупости»).

Возникает вопрос: зачем мемуарист использовал два языка, иногда не давая перевода (скорее всего, это сделали уже редакторы цитируемого издания)? Видимо, прежде всего, для достоверности, ибо в то время дворяне чаще использовали французский (по словам Ю. М. Лотмана, «пароль» аристократов). Автор также хочет показать, что Перовский, хорошо знающий французский язык, решительно ставит точку в этом неуместном, на его взгляд, споре, усугубляющем положение Розена. Заметим, что речь Микулина передана косвенной и прямой речью, а итоговая реплика — прямой речью в кавычках (для убедительности). Как видно, представленная ситуация выявила основные черты характеров персонажей (осторожный «тактик» Розен, наглый Микулин, благородный Перовский), но при этом читатель так и не узнал, кто же на самом деле был автором таинственной записки!

Анализируя сходную текстовую ситуацию (реплики Наполеона то по-русски, что в реальности было бы совершенно невозможно, то по-французски) в «Войне и мире», Б. А. Успенский делает вывод о том, что Л. Н. Толстой использует языковую игру «для отсылки к тому или иному индивидуальному сознанию» [12, 77].

В качестве примера такого пласта «глубинной композиционной структуры», как *пространственно-временно**й***, рассмотрим фрагмент розеновского «эстетического документа», где показаны эмоции арестованного декабриста: «Со стесненным сердцем въехал я в ворота крепости; меня приветствовали колокольные звуки крепостных часов, старинных курантов, звонивших протяжно каждый час мелодию: «God save the king». В комендантском доме за-

стал я четырех офицеров: л.-гв. Измайловского полка Андреева, князя Вадбольского, Миллера и Малютина. Через полчаса вошел комендант на деревянной ноге, генерал-адъютант Сукин, прочел пакеты, поданные фельдъегерем, и объявил нам, что по высочайшему повелению приказано держать нас под арестом. В этой же комнате с нами стоял пожилой мужчина с проседью, в статском сюртуке, с анненским крестом, украшенным бриллиантами, на шее. Комендант обратился к нему, узнал его и воскликнул с укором: «Как! и ты здесь по этому же делу с этими господами?» — «Нет, ваше превосходительство, я под следствием за растрату строительного леса и корабельных снарядов».— «Ну, так слава Богу, любезный племянник»,— сказал комендант и родственно пожал руку честного чиновника» [9, 109–110].

Как видно, данная красноречивая сцена (воспроизведенная автором в деталях несмотря на значительный временной период между происшествием и мемуарной записью) описана и с помощью глаголов совершенного, а также несовершенного вида, глаголов «моментальных» и «не моментальных»: въехал, приветствовали, застал, вошел, прочел, объявил, держать, стоял, обратился, узнал, воскликнул, пожал и пр.

По замечанию Б. А. Успенского, «форма несовершенного вида противопоставлена форме совершенного вида прежде всего в плане позиции наблюдателя по отношению к данному действию (действию говорения). Она создает эффект продолженного времени — мы как бы помещаемся внутри данного действия, становясь по отношению к нему синхронными свидетелями» [12, 101]. В нашей ситуации чередование глаголов разных видов создает ощущение синхронности и ретроспективности, своеобразных «временны**ы**х качелей», что придает изображенной картине волнующей, приковывающей внимание читателя динамики.

В приведенном отрывке, как было отмечено, присутствуют глаголы «моментальные» (описывающие быстрое действие) и «не моментальные» (обозначающие «ситуацию, у которой есть либо внутренний предел, либо субъект, наделенный целью» [8, 86])[1]. Очевидно, что в розеновском фрагменте «моментальный глагол» *объявил* (сводящий ситуацию к «переходу в новое состояние» [8, 87], а именно: недавние дворяне и офицеры переведены на положение бесправных узников) и такие «не моментальные» глаголы, как *приветствовали* (меня), *прочел* (Сукин), чередуясь, дают представление о состоянии душевного волнения, об осознании неопределенности, некоего «остранения» (на фоне привычных, давно знакомых реалий Петербурга: крепость, бой часов и пр.).

Наконец, увенчавшая данную сценку (вполне претендующую быть «вставной новеллой» в мемуарах, ориентированных на факт, документ, точное изображение событий) *ирония* (по остроумному замечанию Т. Манна — «интеллектуальная оговорка») по отношению к проворовавшемуся «честному чиновнику», противопоставленному «нечестным» декабристам, явно может трактоваться как «запланированное автором участие читателя в интерпретации текста» [8, 216], то есть в качестве примера коммуникации *автор* (*нарратор) — читатель* (воспринимающая сторона).

«Точка зрения» в плане *психологии*, на наш взгляд, наиболее полно проявляется в рассматриваемых мемуарах при передаче эмоций декабриста (т.е. субъективно) и при изложении фактографически представленных сведений. Розен очень ценит поддержку, откровенно сообщает, что был «растроган» проявлением сочувствия, при этом автор прибегает к прямой речи, дабы точно процитировать высказывание доброжелательного и при этом самостоятельно мыслящего человека: «В числе караульных офицеров стоял добрый мой товарищ П. И. Греч, больше обыкновенного бледный от утомления беспокойного караула, кивнул головою и сказал: “Ах, душа! жаль тебя!”» [9, 101]; «При нас сменился караул, вошел славный комендант Башуцкий, осведомился о числе арестантов и, увидев меня, воскликнул: “Что это, боже мой! такой отличный офицер!”» [9, 101].

Такие эмоционально окрашенные фрагменты часто сменяются отрывками, снабженными военными терминами, названиями полков, описанием передвижений батальонов, взводов, приводятся даты, фамилии, топонимы, что формирует обширный «петербургский текст»: «Наконец в этот самый день занимал караулы во дворце, в Адмиралтействе, в Сенате, в присутственных местах 2-й батальон л.-гв. Финляндского полка под начальством полковника А. Ф. Моллера, старинного члена тайного общества; в его руках был дворец» [9, 96].

Приведенная смена объективного и субъективного планов придает мемуарам и живости, и достоверности, погружая читателя в ту тревожную атмосферу, которая характеризует описываемую эпоху.

Воспоминания Розена (как и других декабристов), безусловно, проникнуты *идеологически* окрашенной оценкой, в данном случае — с «доминирующей» [12, 19] авторской (мемуары не всегда предоставляют мнение других персонажей), включающей политический, этический, историко-социальный и философский «текст» и подтекст. Ценно мнение А. С. Немзера, утверждавшего, что «уже в следственной комиссии их оправдания переросли в *объяснения*, задачей же декабристской мемуаристики — серьезного ответа и на официальную ложь “Донесения” следственной комиссии или манифестов, и на круговорот сплетен,

[1] Для первого случая Е. В. Падучева приводит следующий пример: «очнулся, засмеялся», для второго — «Лужа высохла», для третьего — «Я умылся; Ваня поймал бабочку» (здесь «субъект достигает поставленной цели, т.е. возникает результат» [8, 86 и 87]).

и на молчание — стало именно объяснение, объяснение неразрывное с утверждением: мы были» [7, 10].

Автор «Записок» дает оценку деятельности Александра I, подводя итого его эпохе: «В борьбе с Наполеоном быв главным двигателем дел Европы, занимал он первое место между современными ему венценосцами» [9, 79]. О Николае I Розен стремится говорить с почтением, но в каждом слове чувствуется укор, связанный с сожалением о том, как мало было сделано для устранения беззакония, феодальной вседозволенности в России. Вот как переданы слова Н. А. Бестужева царю, намекнувшему о возможности «простить» заблудшего бунтовщика: «Ваше величество! в том и несчастье,— ответил Бестужев,— что вы все можете сделать; что вы выше закона: желаю, чтобы впредь жребий ваших подданных зависел от закона, а не от вашей угодности» [9, 106]. В данной реплике кроется ответ на вопрос о причинах восстания и возникновения самого декабристского движения, а также заявлена основная идеологическая концепция всех многочисленных мемуаров участников события, потрясшего все русское общество.

Итак, рассмотренные нами аспекты «глубинной композиционной структуры» («подход, связанный с определением *точек зрения*, с которых ведется повествование» [12, 9]) дают нам возможность уточнить некоторые особенности авторской позиции создателя «эстетического документа» — Розена. Описывая один из самых ярких и трагических эпизодов отечественной истории, мемуарист предстает как смелый и благородный человек, глубокий мыслитель, аналитик и, безусловно, патриот. Нельзя не согласиться с тем, что, «читая записки Розена, можно оценить меру духовной кротости и личного мужества рядового декабриста» [7, 14]. Черты личности в «нехудожественной прозе» проявляются на фоне талантливого изображения *ожившей* отдаленной эпохи с ее тревожными и значимыми событиями, до сих пор волнующими литераторов, ученых-филологов, историков, кинематографистов, социологов, культурологов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин.— М.: Художественная литература, 1975.— 504 с.

2. Booth W. C. The Rhetoric of Fiction / W. C. Booth. University of Chicago Press, 1961.— 572 p.

3. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Изд. 2-е / Л. Я. Гинзбург.— Л.: Художественная литература, 1976.— 448 с.

4. Карпец В. И. И мне равны и миг, и век / В. И. Карпец // Федор Николаевич Глинка. Сочинения.— М.: Советская Россия, 1986.— С. 309–328.

5. Литературный энциклопедический словарь / Под общей ред. В. М. Кожевникова и П. А. Николаева.— М.: Советская энциклопедия, 1987.— 752 с.

6. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн.— М.: Советский писатель, 1987.— 320 с.

7. Немзер А. С. Четверо о незабываемом (Мемуарная проза декабристов) / А. С. Немзер // Мемуары декабристов.— М.: Правда, 1988.— С. 5–18.

8. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. 2-е изд., испр. и доп. / Е. В. Падучева.— М.: Языки славянской культуры, 2010.— 480 с.

9. Розен А. Е. Записки декабриста / А. Е. Розен // Мемуары декабристов.— М.: Правда, 1988.— С. 77–164.

10. 10. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века / А. Г. Тартаковский.— М.: Археографический центр, 1997.— 354 с.

11. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов.— М.: Наука, 1977.— 574 с.

12. Успенский Б. А. Семиотика искусства: Поэтика композиции. Семиотика иконы. Статьи об искусстве / Б. А. Успенский.— М.: Языки славянской культуры, 2005.— 360 с.

13. Эйдельман Н. Я. «Быть может за хребтом Кавказа…» (Русская литература и общественная мысль первой половины XIX в. Кавказский контекст) / Н. Я. Эйдельман.— М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990.— 319 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Горбацевич О. А., соискатель кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы гуманитарного факультета.

E-mail: goa696@mail.ru

Voronezh State Pedagogical University

Gorbatsevich O. A., Postgraduate Student of the chair of theory, history and methods of teaching the Russian language and literature, Faculty of humanities,

E-mail: goa696@mail.ru

УДК 82–312.1

БУДДИЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ ЕГОРА ЛЕТОВА И АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ СЕРГЕЯ ЛЕТОВА: ВАРИАНТЫ ПРОРЫВА В ОБЛАСТЬ ПОДЛИННОЙ СВОБОДЫ

Л. В. Дубаков

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне,
Китайская Народная Республика

Поступила в редакцию 16 мая 2024 г.

Аннотация: *целью статьи является анализ буддийских мотивов, присутствующих в поэзии Егора Летова и в автобиографической прозе Сергея Летова. Предлагаются различные интерпретации летовского верлибра «Будда» — в аспекте состоявшейся и не состоявшейся буддийской духовной реализации героя, а также с точки зрения его духовной чистоты. Указанное стихотворение рассматривается само по себе и в контексте поэтического сборника «Ро!!!», в отдельных произведениях которого тоже можно обнаружить буддийские идеи и образы. Фиксируется, что в начале книги «Кандидат в Будды» Сергей Летов обращается к буддизму как к декоративному экзотическому элементу, в финале же буддизм видится ему тем, что оказывается способно противостоять современным глобализации, консумеризму и вульгарности. Теоретико-методологическая база работы основывается на исследованиях В. Н. Топорова (о «петербургском тексте»), П. В. Алексеева (о «мусульманском тексте»), Р. Ф. Бекметова (о буддийских и даосских мотивах в русской литературе XIX века). Структурно-семиотический подход, примененный Топоровым к городской сфере в художественном тексте, проецируется в религиозную сферу и дает возможность осмыслить специфику и функции буддийских идей и образов в конкретных литературных произведениях. Актуальность статьи обусловлена высоким интересом российского литературоведения в изучении вопросов, касающихся проблематики и поэтики русской рок-музыки и рок-поэзии. Новизна статьи определяется отсутствием научных работ, посвященных вопросу о буддийских мотивах в произведениях братьев Летовых.*

Ключевые слова: *русский рок, рок-поэзия, буддизм, поливариантная интерпретация, нон-фикшн.*

Abstract: *the purpose of the article is to analyze Buddhist motifs present in the poetry of Egor Letov and in the autobiographical prose of Sergey Letov. Various interpretations of the Letov's verlibre "Buddha" are offered — in the aspect of the Buddhist spiritual realization of the hero that took place and did not take place, as well as from the point of view of his spiritual purity. This poem is considered by itself and in the context of the poetry collection "Ro!!!", in some works of which one can also find Buddhist ideas and images. It is recorded that at the beginning of the book "Candidate for Buddha" Sergey Letov refers to Buddhism as a decorative exotic element, in the final, Buddhism is seen by him as being able to resist modern globalization, consumerism and vulgarity. The theoretical and methodological basis of the work is based on the research of V. Toporov (on the "Petersburg text"), P. Alekseev (on the "Muslim text"), R. Bekmetov (on Buddhist and Taoist motifs in Russian literature of the XIX century). The structural-semiotic approach applied by Toporov to the urban sphere in the literary text is projected into the religious sphere and makes it possible to comprehend the specifics and functions of Buddhist ideas and images in specific literary works. The relevance of the article is due to the high interest of Russian literary studies in the study of issues related to the problems and poetics of Russian rock music and rock poetry. The novelty of the article is determined by the lack of scientific papers devoted to the issue of Buddhist motifs in the works of the Letov brothers.*

Keywords: *Russian rock, rock poetry, Buddhism, multivariate interpretation, non-fiction.*

Егор Летов, прежде всего, человек христианского мировоззрения, с оговоркой о поиске им своего, надформального пути. Но при этом в его поэзии, помимо собственной разветвленной системы образов и смыслов, присутствуют многочисленные отсылки к различным философским, религиозным, культурным, литературным явлениям и текстам [1]. Если говорить о буддизме, то ряд его стихотворений/песен может быть прочитан сквозь буддийскую оптику. Например, в песне «Снаружи всех измерений» можно при желании и настойчивости увидеть некоторый намек на трансцендентное настроение дальневосточного буддизма. В песне «Зерно на мельницу» — аллюзию на нью-эйджевскую книгу Рама Дасса. И т.д.

© Дубаков Л. В., 2024

В настоящей статье, однако, анализу подвергается текст, в котором наличие буддийских мотивов несомненно. Это летовский верлибр «Будда» (26.9.1984).

Я упал с высокого дерева
И вот теперь
Весь поломанный
Валяюсь на травке
Смеюсь [2, 5]

Анализ производится с опорой на положения книги В. Н. Топорова о «петербургском тексте» русской литературы [3] и исходящих из нее исследований, заимствующих у Топорова структурно-семиотический подход и применяющих его к религиозной сфере. В этой связи прежде всего нужно назвать работу Р. Ф. Бекметова, что проанализировал «буддийский текст» как часть ориентального дискурса в истории русской литературы XIX века [4], и П. В. Алексеева, который описал «мусульманский текст» русской литературы в поэтике романтизма 1820–1830-х годов [5].

Стихотворение Егора Летова «Будда» можно интерпретировать по-разному, в зависимости от восприятия заглавного образа. Во-первых, будду этого верлибра, похожего на японскую танка, можно воспринять как Просветленного, что достигает Пробуждения под священным деревом Бодхи [6, 339]. Его падение — как низвержение «я», то есть человеческого эго — источника заблуждения и страданий: «Я упал». Или как нисхождение в земной мир с небес для помощи страдающим существам. Наречие «теперь» указывает на пребывание одержавшего победу над собой в настоящем. Согласно буддийским представлениям, прошлое и будущее, в которые, как правило, обращено сознание обычных людей, конвенциональны, так как одного еще нет, а другого уже нет [7, 171]. Глагольная форма настоящего времени также закрепляет момент существования Просветленного в состоянии здесь-и-сейчас. Ср. с рильковским «Буддой во славе»: «Doch in dir ist schon begonnen, / was die Sonnen übersteht» [8, 217]. Будде открыта вечность, он сможет пережить солнца. Смех как знак мудрости того, кто оказался за пределами обыденности. Ср. с рильковским «Буддой»: «Und er ist Stern. Und andre große Sterne, / die wir nicht sehen, stehen um ihn her», «Er, der vergißt was wir erfahren / und der erfährt was uns verweist» [8, 29]. Просветленный видит то, что недоступно простым людям.

Во-вторых, будда здесь может быть понят как попытка, как идеал, к которому стремился герой стихотворения. Его падение в таком случае — это следствие неудачи на духовном пути к вершине. В результате он оказывается духовно сломлен, а его смех — это выражение отчаяния. В интервью 1993 года газете «Лимонка» Егор Летов сказал следующее: «Я понял, что сам отход от реальности можно уподобить одному из путей реализации в буддизме. Там есть путь личного спасения и есть путь спасения коллективного. <…> …путь личного спасения ведет не просто в тупик, он ведет в места гораздо более страшные. Это я знаю как человек, испытавший этот путь. Это — путь одиночества. <…> …это — не мой путь» [9].

В рукописном сборнике «Ро!!!», который позволяет осмыслить первоначальный контекст, стихотворение «Будда» окружено верлибрами, тема которых — преодоление наличной реальности и катастрофа на пути. Об этом стихотворения «Речи замедляются…», «Посмотрел в дырку», «Маленький мальчик…», «Вороны», «Небо цвета мяса…», «Вся могила…», «Холод», «Мимикрия». Важно также, что вектор движения в каждом этих верлибров — сверху вниз, с неба на землю. Герой «Речи замедляются…» играет в самолетики под кроватью. Герой «Воронов» бежит придавленный сумраком и преследуемый птицами. В стихотворении «Небо цвета мяса…» герой спотыкается о мышь, и небо и земля для него меняются местами. И т.д. То же — в «Будде», где герой падает с дерева на травку.

В целом в сборнике «Ро!!!» много внутренних перекличек между текстами (их герой в поиске истинной реальности и настоящего себя среди холодного мертвого мира), а сами они провоцируют на прочтение в контексте восточной философии. В стихотворении «Сижу у забытой дороги…» герой сидит у дороги и наблюдает женщин, которых он воспринимает как часть майи — иллюзии в индуизме и буддизме. Подлинное состояние реальности героем забыто («забытая дорога»), потому что он привязался к земному бытию («Приземленные женщины / Такие земные»). Последний глагол — «не оторваться» [2, 3] — можно понять и как знак притяжения к майе и как констатацию отсутствия радости. В стихотворении «Глубокий старик» герой выходит на балкон, чтобы выпустить голубей, но ни клетки, ни голубей нет. Как и «Будду», смысл этого текста можно истолковать по-разному — и как безумие старого человека, которому всё мнится, и как попытку самоубийства (старик собирается «выпустить голубей / из бесчисленной клетки»: если у Летова здесь не перестановка прилагательного с «голубей» на «клетку», то речь может идти и о клетках человеческого тела и о насильственном освобождении души), и — по-буддийски– как фиксацию на пустотности реальности: клетки, голубей, как и самого старика, балкона и всего остального не существует в абсолютном смысле. Вообще в текстах «Ро!» множество образов пустотности и одновременно парадоксов в стиле дзэнских коанов: в белом лесу никого нет («Мимикрия»), мальчик играет на флейте отрубленными руками («Геноцид»). Стихотворение «По комнате летала пустота…» видится как поэтический парафраз идей «Сутры Сердца»: «Форма — пуста, Пустота — формна, Пустота есть не что иное, как форма, а также форма есть не что иное, как Пустота» [10, 9]:

По комнате летала пустота
В виде бабочки
Она была не черная и не белая
Просто пустая
Но в форме бабочки [2, 9].

Стихотворение «Когда я рухнул…» (5.06.1985) подкрепляет версию про неудачу, которую пережил герой написанного несколькими месяцами раньше «Будды»:

Когда я рухнул
С разломанной головой
Красный стон
Поднялся со дна
Моего одиночества

У этих верлибров схожий сюжет — падение: «упал» — «рухнул»,— схожи характеристики последствий падения: «весь поломанный» — «с разломанной головой»,— схожа сильная финальная эмоция: смех — стон. Возвращаясь к интервью Летова 1993 года, в котором появляется мысль о тупиковости личного пути, можно обратить внимание на повторенный здесь мотив одиночества: «*со дна* <…> *один*очества» [курсив наш.— *Л. Д.*], как и на повторенный акцент на эго: «я» и «моего» [2, 7].

В-третьих, возвращаясь к стихотворению «Будда», не исключен вариант комического истолкования заглавного образа. Будда здесь как ироническое обозначение человека, пробующего расширить границы сознания и ставшего неадекватным (ср. с фразеологизмом «с дуба рухнуть»). В этом контексте слово «травка» прочитывается как жаргонное название наркотика, а причастие «поломанный» оказывается созвучно жаргонному обозначению абстинентного синдрома. Смех в финале стихотворения — результат опьянения. С другой стороны, по мнению Н. М. Лётина, у Летова «декларативное употребление наркотиков — это своеобразная форма протеста, противопоставления» [11, 203], а тот, кто их употребляет, есть психонавт, некий мистик-исследователь.

Также несколько слов в представленной статье стоит сказать о буддийских мотивах в творчестве брата Егора Летова – Сергея, имея в виду их многообразные культурные и биографические связи.

Сергеем Летовым написана автобиографическая книга «Кандидат в Будды», название которой, по словам автора, «журналистское», направленное на привлечение внимания, и сам он предпочитает, чтобы слово «будда» читалось здесь с маленькой буквы, и говорит, что в любом случае правильнее было бы использовать слово «бодхисаттва»[12]. С. Летов не объясняет свою мысль, но с точки зрения буддийской догматики, даже несмотря на то, что название шуточное, а С. Летов считает себя агностиком, он прав, ведь будда — это человек высочайшей святости, достигший нирваны, то есть освобождения, а бодхисаттва — в одном из значений — тот, кто взял на себя обет помогать другим существам идти к освобождению. Наконец, быть «кандидатом в бодхисаттвы» — звучит скромнее даже в шутку.

Название «Кандидат в Будды» восходит к журнальной мистификации П. Капкина середины 1990-х годов, в которой тот сочинил альтернативную экзотическую биографию С. Летова. Согласно ей, Летова собирались ребенком продать в тибетский монастырь: «Тогдашний Далай-лама приказал найти голубоглазого светловолосого кудрявого мальчика, кандидата в Будды» [13, 56]. Летов, вначале возмутившийся журналистской вольностью, постепенно принял ее как курьез, в котором может быть какая-то часть внутренней правды.

В книге «Кандидат в Будды» он оставляет полусерьезные намеки на буддийский шлейф своей судьбы. Книга начинается с «Пространного предуведомления», в котором Летов говорит о «цепочке передачи» при изложении предания, то есть о тех людях и обстоятельствах, с которыми предание связано. Имеется в виду буддийская «линия передачи» (тиб. nyan brgyud) учения от учителя к ученику [6, 484]. Как иронически пишет критик М. Лобанов, это ему «необходимо для того, чтобы вычистить некие кармические пятна» [14]. В главе «Начало» Летов говорит, что родился на Востоке, и в общем контексте восточная часть СССР (г. Семипалатинск) оборачивается у него несоветской Азией. В главе «Начало на бис» об одном из своих учителей он говорит как о гуру, рассказы о приключениях которого напоминали «джатаки о перевоплощениях Будды» [15, 25].

Но декоративная экзотическая окантовка в книге превращается в серьезное сопоставление буддизма с современной культурой потребления. В главе «Бодхи и body», описывая фестиваль живой музыки и веры, проводившийся на развалинах древнего монастыря Устуу-Хурээ, Летов обращает внимание, что прорыв к «Сверхсмыслу», искренность лам и верующих, отсутствие украшательства и сентиментальности, которые он увидел в Туве, представляют иной образ буддизма и Будды, чем те, что «всуе и не к месту поминают отечественные поп-рок-певцы» [15, 145]. Контраст двух мировоззрений заложен уже в названии главы: созвучные слова полностью противоположны по смыслу — дух и тело. Кроме того, С. Летов обозначает в названии противостояние восточной, самоценной, и западной, глобалистской, культур.

Название этой главы прочитывается и иначе — через субъективное, личное видение С. Летова. Вспоминая о тувинском «sweet sacrifice», когда портрету ЕСДЛ XIV подносили торты, а потом разносили их куски всем участникам церемонии, и как в Гонконге монахи предлагали разделить свою пищу с паломниками, поднявшимися на гору к статуе Будды, он фиксирует, что буддизм не отрицает «телесный

низ», а напротив — встраивает его в иерархию ценностей на положенное ему место. Буддийская взвешенность и умение найти гармонию особенно привлекает автора книги в буддизме: «Для меня важно находиться в равновесии со средой, в этом есть коечто от буддизма…» [12]; «…с точки зрения китайского буддизма, суть учения передают не отвлеченные нравоучения и заповеди, а еда» [16]. О телесном низе и разбалансировках, с ним связанных, он будет говорить (выговариваться) в финале «Кандидата в Будды» в главах «Любовь и метеоризм» и «Вечно Женственное и медикаменты».

У братьев Летовых — разные судьбы, но безусловно они друг на друга в той или иной степени оказывали влияние, они не раз пересекались в зрелые годы, имели общие проекты в сфере культурного андеграунда 1980-х – нулевых годов настоящего века. Каждый из них — это отдельный, большой, сложный художественный мир. Но в разнообразии их культурного творчества нашлось место и для буддизма. Сложно оценивать глубину проникновения в буддизм у Егора и Сергея Летова, но факт творческого соприкосновения с буддизмом у обоих несомненен.

Стихотворение Е. Летова «Будда», несмотря на краткость, представляет собой текст, предоставляющий возможность множественного и даже полярного истолкования с точки зрения духовной реализации или не реализации, а также с точки зрения чистоты или нечистоты той духовной единицы, о которой в нем говорится. Также можно сказать, что противоположные смыслы, открывающиеся в этом стихотворении, присутствуют в нем одновременно и обусловлены стремлением поэта к «тотальному синтезу предельных крайностей» [17, 157]. «Будда», впервые опубликованный Летовым в рукописном сборнике «Ро!!!», имеет параллели к другим его стихотворениям, которые позволяют прояснить отдельные его мотивы и смысл в целом.

В автобиографической книге С. Летова «Кандидат в Будды», стиль которой «лаконичен, иногда предельно скуп» [18], хотя и напоминает джазовую импровизацию [19], фикциональная составляющая, как кажется, сконцентрирована во многом именно на буддизме. В начале книги буддизм выполняет по большей части декоративную функцию, но ближе к концу оказывается смысловым, поведенческим, эстетическим противовесом миру пошлости, консумеризма и глобализации [20]. Мистификация, сочиненная журналистом, спустя два десятилетия была принята и переосвоена С. Летовым, который увидел в буддизме намек на решение своих внутренних проблем.

Итак, братья Летовы актуализируют разные аспекты буддизма. Можно сказать, что Егор Летов видит в буддизме один из вариантов прорыва к экзистенции «как осмысленному существованию здесь и сейчас, обращенному к подлинному бытию в горизонте ясного осознания смерти» [21, 5], Сергей Летов – один из вариантов экзистенциального «противостояния» [21, 10] фальшивой, грубой, омертвляющей реальности современного мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дугин А. Г. Работа в черном / А. Г. Дугин.— Режим доступа: https://www.gr-oborona.ru/pub/pub/1056115072.html (дата обращения: 07.01.2024).

2. Дохлый Егор. «Ро!!!» (Коротенькие Гениалища).— 1983–1986. Избранное / Сост. Дохлый Егор и Серега Сергеев. Омск: Издательство ГрОб, 1986; М.: Выргород, 2019.— 15 с.

3. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М.: Издательская группа «Прогресс» — «Культура», 1995.— С. 259–367.

4. Бекметов Р. Ф. Русская литература и буддийско-даосский Восток (проблемы диалога) / Р. Ф. Бекметов. Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Редакционно-издательский центр “Школа”», 2018.— 328 с.

5. Алексеев П. В. Мусульманский Восток в литературе русского романтизма 1820–1830-х годов: монография / [П. В. Алексеев]; М-во образования и науки РФ, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования «Горно-Алтайский гос. ун-т». Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2014.— 186 с.

6. Неаполитанский С. М. Энциклопедия буддизма / С. М. Неаполитанский, С. А. Матвеев.— СПб.: Институт метафизики, 2007.— 928 с.

7. Федотов А. В. Категории пространства и времени в буддизме Ваджраяны и Учении Живой Этики (опыт сопоставления) / А. В. Федотов // Живая этика и наука.— 2013.— № 2.— С. 163–177.

8. Рильке Р. М. Новые стихотворения / Р. М. Рильке.— М.: Наука, 1977.— 544 с.

9. Егор Летов: именно так все и было. Творческо-политическая автобиография // Лимонка.— 1993.— № 2, 3.— Режим доступа: https://www.gr-oborona.ru/pub/anarhi/1056980189.html (дата обращения: 07.01.2024).

10. Сутра Сердца Победоносной Матери, Ушедшей-За-Пределы Совершенства Мудрости [bcom ldan ‘das ma shes rab kyi pha rol tu pyin pa’i snying bo]: текст и комментарий на основе устных наставлений Геше Джампа Тинлэя / Пер. с тиб. и сост. комментариев И. С. Урбанаева; Отв. ред. С. Ю. Лепехов; Рец. Ч. О. Адыгбай, С. П. Нестеркин, О. В. Доржигушаева.— Улан-Удэ: РИО Буддийской Общины «Зеленая Тара», 2006.— 184 с.

11. Лётин Н. Ю. Мифопоэтический контекст поэзии Егора Летова / Н. Ю. Лётин // Русская рок-поэзия: текст и контекст 2011.— № 12. С.— 195–204.

12. Сергей Летов: «Могу ли я еще раз переступить через себя? Могу» // Интервью А. Бессмысленного с С. Летовым // Сайт «Sadwave». 16 декабря 2014.— Режим доступа: https://sadwave.com/2014/12/sergey-letov/ (дата обращения: 07.01.2024).

13. Капкин П. Кандидат в Будды / П. Капкин // Сельская молодежь.— Ноябрь-декабрь 1995 г.— С. 56.

14. Лобанов М. Сергей Летов. «Кандидат в Будды» / М. Лобанов // Сайт «Reproduktor». 6 октября 2014.— Режим доступа: https://reproduktor.net/2014/10/sergej-letov-kandidat-v-buddy/ (дата обращения: 07.01.2024).

15. Летов С. Кандидат в Будды / С. Летов.— М.: Амфора, 2014.— 288 с.

16. Сергей Летов. Самое лучшее время // Интервью Д. Бессонова с С. Летовым // Сайт «Станок — некоммерческое издание о России и Туле».— 15 января 2018.— Режим доступа: https://stanok.space/russia/2018/01/15/sergei-letov (дата обращения: 07.01.2024).

17. Доманский Ю. В. Формульная поэтика Егора Летова: Монография Ю. В. Доманский.— М.; Калуга; Венеция: Bull Terrier Records, 2018.— 160 с.

18. Авакова Ю. Книга Сергея Летова: идеалистическое и отрезвляющее лекарство / Ю. Авакова // Российская газета.— 17 февраля 2015.— Режим доступа: https://rg.ru/2015/02/17/sfl-site.html (дата обращения: 07.01.2024).

19. Певчев А. Сергей Летов в режиме джазовой импровизации // Известия. 10 декабря 2014.— Режим доступа: https://iz.ru/news/580554 (дата обращения: 07.04.2023).

20. Визель М. Вышли две книги о независимой музыке 90-х / М. Визель // Ведомости. 10 декабря 2014.— Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/lifestyle/articles/2014/12/10/zvuki-iz-pustoty (дата обращения: 07.01.2024).

21. Смирникова Е. В. Экзистенциальные основания отечественного рок-андеграунда 1980-х годов: автореферат дис. … канд. искусствоведения / Смирникова Е. В.— Саратов, 2013.— 25 с.

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне, Китайская Народная Республика

Дубаков Л. В., кандидат филологических наук, доцент филологического факультета

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, PRC

Dubakov L. Vi., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Faculty of Philology

E-mail: dubakov_leonid@mail.ru

УДК 811.161.1

РОЛЬ ОЦЕНОЧНЫХ СУФФИКСОВ В ОСКОРБЛЕНИИ

Т. В. Ильина, О. А. Швецова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматривается роль оценочных суффиксов в определении признаков оскорбления, что может быть полезным экспертам, практикующим проведение лингвистических экспертиз (в том числе и по делам об оскорблении). В ходе исследования авторы выделили ряд оценочных суффиксов, влияющих на приобретение высказыванием неприличной формы, что имеет основное значение для квалификации его как оскорбительного. Сделанные выводы подкреплены исчерпывающим языковым материалом.*
Ключевые слова: *оскорбление, оценочный суффикс, деминутив, негативная информация, неприличная форма, лингвистическая экспертиза.*

Abstract: *the article examines the role of evaluative suffixes in determining the signs of insult, which may be useful for experts practicing linguistic expertise (including in cases of insult). In the course of the study, the authors identified a number of evaluative suffixes that affect the acquisition of an indecent form by a statement, which is of primary importance for qualifying it as offensive. The conclusions drawn are supported by comprehensive language material.*
Keywords: *insult, evaluative suffix, deminutive, negative information, indecent form, linguistic expertise.*

В конфликтной коммуникации лингвист-эксперт постоянно сталкивается с анализом того, *что* сказано в тексте о том или ином лице, *в какой форме* это сказано и с *какой целью*. К сожалению, в современной речевой практике всё чаще это сказанное оказывается унизительным и оскорбительным.

Оскорбление является одной из форм причинения морального вреда личности, что связано с распространением о человеке негативной информации. Под ***негативной информацией*** принято понимать выраженную при помощи языковых средств информацию о плохих свойствах, действиях человека, которые противоречат представлениям о норме (правовой, этической, религиозной и т.п.). «Это сведения о ситуации, событии (явлении, о лице, поступках лица), которые в системе ценностей данного общества (или на основании социально, культурологически обусловленных, национально специфических, местных стереотипов восприятия и реагирования) считаются нехорошими, непохвальными, неблагоприятными для данного социума, общественно осуждаемыми»,— подчеркивает Е. И. Галяшина [5, 256].

В экспертных заключениях по делам об оскорблении, подчеркивает К. И. Бринёв, конвенциональному «разрешению» подвергаются два концепта: ***оскорбительность*** либо ***оскорбление*** и ***неприличная форма*** [2, 106]. Под ***неприличной формой*** понимается «откровенно циничная, резко противоречащая нравственным нормам, правилам поведения в обществе форма унизительного обращения с человеком. Установление непристойности формы выражения негативной оцнки лица относится к компетенции суда. Наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом» [5, 277].

С лингвистической точки зрения, считает Е. И. Галяшина, ***неприличная форма*** — это «наличие высказываний в адрес гражданина, содержащих оскорбительную, непристойную лексику и фразеологию, которая оскорбляет общественную мораль, нарушает нормы общественных приличий. Эта лексика в момент опубликования текста воспринимается большинством читателей как недопустимая в печатном тексте (официально-деловом стиле речи)». Таким образом, ***неприличная форма*** применительно к лингвистической экспертизе — это форма оскорбительная, то есть содержащая оскорбительные для адресата (истца) слова и выражения, выраженные в неприличной и иной противоречащей общеппринятым нормам морали и нравственности форме [5, 290].

Основными критериями криминалистического диагностического комплекса ***неприличная форма*** являются, по мнению Е. И. Галяшиной, следующие: 1. лексикографический — представленность значения слова / устойчивого выражения в академических словарях и/или словарях субстандартной лексики русского языка; 2. стилистический — значения слов / устойчивых выражений стилистически маркированы пометами *нецензурное / обсценное / неприличное / вульгарное / вульгарно-просторечное / бранное / просторечное / сниженное*; 3. семантический — сло-

© Ильина Т. В., Швецова О. А., 2024

ва / устойчивые выражения, значения которых стилистически маркированы пометами *неприличное / вульгарное / вульгарно-просторечное*, семантически относятся к сексуальной / экскреторной лексике или образованы от слов, семантически относящихся к сексуальной / экскреторной лексике, либо относятся к инвективной лексике [5, 295].

Оскорбительная (инвективная, ругательная, бранная) лексика, по мнению составителей «Методических рекомендаций по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ»,— это лексика, которая «может употребляться как форма оскорбления или унижения адресата речи или третьего лица; потенциально оскорбительная. К инвективной относят прежде всего слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа *мерзавец* в конкретной ситуации может противоречить нормам общественной морали в не меньшей степени)» [1, 115].

В свою очередь, к неприличной (непристойной, обсценной, матерной) лексике относятся слова, которые в момент их опубликования считаются неприличными, недостойными того, чтобы быть напечатанными, хотя, возможно, и могущими быть произнесенными в определенной ситуации. «Непристойная лексика, неприличная лексика, обсценная лексика — грубейшие вульгарные выражения, которыми говорящий реагирует на ситуацию; такая лексика, как правило, табуирована, то есть запрещена для публичного употребления в силу сложившихся традиций»,— подчеркивают Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский и И. В. Жарков [1, 141].

Другие лингвисты, например, В. И. Желвис, И. А. Стернин, считают, что в российской общественной практике непристойность связана прежде всего с сексуальными понятиями — грубыми названиями гениталий, полового акта, половых отклонений и проч. [8, 227; 13, 16].

Таким образом, мы видим, что в настоящее время в лингвистической экспертологии относительно метаязыкового уровня кодирования информации не вызывает сомнений наличие лишь одной абсолютной нормы по отношению к языковым средствам: в русской речевой культуре негативно ценным (неприличным) считается употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность. Употребление других языковых средств оценивается как неприличное по отношению к другой шкале: оскорбление как форма речевого поведения считается неприличной, и в данном случае не является важным, в какой форме (обсценной, просторечной или литературной) было выражено оскорбление [2, 119].

В настоящее время лингвистами определены основные категории лексических и фразеологических единиц, которые в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для данного лица характер. К таким единицам относятся слова и выражения, обозначающие социально осуждаемую деятельность, например: *бандит, жулик, мошенник*; название ряда профессий, употребляемых в переносном значении, например: *мясник, палач*; фито-зоосемантические метафоры, подчеркивающие какие-либо отрицательные свойства человека, например: *корова* (неуклюжесть), *осёл* (глупость); слова, отражающие экспрессивную негативную оценку поведения человека, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию, например: *негодяй, хам*; глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой, например: *воровать, хапнуть*; прилагательные с осуждающим значением или негативной оценкой, например: *продажный, подлый*; эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер, например: *женщина легкого поведения, интердевочка*; нецензурные слова, использованные в качестве характеристики определенного лица; специальные негативно-оценочные каламбурные образования, например: *коммуняки, дерьмократы*; ненормативные лексико-фразеологические единицы из жаргонов, территориальных диалектов, просторечия, например: *растащиловка, козёл, вертухай*; пейоративные личные имена, например *Колька, Люська* в определенном контексте; деминутивы с суффиксами, придающими слову пренебрежительно-уменьшительный оттенок, например: *депутатишка, лекаришка, токаришка* [6, 33–35; 14, 333–349].

Легко заметить, что в основе экспертного анализа лежат категории, связанные с лексикой и фразеологией, однако особого внимания заслуживает последний пункт предложенного списка, так как деминутивы (производное имя существительное или прилагательное со значением малости, имеющее добавочный экспрессивно-эмоциональный оттенок значения ласкательности, сочувствия, умиления или, наоборот, уничижительности, пренебрежения могут являться носителями оскорбительного содержания [7].

На наш взгляд, роль деминутивов (конечно, не всех, а некоторых из них) незаслуженно умаляется лингвистами при проведении экспертиз.

Постараемся проанализировать ряд суффиксов, которые имеют не просто оценочное значение, а подчеркивают уничижительность лица, которому адресовано высказывание. Считаем, что лингвистам-экспертам стоит обращать на данные деминутивы внимание при составлении заключений.

1. Суффикс *-ишк-*. Существительные всех трех родов и pluralia tantum с суф. *-ишк-* имеют значение пренебрежительности, уничижительности. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется; при этом существительные жен. р. и одушевленные муж. р. относятся ко II скл. (флексия *-а* в им. п. ед. ч.),

а существительные сред. р. и неодушевленные муж. р.— к I скл. (флексия *-о*): а) *мыслишка*, *службишка*, *страстишка*, *лгунишка*; б) *письмишко*, *здоровьишко*, *одеялишко*, *народишко*, *хвостишко*, *городишко*. Существительные, мотивированные словами pluralia tantum, сохраняют эту характеристику: *дровишки*, *штанишки*, *людишки* [11, 295].

Данный тип продуктивен в разговорной и художественной речи.

Ученые указывают на продуктивность суффикса *-ишк-* в современном русском языке. Он встречается в производных мужского, женского, среднего и общего родов. Тип оценки слов с данными суффиксами определяется неоднозначно. В. В. Виноградов отмечает отрицательную коннотацию, называет суффиксом «с презрительным значением» [4, 124], З. А. Потиха также говорит о ее преобладании, но допускает наличие положительной семантики. В результате анализа суффикса *-ишк-* в русском языке XI–XVII вв. выделены два типа оценки, причем отрицательная коннотация реализуется чаще. Следовательно, несмотря на разные мнения, в целом видно, что в современном русском языке суффикс *-ишк-* сохранил морфологическую характеристику и свое значение [3, 6].

Данные Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) [9] подтверждают негативную окраску существительных, образованных с помощью суффикса *-ишк-*. Например: *Адвокатишка был дрянной* (Л. Н. Толстой.)*; Встреча назначена была с одним адвокатишкой паршивым, сам он по себе дырка от бублика, но со связями, стервец* (О. А. Славникова); *Я знаю одного полубезумного купчишку, больного манией преследования* (А. И. Алдан-Семенов); *Осипшим голосом он пытался кричать: — И этот подонок… это ничтожество… жалкий актеришка… паршивый Треплев… трепло…* (В. П. Катаев); *У Фроща везде могут быть свои глаза и уши, контрразведчик он неплохой, а человечишка поганый* (В. Черкасов).

Из сотни примеров нами не обнаружен ни один контекст, в котором данная лексема использовалась бы в ином значении, кроме уничижительности лица. Усугубляет оценку частое соседство существительного с определениями «паршивый», «дешевый», «дрянной», «поганый».

2. Суффиксы *-онк-/-ёнк-*. Существительные жен. и муж. р. и pluralia tantum с суф. *-онк-/ёнк-* имеют чаще уменьшительно-уничижительное значение. Родовая характеристика мотивирующего слова сохраняется; мотивирующие — одушевленные существительные муж. р., одушевленные и неодушевленные жен. р.: а) *мужичонка*, *старичонка*; б) *избёнка*, *душонка*; в) pluralia tantum: *зубёнки*, *деньжонки*. Парно-твердые согласные чередуются перед суффиксом с мягкими, заднеязычные — с шипящими: *баба — бабёнка* (прост.), *старуха — старушонка* [11, с. 166].

В. В. Виноградов считает, что основное значение суффикса *-онк-/-ёнк-* уничижительно-презрительное, называет его «продуктивным суффиксом с экспрессией презрения», реже это значение поглощается уменьшительно-ласкательным: *ручонка, рубашонка* (обычно в оценке неодушевленного предмета) [4, с. 125].

Тип продуктивен в разговорной, художественной и публицистической речи: *Кто-то потрогал меня за плечо — я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слез* (И. А. Бунин); *Зато две-то стороны разом не успеет обвести мертвой рукой зловредная старушонка, ежели опять придет под башенные стены* (В. Ю. Кунгурцева); *Муж у нее — этакий незаметный мужичонка с насморком* (И. Грекова); *Надоело мне это дело, говорю ему прямо: бездельник ты, непутевый, никчемный ты мужичонка!* (А. Русских); *— Да что! И так половина подружек — уже разведёнки. Брошенки* (О. Покровская); *Я окажусь обреченной на жалкое существование бедной одинокой разведёнки* (К. Яхонтова).

В текстах по данным НКРЯ [9] все найденные примеры, кроме предложений со словом *старушонка*, подтверждают мнение лингвистов о том, что продуктивный суффикс *-онк-/-ёнк-* подчеркивает намеренное презрительное отношение говорящего к названному лицу. В примерах с лексемой *старушонка* реже, но обнаруживалось уменьшительно-ласкательное значение. Например: *Посмотрев в сторону крика, я легко обнаружил его источник: маленькая старушонка по фамилии Чекушина, в платчонке, удивительно громко кричащая для своей комплекции и возраста* (А. А. Ботев).

3. Суффикс *-ёшк-*. Существительные жен. р. с суф. *-ёшк*(*а*) имеют уменьшительно-уничижительное значение: *рыбёшка*, *бабёшка*. Тип обнаруживает продуктивность в разговорной речи и просторечии.

Семантика суффикса *-ёшк-* в современном русском языке определяется неоднозначно. В настоящее время он используется для образования нарицательных производных. В. В. Виноградов считает, что суффикс *-ёшк-* «непродуктивный», «с резко выраженной экспрессией презрения» [4, 126].

НКРЯ [9] выдал иллюстративный материал, в котором четко определено уничижительное значение суффикса *–ёшк-*. Об этом же свидетельствует и контекст: *С разбитными думскими бабёшками, в командировках с неизбежными проститутками* (С. Шаргунов); *А также она не слишком стремилась выслушивать прозрения Толика о том, что всех заразила Катерина, что она «жадная бабёшка»*[1] *и «подстилка», и то, что Толик на нее никогда бы не польстился, ибо она не в его вкусе — слишком пухлая и дебелая* (Д. Симонова).

[1] Интересно отметить, что в слове *бабёшка* суффикс *–ёшк-* имеет уничижительное значение заметно больше, чем суффикс *-ёнк-* в слове *бабёнка*, однако суффикс *–ёнк/-онк-* в слове *мужичонка* всегда приобретает значение презрительности.

З. Д. Потиха подчеркивает, что формант *-ёшк-* «выделяется в нерегулярных существительных, обозначающих предметы и имеющих ласкательное значение: *матрёшка, рыбёшка* [10, 80]. Однако стоит отметить, что такое значение появляется у существительных, образованных от существительных, не обозначающих лицо (человека).

4. Суффикс *-ашк(а)*. С помощью суффикса *-ашк(а)* образуются разговорные или просторечные синонимы мотивирующих слов. Такие существительные, обозначающие лицо, содержат оттенок непринужденности, фамильярности, иногда грубоватости: *папашка, старикашка, побирашка.* Конечно, можно встретить существительные, в которых суффикс *-ашк-* не имеет значения презрительности (*мордашка, компашка*), однако смеем предположить, что это связано лишь с тем, что данные лексемы не называют лицо. Об этом свидетельствует и иллюстративный материал НКРЯ [9]: *Замшелый старикашка битый час наседал на дурня и невежду и, сломленный, громогласно обозвал гороховейца лопухом и тупицею* (А. Азольский); *Правду говоря, это вредный, склочный старикашка, состоящий в контрах не только со всем подъездом, но даже с кошками и собаками жильцов* (М. Б. Бару).

По мнению И. А. Стернина, оценочные высказывания могут быть негативно-оценочными и позитивно-оценочными: «Оскорбительными могут быть только негативные оценочные высказывания» [12, 193].

Проанализированные нами суффиксы *-ишк* , *-онк-/-ёнк-*, *-ёшк-*, *-ашк(а*) однозначно придают высказыванию негативную оценку, а значит, могут делать его оскорбительным. Кроме того, ключевой признак в оскорблении — «неприличная форма высказывания» — подразумевает не только обсценную лексику, но и разные стилистические пометы в словаре. Однако стоит напомнить, что стилистические пометы могут появляться именно в результате присоединения к стилистически нейтральной производящей основе оценочного суффикса. Справедливость данной мысли подтверждает и контекст, в котором находится предложенный в исследовании перечень оценочных суффиксов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бельчиков Ю. А. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ / Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков.— М.: ИПК «Информкнига», 2010.— 208 с.

2. Бринёв К. И. Судебная лингвистическая экспертиза: методология и методика: монография / К. И. Бринёв.— 3-е изд., стер.— М.: ФЛИНТА: Наука, 2017.— 304 с.

3. Веколова А. Ю. Система оценочных суффиксов субстантивного словообразования в русском языке XVIII–XXI вв. (на материале национального русского языка) / А. Ю. Веколова // Научные ведомости (серия «Гуманитарные науки»).— 2016.— № 28 (вып.32).— С. 5–10.

4. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / В. В. Виноградов.— М.: Высш. шк., 1986.— 640 с.

5. Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник / Е. И. Галяшина.— М.: Проспект, 2023.— 424 с.

6. Грачев М. А. Судебно-лингвистическая экспертиза: учебник / М. А. Грачев.— М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.— 360 с.

7. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова.— Режим доступа: https://gufo.me/dict/efremova, свободный.

8. Жельвис В. И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия / В. И. Желвис // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии.— Барнаул, 2000.— С. 194–206.

9. Национальный корпус русского языка.— Режим доступа: https:// https://ruscorpora.ru/, свободный.

10. Потиха З. А. Как сделаны слова в русском языке. Справочник служебных морфем: пособие для учителя / З. А. Потиха.— Л.: Просвещение, 1974.— 125 с.

11. Русская грамматика / [под ред. Н. Ю. Шведовой] — М.: Наука, 1980.— Т. 1.— 789 с.

12. Стернин И. А. Оскорбление в теории и практике лингвистических судебных экспертиз / И. А. Стернин // Коммуникативные исследования: сборник научных статей.— Воронеж: Истоки, 2004.— С. 191–199.

13. Стернин И. А. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста / И. А. Стернин, Л. Г. Антонова, Д. Л. Карпов, М. В. Шаманова.— Ярославль, 2013.— 35 с.

14. Цена слова: из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / Гильдия лингвистов-экспертов по док. и информ. спорам, Фонд защиты гласности; [авт.-сост. А. Н. Баранов и др.].— 3-е изд., испр. и доп.— М.: Галерея 2002.— 423 с.

Воронежский государственный университет

Ильина Т. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Швецова О. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: shvetsova@phil.vsu.ru

Voronezh State University

Ilina T. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language

E-mail: ilina@phil.vsu.ru

Shvetsova O. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language

E-mail: ilina@phil.vsu.ru

УДК 811.161.1

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КАТЕГОРИИ ВРЕМЕНИ В ПОЭЗИИ Е. П. РОСТОПЧИНОЙ

И. И. Качурина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 мая 2024 г.

Аннотация: *в статье представлены результаты комплексного анализа лексических средств языковой репрезентации категории времени в поэзии Е. П. Ростопчиной. С помощью языковой репрезентации традиционных моделей циклического и линейного времени автор стремится показать их взаимосвязь как основу целостного взгляда человека на мир. Целью анализа является выявление особенностей языковой картины мира в поэзии Е. П. Ростопчиной. Категория художественного времени в стихотворениях автора выстраивается в определенную систему, складывающуюся из отдельных слов, семантическая структура которых включает семы «время» и «количество»: миг, час, день, ночь, время года, век.*

Ключевые слова: *семантика, художественное время, языковая картина мира.*

Abstract: *the article presents the results of a comprehensive analysis of the lexical means of linguistic representation of the category of time in the poetry of E. P. Rostopchina. Through the linguistic representation of traditional models of cyclical and linear time, the author aims to demonstrate their interconnection as the basis of a holistic view of the world. The purpose of the analysis is to identify the features of the linguistic worldview in E. P. Rostopchina's poetry. The category of artistic time in the author's poems is structured into a specific system, composed of individual words, whose semantic structure includes the semes "time" and "quantity": moment, hour, day, night, season, century.*

Keywords: *semantics, artistic time, linguistic picture of the world.*

Категория времени относится к универсальным понятиям языкового сознания личности и служит базовой составляющей языковой картины мира любого народа. Однако универсализм данной категории не отменяет индивидуального представления о времени, сложившегося в языковом сознании отдельного индивида. Художественное время носит условный характер и является отражением авторской картины мира.

Еще в 70–80 гг. у лингвистов возникает интерес к проблеме актуализации категории времени в языке. Изучение языкового времени — это одна из наиболее разрабатываемых тем в современном языкознании. Разработкой исследований о проблеме воплощения категории времени в языке занимались А. А. Потебня [1], И. Р. Гальперин [2], А. В. Бондарко [3], Е. В. Тарасова [4], Е. Ю. Кандрашина [5].

При изучении языкового времени современные исследователи выделяют преимущественно две традиционные модели, впервые описанные М. Гюйо (1899 г.),— циклическое и линейное время. Позднее Б. А. Успенский расширил их понимание, отмечая, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное — историческому. Большинство современных ученых, в числе которых Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, сходится на том, что существуют две главные модели циклического и линейного времени, которые определили и два вида языкового времени. Н. Д. Арутюнова признает, что в абстрактной модели время формально, отвлеченно от мира и человека [6, 688]. Лишь присутствие человека в мире наполняет формальное время событиями.

Категория времени в поэзии имеет свою специфику. Время в лирике субъективно. Как правило, в поэтических произведениях оно передано как личное, не развернутое в подробную картину. Время — тот многоликий образ, через который поэт выражает свое "переживание жизни", разных сторон бытия, напряженное стремление проникнуть в смысл событий. Он размышляет о скоротечности времени и его бесконечной протяженности, о кратковременности существования человека на земле и его невозвратимости, о бурях и потрясениях в природе и человеческой душе.

В анализе языковой репрезентации универсальной категории «художественного времени» в поэзии Е. П. Ростопчиной мы опираемся на принципы контрастной поэтики, представленной в монографии И. Я. Чернухиной «Общие особенности поэтического текста»: «лингвистическим аспектом категории времени, или лингвистическим временем (темпоральностью), мы называем всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой

© Качурина И. И., 2024

категории» [7, 18]. Для выявления речевых средств воплощения художественного времени в тексте ориентируемся на языковые способы его лексического выражения. Рассмотрим основные номинативные единицы, отображающие аспекты категории времени, которые поэт использует в своих произведениях.

Категория времени в стихотворениях Е. П. Ростопчиной выстраивается в определенную систему, складывающуюся из отдельных темпоральных лексем, семемы которых включают семы «время» и «количество»: *миг, час, день, ночь, время года, век*. Отсутствуют *месяцы* и *недели*, очень редко представлен *год*. Каждая лексическая единица сопряжена с определенными событиями, происходящими в жизни лирического героя. Нельзя не согласиться с Е. С. Яковлевой, которая по этому поводу справедливо отмечает: «для русского языкового сознания характерна качественная спецификация времени: время — как вместилище событий — является другим названием для жизни, а жизнь мыслится и описывается в категориях времени (мгновений, эпох, моментов)» [8, 62]. Это указывает на склонность поэта к употреблению настоящего времени, а также на заостренность внимания к каждому часу и каждой минуте прожитой жизни. Прошлое и будущее в ее стихотворениях выступают как некие отправные точки по отношению к настоящему. Лирический герой представляет свое будущее как настоящее. Свое состояние в настоящем он переносит в будущее. Частотной для представления конкретного типа времени становится лексема «*час».*

Общеязыковое понимание дефиниции «час» представлено в «Толковом словаре живаго великорускаго языка» В. И. Даля: «час — время, времена, година, пора; | досуг, свобода от дел; | пора, срок, удобное к чему время» [9].

В индивидуально-авторской картине мира поэта «час» связан со значимыми событиями в духовной жизни лирического героя. События, происходящие в какой-либо «час», доставляют лирическому герою незабываемые эмоции, поднимают на новый духовный уровень, сулят благополучие в его дальнейшей жизни. У Е. П. Ростопчиной слово «час» входит в состав таких словосочетаний, как: «час мечтанья» [10, 68], «час благости» [10, 64], «час молебствия» [10, 109], «час надежд», «час блаженства», «самопознанья час», «час скромный рукоделий» [10, 114].

Если содержанием конкретного типа художественного времени является отражение жизненного отрезка, то одновременно стихотворение воплощает конкретный тип художественного состояния, на что указывает семантика слов, стоящих рядом и имеющих значение «исключительного состояния»: «спокойствие», «молчание», «святые думы», «надежды», «восторг», «блаженство» [10].

Время воспроизводится в лирике на основе его эмоционального восприятия субъектом речи. Слово «час» характеризуется следующими эпитетами: «блестящий», «необычайный», «счастливый», «сладостный», «торжественный», «нежданный», «горький» [10]. Когда наступает «час», события окружающей действительности замедляются, уходят на второй план, в этот момент чувственное моделирование может преобладать: «Двенадцать бьет, двенадцать бьет!.. / О, балов *час* блестящий,— / Как незаметен твой приход / Среди природы спящей!» [10, 99]; «В разуверенья горький *час*» [10, 102].

Выборочный анализ стихотворений Е. П. Ростопчиной показал, что в некоторых стихотворениях «час» приобретает конкретные временные характеристики «вечерний», «краткий». Это свидетельствует о том, что при восприятии времени в определенные моменты имеет место «умозрительность» и рефлексия. В таких стихотворениях чаще всего субъектом переживается важное событие.

Подводя итог анализу языковой репрезентации слова «час», важно отметить, что конкретный тип времени в поэзии Е. П. Ростопчиной неразрывно связан с конкретным типом состояния и события, а иногда совмещен и с конкретным типом пространства. Лирический герой находится в состоянии уединения, совершая глубокую мыслительную работу. События, происходящие в какой-либо час, сопровождаются действиями, которые выражены различными глаголами в настоящем времени: «переберу», «грустит», «молится», «плачет», «дрожит», а также глаголами неопределенной формы: «припоминать денные впечатления», «переживать прожитые волнения», «дни считать», «рассчитывать мгновения». Каждый час важен для автора, о чем свидетельствует частотное употребление этого слова в форме единственного числа.

Еще одной частотной лексическое единицей категории времени становится «день». В толковом словаре В. И. Даля дается следующее значение дня — «сутки; | противоположна ночь; время от восхода до заката солнца; от утренней до вечерней зари; в самом тесном знач. часы около полудня, отделяющие утро и вечер» [9]. «День» в стихотворениях Е. П. Ростопчиной приобретает индивидуально-авторские языковые характеристики в виде прилагательных «скучный», «потерянный», «ясный», «духовный».

А также слово «день» может стоять в словосочетаниях, отражающих конкретный тип художественного состояния, а иногда события: «день суетных волнений», «дни без солнца, без веселья, туманные», «златые счастья дни».

Лексическая единица «день» часто встречается в контексте противопоставления. Субъект конкретного времени различается: «дни счастья» и «дни печали» [10, 171], «суетный день» и «духовный день» [10, 128], «природы день» и «день подложный» [10, 72].

Слово «день» может быть в форме единственного и множественного числа. Часто можно встре-

тить характеристику «младые дни» или «младой день» [10, 72].

В контексте первого примера есть имплицитное сравнение дня с годом. Автор стремится вложить в понятие конкретного типа времени «день» расширенное значение, искусственно увеличивает до года, чтобы показать, насколько важен в молодости каждый день. В стихотворении «Безнадежность» есть и эксплицитное сравнение года и дня. В индивидуально-авторском восприятии Е. П. Ростопчиной «день» связан с категориями пространства и состояния. При воплощении конкретного типа художественного времени также изображается пространство («безжизненная степь», «безмолвная тишина») и воспроизводится переживаемое состояние лирической героини («наедине с напрасными и грустными мечтами» [10, 77]). В другом примере года сужаются в своем значении до «потерянных дней». Конкретный тип художественного времени не имеет определенной протяженности.

Е. П. Ростопчина использует указательные местоимения «те», «такие», чтобы показать, что есть особенные дни для переживания определенного состояния, испытываемого лирическим героем: «*В те дни,— гляжу,— и солнце ярче блещет…*» [10, 71], «*Те дни мечты и горды и прекрасны*» [10, 71], «*Ее я помню в дни такие: / Как хороша она была!..*» [10, 102], *«В такие дни всем встречным развлеченьям / Бесспорно мы мгновенья отдаем» [10, 157].*

Практически все важные события в жизни лирического героя происходят за один или несколько дней. Нет точного числового указания на количество дней. Суточный цикл в стихотворениях Е. П. Ростопчиной включает в себя не только день, но и ночь, которая в стихотворениях Е. П. Ростопчиной изображается реже.

Ночь в общеязыковом понимании имеет несколько значений:

— время, когда солнце бывает под закроем (горизонтом), противопол. день;

— *невежество, незнание истин и добра; мрак духовный. Народ этот, умом и сердцем, живет в ночи [9]. Как отмечают некоторые исследователи, в русском языковом сознании это время суток является пустым, без какой-либо деятельности, некий провал, за которым идет утро, когда все начинается. Ночь может символизировать как распад, так и покой [11].

Для Е. П. Ростопчиной ночь — вдохновенное время, обладающее особенным очарованием. Ночь сравнивается с чудом, вызывающим удивление, характеризуется «теплой», «ароматной». Интересно, что в стихотворениях Е. П. Ростопчиной только это художественное время воспроизводится на основе его тактильного и обонятельного восприятия субъектом речи: «*А ночь-то… а ночь!.. что за диво!.. / Тепла, ароматна она…*» [10, 86].

Визуальный способ восприятия не преобладает, как в предыдущих примерах, потому что ночь предполагает отсутствие света и препятствует возможности видеть в темноте. Ночь непосредственно связана с внутренними процессами, с душой и сердцем, воплощающими художественное состояние страсти и тоски лирической героини: «*Прелесть ночи с жадной страстью / Пью душой моей…*» [10, 210]; «*Ветер свищет, ветер воет, / Ночь темна и холодна; / Сердце тяжко, тяжко ноет, / И томит его тоска*» [10, 46].

Е. П. Ростопчина выделяет еще одно время суток — вечер. Он характеризуется задумчивым и мечтательным состоянием лирического героя, предполагающим воспоминания о чем-то очень важном: «*Люблю я колокол унылый / В вечерний час*, *вдали сует*» [10, 53]; «*Вы вспомните меня, мечтая одиноко / Под вечер, в сумерки, в таинственной тиши*» [10, 84].

Такое индивидуально-авторское понимание лексической единицы «вечер» очень схоже с универсальным понятием, отраженным в «Словаре русской ментальности» В. В. Колесова: «Вечер — время суток после окончания дня до наступления ночи, показывающее завершение дневных трудов и приближение отдыха или служения. Вечер связывается с усталостью и неспособностью к новым свершениям и в то же время дает возможность оценить прошедший день» [11].

Фактом существования цикличности категории времени в поэзии Е. П. Ростопчиной является изображение времен года. В поэзии Е. П. Ростопчиной представлены три времени года: весна, зима и осень.

Весна связана с мотивом воскресения и обновления. Весна дает надежду на радость и новую жизнь:

— «Вся природа обновится, / Воскресит ее *весна»* [10, 46].

— «А я, рожденная для солнца и *весны»* [10, 62].

— «Близка, близка *весна*! Все радуется ей…» [10, 158].

— *«Весна* пришла!.. Ее дыханье / Вселенной жизнь дарует вновь…» [10, 247].

Зима представлена в нескольких стихотворениях. С одной стороны, это время «крещенских морозов», когда холодно и вся природа спит. А с другой стороны, это время теплых душевных встреч с друзьями и близкими. Поэту жаль, что после долгой зимы все собираются разъезжаться и не будет больше «чайного стола, бесед заполночных, с друзьями сообщенья ежеминутного»:

— «Мне жаль, что как виденье / Из теплых жизни *зим* еще одна прошла!» [10, 158].

— «Когда, порой *зимы*, так рано вечереет, / И солнце без лучей на западе тускнеет, / Мне жаль, мне жаль младого дня…» [10, 72].

— «Примета скучных *зимних дней*, / Снегов, морозов предвещанье, / Двойные рамы здесь!..» [10, 112].

Упоминание об осени редко появляется в стихотворениях, но осень изображается как любимое время года поэта: «И я отдам *весну* младую / Со всею жатвой гордых роз / *За осень* бледную, нагую / Иль *за порывы летних гроз*!.. [10, 46].

В экспрессивных конструкциях, когда речь идет о дальнейшей судьбе лирической героини, используется лексема «*навек*» в разных словоформах:

«*Навек* дала благой обет…» [10, 56]; «О, пусть сокроются *навек* мои мечты» [10, 99]; «Увы!.. Увы!.. Та жаркая рука,— / Она в гробу!.. она *навек* остыла» [10, 152]; «С поэзию простился он *навек* / И с прозою сухою помирился» [10, 242].

Особым образом в стихотворениях Е. П. Ростопчиной осмысливаются годы детства. Они связаны с волнительными временами. Воспоминание о них появляется только в мечтах и то «на миг»: «И мне волшебницей мечтою / *На миг* дни детства вновь даны» [10, 30].

Происхождение слова «миг» непосредственно связано с глаголом «мигать», то есть, закрыв глаза, можно понять, что все прошло, кратковременное настоящее стало прошлым. Но в стихотворениях Ростопчиной также есть и обратная ситуация, если мгновение прекрасно, то лирический герой способен остановить время и запомнить его надолго:

«Ты сопряжен / *Навек* в моем воспоминаньи / С годами детства моего, / С рожденьем пламенных мечтаний / В уме моем». [10, 126]

В последние годы жизни Е. П. Ростопчиной в поэзии появляется тема безысходности человеческой жизни, приближения смерти как неизбежности и восприятия времени как рока: «Приходят *дни*, и *дни* уходят, / Им счета не держу уж я; / Они надежды не приводят / В мир, безнадежный для меня» [10, 266]

Системный анализ языковой репрезентации категории времени, основанный на теоретических положениях, позволяет сделать определенные выводы о том, что художественное время в стихотворениях Е. П. Ростопчиной представлено широкой парадигмой, начинающейся с незначительного мига и заканчивающейся веком. Поэтесса часто вспоминает прошлое, сравнивая его с настоящим. Годы детства в стихотворениях можно вспомнить лишь «на миг», а годы старости подвергаются философскому осмыслению, подразумевающему связь с вечностью («навек»).

Время в поэзии Е. П. Ростопчиной характеризуется субъективностью.

Лирический герой воспринимает время через призму своего художественного состояния, своих действий и поступков. Время имеет для него смысл лишь в связи с событиями его собственной жизни. Категория времени и человек рассматриваются как взаимосвязанные и взаимодействующие величины. Ход времени может меняться, ускоряться, замедляться или даже останавливаться в зависимости от происходящих событий и состояния лирического героя.

Категория времени в языковой картине мира Е. П. Ростопчиной чрезвычайно сложна и многогранна, что объясняет большое количество отдельных темпоральных лексем. Но необходимо отметить, что их объединяют признаки линейности (прошлое, настоящее и будущее наступают последовательно) и цикличности (присутствует деление на день, вечер и ночь, времена года), которые в рамках языковой картины мира дополняют друг друга. Жизнь лирического героя, как и любой процесс, циклично меняется, но одновременно, вместе со временем, линейно движется вперед.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня.— М.: Искусство, 1976.— 613 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин — М., 2006.— 144 с.
3. Бондарко А. В. Темпоральность. Модальность / А. В. Бондарко.— Л., 1990.— 262 с.
4. Тарасова Е. В. О многоаспектной природе времени (время физическое, перцептуальное, языковое, художественное и лингвистическое) / Е. В. Тарасова // Вест. Харьков. ун-та.— Харьков, 1989.
5. Кандрашина Е. Ю. Представление знаний о времени и пространстве в интеллектуальных системах / Е. Ю. Кандрашина, Л. В. Литвинцева, Д. А. Поспелова.— М.: Наука, 1989.— 328 с.
6. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова.— М.: Языки русской культуры, 1999.— 895 с.
7. Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста / И. Я. Чернухина.— Воронеж: ВГУ, 1987.— 158 с.
8. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // «Вопросы языкознания» — М.: Деловые медиа, 1998.— № 3.— С. 62 (43–73).
9. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль.— Санкт-Петербург: Москва, 1880–1882.— Т. 1–4.— Режим доступа: https://slovardalja.net/word.php?wordid=19133 (Дата обращения 04.05.2024)
10. Ростопчина Е. П. Стихотворения. Проза. Письма / Е. П. Ростопчина.— М.: Советская Россия, 1986.— 447 с.
11. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов.— В 2 т.— Т. 2. П-Я.— СПб.: Златоуст, 2014.— 592 с.

Воронежский государственный университет
Качурина И. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru

Voronezh State University
Kachurina I. I., Postgraduate student of the department of the Russian language
E-mail: Ira.sarabi@yandex.ru

УДК 811.1'42

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ТОПОНИМОВ В ЗАГОЛОВКАХ МЕДИАТЕКСТОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЕМАТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ)

В. В. Корнева, И. Н. Разворотнева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 28 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется функционально-семиотический потенциал топонимов в заголовках российских и испанских медиатекстов международной тематики. Рассматриваются частотность топонимов и их использование в заголовках в качестве средств первичной и вторичной номинации. Описываются основные типы метонимической номинации отдельных классов топонимов. Делаются выводы о закономерностях функционирования топонимов в заголовках медиатекстов на русском и испанском языках.*
Ключевые слова: *медиатекст, заголовок, топоним, первичная номинация, вторичная номинация, метонимическая номинация, деонимизация, русский язык, испанский язык*

Abstract: *the article analyzes the functional-semiotic potential of toponyms in the headlines of Russian and Spanish media texts on international topics. The frequency of toponyms and their use in headings as means of primary and secondary nomination are studied. The main types of metonymic nomination of individual classes of toponyms are described. Conclusions are drawn about patterns of the functioning of toponyms in the headlines of media texts in Russian and Spanish.*
Keywords: *media text, headline, toponym, primary nomination, secondary nomination, metonymic nomination, deonymization, Russian language, Spanish language*

ВВЕДЕНИЕ

Отмеченный во второй половине XX века интерес к изучению имени собственного в новой научной парадигме не только не угас, но, напротив, вспыхнул с новой силой. Опираясь на достижения своих предшественников, которые разрабатывали общие вопросы теории имени собственного [1; 2; 3], создавали классификации разных видов онимов и изучали их семантику [1; 3], ученые стали исследовать национально-культурную специфику данных языковых единиц [4; 5; 6; 7; 8; 9], когнитивные механизмы их образования (см. обзор в [8]) и функциональные свойства [10].

В последние годы интерес лингвистов сместился в сторону изучения особенностей функционирования онимов в разных типах текста. Функциональные свойства антропонимов и топонимов в художественной литературе описаны достаточно подробно (см., например, [4; 10; 11]). Обратили ученые внимание и на возможности использования антропонимов в терминологии, в СМИ [4; 5; 10], однако изучение функционирования топонимов в медиапространстве только начинается [12; 13], хотя важность такого рода исследований очевидна. Она обусловлена высокой частотностью данного разряда онимов в текстах СМИ [14], а также их богатым функциональным потенциалом, по-разному проявляющемуся в разных дискурсивных условиях [14; 15; 16]. Выявление и описание закономерностей функционирования топонимов в медиатекстах, их сравнительно-сопоставительный анализ представляют актуальную задачу современной лингвистики, чем обусловлен выбор материала для нашего исследования.

При анализе языкового материала мы исходили из положения о том, что тематика медиатекста, отраженная в традиционной рубрикации газетной информации, проявляется и в топонимической плотности, и в использовании определенных классов топонимов и что освещение международных событий в этом отношении отличается от описания спортивных мероприятий или экономических новостей [16]).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили 300 заголовков интернет-версий статей из рубрики «Мир» /«В мире» российских изданий «Ведомости», «Известия», «Независимая газета», «Российская газета» и 300 заголовков аналогичной рубрики *Internacional* испанских газет «ABC», «El Mundo», «El País», «La Razón» и «La Vanguardia» за декабрь 2023 — январь 2024 гг. Выбор равного количества заголовков одной и той же тематики — международные новости за один и тот же период времени проводился с целью корректного сопоставления языкового материала,

© Корнева В. В., Разворотнева И. Н., 2024

при анализе которого применялись сравнительно-сопоставительный метод, метод количественного анализа и описательный метод.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Трудно переоценить роль заголовка в медиатексте, особенно в интернет-изданиях, в которых он призван проинформировать читателя о содержании публикации, привлечь его внимание и заставить перейти по ссылке ко всему тексту. Будучи обязательным компонентом медиатекста, заголовок в то же время является самостоятельной единицей. Закономерности его построения были рассмотрены на материале разных языков, в том числе русского [17; 18]) и испанского [19].

Семантическим инвариантом заголовка является ответ на вопрос *что — где — когда*, а потому одной из отличительных черт заголовка является локализация события во времени и пространстве с помощью разных языковых средств. Важным средством пространственной локализации в медиатексте вообще и в заголовке в частности являются топонимы, которые призваны указать читателю, где именно происходят описываемые события.

На частотность употребления топонимов в медиатекстах указал А. В. Данильченко, который писал, что в газете только топонимы по числу употреблений составляют приблизительно такое же количество, что и все прочие имена собственные в художественном произведении [14, 8]. Не является исключением в этом отношении и исследуемый нами материал: топонимы встречаются в 82,00% российских заголовков и в 72,33% испанских. Нередко в заголовке употребляются несколько топонимов, поэтому индекс топонимической плотности заголовка (количество топонимов на один заголовок) значительно превышает общее число заголовков. В российских изданиях он составляет 1,65 и 1,47 — в испанских.

Выявленная нами на материале испанского языка взаимосвязь между топонимической плотностью, тематикой заголовков и использованием определенных классов топонимов [16, 85] подтверждается данными сопоставительного анализа в таблице 1.

Таблица 1.

Частотность разных классов топонимов в заголовках российских и испанских медиатекстов

№	Класс топонима	В мире		Internacional	
		Количество языковых единиц	% от общего числа	Количество языковых единиц	% от общего числа
1.	названия регионов — хоронимы	66	16,22%	87	27,19%
2.	названия стран — хоронимы	273	67,08%	184	57,50%
3.	названия столиц — астионимы	33	8,11%	16	5,00%
4.	названия городов — астионимы	11	2,70%	13	4,06%
5.	названия деревень — комонимы	0	0,00%	1	0,31%
6.	названия водных объектов — гидронимы	6	1,47%	8	2,50%
7.	названия элементов рельефа — оронимы	1	0,25%	1	0,31%
8.	названия островов и архипелагов — инсулонимы	1	0,25%	1	0,31%
9.	названия путей сообщения — дромонимы	2	0,49%	2	0,63%
10.	названия внутригородских объектов — урбанонимы	14	3,44%	7	2,19%
Всего топонимических единиц		407	100,00%	320	100,00%

Сравнительно-сопоставительный анализ обнаружил определенное сходство в функционировании топонимов в заголовках как российских, так и испанских медиатекстов международной тематики. Сходство это проявляется, во-первых, в том, что в них используются одни и те же классы топонимов; во-вторых, в том, что в принципе сопоставима частотность их употребления: в обоих языках в заголовках высокой номинативной плотностью обладают хоронимы (названия стран и регионов), на долю которых приходится более 80% от всех случаев употребления топонимов (83,29% в российских изданиях и 84,69% в испанских), причем подавляющее большинство из них — это названия стран (67,08% в российских заголовках и 57,50% в испанских).

Среди астионимов лидируют названия столиц (8,11% и 5,00%), а названия других городов (2,70% и 4,06%), а также урбанонимы (3,44% и 2,19%) и гидронимы (1,47% и 2,50%) используются реже. Оронимы, инсулонимы и дромонимы представлены единичными примерами и в дальнейшем нами не рассматриваются.

Хотя в заголовках сравниваемых языков используются одни и те классы топонимов, их номинативная плотность, равно как и номинативная плотность названий конкретных топообъектов, может отличаться. Так, в заголовках российских статей наиболее частотны названия стран *Украина* и *Россия* (52 и 31 единица из 273), а в испанских — *Ucrania* и *Israel* (27 и 24 единицы из 184), на долю которых в российских заголовках приходится соответственно 31 и 10 случаев употребления из 273. Кроме того, в российских изданиях встречаются названия таких стран, как Финляндия, Армения и Азербайджан, отсутствующие в испанских заголовках.

Различия проявляются также в разной номинативной плотности отдельных классов топонимов. Названия регионов в испанских заголовках используются чаще, чем в русских, и составляют соответственно 27,19% и 16,22%. В то же время в заголовках российских СМИ чаще, чем в испанских, используются названия стран (67,08% и 57,50%), столиц (8,11% и 5,00%) и внутригородских объектов (3,44% и 2,19%).

Топоним в медиатексте выполняет разные функции. Реализуя свою основную функцию идентификации географического объекта, топоним является средством первичной номинации. Тем не менее в результате разного рода ассоциативных связей с другими элементами внеязыковой действительности топонимы зачастую используются как средство вторичной номинации.

Таблица 2.

Частотность разных классов топонимов как средств первичной и вторичной номинации

класс топо-нима	российские издания						испанские издания				
	первичная номинация		вторичная номинация		кол-во		первичная номинация		вторичная номинация		кол-во
страны	146	53,48%	127	46,52%	273		77	41,85%	107	58,15%	184
регионы	48	72,73%	18	27,27%	66		62	71,26%	25	28,74%	87
столицы	12	36,36%	21	63,64%	33		8	50,00%	8	50,00%	16
города	11	100,00%	0	0,00%	11		12	92,31%	1	7,69%	13
гидронимы	6	100,00%	0	0,00%	6		8	100,00%	0	0,00%	8
урбанонимы	5	35,71%	9	64,29%	14		5	71,43%	2	28,57%	7

Сходство функционирования топонимов в заголовках медиатекстов сравниваемых языков проявляется в преимущественном использовании названий регионов как средств первичной номинации (72,73% в российских заголовках и 71,26% в испанских). Немногочисленные гидронимы выступают исключительно как средство первичной номинации. К ним примыкают названия нестоличных городов: 100,00% в русском языке и 92,31% в испанском.

Функциональные различия топонимов в сравниваемых языках обнаруживаются в том, что в российских заголовках названия стран чаще являются средством первичной номинации (53,48%), а в испанских — вторичной (58,15%). Названия столиц в российских изданиях, напротив, чаще используются как средство вторичной номинации (63,64%), в то время как в испанских заголовках они одинаково используются как средства первичной и вторичной номинации (50,00%). Частотность урбанонимов в российских изданиях гораздо выше, чем в испанских (64,29% и 28,57%).

Как было сказано выше, хоронимы, астионимы, гидронимы и урбанонимы в обоих языках используются как средство первичной номинации, причем употребляются они преимущественно в локативных конструкциях.

Путин назвал катастрофой ситуацию ***в секторе Газа****: ничего подобного* ***на Украине*** *нет* (Российская газета 14/12/2023)

Los rehenes eternos de la yihad ***en el Sahel*** (La Vanguardia 14/01/2024) 'Вечные заложники джихадистов в Сахеле'

La Ciudad de los Muertos agoniza ***en El Cairo*** (ABC24/12/2023) `Город мертвых умирает в Каире`

Судоходство в ***Красном море*** *постепенно сворачивается* (Независимая газета 16/01/2024)

Guardianes de la memoria de los ahogados ***en el Mediterráneo*** (ABC26/12/2023) 'Хранители памяти утонувших в Средиземном море'

Путин принял главу МИД КНДР в ***Кремле*** (Ведомости 16/01/2024)

Susto ***en el Capitolio de Estados Unidos*** (La Razón 28/12/2023*)* 'Паника в Капитолии США '

Частотность локативных конструкций с топонимами довольно велика: на их долю приходится 21,87% использования топонимов в заголовках на русском языке и 34,69% — на испанском.

Конкретизация места события может осуществляться с помощью других слов, как в следующих примерах:

Греческое судно атаковано ракетой ***у берегов Йемена в Красном море*** (Ведомости 16/01/2024)

17 heridos en un choque entre dos trenes ***en el centro de Italia*** (La Vanguardia 11/12/2023) 'В результате столкновения двух поездов в центре Италии пострадали 17 человек'

При употреблении малоизвестных широкой аудитории географических названий «подсказкой» служит либо географический термин, либо прилагательное со значением национальной или территориальной принадлежности или их сочетание.

В ***африканской стране Буркина-Фасо*** *предотвращена попытка переворота* (Независимая газета 15/01/2024)

Nir Oz, el kibutz de Israel *donde Hamás perpetró una matanza de viejos 'hippies'* (ABC13/12/2023) '**Нир Оз, израильский кибуц**, где Хамас устроил резню среди старых хиппи'

Помимо именования географического объекта топонимы часто используются как средство вторичной номинации (43,24% в заголовках российских изданий и 44,69% в испанских), что обусловлено

ассоциативным характером человеческого мышления. Благодаря метонимическому или метафорическому переносу происходит деонимизация и референтом топонимической номинации становится уже не единичный объект, а коллективный субъект или событие.

Как уже отмечалось, в качестве вторичной номинации используются названия регионов, стран, столиц и других городов, а также урбанонимы, причем каждый из них имеет свои особенности функционирования.

Названия стран обладают самым высоким функционально-семиотическим потенциалом в обоих языках. Для них характерны следующие виды метонимических переносов:

1) страна → правительство:

Израиль *угрожает* ***Ливану*** (Коммерсантъ 07/12/23)

Estados Unidos *pide a* ***Israel*** *el fin de los ataques masivos y el inicio de misiones precisas* (La Vanguardia 15/12/2023) 'Соединенные Штаты призывают Израиль прекратить массированные атаки и начать точечные миссии'

2) страна → вооруженные силы:

Экс-глава Google Шмидт: ***Россия*** *беспилотниками уничтожает все виды вооружения ВСУ* (Российская газета 22/01/2024)

Israel *incrementa su ofensiva, mientras* ***España*** *se escaquea* (ABC27/12/2023) 'Израиль усиливает наступление, а Испания увиливает'

3) страна → экономика страны:

Bloomberg: объем помощи ***Украине*** *упал до минимального с начала конфликта* (Коммерсантъ 07/12/23)

Argentina*, ahogada por la inflación* (ABC23/12/2023) 'Аргентина задыхается от инфляции'

4) страна → актор международной политики:

Путин: если ***Молдавия*** *хочет отказаться от российского газа — это ее выбор* (Ведомости 14/12/2023)

Donald Tusk: "La nueva coalición devolverá a ***Polonia*** *al lugar que le corresponde en Europa"* (El País 13/12/2023) 'Дональд Туск: «Новая коалиция вернет Польшу на ее законное место в Европе»'

В испанских заголовках был выделен отсутствующий в русском языке, но теоретически тоже возможный перенос:

5) страна → население, активные избиратели:

Alemania *se moviliza contra la ultraderecha* (El Mundo 21/01/2024) `*Германия мобилизуется против крайне правых*`

Diferencias entre la Constitución de Pinochet, la reforma fallida de 2022 y el nuevo texto que vota ***Chile*** (El País 16/12/2023) 'Различия между Конституцией Пиночета, провалившейся в 2022 году реформой конституции и новым текстом, за который голосует Чили'

Иным функционально-семиотическим потенциалом обладают **названия столиц**, у которых отмечен только один вид переноса:

столица → правительство:

Москва *и* ***Тегеран*** *хотят еще сильнее сблизиться* (Независимая газета 07/12/23)

Rusia acusa a ***Kiev*** *de una masacre de civiles en la ciudad ocupada de Donetsk* (La Vanguardia 23/12/2023) 'Россия обвиняет Киев в массовых убийствах мирных жителей в оккупированном Донецке'

В одном испанском заголовке астионим *Davos* (Давос) используется не для указания на город в Швейцарских Альпах, а для именования традиционно проводимого в нем Всемирного экономического форума:

город → событие:

Trump, Bolsonaro y Milei: todos contra ***Davos*** (La Vanguardia 21/01/2024) 'Трамп, Болсонару и Милей: все вместе против Давоса'

В российских заголовках отсутствуют подобные примеры, возможно, ввиду ограниченного объема выборки, но такое употребление вполне допустимо.

Достаточно высоким функционально-семиотическим потенциалом обладают **хоронимы** — названия природных и административных территорий. В обоих языках они составляют почти треть метонимических номинаций (27,27% в русских заголовках и 28,73% в испанских). Для них характерны следующие виды переносов:

1) регион → страны региона → правительства этих стран:

Европа *нашла для Украины российские деньги* (Независимая газета 12/12/2023)

Los Balcanes *vuelven a llamar a la puerta de una* ***UE*** *dividida* (ABC12/12/2023) 'Балканы снова стучатся в дверь расколотого ЕС'

2) политико-экономическое объединение стран → коллективное руководство этих стран:

Евросоюз *утвердил 12-й пакет санкций против России* (Ведомости 18/12/2023)

El pulso de Orbán a ***la UE*** *puede dejar a Ucrania en la estacada* (ABC13/12/2023) 'Мерение силами Орбана с ЕС может оставить Украину в беде'

Средством вторичной номинации могут быть также урбанонимы, правда, только один его вид — названия резиденций:

урбаноним → органы власти:

Белый дом *анонсировал отправку последнего пакета военной помощи Украине* (Российская газета 18/12/2023)

La Casa Blanca *cree que Rusia puede ganar la guerra en semanas* (ABC21/01/2024) 'Белый дом считает, что Россия может выиграть войну за несколько недель'

Таким образом, проведенный анализ показал, что разные классы топонимов имеют разный функционально-семиотический потенциал. В обоих языках самый высокий потенциал у названий стран, которые могут обозначать пять разных

объектов. Названия регионов служат номинацией только двух объектов, а названия столиц, других городов и урбанонимы могут обозначать только один объект. При этом — что удивительно — все указанные классы топонимов могут использоваться для номинации одного и того же коллективного субъекта — правительства, руководства страны/стран.

В целом столь разнообразное использование топонимов в заголовках российских и испанских медиатекстов для метонимической номинации разных объектов, судя по всему, носит универсальный характер, поскольку таким образом одновременно решаются несколько задач: заголовок и сам медиатекст становится лаконичным, динамичным и экспрессивным [20, 134].

Этой же цели служат прецедентные топонимы [21], окказионализмы как элементы языковой игры и перефразирование фразеологизмов в «адаптированном» к описываемой ситуации виде.

Las lecciones no aprendidas de la caída del ***muro de Berlín*** (La Vanguardia 09/11/2023) 'Уроки, не извлеченные из падения Берлинской стены'

Del ***'Qatargate'*** *al* ***'Belgagate'****: un año del escándalo que sacudió la UE y acabó desinflado* (El Mundo 12/12/2023) 'От «катарского дела» к «делу бельгийскому»: год скандалов, которые потрясли ЕС, но «рассосались» в итоге'

В последнем примере слова *Qatargate* и *Belgagate* образованы по аналогии с названием вашингтонского отеля *Water****gate***, ставшего символом политического скандала в связи с установленной в нем незаконной прослушкой, с заменой первой части слова на прилагательные ***belg****a* и ***qatar****í*.

Окказионализмы есть и в российских СМИ.

Рябков: Американский проект по созданию из Украины ***«анти-России»*** *провалился* (Российская газета 22/01/2024)

В данном примере окказиональный неологизм используется как метафора государства, который в своей внешней и внутренней политике диаметрально отличается от российского.

Перефразированная хорошо известная поговорка '*Все дороги ведут в Рим*' очень хорошо описывает сложившуюся ситуацию:

Todos los caminos *de la «guerra de los siete frentes»* ***llevan a*** *Irán* (La Razón 21/01/2024) 'Все дороги «войны на семь фронтов» ведут в Иран'

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Топонимы широко используются в СМИ. Особенно велика их роль в заголовках медиатекстов международной тематики, индекс топонимической плотности которых в среднем превышает количество самих заголовков в 1,5 раза. В российских и испанских заголовках используются разные классы топонимов — хоронимы, ойконимы, гидронимы, оронимы, инсулонимы, дромонимы и урбанонимы. Наиболее частотными являются хоронимы, включающие названия стран и регионов, а также астионимы, главным образом названия столиц, и в меньше степени названия нестоличных городов, а также урбанонимы — названия резиденций. Наряду с указанным общим сходством функционирования разных классов топонимов в заголовках их отличает то, что частотность употребления конкретных классов топонимических единиц в сравниваемых языках не совпадает. В испанских заголовках названия регионов составляют 27,19%, а в русских — 16,22%, тогда как названий стран, столиц и урбанонимов в русском языке больше (67,08%, 8,11% и 3, 44%), чем в испанском (57,50%, 5,00% и 2,19%).

Определенное сходство в сравниваемых языках обнаружено в функциональных свойствах топонимов. Все указанные выше классы топонимов используются как средство и первичной номинации, и вторичной. Правда, здесь есть и внутриязыковые, и межъязыковые различия, касающиеся преимущественного употребления топонимов либо в первичной, либо во вторичной функции. Названия регионов более чем в 70% случаев используются для пространственной локализации события в обоих языках, тогда как функциональная избирательность других классов топонимов является этноспецифической. Названия столиц и урбанонимы как средства вторичной номинации доминируют лишь в русском языке, а в испанском языке за исключением названий стран все классы топонимов чаще всего используются в своей первичной функции.

Максимальное сходство в сравниваемых языках проявляется в тех механизмах (метонимических переносах), благодаря которым происходит детопонимизация и исследуемые единицы становятся емким и экспрессивным средством номинации разных объектов. Внутриязыковые различия касаются функционально-семиотического потенциала топонимов. Если названия стран используются как метонимические номинации таких разных объектов, как правительство, население или его часть, экономика, вооруженные силы, то названия регионов служат обозначением правительств стран региона или коллективного руководства политико-экономического объединения стран; названия же столиц и резиденций могут обозначать только правительство соответствующих стран. Объединяет же все эти разные классы топонимов их способность служить средством номинации правительства — главного актора международной политики.

К средствам вторичной номинации относятся также прецедентные топонимы, окказионализмы и видоизмененные паремии, которые в отличие от топонимов в обоих языках обозначают ситуацию, а не отдельные ее компоненты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного / А. В. Суперанская.— М.: ЛИБРОКОМ, 2009.— 368 с.

2. Никонов В. А. Введение в топонимику / В. А. Никонов.— М.: ЛКИ, 2018.— 184 с.

3. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. 2-е изд., перераб. и доп.— М.: Наука, 1988.— 152 с.

4. Рылов Ю. А. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / Ю. А. Рылов.— Воронеж: ИПЦ ВГУ, 2010.— 369 с.

5. Имя собственное в национально-культурном пространстве: монография / Е. П. Игнатьева [и др.]. Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022.— 164 с.

6. Корнева В. В. Оротопонимы в испанской языковой картине мира / В. В. Корнева, Д. Б. Тужикова.— Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2023.— 228 с.

7. Корнева В. В. Основные направления изучения топонимов / В. В. Корнева, Д. Б. Меняйлова // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2012. № 2.— С. 21–26.

8. Корнева В. В. Топонимические исследования в новой научной парадигме / В. В. Корнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2016. № 1.— С. 150–154.

9. Корнева В. В. Национально-культурная специфика топонимов / В. В. Корнева, Д. Б. Тужикова // Имя собственное в национально-культурном пространстве: монография / Е. П. Игнатьева [и др.].— Иркутск: Изд-во ИРНИТУ, 2022.— С. 84–114.

10. Ковалев Г. Ф. Избранное. Литературная ономастика / Г. Ф. Ковалев.— Воронеж: Научная книга, 2014.— 440 с.

11. Имя собственное в медиапространстве: монография / Л. И. Гришаева [и др.].— Воронеж: Издат. дом ВГУ, 2019.— 191 с.

12. Пономаренко А. В. Дискурсивные характеристики топонимов в публицистическом тексте (на материале американской прессы): А. В. Пономаренко / дис. … канд. филол. наук / Моск. гос. лингв. ун-т.— М., 2003.— 164 с.

13. Мерзлякова А. В. Семантический потенциал топонимов современного французского языка: А. В. Мерзлякова / дис. … канд. филол. наук.— Нижний Новгород, 2015.— 177 с.

14. Данильченко А. В. Функционирование топонимов в русском газетном тексте: А. В. Данильченко / автореф. дис. … канд. филол. наук.— Одесса, 1991.— 18 с.

15. Корнева В. В. Топонимические единицы как средство манипулирования в испанском медиапространстве / В. В. Корнева // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сб. науч. трудов / под ред. М. Н. Конновой.—– Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2023.— С. 116–119.

16. Корнева В. В. Топонимы в заголовках медиатекстов (на материале испанского языка) / В. В. Корнева, И. Н. Разворотнева // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2023.— № 4.— С. 83–89.

17. Вахтель Н. М. Высказывание в позиции газетного заголовка: семантика и прагматика: Н. М. Вахтель / автореф. дис. … д-ра филол. наук.— Воронеж, 2005.— 31 с. 18. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Урал. гос. ун-та.— 2006.— № 40.— С. 158–166.

18. Верещинская Ю. В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: Ю. В. Верещинская / автореф. дис. … канд. филол. наук.— М., 2013.— 22 с.

19. Ларионова М. В. Испанский газетно-публицистический дискурс: искусство информации или мастерство манипуляции?: монография / М. В. Ларионова / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России.— М.: МГИМО-Университет, 2015.— 327 с.

20. Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности Д. Б. Гудков.— Изд. 2-е, стереотип.— М.: ЛЕНАНД, 2020.— 152 с.

Воронежский государственный университет
Корнева В. В., доктор филологических наук, профессор
E-mail: kornevavalentina@mail.ru

Разворотнева И. Н., аспирант
E-mail: irasus@mail.ru

Voronezh State University
Korneva V. V., Doctor of Philology, Tenure Professor
E-mail: kornevavalentina@mail.ru

Razvorotneva I. N., Postgraduate Student
E-mail: irasus@mail.ru

УДК 821.161.1–192.09

ЛЮБОВЬ И ЕЕ ИПОСТАСИ В РУССКОЙ РОК-ПОЭЗИИ

Е. Р. Лочмелис

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 28 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье показано, что рок-поэты интерпретируют любовную тему в традициях романтизма: любовь в рок-поэзии осмысляется как чувство, возвышающее человека над обыденностью, одна из высших ценностей, обретя которую, человек способен постичь смысл существования. Счастье любви мыслится или невозможным в действительности, или скоротечным, с чем связано трагическое мироощущение поэтов романтического склада. Образы литературных героинь осмысляются как формы предельного выражения понятия «любовь», своего рода «ключи» к пониманию его сущности.*

Ключевые слова: *романтизм; антитеза; концепт «любовь»; рок-поэзия; литературные ключи.*

Abstract: *the paper shows that rock poets treat the theme of love according to the Romantic tradition: love in rock poetry is conceptualized as a feeling that elevates a person above everyday life, as one of the highest values, having acquired which, a person is able to comprehend the meaning of existence. The happiness of love is considered either impossible in reality, or fleeting, which is associated with the tragic attitude of romantic poets. The images of literary heroines are interpreted as ultimate forms of expression of the concept "love", "keys" to understanding its essence.*

Keywords: *romanticism; antithesis; concept "love"; rock poetry; literary keys.*

Глубинное тождество лирического героя рок-поэзии с героем-художником рубежа XVIII — XIX вв. неоднократно подчеркивалось исследователями [1, 15]; он существует в культурном пространстве, оставленном поэтами: мироустройство, основанное на принципах логики и порядка, очевидно, лишено внутреннего содержания, духовности, а потому поставлено под сомнение — и именно стремлением преодолеть распад культуры, сохранить духовность мира (посредством пересоздания антиэстетической реальности в текст) обусловлено обращение к классической литературе, вечным идеалам и ценностям, важнейшая из которых — истинная любовь, воплощенная, как правило, в женских образах.

В статье на материале текстов Башлачёва («Трагикомический роман») и Кормильцева («Взгляд с экрана», «Колеса любви») тема любви рассматривается в нескольких аспектах:

а) доказывается, что русские рок-поэты подходят к ней с позиций поэтов-романтиков, для которых идеал принципиально невозможен, невоплотим в актуальной действительности, с чем и связано трагическое мироощущение их лирического героя.

В творчестве рок-поэтов реализуется представление о любви как о преображающем жизнь мгновении счастья — традиция, восходящая к лирике поэтов-романтиков (см. «Я помню чудное мгновенье…» Пушкина, «К. Б.» Тютчева, где короткая встреча с любимой сопоставляется с «днями» и «часами» (градация, усиливающая впечатление краткости встречи), в которые «поздней осени порою» [2, 219] веет весной, и т.д.);

б) образы литературных героинь осмысляются как формы предельного выражения этого понятия, своего рода «ключи» к пониманию его сущности, следовательно, представляется важным сосредоточить внимание на принципах их отбора в рамках исследуемого музыкального направления.

Башлачёв склонен сополагать идеальный и реальный планы в рамках стихотворного текста, актуализируя тем самым романтическую ценностную парадигму, в которой духовное начало превалирует над материальным. Текст песни «Трагикомический роман» [3] имеет описанную выше структуру, т.е. построен на антитезе «здесь» и «там» — это основной композиционный прием, повторяющийся в каждом отдельном четверостишии.

Задана сюжетная ситуация: лежа в постели, лирический герой предлагает возлюбленной написать «трагикомический роман»:

Давай очнемся и вдвоем напишем
Трагикомический роман.
Давай придумаем сюжет,
В котором нам найдется место,
В котором можно будет интересно
Прожить хотя бы пару лет [3].

В настоящем «скрипит пружинами диван», «в углу опять скребутся мыши», «а на немытую посуду / Ползет усатый таракан»; здесь «скука и клопы», «проклятый насморк», но и вымышленное «там» складыва-

© Лочмелис Е. Р., 2024

ется из наивных клише: «Я буду к зависти толпы / Тебя *любить любовью* страстной», «На океанских берегах / Для нас пристанище найдется», «Ведь нет границ у *странных стран*», где не придется «Все время думать о деньгах», «о вине» и о том, что нужно «печь топить дровами» [3].

Пушкинская цитата появляется в несколько измененном виде и функционирует как сентенция, вывод: «Тьмы низких истин, как всегда, дороже / Нас возвышающий *роман*» [3]. Ср. со стихотворением Пушкина «Герой», где поэт, размышляя о посмертной славе Наполеона, точнее, о посмертном мифотворчестве вокруг этого имени, произносит следующие слова:

Да будет проклят правды свет,
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! — Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман…
Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран… [4, 321]

Характерно, что лирический герой Башлачёва, пришедший к этому заключению, через цитату приравнивается к поэту; он сочиняет «роман» — в первом значении крупное сюжетное произведение, в центре которого, как правило, находится любовная коллизия (по крайней мере именно за нею следит массовый читатель). Действующими лицами этого романа оказываются сам лирический герой и его возлюбленная — и здесь актуализируется второе значение слова «роман» (любовные отношения между мужчиной и женщиной), а значит, и тема жизнестроения:

Итак, мы пишем наш роман.
Творим немыслимое чудо… [3]

Формы будущего времени («я буду…», «давай напишем…») в последнем четверостишии заменяются формами настоящего («мы пишем…»), следовательно, любовь возможна — и все же она названа «немыслимым чудом», т.е., начиная с пушкинского «чудного мгновения» [5, 89], любовь сохраняет коннотации чего-то из ряда вон выходящего, обычно не встречающегося в действительности, а потому длящегося недолго.

При этом важно вернуться к отмеченной выше замене слова «обман» из пушкинского оригинала на «роман» в песне Башлачёва: роман традиционно приравнивается к художественному вымыслу, а романное содержание в массовом сознании — это то, чего не бывает в жизни, что можно найти только в книгах. Тут же вспоминается и вторая пушкинская цитата из II главы «Евгения Онегина», описывающая Татьяну и, как кажется, подсказавшая произошедшую трансформацию (рифмовка подчеркивает смысловую соотнесенность):

Ей рано нравились *романы*;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в *обманы*
И Ричардсона и Руссо [6, 48].

С течением времени место романов заняло кино, находящееся с реальностью в тех же отношениях взаимной обусловленности, что и литература XIX века: «Кино основано на реальных событиях, / А реальные события основаны на кино» [7]. Жизнь, с одной стороны, становится строительным материалом для кинофильма, а с другой стороны — фильм кодирует жизнь, предлагая поведенческие шаблоны, которые не всегда осознанно, но перенимаются зрителями, причем тем охотнее, что реализуются — разыгрываются — на экране любимыми актерами.

Последнее, однако же, неизбежно ведет к крушению идеала; так, в песне «Взгляд с экрана» группы «Наутилус Помпилиус» снова выстраивается антитеза «идеального» и «земного», то есть сниженного, нарочито прозаичного:

Она читала мир как роман
А он оказался повестью
Соседи по подъезду
Парни с прыщавой совестью [8].

Героиня песни во многом подобна пушкинской Татьяне, для нее «любовь — это взгляд с экрана» [8], ее эталонное воплощение — Ален Делон, который «говорит по-французски» [8] (воссоздается еще одно клише: французский — язык любви) и пьет не одеколон, а «двойной бурбон» [8]. Ален Делон — идеал, который недостижим в повседневной жизни, а та, в свою очередь, опасна (характерны детали: нечистая, как лицо, совесть парней и мать, которая «учит наизусть телефон морга, / когда ее [дочери] нет дома слишком долго» [8]) и при этом на фоне кино как бы бледнеет, блекнет и выхолащивается:

Парни могут стараться в квартирах подруг
Она тоже бывает там
Но *это ей не даёт ни черта*
Кроме будничных утренних драм
А дома совсем другое кино
Она смотрит в его глаза
И *фантазии* входят в лоно её
Сильней, чем все те, кто узнает её [8].

При этом именно поэт наиболее уязвим перед своим чувством и не мыслит свою жизнь лишенной идеала, тогда как любовь в рамках рассматриваемого музыкального направления может осмысляться как сила, перед которой склонялись народы. Так, в песне Кормильцева «Колеса любви» любовь становится тем, что способно подчинить — подавить и раздавить — каждого (вне зависимости от рода занятий или положения), а потому в конечном счете оказывается неизбежно деструктивной.

Песня открывается письмом Анны Карениной к Мэрилин Монро:

Как писала Каренина в письме к Мерилин:
«Колеса любви расплющат нас в блин…» [9]

Каренину и Мэрилин Монро (последняя предстает не столько реальным лицом, сколько символом, окутанным слухами и тайнами и оттого не ме-

нее «сочиненным», чем героиня Толстого) сквозь века связывает тема несчастной любви, делающая их почти подругами, ведь приведенная цитата наводит на мысль, что содержание переписки носит личный, интимный характер.

В предельном обобщении именно любовь, хотя и выраженная по-разному (как любовь к мужчинам и как чрезмерно пристальное, а потому тяготящее внимание толпы к частой жизни популярной кинозвезды), становится причиной смерти обеих женщин, которые находились в тяжелом психологическом состоянии, со временем только усугублявшемся. Например, в Карениной, помимо ревности к Вронскому, отчетливо заметно стремление наказать его своей смертью, поскольку она, противопоставившая свою совесть и свое чувство обществу, лицемерно держащемуся внешних приличий, изнемогла в этом затянувшемся противостоянии.

Любовь в этой трактовке становится почти что злым роком («Тебя догонят колеса, и ты уже никакой» [9]), которого нельзя избегнуть и который приведет к трагической развязке каждого, кто способен чувствовать, а значит, не защищен от жестокости мира, слаб, то есть в первую очередь тонко организованных женщин и художников, поэтов, которые за мгновение счастья платят своей жизнью.

Таким образом, любовь в рок-поэзии осмысляется как чувство, возвышающее человека над обыденностью, одна из высших ценностей, обретя которую человек способен постичь смысл существования, ведь истина о жизни сокрыта не в вине («in vino veritas» [10, *123*] из «Незнакомки» Блока), а в любви.

При этом раскрытие темы происходит в традиционно романтическом ключе, сохраняется характерный для этой эстетической системы мотивный комплекс: счастье любви если и возможно, то всегда оказывается равно чудесным и скоротечным (длится лишь мгновение), с чем связано трагическое мироощущение поэтов романтического склада.

Присущая же такого рода поэзии категоричность делит ценностную парадигму на две части: отрицаемую, бессодержательную, бездуховную (материальный мир, повседневность) и страстно желаемую, ценностно значимую, идеальную, а значит, невозможную в действительности и обретаемую в книгах. Способ чтения здесь тот же, что и в эпоху романтизма: происходит со-чувствие, со-переживание и в конечном счете присвоение любовного сюжета (то же, что произошло с грибоедовской Софьей и пушкинской Татьяной).

Женские образы не во всех проанализированных текстах названы прямо, однако присутствуют в виде цитации (см. «Трагикомический роман») или реконструируются (см. «Взгляд с экрана»). Образы пушкинской Татьяны и толстовской Карениной выступают как воплощение любви и высший нравственный ориентир (их роднит естественность и жертвенность натуры, а также трагический исход — несчастная любовь).

ЛИТЕРАТУРА

1. Буйнов И. А. Эстетическая концепция рок-поэзии / И. А. Буйнов // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки.— 2010.— № 2.— С. 11–16.

2. Тютчев Ф. И. «К. Б.» («Я встретил вас — и все былое…») // Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: в 6 т.— Т. 2.— Стихотворения. 1850–1873 / Ф. И. Тютчев.— М.: Издат. центр «Классика», 2003.— С. 219.

3. Башлачёв А. «Трагикомический роман» / А. Башлачёв.— Режим доступа: http://www.bards.ru/archives/part.php?id=1121 (дата обращения: 01.10.23).

4. Пушкин А. С. Герой // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения. 1823–1836 / А. С. Пушкин.— М.: ГИХЛ, 1959.— С. 321.

5. Пушкин А. С. «К ***»: («Я помню чудное мгновенье…») // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 2. Стихотворения. 1823–1836 / А. С. Пушкин.— М.: ГИХЛ, 1959.— С. 89.

6. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. Евгений Онегин. Драматические произведения / А. С. Пушкин.— М.: ГИХЛ, 1960.— С. 5–198.

7. Мозжухин Д. («Дайте танк (!)»). «Спасла». Режим доступа: https://genius.com/Daite-tank-saved-lyrics (дата обращения: 01.10.23).

8. Кормильцев И. («Наутилус Помпилиус»). «Взгляд с экрана».— Режим доступа: https://genius.com/Nautilus-pompilius-view-from-the-screen-alain-delon-lyrics (дата обращения: 01.10.23).

9. Кормильцев И. («Наутилус Помпилиус»). «Колеса любви». Режим доступа: https://genius.com/Nautilus-pompilius-wheels-of-love-lyrics (дата обращения: 01.10.23).

10. Блок А. А. «Незнакомка» (“По вечерам над ресторанами…”) // А. А. Блок. Полное собрание сочинений и писем в 20 т.— Т. II.— М.: Наука, 1997.— С. 122–123.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Лочмелис Е. Р., аспирант кафедры истории русской литературы

E-mail: dostfm182181@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Lochmelis E. R., Postgraduate Student, Chair of History of Russian Literature of the Faculty of Philology

E-mail: dostfm182181@mail.ru

УДК 821.161.1+821.0

МЕТАПОЭТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФЕЛЬЕТОНА Н. ЭРДМАНА И В. МАССА «ЗАСЕДАНИЕ О СМЕХЕ»

Л. В. Ромащенко

Новосибирский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 29 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматривается фельетон Н. Эрдмана и В. Масса с точки зрения его метапоэтической природы. Нами впервые был исследован периферийный текст, принадлежащий советскому дискурсу, с точки зрения воплощения в нем присущих комизму метаавторских индексов, осложняющих пародийную основу комического текста. В результате было обнаружено, что драматический по форме фельетон не совпадает с присущей ему по природе перформативностью с точки зрения его коммуникативной открытости и в плане глубинного мифологического подтекста, свойственного комическому дискурсу как таковому. Выявляется многоплановость явления комического, несводимого ни к сатире, ни к сугубо злободневному фельетону.*
Ключевые слова: *мифологический подтекст, комический дискурс, метаавторство, пародия, балаганное мировосприятие, дискуссия о смехе.*

Abstract: *the article examines the feuilleton of N. Erdman and V. Mass from the point of view of its metapoetic nature. For the first time, we have studied the peripheral text belonging to the Soviet discourse from the point of view of the embodiment in it of the meta-authorial indices inherent in comicism, which complicate the parody basis of the comic text. As a result, it was discovered that the feuilleton, dramatic in form, does not coincide with its inherent performativity in terms of its communicative openness and in terms of the deep mythological subtext inherent in comic discourse as such. The multifaceted nature of the comic phenomenon is revealed, which is irreducible neither to satire nor to a purely topical feuilleton.*
Keywords: *mythological subtext, comic discourse, meta-authorship, parody, farcical perception of the world, discussion about laughter.*

Современные исследования в области советского дискурса и, в частности, комического в плане его дискурсивности часто оказываются перед необходимостью введения универсального философского понятия, которое бы и объяснило интерес критики и эстетики 20–30 гг. к проблемам, казалось бы, сугубо эстетическим, и стало предельно интерпретативным именно в направлении отделения эстетического от чистой идеологии. Е. Добренко утверждает: «Ни одна другая эстетическая категория не дает платформы для метафилософствования — ни героика, ни трагизм, ни возвышенное» [1, 27]. В вопросе о метафилософии особую роль играет тот факт, что сугубо теоретические пассажи о смехе и комизме вызывали интенсивные дискуссии в критике и эстетике. Вот как объясняет данный факт современный исследователь: «В конце 20-х — начале 30-х годов происходит поворот от попыток строительства социализма к псевдосоциалистическому экспериментированию с культом личности, командно-административной системой, тоталитаризмом, автаркией, массовыми репрессиями, повлекшими деградацию социальных отношений и нравственной атмосферы в стране» [2, 27].

© Ромащенко Л. В., 2024

В глубокой работе А. Г. Козинцева «Человек и смех» природа комического напрямую соотносится с особого рода рефлексией: «Подлинная же причина нашего смеха — не в рассказанном или показанном, т.е. не в кажущемся значении текста (которое интересует нас, например, в серьезных фантастических произведениях), но и не в «истинном» его значении (которое интересует нас, например, в загадках и детективах), а в том, что присущая семантике текста оппозиция *кажущееся /истинное* нейтрализуется на метауровне. Иными словами, в том, что значение просто-напросто исчезает» [2, 21]. Поскольку подобное понимание комического предлагается литературоведением более позднего периода, нельзя не отметить и тот факт, что вопрос о возможности присутствия того или иного текста, в том числе и комического, в культурном пространстве советской литературы решался с позиций, обозначенных в упомянутой уже работе Е. Добренко: «Эти дебаты позволяют понять не столько сами культурные *практики,* сколько культурную *логику,* согласно которой советскому смеху приписывались социальный смысл и политическое значение» [1, 27].

Ситуация, связанная с появлением и исчезновением из культурного пространства советской литературы сатирического обозрения (фельетона) Нико-

лая Эрдмана и Владимира Масса «Заседание о смехе» эмоционально описана в книге Бенедикта Сарнова «Сталин и писатели. Книга четвертая»: «В общем, что говорить! ГПУ было чем поживиться, когда оно нанесло свой визит «Эзопу». Остается тут лишь одна маленькая неясность. Что послужило причиной визита? Скандал, разразившийся вокруг альманаха «Год шестнадцатый», в котором было напечатано возмутившее начальство «Заседание о смехе»? Или скандал, связанный с теми несколькими, по сравнению с другими их баснями, в общем, довольно безобидными, которые Качалов прочел на приеме в честь японского посла?» [3, 213].

История с баснями Н. Эрдмана и В. Масса, однако, получила иное объяснение в исследованиях О. И. Киянской и Д. М. Фельдмана. По мнению историков литературы, в случае с «арестом из-за басен» много непонятного. Так, Киянская и Фельдман утверждают: «Из того немногого, что удалось обнаружить, следует: история с Качаловым была. Однако артист напрасно расстраивался, «что подвел Масса и Эрдмана». Их судьба изменилась в силу весьма сложной политической интриги» [4, 334]. Что касается «Заседания о смехе», то причина запрещения фельетона к публикации могла быть более сложной и связанной с нарушением жанровых границ и выходом за пределы собственно фельетонной традиции: «В альманахе помещено «Заседание о смехе» Масса и Эрдмана, представляющее злобную издевку над нами. Надо добавить, что основой произведения Масса и Эрдмана является некий контрреволюционный анекдот. Такой же издевательский характер имеет и басня тех же авторов «Закон тяготения» (цит. по: [*4, 334*]).

Соединение в одном контексте басен, пародии и традиционного метапоэтического индекса — рефлексии по поводу поэтического «пути» — характеризует комический дискурс Н. Эрдмана во всем его диапазоне. В одном пространстве и времени с Эрдманом существовали В. Маяковский, М. Зощенко, А. Платонов, М. Булгаков, В. Катаев, И. Ильф и Е. Петров — те имена, которые являются знаковыми для определения статуса комических текстов эпохи. Но даже на их фоне Эрдман обнаруживал щедрый дар комического, которым он владел виртуозно, чувствуя его природу. Особая роль самого комического дискурса в культуре Серебряного века напрямую связана с актуализацией традиций русского модернизма. При этом становление в советской литературе 20–30-х гг. теоретических положений, связанных с инициированной А. Луначарским дискуссии о «красном смехе», в современном постсоветском и постмодернистском литературоведении зачастую оценивается однозначно: «…смех может быть инструментом устрашения и укоренения иерархии, мощным средством тоталитарной нормализации и контроля» [1, 13]. В книге Е. Добренко и Н. Джонсон-Скрадоль «Госсмех: сталинизм и комическое» Н. Эрдман упоминается как «советский маргинал» наряду с Зощенко, Булгаковым, Платоновым, Маяковским, Катаевым, Олешей и авторами «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка»: комическая культура, актуализирующая маргинальную личность, которая «идеально комична», «рассматривала его извне, со стороны, относилась к нему критически, смеялась над ним», а «советская соцреалистическая культура не просто улавливала вкус полуурбанизированных крестьян, но, по сути, стала его продуктом и выражением, стала настоящим зеркалом сознания советского человека, отразив в том числе и его *смех* (курсив автора.— *Е. Д.*)» [1, 17]. Нам представляется, что в данном конкретном случае обнаруживается более сложный механизм проявления «смехового», комического начала.

Сам текст «Заседания о смехе» стал доступен широкому читателю после публикации в журнале «Вопросы литературы» в 1988 г. Однако на уровне характерной для Н. Эрдмана склонности к автоцитации и автопародии этот «исчезнувший» текст всплывает и тематически, и на уровне прямых отсылок: можно указать цитатные и тематические переклички между интермедиями к сказке Карло Гоцци «Принцесса Турандот» (1932–1933) и пародией на заседания в Вахтанговском театре. Автореминесцентность может быть объяснена, в частности, тем, что «Заседание о смехе» (1932–1933) было запрещено цензурой, поэтому Эрдман использует его элементы в другом тексте [5]. При этом фельетонность «Заседания», если учитывать тематику и литературную ситуацию, становится менее очевидной в силу формы драмы, в которой позиция автора опосредована: так, атрибутируя жанровую природу ранних произведений М. Булгакова, В. Е. Головчинер так определяет фельетонность: «…тексты с комической выразительностью, актуализирующие в периодических изданиях проблемы социума для читателей, живущих с автором в одном времени» [6, 12]. Тем не менее явная пародийность «Заседания…» не исключает встроенность его в традиции балаганной и комической народной драмы, пародирующей не только формальные признаки дискурса, но и суть самого подхода к смеху как к предмету «заседания». Виртуозность комического дара Н. Эрдмана проявляется в фельетоне «Заседание о смехе» в усложнении его пародийной основы (помимо «узнавания» конкретных источников пародии отчетливо выявляется его интертекстуальная и метапоэтическая природа). В речи персонажей преобладает особый тип речевого косноязычия, характерный для сказовой формы: «Товарищ Косупко, с присущей ему прозорливостью, обронил здесь *довольно крылатую* фразу о том, что пролетариат хочет смеяться» (курсив наш.— *Л. Р.*) [5, 261]. Высказывания персонажей выстраиваются как декларации, в которые встроены каламбурные по форме, но поданные в качестве абсолютно серьезных речевые обороты: «Но мы знаем, товарищи, что если пролетариат че-

го-нибудь хочет, даже если он хочет смеяться, тут уж, товарищи, не до смеха. Действительно, было бы очень смешно, если бы отдельные товарищи захотели шутить в тот момент, когда пролетариат хочет смеяться. Я думаю, что буду неизмеримо прав, если скажу, что смех на шестнадцатом году революции — это не шутка. Поэтому я прошу отнестись к смеху с максимальной серьезностью» [5, 261].

Оксюморонность и опора на деконструкцию фразеологических единиц, связанных с необходимостью выстроить рассуждения о смехе, воспринимаются адекватно лишь участниками заседания, говорящими на языке бюрократических протоколов и постановлений («Нам, товарищи, до слез нужен смех…»). Однако в рамках риторического по форме и бессодержательного по сути высказывания возникает некий явный посыл к однозначному пониманию его контекста: «Первая отличительная черта нашего смеха — это та, что наш смех должен быть организованным. Что это значит? Это значит, что мы должны смеяться только над тем, о чем есть постановление общего собрания, что это действительно смешно. Провинция, например, должна согласовывать свой смех с центром» [5, 262]. Тем не менее, сам речевой сюжет, создаваемый репликами безымянных участников «дискуссии» (Первый, Второй…), приобретает особую направленность, связанную с нарушением норм и правил — в рамках самого языка.

Так, нарушением норм лексической сочетаемости является и само заглавие — «заседание по поводу смеха» заменяется «заседанием о смехе». Парадоксальность отсылок к явлениям мировой культуры тоже становится способом усложнения пародийной основы «Заседания», нарушающим безапелляционность декларативных суждений и вызывающим внутритекстовую полемику: «Третий. Товарищи! Кроме нашего смеха и ихнего смеха, имеются еще несколько смехов, оставшихся нам от прошлых веков. Огромное место среди упомянутых смехов занимает так называемый «гомерический хохот». Попробуем разобраться, как же будет относиться наш смех к данному хохоту. Что такое гомерический хохот? Гомерическим хохотом смеялся великий слепец Гомер. Следовательно, он смеялся над тем, чего он не видел. Нужен ли нам такой хохот? Голоса. Нужен.— Не нужен. Третий. Я, товарищи, считаю, что нужен. Потому что смеяться над тем, что мы видим, это, я бы сказал, как-то… несколько неудобно!» [5, 262].

Очевидно, что перед нами двойная пародия — пародируется и предмет спора («наш» или не наш» может быть смех), но и способ ведения дискуссии, которая сводится лишь к обмену репликами. Трансформация перформативного дискурса в драматическом по своему роду пародийном обозрении (фельетоне) осуществляется в направлении речевой маргинализации и замене апеллятивных (направленных на собеседника) конструкций декларативными, характерными для реплик резонеров, претендующих на полноту истины. Так, очередной докладчик и вовсе отменяет «шекспировский» смех, следуя принципу идеологической цельности: «Я, товарищи, категорически возражаю. Мы еще не знаем, каким смехом смеялся Шекспир. Если он был сыном лорда, то он смеялся утробным смехом загнивающей верхушки, а если он был сыном торговца солодом, то, следовательно, он смеялся бодрым и здоровым смехом полуголодного разночинца. Пока еще на этот вопрос никто ответить не может, потому что происхождение Шекспира никому не известно. Может, товарищи, получиться конфуз: мы начнем смеяться шекспировским смехом, а Вильям Шекспир вдруг окажется лордом Ретлендом. Предлагаю поэтому от шекспировского смеха всячески воздержаться» [5, 262].

Попытки придать смеху универсальный статус основ всей жизни маркируется в фельетоне нечаянной оговоркой персонажа, обозначенного как Шестой: «Шестой. Ах, кампанию? Тогда, конечно, я выступлю. Товарищи! Я скажу несколько слов о развитии смеха в промышленных районах Московской, Ленинградской и Иваново-Вознесенской областей. (Аплодисменты.) Развертывание смеха должно протекать на основе самодеятельности разных организаций и максимального использования местных ресурсов. (Аплодисменты.) Товарищи! Смех, как животное очень плодовитое и дающее вкусное белое мясо… Голоса. Как мясо? Что вы говорите? Шестой. Виноват, товарищи! Я, собственно, обыкновенно по кроликам выступаю. Смех для меня — дело новое! Но, товарищи, вы напрасно смеетесь!» [5, 263].

Здесь легко восстанавливается по контексту особого рода риторическая инерция, свойственная персонажам, потерявшим контроль над собственным дискурсом, как, например, инженер Треухов в «Золотом теленке» Ильфа и Петрова, когда вместо насущных проблем он начинает проговаривать международное положение. Кроме того, мы видим неожиданный перевод «высокой» проблематики в русло «пищевой» тематики. Взаимопроникновение высокого и низкого в данном случае порождает освоенное культурой комическое раздвоение, о котором упоминается в коллективной монографии «Смех в Древней Руси»: «Обе половины могут быть равны, но могут быть и неравными: вопрос-ответ, загадка-разгадка. В этом раздвоении мира — мира и без того сниженного, смехового — происходит его еще большее снижение, подчеркивание его бессмысленности, глупости. Смех делит мир, создает бесчисленные пары, дублирует явления и объекты и тем самым «механизирует» и оглупляет мир» [7, 38].

Пародируя не только бесконечные заседания в Большом театре, но и развернувшуюся в прессе дискуссию о «красном смехе», инициированную А. В. Луначарским и превратившуюся в итоге в перепалку по поводу дозволенности и недозволенности пересе-

чения границ смеховой области, Н. Эрдман и В. Масс создают прецедент двойной профанации слова о смехе, проявляя «заботу» о пролетариате: «…над чем, почему и каким смехом он будет смеяться. Это самое главное. Какие же смехи мы имеем на сегодняшнее число? На сегодняшнее число мы имеем следующие смехи: их смех и наш смех» [5, 264]. Подобного рода высказывание дает особый импульс для читателя-зрителя (при невозможности реальной постановки) — импульс к прочтению произведения, завершающегося списком «смехов», в качестве особого смыслового кода к постижению двойной природы комического дискурса: «Общее собрание ученого общества друзей советского смеха, заслушав доклад товарища Косупко на тему о смехе, постановляет: горячо приветствовать всякий смех, за исключением смехов: а) животного, б) утробного, в) щекочущего…» [5, 266]. Перечень запрещенных «смехов», совпадающий практически со всеми позициями русского алфавита, кажется абсолютно условным, взятым с потолка, т.к. ни один из них не фигурирует в протоколе заседания, тогда как упомянутые в нем шекспировский и гомерический отсутствуют вовсе.

Однако сам факт «заседания» подчеркивается Н. Эрдманом и В. Массом как подтверждение одного любопытного момента, отмеченного Л. Ю. Фуксоном при анализе эрдмановского «Мандата»: «Реальность и человек предстают здесь потерявшими свои естественные полномочия. Их правомочность (в данном случае само существование смеха как такового.— прим. автора. *Л. Р.*) должна быть подтверждена бумажным свидетельством, обозначена. В художественном мире пьесы все непосредственное исчезает в тотальной опосредованности, онтология оттесняется семиотикой» [8, 155].

В финале появляется дефиниция «общечеловеческий» в качестве универсалии — все перечисленные выше запрещенные «смехи» интегрируются в ней, а «половинчатость» уравнивается с явной негативной оценочностью («кликушеского», «деляческого», «пустого», «несерьезного» и т.д.). Подчеркнутая алогичность предложенного списка приобретает характер определяющего момента: он актуализирует литературность, а не реалистичность или «жизненность», на которую указывала бы чистая пародия. Этот важный момент отмечается Ю. Щегловым в статье «Конструктивистский балаган Эрдмана», которому «был свойствен вкус не к углублению в неизведанные темы, а к внешней разработке уже готовых тематических заданий с помощью фейерверка формальных приемов, включая как обязательный компонент клоунаду и эксцентрику» [9, 121].

Чистый эксцентризм «Заседания…» усиливается не только алогичностью его диалогов, *но и внешним их правдоподобием* (курсив наш.— *Л. Р.*). Исключенный из читательского кругозора по внелитературным причинам фельетон, таким образом, оказывается соотнесенным именно с традициями эпохи, определенной впоследствии как «Серебряный век» русской культуры, т.е. приобретает черты обобщающего характера, учитывая самое природу комического. Культурный контекст Серебряного века при всем своем разнообразии предполагает хронологическое и смысловое соотнесение с понятием «модернизм». Связь же между метатекстуальностью в плане ее актуализации и метатекстуальностью как органическим свойством комизма убедительно показана в монографии А. Г. Козинцева «Человек и смех»: «Выясняется, что юмор, подобно пародии, направлен вовсе не на действительность, а исключительно на способ восприятия и осмысления этой действительности» [2, 18].

Изощренность художественного языка и его усиленная интертекстуальность позволяет соотнести написанный в 1932 г. текст с отмеченной тенденцией. При всей обширности охвата творчества Н. Эрдмана исследованиями XX–XXI вв. комическая и, как следствие, металитературная природа «Заседания о смехе» требует отдельного и предметного разговора. Тем не менее нельзя не прислушаться к мнению А. Козинцева, который отмечает, что «…главные (хотя и неосознаваемые) объекты пародии, да и юмора в целом — язык как таковой и наше собственное мировосприятие как таковое» [2, 19].

Фиксируя черты балаганного мировосприятия в комическом дискурсе Н. Эрдмана, Ю. Щеглов отмечает: «Стиль мышления, логика поведения эрдмановских героев, тесно связанные с фольклором — сказкой, балаганом, кукольным театром Петрушки,— представляют собой, вообще говоря, не уникальное явление, но абстрактную литературную парадигму с потенциально множественными тематическими коннотациями. Какие из них будут активизированы в читательском (зрительском) восприятии — зависит от историко-культурного контекста, в котором используется данная парадигма, равно как и от жанра, от установок и намерений автора и др.» [9, 157]. В фельетоне Эрдмана и Масса черты поэтического мира могут быть соотнесены с менталитетом начинающейся сталинской эры. Современный же читатель, однако, воспринимает не столько остроту пародии или исторические параллели, сколько архетипическое ощущение причастности к внутреннему освобождению, отказу от реальной боли, против которой действует «анестезия сердца» и которая, по А. Бергсону, сопряжена с юмором. Именно в этом проявляется особая, металитературная природа, казалось бы, написанного исключительно на злобу дня фельетона Н. Эрдмана и В. Масса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добренко Е. Госсмех: сталинизм и комическое / Е. Добренко, Н. Джонсон-Скраддоль.—М.: Новое литературное обозрение, 2022.— 768 с.

2. Козинцев А. Г. Человек и смех / А. Г. Козинцев.— СПб., 2007.— 236 с.

3. Сарнов Б. Сталин и писатели. Книга четвертая.—М.: Эксмо, 2011.— 1184 с.

4. Киянская О. И. «Контрреволюционного содержания басни». Уголовное дело Николая Эрдмана, Владимира Масса и Эмиля Кроткого / О. И. Киянская, Д. М. Фельдман // Вопросы литературы.— 2016 — № 2.— С. 333–369.

5. Эрдман Н. Заседание о смехе / Н. Эрдман, В. Масс // Вопросы литературы.— 1988.— № 1.— С. 261–266.

6. Головчинер В. Е. Комическое в пьесах М. А. Булгакова 1920-х годов / В. Е Головчинер, Т. Л. Веснина.— Томск, 2021.— 140 с.

7. Лихачев Д. С. Смех в Древней Руси / Д. С. Лихачев, А. М. Панченко, Н. В. Понырко.— Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1984.— 296 с.

8. Фуксон Л. Ю. Смех как способ истолкования / Л. Ю. Фуксон.— Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016.— 254 с.

9. Щеглов Ю. К. Конструктивистский балаган Эрдмана / Ю. К. Щеглов // Новое литературное обозрение.— 1998.— № 33.— С. 118–160.

Новосибирский государственный педагогический университет

Ромащенко Л. В., аспирант 2-го года обучения

E-mail: leonid.rmk@gmail.com

Novosibirsk State Pedagogical University

Romashchenko L. V., Postgraduate Student

E-mail: leonid.rmk@gmail.com

УДК 821.161.1

СТИЛИЗАЦИЯ КАК МОДЕРНИСТСКИЙ СПОСОБ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В СКАЗКЕ И. А. БУНИНА «О ДУРАКЕ ЕМЕЛЕ, КАКОЙ ВЫШЕЛ ВСЕХ УМНЕЕ»

Т. И. Скрипникова

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Поступила в редакцию 20 марта 2024 г.

Аннотация*: в статье на примере сказки И. Бунина «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» (1921) рассматривается типологическое сближение автора с модернизмом, проявляющееся в искусстве стилизации речевых, поведенческих, идейных особенностей, присущих определенной социальной группе, для выражения жизненных явлений, получивших, благодаря сказовой форме, свое воплощение. В произведении господствует стремление писателя показать катастрофическое оскудение естества народной жизни, ставшее одной из причин трагических потрясений начала XX века.*
Ключевые слова*: стилизация, «двухголосое повествование», модернизация жанра, традиции сказовой формы, импровизационный характер творчества.*

Abstract*: in the article, using the example of I. Bunin's fairy tale "About the fool Emelya, who came out smarter than everyone else" (1921), the author's typological rapprochement with modernism is considered, manifested in the art of stylizing speech, behavioral, ideological features inherent in a certain social group, to express life phenomena that have received, thanks to the fantastic form, its embodiment. The fairy tale is dominated by the writer's desire to show the catastrophic impoverishment of the nature of people's life, which became one of the reasons for the tragic upheavals of the early twentieth century.*
Keywords: *stylization, "two-voice narration," modernization of the genre, traditions of the skaz form, improvisational nature of creativity.*

Модель модернистского направления начала XX века согласно мнению многих исследователей [1] конструировалась из множества слагаемых, включающих в себя помимо прочих фольклорную или литературную стилизацию художественного текста, которую вполне можно определить как отличительную черту «ментальности» русского символизма. Стилизация фольклора на рубеже веков, таким образом, предполагает как воссоздание явления через наиболее характерные, узнаваемые внешние черты, так и реалистический показ народной жизни, его социально-классовых, мировоззренческих проблем. Как писал С. Городецкий, сущность стилизованного рассказа «сводится к упрощению общего рисунка и подчинению всего отдельным, тщательно обличаемым подробностям» [2].

Большая часть обращений к сказке в литературе начала XX века было связано со стремлением авторов как символисткой школы, так и реалистической направленности осмыслить общие, глобальные проблемы истории, человеческую судьбу, желанием через объединение сказочно-фантастического и реального объяснить смысл действительности, сложившееся устройство мира, возможности его развития и место человека в нем. Отсюда вполне объясним в это время повышенный интерес в русской литературе к малым и средним жанрам: сказкам, притчам, аллегориям, фрагментам и т.п. Доминирующим в литературе рубежа веков считается «двухголосое повествование» [3], соотносящее автора и рассказчика, а также сказ или стилизация. Е. Г. Мущенко считала, что сказ, пародия и фольклорная стилизация «функционально-онтологически соотносимы в рамках стилизации» [4]. Более того, говоря о различии между фольклорной стилизацией и сказом, исследователи утверждают, что в художественной практике обе повествовательные формы часто недифференцированно сосуществуют в одном произведении.

В узком смысле стилизация выступает как родовое понятие в отношении таких художественно-речевых явлений, как сказ, пародия, диалог и широко распространенная фольклорная стилизация [5].

Однако если в сказе «чужое» слово ведет к подчеркиванию разграниченности автора и героя-рассказчика, то в стилизации, напротив, господствует стремление «прорваться к повествователю (сказителю) и к стоящему за его спиной народному миросозерцанию, с тем чтобы выразить непосредственно постигаемые в ходе сюжетного развития нормы бытия, соответствующие народным представлениям» [6]. Сказовая стилизация, по справедливому утверждению В. В. Виноградова, не только откры-

© Скрипникова Т. И., 2024

вает перед художником сокровища «живых и мертвых слов», но и «раскрепощает» его, снимая многие ограничения, поскольку писатель может свободно располагать «инвентарем» этнографических и социально-групповых диалектов, жаргонов, разных жанров письменной речи, производить в них всевозможные перемещения по типу «народных этимологий» и «создавать из всего этого пестрого материала ирреальные композиционные построения, монологи…» [7]. В определенном смысле сказовое повествование писателей модернистов второй половины 1920-х гг. претерпело сходную эволюцию: «из инструмента изображения массового человека в катастрофических обстоятельствах стилизация стала и способом авторской эстетической рефлексии, игра с разными адресатами давала возможность воздействовать на читательское восприятие в нужном автору направлении» [8].

В художественных текстах начала XX века разных по мировоззрению и стилистической направленности авторов, содержащих апелляцию к фольклорной традиции, стилизация представлена так или иначе в опосредованном, пересозданном виде, отсюда возникают либо сказки в литературной обработке, либо стилизованные произведения, использующие разнообразные культурно-мифологические модели. Так, период рубежа веков характеризуется зарождением литературного эпического жанра, опирающегося на сюжеты фольклорной сказки, объединяющие авторскую самобытность с народными традициями. Одним из классических образцов литературной обработки и пересказа русской народной сказки является сказка «О Емеле-дурачке», которая впервые была опубликована в сборнике П. Тимофеева в 1787 г., затем в 1855 г. в сборнике «Народные русские сказки» под издательством известного фольклориста А. Н. Афанасьева. За ее литературную обработку в разное время брались русские писатели В. Даль («Емеля-дурачок», 1936), И. Бунин («О дураке Емеле, какой вышел всех умнее», 1921) и А. Н. Толстой («По щучьему веленью», 1941). В обработке В. Даля и А. Толстого она получилась такой, какой ее знают с детства: о простом парне по имени Емеля из крестьянской семьи, которого окружающие считали недалеким и ленивым, поскольку у него не было желания физически трудиться.

Не прошел мимо новых литературных тенденций начала XX в. в своем эмигрантском творчестве и И. А. Бунин, модернизируя жанр поэтической литературной сказки в произведении «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» (1921). В наследии автора, преемственно связанном с традициями классики, в то же время активно аккумулировались и новейшие эстетические открытия, совершенные модернистской культурой Серебряного века. Чего стоит бунинское признание, сделанное им в письме к Л. Ржевскому: ««Реалист» Бунин очень и очень многое приемлет в подлинной символической мировой литературе» [9]. Признанный в эмиграции «последним классиком» писатель всегда осознавал реалистические основы своего творчества, что не исключало, однако, процессов взаимовлияния и взаимообогащения. Недаром исследователь М. Д. Шраер [10] характеризует его эмигрантский период «скрытым модернизмом», то есть развитие реализма продолжилось у писателя и за рубежом, но на качественно новом уровне. Так, творчество И. Бунина 1920-х годов обнаруживает немало точек соприкосновения с модернизмом, что много раз отмечали его современные исследователи. Например, Н. В. Пращерук пишет, что Буниным «создается по существу особый вариант русского модернизма — реалистический» [11].

Как известно, существенной чертой, определяющей специфику сказки «серебряного века», является попытка философского осмысления картины мира, свободное переплетение художественного и философского дискурсов, жизненной и эстетической реальности. «Философская» подоснова модернистской тенденции составляет важную особенность произведения И. Бунина «О дураке Емеле, который вышел всех умнее». Оно является своего рода стилизованной обработкой русской народной сказки о Емеле-дураке, однако в отличие от фольклорных вариантов В. Даля и А. Толстого, в характере бунинского героя превалируют не черты дурака, а, наоборот, умного и расчетливого, хитрого, чрезмерно ленивого и равнодушного к судьбе своего «государства» человека: «Мол, и без меня управятся,— с государством-то!» [12]. Сказка написана в Париже в 1921 г., в первый год эмиграции писателя, лишившегося в одночасье «людей, родины, близких» и ставшего на первых порах страстным обличителем всего, что связано с советской Россией. Б. Зайцев в рецензии на книгу Бунина «Солнечный удар» в 1927 году писал, что в ряду прочих послереволюционных произведений сборника будущему историку литературы «нетрудно будет определить мотив борьбы с революцией в этих вещах, очень разных по характеру и достоинствам, но объединенных общей чертой. Борьба … теперь она приняла иные, более скрытые и сложные формы — насколько вообще настоящее художество скрытней, сложней и значительней публицистики» [13]. Критик Б. Каменецкий высказал аналогичную точку зрения о «трагичности» «веселой сказки», «рассказанной Буниным и самой жизнью», о судьбе простого русского народа на примере сказочного героя, дурака и бездельника Емели, которому «по щучьему велению, по благосклонной прихоти нелепого случая, удалось, несмотря на то, что он не сеял, не пахал и никакой работы не знал, возлечь на бархатные постели, душу сладкими закусками ублажить, зажить вообще в свое полное удовольствие, велеть всем жаровые рубахи, красные сарафаны надеть («дурачки-то любят красненькое да яснень-

кое»), на царевне жениться и дела не делать» [14]. Недаром Е. Н. Трубецкой в начале XX века писал, что сказка о Емеле-дураке «служит крайним выражением апофеоза лени» [15]. Этот же смысл спустя почти сто лет очень точно воспроизводит другой исследователь А. Синявский: «Обычное свойство сказочного дурака — леность — тут достигает апогея. И все происходит потому, что Емеля дурак чрезвычайно ленив. Он и щуку отпускает с единственной целью, чтобы самому не работать [16].

Саша Черный в 1924 г. в рецензии на книгу «Роза Иерихона» отметил «ядреный, простонародный лад сатирической сказки», убедительно показывающей, «как широки и разнообразны изобразительные силы автора» [17]. Язык сказки и стиль значительно отличается от языка и стиля произведений дореволюционного творчества Бунина, посвященных «крестьянской прозе». В «простонародном ладе» повествования «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» монолог строится как устный: это проявляется и в импровизационно-неграмотной трансформации привычных словосочетаний; и в тавтологии, и в частом употреблении вводных слов; и в инверсированном построении фраз, в установке на иллюзию — автор будто размышляет вслух, его рассуждения складываются словно сейчас, в момент нашего присутствия. Это связано с тем, что в стилизованной форме, в отличие от традиционных сказочных формул, «более сложный синтаксис, богаче лексика, встречаются индивидуальные тропы вместо традиционных, характерных для фольклорной сказки» [18]. Так за счет различных языковых приемов автор придает тексту сказки «иллюзию сказа» (Эйхенбаум), поскольку предметом исследования в сказовой форме повествования служит текст, а не устно произносимое слово, то и говорится о «иллюзии устной речи» (Эйхенбаум). Думается, что авторские приемы эмоциональной активизации, связанные с постоянным намерением повествователя подчеркнуть (выделить, обозначить) пассивность героя, абсолютное нежелание его что-либо делать, доходящее порой до абсурда,— все это способствует созданию И. Буниным эффекта театрализованности повествования.

Важной характеристикой стилизации в литературе XX века, как способа игрового выражения, раскрывающего своеобразие национальной культуры, размах, удаль, артистизм и остроумие русского народа, является как раз прием театрализации. Сказовая форма сама по себе — театральна, это ее свойство связано с глубинной сутью фольклора как искусства устного, предполагающего прямое общение со своей аудиторией. То есть речь идет о единстве понятий «театрального искусство и фольклора в целом как искусств синтетических, «контактных», в которых непосредственно взаимодействуют исполнитель (автор) и потребитель, слушатель (зритель)» [19].

Б. Эйхенбаум в статье «О прозе», предприняв попытку теоретически обосновать художественное явление стилизации повествования, писал, что «сказ выступает в двух основных аспектах: в «элементах сказительства и живой устной импровизации» [20]. Так уже в начале XX века ученый наметил важные для того периода развития литературы моменты: социальную обусловленность стилизованной формы художественного произведения и ее импровизационный характер театрализации. В. Виноградов вслед за Б. Эйхенбаумом не только отмечает игровой характер сказовой формы, но и ее ориентацию на определенную аудиторию. По мысли ученого, сказ «строится в субъективном расчете на апперцепцию людей своего круга, близких, знакомых, но с объективной целью — подвергнуться восприятию постороннего читателя» [21]. В работе «Проблема сказа в стилистике» (1925) В. В. Виноградов писал о театрализованности сказовой прозы: «За художником всегда признавалось широкое право перевоплощения. В литературном маскараде писатель может свободно, на протяжении одного художественного произведения, менять стилистические маски…» [22]. Аналогичное рассуждение находим и у Ю. Н. Тынянова. «Сказовая стилизация делает слово физиологически ощутимым — весь рассказ становится монологом, он адресован каждому читателю — и читатель *входит* в рассказ, начинает интонировать, жестикулировать, улыбаться, он не читает рассказ, а играет его. Сказ вводит в прозу не героя, а читателя. Здесь — близкая связь с юмором. Юмор живет словом, которое богато жестовой силой, которое апеллирует к физиологии,— навязчивым словом» [23]. Таким образом, стилизованная форма художественного произведения в начале XX века осознается инструментом диалогического искусства, дающим возможность разыграть «чужое слово» перед читателем: «…настоящий автор художественной прозы — всегда является актером, и всякое произведение эпическое — есть игра, театр» [24]. Неслучайно Ф. Степун заметил, что И. Бунин пишет как большой актер, который сливается со своими образами, раскрывает их чувства совсем изнутри из последней глубины своей души. По воспоминаниям В. Н. Буниной, впервые рассказ «Емеля», который она дважды именует в записях сказкой, был в числе прочих прочитан на благотворительном вечере, посвященном писателю, и вызвал «гомерический хохот». В дневнике от 4 (17) ноября записывает: «Сегодня вечер. Ян прочел мне то, что решил читать: 1) «Безумный художник»; 2) Сказка «Как Емеля на печи к царю ездил»; 3) «Косцы».

В записях от 5 (18) ноября, на следующий день после благотворительно вечера, находим: «Народу было много. Он имел большой успех. Все слушали с вниманием … Сказка вызвала гомерический хохот» [25].

Действительно, И. Бунин не просто повествует текст «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее»,

а словно разыгрывает его и декламирует перед читателем — зрителем. Произведение представляет собой «двухголосое повествование» (Мущенко), которое соотносит автора и рассказчика, стилизуется под устно произносимый, театрально импровизированный монолог человека, предполагающего «сочувственно настроенную аудиторию, непосредственно связанного с демократической средой или ориентированного на эту среду» [3, 34].

По мнению М. А. Хотямовой, в начале 1920-х гг. сложившиеся в современной литературе метрополии представления о сказе, вытекающие из сказового творчества многих писателей (А. Ремизов, Е. Замятин, Л. Леонов и др.), формируют модернистскую концепцию «орнаментального» или «стилизованного» слова как способа выражения авторского сознания [26]. Согласно утверждению исследователя, в литературе 1920-х годов «сказовая концепция», развивая символистские представления об образе автора как «имперсонализированной множественности», тяготеющей к «масочности», становится принципом «модернистского текстопорождения»: «мифологический сюжет создается разворачиванием «метафорической сущности» персонажей, закодированной в их именах и речевых масках» [6, 86]. Установка И. Бунина на воспринимающее сознание в сказке «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» актуализирует этот символистский прием, то есть способ сокрытия автором собственного лица с определенной целью: перед нами автор И. Бунин, надевший маску, и актер в одном лице, создающий импровизацию речи, будто бы произносимой в присутствии читателя здесь и сейчас. Так писатель являет читателю актерский жест маски, создавая имитацию некого театрального действа, позволяющую говорить о подлинном, природном «литературном артистизме» писателя. Недаром, рассматривая стилизацию с точки зрения соотношения в ней автора и рассказчика, В. Виноградов утверждал, что «образ рассказчика в сказе — это форма литературного артистизма автора» [27].

Исследователь В. Полонский утверждал, что в литературе начала XX века из-за кризиса канонической жанровой системы создалось сильное для символистской эстетики напряжение между полем искомых/конструируемых универсальных структур и вариантами их реализации в разнообразных художественных формах. «При этом напряжение … приводит к формообразованию с неизбежной проекцией на инвариантный мифологический механизм» [28]. Так, личность в литературе начала XX века универсализируется, это позволяет ее интерпретировать «в терминах символико-мифологических» [29], что еще более усиливает театральную установку на стилизацию как на показ, представление, которое разыгрывается перед слушателями. М. Хатямова пишет, что стилизованная дилогия в начале XX века носила экспериментальный характер, демонстрируя установку автора на решение проблемы изображения итогов революции в жизни человека разными художественными способами [26]. Стилизованная форма художественных произведений в начале XX века выявляла не только «комизм», но и «кровавый трагизм» (М. Чудакова) ситуаций переходной эпохи [30].Таким образом, обращение И. Бунина к литературной сказке в период значительных историко-культурных сломов связано с глубинными сдвигами в ценностной ориентации рубежа веков, тенденцией показать обострившиеся противоречия действительности в свете первичных, фундаментальных основ духовной сущности человека. Поскольку стилизация предполагает воссоздание явления через наиболее характерные, узнаваемые внешние черты, то реальность сказочного топоса в границах повествуемой И. Буниным истории имеет символическое значение как пространство всей дореволюционной России, поэтому история Емели, несмотря на кажущуюся анекдотическую неправдоподобность, вполне претендует на подлинность. Писатель создает картины жизни и показывает мировоззрение личности и ее поведение как универсальной модели массового человека в катастрофических обстоятельствах, приведшее к драматичному разрушению прежних бытийных основ жизни России и социальной катастрофе. Делается это автором, во-первых, на примере фольклорных событий, о которых повествует рассказчик, во-вторых,— с помощью описания отрицательных черт характера героя — представителя народа, послуживших предпосылкой для русской революции: пассивности и равнодушия. «…как скучны нам будни и планомерный труд! <…> Однако разве не исконная мечта о молочных реках, о воле без удержу, о празднике была одной из главнейших причин русской революционности? И что такое вообще русский протестант, бунтовщик, революционер, всегда до нелепости отрешенный от действительности и ее презирающий, ни в малейшей мере не хотящий подчиниться рассудку, расчету, деятельности невидной, неспешной, серой?» (6, 83–84). Так И. А. Бунин, используя театральный потенциал сказки, в игровом варианте, воплощает свои идеи в произведении, камуфлируя прямое авторское слово под сказочный архетип героя Емели, помогая, однако, читателю понять, что все изображаемое все же существует в реальности.

Внешне сказка «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» выстроена в соответствии с фольклорным каноном: присказка, традиционные мотивы (вылов щуки, исполнение желаний, приезд на печи во дворец), традиционные герои — все указывает на классическую, даже несколько схематичную фольклорную стилизацию. Однако истинный смысл сказки обнаруживается в значимых для понимания авторского замысла фрагментах, содержащих «смысловые фокусы» (термин Ю. Г. Нигматуллиной). Как отмечает исследовательница, в некоторых случаях

фокус художественного произведения может быть выражен и в одной фразе, которая становится ключевой для понимания идейного содержания произведения [31]. Такой фразой в тексте, на наш взгляд, становятся следующие слова Емели — массового человека: « — Я,— говорит,— по-людски ничего не хочу делать. Я всем головам голова. Я на печи поеду. Мне ваши кареты-коляски без надобности. Мне с печи слезать не хочется. Моя думка одна — себя не трудить, а на свете послаже пожить» (5, 57).

Таким образом, сказка И. А. Бунина «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» является своеобразной формой его резкого отклика на трагические события в стране в начале XX века. Исследователями неоднократно отмечалось, что в периоды подъема национального самосознания художники в своих произведениях обращались к стилизации. Думается, подобное происходит и в период исторического «слома», когда в новой общественно-политической ситуации ставится все тот же русский вопрос.

Так типологическое сближение И. А. Бунина с модернизмом на почве апокалипсического мироощущения, характерного для любой переходной эпохи, переводит фольклорную сказку на несказочный уровень через сообщение ее философской подоснове семантики бытийного. Сущностный момент, сближающий ее с символистской сказкой, заключается в том, что нравственная проблематика в ней неотделима от эсхатологии. Актуализация приема стилизации в сказке И. Бунина «О дураке Емеле…» мотивирована трактовкой революционных событий, поиском причин, приведших к катастрофизму мира, «крушению культуры, разрушению основ человеческого бытия. Заимствованный из фольклора сюжет перерабатывается И. Буниным в трагических условиях новой социально-политической действительности и имеет вполне реалистический характер произведения, написанного на злобу дня.

ЛИТЕРАТУРА

1. Страшкова О. К. Феномен театрализации в жизни и искусстве как форма воплощения концепции / О. К. Страшкова // Вестник Ставропольского гос. ун-та им. Сер. Филологические науки.— Ставрополье: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2004.— Вып. 39.— С. 154–160.
2. Городецкий С. Ближайшая задача русской литературы / С. Городецкий // Золотое руно.— 1909.— № 4.— С. 66–81.
3. Мущенко Е. Г. Поэтика сказа / Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик.— Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. 287с. С. 34.
4. Мущенко Е. Г. Функции стилизации в русской литературе конца XIX — начала XX века / Е. Г. Мущенко // Филологические записки: Вестник литературоведения и язы кознания. Вып. 6.— Воронеж, 1996.— С. 69.
5. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин.— М., 1963. С. 247–248.
6. Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза.— М.: ИМЛИ РАН, 2009.— 832 с.— С. 78.
7. Виноградов В. В. О теории художественной речи / В. В. Виноградов.— Москва: Высшая школа, 1971.— С. 126.
8. Манипуляция в зеркале и практике художественной словесности / под ред. В. А. Суханова.— Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017.— 166 с.— С. 111.
9. Бунин И. А. Письмо к JI. Ржевскому // Проблемы реализма.— Вологда, 1980. Вып. VII.— С. 167.
10. Шраер М. Д. (США) Бунин и Набоков: поэтика соперничества // И. А. Бунин и русская литература XX в.— М., 1995.— С. 53.
11. Пращерук Н. В. «Реалистический» вариант русского модернизма: о прозе И. А. Бунина / Н. В. Пращерук // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева.— Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011.— С. 161.
12. И..А Бунин Собр. соч. в 9 т. Т. 5. С. 57. (В дальнейшем текст произведения Бунина цитируется по этому изданию с указанием страницы).
13. Зайцев Б. И. Бунин Солнечный удар / Б. Зайцев // Современные записки: Общественно-политический и литературный журнал. Кн. 30.— Париж, 1927.— С. 551.
14. Каменецкий Б. [Айхенвальд Ю. И.] Литературные заметки / Б. Каменецкий // Руль.— 1923.— 8 июля (25 июня).— № 791.— С. 7.
15. Трубецкой Е. Иное царство и его искатели в русской народной сказке / Е. Трубецкой // Литературная учеба.— 1990.— № 2.— С. 103.
16. Синявский А. Иван-дурак: Очерки русской народной веры / А. Синявский.— М.: Аграф, 2001.— С. 47.
17. И. А. Бунин: pro et contra / Сост. Б. В. Аверина, Д. Риникера, К. В. Степанова, коммент. Б. В. Аверина, М. Н. Виролайнен, Д. Риникера, библиогр. Т. М. Двинятиной, А. Я. Лапидус.— СПб.: РХГИ, 2001.— 1016 с.— (Русский путь).— С. 358.
18. Сухоруков Е. А. Соотношение понятий «Фольклорная — литературная — авторская сказка» (на примере современных экологических авторских сказок) / Е. А. Сухоруков // Вестник МГЛУ.— Выпуск 19 (705).— 2014.— С. 144–151.
19. Савушкина Н. И. Русский народный театр / Н. И. Савушкина.— М., 1976.— С. 6–7.
20. Эйхенбаум Б. О прозе. Художественная литература / Б. Эйхенбаум.— Ленинград, 1969.— С. 152.
21. Виноградов В. В. Этюды о стиле Гоголя // В. В. Виноградов. Поэтика русской литературы: Избранные труды.— М.: Наука, 1976.— С. 228–366.— С. 191.
22. Виноградов В. В. Проблема сказа в стилистике // Виноградов В. В. О языке художественной прозы.— М., 1980.— С. 53.
23. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов.— М., 1977.— С. 160.
24. Замятин Е. И. Техника художественной прозы // Литературная учеба.— 1988.— Кн. 6.— С. 79–80.
25. Бунин Иван Алексеевич, Бунина Вера Николаев-

на. Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных/ Под ред. М. Грин: В 2 т.— Т. 2.—Москва, Посев, 2005.— С. 56.

26. Хатямова М. А. Сказовое слово как способ игрового выражения авторской позиции в русской прозе метрополии и диаспоры 1920-х годов / М. А. Хатямова // Сибирский филологический журнал.— 2017.— № 4.— С. 84–100.

27. Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей / В. В. Виноградов.— М., 1961.— С. 120.

28. Полонский В. В. Мифопоэтика и жанровая эволюция / В. В. Полонский // Поэтика русской литературы конца XIX — начала XX века. Дина мика жанра. Общие проблемы. Проза.— М.: ИМЛИ РАН, 2009.— С. 150.

29. Мелетинский Е. М. От мифа к литературе / Е. М. Мелетинский.— М., 2000.— С. 130.

30. Чудакова М. Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20–30-х годов / М. Чудакова // Новый мир.— 1988.— № 9.— С. 245–246.

31. Нигматуллина Ю. Г. Комплексное исследование художественного творчества. Проблема прогнозирования / Ю. Г. Нигматуллина.— Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1990.— С. 17.

Воронежский государственный аграрный университет имени императора Петра I

Скрипникова Т. И., к. филол. н., доцент кафедры русского и иностранного языков

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

Voronezh State Agrarian University named after Peter the Great

Skripnikova T. I., Associate Professor of the Department of Russian and Foreign Languages

E-mail: skripnikova77@rambler.ru

УДК 82–3

СВЕТ И ЦВЕТ В ЦИКЛЕ РАССКАЗОВ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 6 февраля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу семантики световых и цветовых образов в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина «Детство». Изучается влияние символики света и цвета в иконописи, а также православного литургического цветового канона на отбор и значение светообразов и цветовой гаммы в рассматриваемом произведении писателя. Доминирующим оказывается сакральный образ Света, отсылающий к представлению о Боге. Преобладание «небесных» золотого, белого, голубого, темного и красного цветов в цветовой палитре прозаика указывает на духовную реальность, встреча с которой становится событием в каждом рассказе цикла.*
Ключевые слова: *В. А. Никифоров-Волгин, цикл рассказов «Детство», свет, цвет, семантика.*

Abstract: *the article focuses on analysing the semantics of light and colour in V. A. Nikiforov-Volgin's cycle of stories, "The Childhood." It examines how the symbolism of light and colour in iconography and the Orthodox liturgical colour canon influence the selection and significance of these elements in the writer's work. The main image is that of Light, which represents the concept of God. The prevalence of "heavenly" colours such as gold, white, blue, dark, and red in the writer's colour palette suggests a spiritual reality, which is a significant event in each story of the cycle.*
Keywords: *Nikiforov-Volgin, cycle of short stories «Childhoud», light, colour, semantics.*

Как пишет П. В. Перелыгин, «цветообразы — одна из отличительных категорий поэтики, по которым можно судить о работе автора над выбором образа и его роли для понимания мыслей и идей творца <…>» [1, 3]. Л. Ю. Парамонова отмечает, что «один и тот же цвет может менять оттенки значений и смысла в зависимости от того, какой смысл вкладывает в него автор в том или ином произведении» [2, 18].

Об особом значении цвета и света в творчестве В. А. Никифорова-Волгина (1901–1941), писателя русского зарубежья первой половины XX в., говорит в начале своей работы Е. В. Яснова [3]. Статья исследователя содержит некоторые существенные наблюдения, касающиеся светообразов, однако подробно эта тема все же не разрабатывается. К тому же колоризмы остаются здесь вне поля зрения литературоведа. Цель настоящей статьи — рассмотреть семантическое наполнение свето- и цветообразов в произведениях В. А. Никифорова-Волгина в связи с мировоззрением писателя.

По словам С. Исакова, «В. Никифоров-Волгин был православным христианином, и это прежде всего определяет его мировосприятие <…>» [4, 334]. Поэтому значение света и цвета в текстах прозаика неразрывно сопряжено с символикой цвета в православном каноне.

Световых образов в рассказах писателя много: это разного рода источники света (огонь, солнце, свечи, лампады и пр.), эпитет «светлый», а также мотивы просветления, прояснения и сияния, часто получающие не столько материальное, сколько духовное значение. Так, в рассказе «Двенадцать Евангелий» мотив просветления сопряжен с семантикой святости: «У всех зажглись свечи, и лица людей стали похожими на иконы при лампадном свете — световидные и милостивые» [5, 30]. Хотя это внешняя характеристика (уподобление лиц людей ликам на иконах), тем не менее она свидетельствует и о внутреннем настрое молящихся. В рассказе «Земля именинница» с мотивом просветления связан мотив радости: «Эти необычайные слова до того были любы, что вся душа моя засветилась» [5, 52].

Заметим, что ночь в текстах В. А. Никифорова-Волгина изображается не как сплошная тьма, но как тьма, подсвеченная множеством источников света. «За погасшими окнами ходит темный вечер, осыпанный звездами» [5, 7]. «С огоньками свечей вышли из церкви в ночь. Навстречу тоже огни — идут из других церквей. <…> и на черном небе, таком просторном и божественно мощном, много звезд» [5, 31–32] (рассказ «Двенадцать Евангелий»). «Среди ночи сотня огней плывет по воде, а тут еще колокола трезвонят, и лес шумит!» [5, 45] (рассказ «Светлая Заутреня»). Свет здесь доминирует, что семантически перекликается с евангельскими словами «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин. 1,5), читаемыми на Пасху. Пасха — центральное событие цикла, и особенности светописи у писателя, таким об-

© Сузрюкова Е. Л., 2024

разом, по смыслу перекликаются с этим событием.

Световая насыщенность никифоровских текстов неслучайна. И. Н. Чистюхин говорит о том, что «символический язык Церковью стал рассматриваться как богословие и благочестие в образе и цвете. И цвет в христианстве не только был неотделим от образа, но обладал своим богословским содержанием» [6, 120]. Свет тоже имеет духовный смысл. О богословском значении света в церковном искусстве — иконописи — рассуждает современный сербский богослов епископ Афанасий (Евтич): «<…> православная икона — светосозданна, а западная — тенесозданна. И действительно, в западных картинах, даже их иконах и фресках, со Средневековья,— тень, повсюду тень. У нас же — начинается с темной краски, а потом выходит свет, свет, свет…<…> Значит, разница — кроме обратной перспективы — еще и в том, что наша икона из света соткана, светоструктурированная, а западная — теневая, тенеструктурированная» [7, 129–130]. Это созвучно тому, о чем писал о. П. Флоренский: «<…> икона пишется на свету и этим <…> высказана вся онтология иконы. Свет, если он наиболее соответствует иконной традиции, золотится, то есть является именно светом, чистым светом, не цветом. Иначе говоря, все изображения иконы возникают в море золотой благодати, омываемые потоками Божественного света. В лоне его живем и движемся и существуем (Деян. 17, 28), это он есть пространство подлинной реальности» [8, 209]. Таким образом, свет здесь выступает в качестве основы изображаемого. Свет — один из частотных образов в рассказах В. А. Никифорова-Волгина о детстве.

Е. В. Яснова пишет, что свет в произведениях В. А. Никифорова-Волгина — «вера в Бога» [3, 68], «символ веры, добра, жизни верующего человека» [3, 69]. Однако этот тезис требует уточнения. Тексты прозаика включают в себя произведения церковной гимнографии, обладающие, помимо всего прочего, глубинным богословским содержанием. Так, по словам Е. А. Осьмининой, «именно в этих циклах [«Детство», «Из воспоминаний детства»] церковные песнопения цитируются чаще всего, играют значительную роль в повествовании <…>» [9, 218]. «Эти песнопения обозначают и подчеркивают смысл дня или праздника, суть службы» [9, 221]. Образ света присутствует в цитируемых автором церковных текстах, поэтому необходимо осмыслить именно богословское его значение. По мнению еп. Афанасия (Евтича), рассуждающего о Григории Паламе и сущности исихазма, «свет есть Божественная благодать, Божия любовь, Божественная энергия <…>. Важно и то, что эту благодать человек может видеть даже телесными очами, пусть и отчасти» [7, 130–131]. Если в церковных песнопениях вербально указывается на свет, то в иконописи, как отмечают И. Языкова и игумен Лука (Головков), свет изображается иначе: «Фон иконы в первую очередь являет нетварный свет, в древности его и называли «светом». <…> Гимнография именует Христа «Солнцем правды», это солнце освещает весь мир, но святые, преображенные эти светом, сами становятся светоносными, светят, как светила на небе» [10, 16].

Свет в текстах В. А. Никифорова-Волгина — образ, указывающий на Бога, причем тварный свет отсылает у него к представлению о Свете нетварном, несозданном: «Из окна прямо в Чашу упали солнечные лучи, и она загорелась жарким опаляющим светом» [6, 26]; «Иисусе, спасительный Свете, во гробе темном скрылся еси: о несказаннаго и неизреченнаго терпения!». / «Под землею скрылся еси, яко солнце ныне, и нощию смертною покровен был еси, но воссияй Светлейте Спасе». / <…> «Зашел еси Светотворче, и с Тобою зайде свет солнца» [5, 39]. Очевиден параллелизм между светом в физическом, материальном мире, и Светом — традиционной метафорой-символом в гимнографических текстах, обозначающим Божественную природу.

Среди хроматических цветов (в терминологии живописи) доминирует золотой и совершенно отсутствует желтый. С. М. Соловьев отмечает, что «литература XVIII и начала XIX века не признавала желтого цвета. <…> Желтый у них [авторов XVIII века: М. В. Ломоносова, А. П. Сумароков, В. В. Капниста] полностью вытеснен тоном золотым. У них золотые поля, золотые облака, золотые лучи солнца и даже золотые волосы» [11, 219]. Далее исследователь поясняет: «Лишь Толстой и Достоевский перешли фактически полностью к реалистическому использованию желтого цвета <…>» [11, 219]. На наш взгляд, использование золотого в произведениях В. А. Никифорова-Волгина связано не с возвращением к дореалистическим традициям в русской литературе, а с особенностями его светопоэтики, в основе которой — связь с христианским православным искусством, где золотой — «важный гармонизирующий фактор, подчиняющий себе весь цветовой строй изображения и выводящий его на уровень некоего возвышенного феномена» [12, 235]. О золотом цвете как первооснове для иконописных цветов говорит кн. Е. Трубецкой: «Иконописная мистика — прежде всего солнечная мистика в высшем, духовном значении этого слова. Как бы ни были прекрасны другие небесные цвета, все-таки золото полуденного солнца из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг него «чин». <…> игрою солнечных лучей обусловливаются все цвета радуги: ибо всякому цвету и свету на небе и в поднебесье источник — солнце» [13, 191–192]. Наблюдение Е. В. Ясновой, выраженное в словах «все световые обозначения в его [В. А. Никифорова-Волгина] прозе — солнечные, лунный свет отсутствует вовсе <…>» [3, 68], согласуется с принципом изображения света и цвета в никифоровском художественном мире, где, как в иконографии, свет —

ключевой образ. Кн. Е. Трубецкой поясняет далее: «Такова в нашей иконописи иерархия красок вокруг «солнца незаходимого». Нет того цвета радуги, который не находил бы себе место в изображении потусторонней Божественной славы. Но изо всех цветов один только золотой, солнечный обозначает центр Божественной жизни, а все прочие — ее окружение. Один Бог — сияющий «паче солнца», есть источник царственного света. <…> Словно иконописец каким-то мистическим чутьем предугадывает открытую веками позже тайну солнечного спектра. Будто все цвета радуги ощущаются им как многоцветные преломления единого солнечного луча Божественной жизни» [13, 192].

Открывается цикл рассказов «Детство» картиной «скованного морозом солнечного утра» [5, 3] в Чистый понедельник, когда под ногами рассказчика — мальчика Васи — «скрипит снег» [5, 3]. Хотя цветовая характеристика здесь не эксплицирована, очевидно, что разлитый повсюду солнечный свет окрашивает все, что видит ребенок, в светлые, блестящие тона. В рассказе «Канун Пасхи» показан переход от одного цвета к другому при восходе солнца: «Из янтарного он [свет] постепенно превращался в золотистый, из золотистого в румяный, и, наконец, на киотах икон заструились солнечные жилки, похожие на соломинки» [5, 37]. «Золотистый», а не желтый цвет в ряду других указывает здесь на близкое появление солнца. Во втором рассказе цикла — «Преждеосвященная» — благодаря солнечному свету у одного из мальчиков, присутствующих на богослужении в церкви, «золотой волос» [5, 12], а на дороге, по которой дети идут из храма, «сверкающие лужи и золотая от солнца грязь» [5, 13]. Солнечный свет наполняет пространство церкви в этом рассказе: «Алтарь и амвон в ярком сиянии мартовского солнца. <…> Подошел к амвону. Опустил руки в солнечные лучи и, склонив набок голову, смотрел, как по руке бегали "зайчики"» [5, 9–10]. Во время богослужения в храме у певчих «голубые ризы с золотыми крестами» [5, 10] (рассказ «Преждеосвященная»), из алтаря выносится «золотая Чаша» с «золотой солнечной лжицей» [5, 26] (рассказ «Причащение»), из алтаря выносится «золотое Евангелие» [5, 48] (рассказ «Светлая Заутреня»). Наконец, Пасху — центральное событие цикла — нищий Яков, а вслед за ним и рассказчик именуют «Светозар-днем» [5, 33], временем, когда «солнце играет» [5, 33]. «Светозарный» в «Полном церковнославянском словаре» прот. Гр. Дьяченко — «светлый, блистательный, цветущий» [14, 581], «светозарность» — «сияние, блистание» (характеристики, свойственные солнцу), «светозаряю» — «озаряю светом» [14, 581]. В пасхальном рассказе цикла «Светлая Заутреня» доминирует не красный цвет, но золотой цвет огня («Среди ночи сотня огней плывет по воде <…>» [5, 45], «<…> обогреваемые огоньками свечей, мы пошли вокруг белозорной от сотни огней церкви <…> А люди? Где они? Все превратились в ликующие пасхальные свечи!» [5, 49], «Мы вошли в воскресший храм — и перед глазами, в сиянии паникадил, больших и малых лампад, в блестках серебра, золота, драгоценных каменьев на иконах, в ярких бумажных цветах на куличах — вспыхнула Пасха Господня!» [5, 50]).

В палитре В. А. Никифорова-Волгина преобладают также голубой, красный, серебряный, зеленый цвета. Реже используются синий и розовый. К числу единичных упоминаний относятся рыжий, бирюзовый, «густой цвет осеннего кленового листа» [5, 21], бурый, янтарный. В рассказе «Канун Пасхи» есть рефлексия рассказчика по поводу янтарного цвета: «Было часов пять утра, и в комнате стоял необыкновенной нежности янтарный свет, никогда не виданный мною. Почему-то представилось, что таким светом залито Царство Небесное…» [5, 37]. Янтарный сопряжен здесь с семантикой святости. Архимандрит Рафаил (Карелин) отмечает, что значение этого цвета в иконописи — «гармония, согласие» [15, 44]. У В. А. Никифорова-Волгина янтарный предшествует золотому солнечному и указывает на него.

Один из сквозных образов в цикле рассказов В. А. Никифорова-Волгина — образ зари, несущий в себе определенную семантическую окраску. С одной стороны, заря перекликается по смыслу с темой детства, заданной в заглавии цикла. Архимандрит Рафаил (Карелин) пишет, что розовый в символике иконописного искусства — цвет, означающий «детство» [15, 44] (заря традиционно изображается с эпитетом «розовая»). С другой — заря — предвестник солнца. Кн. Е. Трубецкой, размышляя о символическом значении иконы Софии, Премудрости Божией, говорит: «То — пурпур Божьей зари, зачинающейся среди мрака небытия; это — восход вечного солнца над тенью. София — то самое, что предшествует всем дням творения» [13, 195]; «<…> та сила, которая из ночного мрака рождает день» [16, 198]. В рассказе «Земля именинница» присутствует образ зари с традиционным для нее эпитетом «алая»: «Зеленым лугом пройдуся, на сине небо нагляжуся, алой зоренькой ворочуся!» [5, 59]. Но чаще заря у В. А. Никифорова-Волгина золотистая: «От свечки к свечке потянулся огонь, и вся церковь стала похожа на первую утреннюю зарю» [5, 35] (рассказ «Плащаница»). Здесь очевидна семантическая связь с восходящим солнцем (в православии — с «Солнцем правды»). В последнем рассказе цикла «Серебряная метель» зажигание свечей на елке названо глаголом, однокоренным к слову «зорька»: «После рождественской службы дома зазорили (по выражению матери) елку от лампадного огня» [5, 69]. В рассказе «Двенадцать Евангелий» изображается вечерняя заря: «Предвечерье Великого четверга было осыпано золотистой зарей» [5, 28]. Цвет зари окрашен здесь в солнечные тона.

Среди ахроматических цветов преобладает белый. И. Н. Чистюхин пишет о том, что «белый цвет <…> есть символ Божественного нетварного цвета <…>» [6, 125]. В этом значении данный цвет появляется у В. А. Никифорова-Волгина в рассказе «Земля именинница»: «<…> зажмуришь глаза, и представится тебе пересветная и струистая дорожка, как на реке при восходе солнца; и по ней в образе трех белоризных Ангелов шествует Святая Троица» [5, 52]. Белый, как и солнечный золотой, здесь — атрибут Божества. Несколько иначе на значение белого указывает В. Бычков: это семантика «“чистоты” и святости, отрешенности от мирского (цветного), устремленности к духовной простоте и возвышенности» [12, 236]. В рассказе «Причащение» белый употребляется именно в таком значении: «Причастницы стояли в белых платьях и были похожи на весенние яблони — особенно девушки. / На мне была белая вышитая рубашка, подпоясанная афонским пояском» [5, 24–25].

Черный упоминается значительно реже. Один раз встречаются седой и сизый. Неоднократно как указание на цвет в текст вводятся слова «сумерки», «сумеречный» и однокоренные с ними (плюс единичные «полумрак», «потемки»), присутствует также темный. Серый не называется ни разу.

Таким образом, из цветовой гаммы богослужебных цветов в цикле «Детство» отсутствуют фиолетовый и оранжевый. В целом логика появления облачений и атрибутов церковной службы определенного цвета в рассказах цикла увязана с церковным календарем. В первом рассказе «Великий пост» в соответствии с данным периодом церковного года читатель встречает «священника в черной эпитрахили» [5, 4], видит «аналой в черной ризе» [5, 6]. На Страстной седмице из алтаря в рассказе В. А. Никифорова-Волгина «Двенадцать Евангелий» выносится «тяжелое, в черном бархате Евангелие» [5, 30]. На Пасху молящиеся зажигают «красные пасхальные свечи» [5, 49]. В день Св. Троицы в церкви «пол был устлан цветами и свежей травой» [5, 58], которые напомнили рассказчику «зеленые разбеги поля и слова бродяги Яшки, исходившего пешком всю Россию: «Зеленым лугом пройдуся… <…>» [5, 59]. На Рождество Христово «батюшка в белой ризе открыл Царские врата, и в алтаре было белым-бело от серебряной парчи на престоле и жертвеннике» [5, 68]. Однако в рассказе «Преждеосвященная» певчие выходят на амвон не в черных, а в голубых ризах [5, 10]. Указания на какой-либо Богородичный праздник, для которого характерен голубой цвет облачений, в тексте при этом нет. В рассказе «Причащение» подчеркивается: «Священник был не в черной ризе, а в голубой» [5, 24], хотя время действия — Великий Четверг, когда полагается надевать фиолетовое облачение (Ср. в книге В. Пономарева: «В период постов цвет облачений — *темно-синий, фиолетовый, темно-зеленый, темно-красный и черный*, который употребляется во дни Великого поста, являясь символом отречения от пышности мирской суеты, цветом плача и покаяния. В воскресные и праздничные дни Великого поста употребляются облачения *фиолетового* цвета» [17, 104]). Возможно, такой выбор цвета облачений объясняется какой-либо местной традицией, известной автору. Семантика голубого — небо, чистота, непорочность (ср.: «В *фиолетовом* цвете соединены два цвета — *красный* (цвет крови Христовой и Воскресения) и *синий* (символически выражающий ту мысль, что Крестом открывается дорога в небо)» [17, 104]) — созвучна теме детства. Голубой — первый цвет, лексически названный в рассматриваемом нами цикле рассказов писателя: «От мороза голубой дым стоит над базаром <…> В церкви прохладно и голубовато, как в снежном утреннем лесу» [5, 4]. Здесь присутствует семантический параллелизм — гармоничное совпадение цвета в природном мире и в пространстве храма. Черный «великопостный» цвет, таким образом, не преобладает в цветовом спектре данного рассказа. Он смягчен дважды упомянутым голубым, розовым («За окнами снежной пылью осыпались деревья, розовые от солнца» [5, 5]), цветом солнечного утра в самом начале текста. Подобный параллелизм в отношении цвета есть и в завершающем цикл рассказе — «Серебряная метель». Зимнему убранству природы тут соответствует бело-серебряный цвет церковных облачений.

Заметим, что доминирующие в рассказах В. А. Никифорова-Волгина цвета — золотой, белый, голубой, темный, красный — это цвета неба. Те же цвета характерны и для православных икон. Архимандрит Рафаил (Карелин) прямо указывает на это: «Православная икона отражает небо и Божественный свет» [15, 65]. Преобладание «небесных» цветов в палитре прозаика отсылает к представлению о Царстве Небесном, соприкосновение с которым становится событием в каждом из рассказов цикла.

В текстах писателя присутствует еще эпитет «прозрачный», называемый или непосредственно, или передаваемый через образы воды, льда, стекла. На фоне прозрачного цвета выделяются, «звучат» ярче, чище («Сумерки за окнами стали синее и задумнее» [5, 30] в рассказе «Двенадцать Евангелий»). Прозрачный — один из цветов Небесного Иерусалима, наряду с золотым: «город был чистое золото, подобен чистому стеклу» (Откр. 21, 18), «Улица города — чистое золото, как прозрачное стекло» (Откр. 21, 21). Об этой колористической характеристике Горнего Иерусалима пишут И. Языкова, игумен Лука (Головков) [10, 16]. В произведениях В. А. Никифорова-Волгина прозрачный — еще одно из напоминаний о Царстве Небесном, высшей христианской ценности.

В книге А. Н. Стрижева дается такая оценка художественных текстов В. А. Никифорова-Волгина, в каковой содержится «световая» составляющая: они «пронизанные тихим светом и лиризмом» [18,

66]. «Тихий свет» — начальные строки церковного песнопения, «элемента чина вечерни» [19, 54] в православном богослужении. Священик М. Желтов в «Православной энциклопедии» указывает на христологическое содержание этих слов («Содержательно «Свете тихий» распадается на три части: христологическую, триадологическую и вновь христологическую» [19, 54]). Действительно, христоцентризм характерен для произведений прозаика. Свето- и цветообразность в его текстах сопряжены с образом Бога, а также с православной литургической и иконографической традицией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перелыгин П. В. Цветообразная поэтика в творчестве С. А. Есенина и Н. М. Рубцова. Опыт сопоставительного анализа. Автореферат дис. … канд. филол. наук / Перелыгин П. В.— Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008.— 25 с.

2. Парамонова Л. Ю. Мифопоэтика цвета в лирике русских символистов. Дис. … канд. филол. наук / Парамонова Л. Ю.— Екатеринбург, 2017.— 183 с.

3. Яснова Е. В. Символика светописи в произведениях И. С. Шмелева и В. А. Никифорова-Волгина / Е. В. Яснова // Молодежь: свобода и ответственность. Материалы Шестых региональных Рождественских чтений.— Пенза, 2019.— С. 65–70.

4. Исаков С. Забытый писатель / С. Исаков // В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох.— М.: Советская Россия, 1992.— 366 с.— С. 330–339.

5. Никифоров-Волгин В. А. Земля-именинница / В. А. Никифоров-Волгин.— М.: Ставрос, 2004.— 224с.

6. Чистюхин И. Н. Генезис и формирование цветового канона в православном богослужении и религиозном искусстве / И. Н. Чистюхин // Театр. Живопись. Кино. Музыка. М.: Российский университет театрального искусства — ГИТИС, 2013.— № 2.— С. 112–129.

7. Афанасий (Евтич) еп. Хлеб богословия / Афанасий (Евтич).— М.: Издательство Сретенского монастыря, 2022.— 224 с.

8. Флоренский П., свящ. Потоки Божественного света / П. Флоренский // Православная икона. Канон и стиль. К богословскому рассмотрению образа; сост. А. Н. Стрижев.— М.: Православный паломник: Глаголы жизни, 1998.— С. 207–210.

9. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки.— М., 2015.— № 5 (716).— С. 216–226.

10. Языкова И. Богословские основы иконы и иконография / И. Языкова, Лука (Головков), игумен // История иконописи. Истоки. Традиции. Современность. VI–XX века; под ред. Т. В. Моисеевой.— Тверь: Издательство ИП Верхов С. И., 2014.— С. 9–28.

11. Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского / С. М. Соловьев.— М.: Советский писатель, 1979.— 352 с.— С. 66–68.

12. Бычков В. Древнерусская эстетика / В. Бычков.— М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Патриаршее подворье храма домового мц. Татианы при МГУ, 2012.— 832 с.

13. Трубецкой Е., кн. Символика красок / Е. Трубецкой // Православная икона. Канон и стиль. К богословскому рассмотрению образа; сост. А. Н. Стрижев.— М.: Православный паломник: Глаголы жизни, 1998.— С. 190–196.

14. Дьяченко Г., протоиерей. Полный церковно-славянский словарь / Г. Дьяченко.— М.: Омега-Л, 2020.— 1168 с.

15. Рафаил (Карелин), архимандрит. О языке православной иконы / Рафаил (Карелин) // Православная икона. Канон и стиль. К богословскому рассмотрению образа; сост. А. Н. Стрижев.— М.: Православный паломник: Глаголы жизни, 1998.— С. 39–87.

16. Трубецкой Е., кн. Победа духа над беспросветной тьмой Е. Трубецкой // Православная икона. Канон и стиль. К богословскому рассмотрению образа; сост. А. Н. Стрижев.— М.: Православный паломник: Глаголы жизни, 1998.— С. 196–204.

17. Справочник православного человека. Часть первая: Православный храм; ред.-сост. В. Пономарев.— М.: Даниловский благовестник, 2007.— 128 с.

18. Стрижев А. Н. Василий Акимович Никифоров-Волгин / А. Н. Стрижев, М. А. Бирюкова // Ландшафт отечественной словесности: восхождение к источникам.— СПб.: Литературный фонд «Дорога жизни», 2022.— С. 66–68.

19. Желтов М., свящ. «Свете тихий» / М. Желтов // Православная энциклопедия. Т. LXII; под ред. Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II.— М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2021.— С. 54–55.

Новосибирская православная духовная семинария

Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: sellns@mail.ru

Novosibirsk Orthodox Theological Seminary

Suzryukova E. L., Candidate of Philology,

Associate Professor of the Humanitarian Disciplines Department

E-mail: sellns@mail.ru

УДК 82.01/. 09

ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ ЛИРИЧЕСКОЙ ХРОНИКИ Ф. Г. СУХОВА «ИВНИЦА»

Е. Ф. Сухова

Нижегородская епархия, Нижегородское благочиние

Поступила в редакцию 12 мая 2024 г.

Аннотация: *лирическая хроника «Ивница» поэта-фронтовика Фёдора Сухова посвящена трагедии сожжения оккупантами села Ивница Суджанского района Курской области. Хроника создавалась в течение 20 лет (1963–1983), издавалась несколькими отрывками в советское время, в наши дни вышла полностью. Автором статьи впервые опубликованы архивные материалы, составлены примечания к книге, написано предисловие, изучены биографии героев книги, участников войны, их боевой путь по Воронежской и Курской земле в 1942–1943 годах.*
Ключевые слова: *лирическая хроника, Великая Отечественная война, поэт-фронтовик Фёдор Сухов, село Ивница, боевой путь, пеший поход по боевым местам, Воронежская область, Курская область;*

Abstract: *the lyrical chronicle "Ivnitsa" by the poet-front-line soldier Fyodor Sukhov, is dedicated to the tragedy of the burning of the village Ivnitsa by the occupiers of the Sudzhansky district of the Kursk region. The chronicle was created over 20 years (1963–1983), was published in several excerpts in Soviet times, and is now out in full. The author of the article published archival materials for the first time, compiled notes to the book, wrote a preface, studied the biographies of the heroes of the book, participants of the Great Patriotic War, their combat path through Voronezh and Kursk in 1942–1943.*
Keywords: *lyrical chronicle, the Great Patriotic War, poet-front-line soldier Fyodor Sukhov, the village of Ivnitsa, combat path, hiking through combat sites, Voronezh region, Kursk region;*

Год 100-летних юбилеев писателей Ю. Бондарева, В. Богомолова, Б. Васильева, В. Быкова, В. Астафьева (2024), прошедших Великую Отечественную войну лейтенантами, назван Министерством цифрового развития «Годом лейтенантской прозы». «Эти празднования станут началом большого разговора о яркой литературной традиции, которую называли «лейтенантской прозой»,— отметил председатель АСПИР и оргкомитета Сергей Шаргунов.— Это жесткая проза о человеке, сохраняющем в себе человека в невыносимых обстоятельствах, что сложно и для солдата, и для художника. События этого года будут носить нравственно-этическую задачу, как и все события, поднимающие острые вопросы чести, совести, альтруизма, готовности к самопожертвованию. У всех юбиляров есть образы, о которых можно спорить» [18]. Один из главных признаков лейтенантской прозы — участие ее авторов в ВОВ, отсюда и фактографическая точность их произведений, так А. Крупчатов отмечает как интегральные признаки: антивоенный пафос, доминанта малых жанровых форм, психологический реализм как принцип изображения, ограниченное пространство, замедление или ускорение времени, маркированная фронтовая лексика, так и дифференциальные признаки: двойной конфликт, развертывающийся как по линии «свои против врагов», так и по линии противостояния между «своими». Конфликт между «своими», в котором с особой силой противопоставляется «окопная правда» «штабной правде», становится ключевым, а авторская позиция проявляется в отстаивании значимости именно «окопной правды» как правды личности, вынесшей на своих плечах всю тяжесть войны, правды человека — победителя [3].

Фёдор Григорьевич Сухов — русский поэт-фронтовик, старший лейтенант, командир огневого взвода противотанковых орудий, награжден медалью «За отвагу», орденами «Красной Звезды», лауреат Всесоюзной премии им. А. Фадеева ЦК ВЛКСМ за лучшее поэтическое произведение о Великой Отечественной войне к 25-летию Победы за поэму «Былина о неизвестном солдате», писал и прозу. Вот почему исследование его лирической хроники «Ивница» (1963–1983) — самого значительного произведения изо всего написанного Суховым о войне, так необходимо. По многим признакам лирическую хронику «Ивница» легко отнести к «лейтенантской прозе», но выделяют ее — оригинальность сюжета: война показана с двух сторон — советского лейтенанта и немецкого офицера; автор хроники стоит на христианской позиции в своем отношении к врагу; хроника написана поэтом, он создает особый язык; в лирической хронике две временные плоскости: перемежаются военный путь автора и его пеший поход по тем же дорогам через 20 лет.

При жизни автора напечатаны только отрывки из первой части хроники в журналах «Огонек» [8,12–15], «Аврора» [13, 30–64], «Волга» [10, 21–70].

© Сухова Е. Ф., 2024

В 1989 году книга стояла в планах издательств «Молодая вардия» и «Роман-газеты», но после развала СССР рукопись вернули. Вторая часть «Ивницы» увидела свет в журнале «Нижний Новгород» в 1997 году, в 2006 и 2008 годах выходила двумя отдельными книгами в Волгограде, первая часть издана в январе 2020 года в «Роман-газете». Целиком, отдельной книгой лирическая хроника Ф. Сухова «Ивница» опубликована впервые в Н. Новгороде в 2020 году. В серии ЖЗЛ в «Молодой гвардии» в 2022 году вышла книга «Писательская рота» С. Михеенкова, одна ее глава об «Ивнице» и лейтенанте Сухове [7, 306–322].

Ф. Сухов прожил ровно столько, сколько просуществовал СССР (1922–1992). Окончив в 1954 году Литературный институт им. М. Горького с отличием, Сухов для работы выбирает разрушенный Сталинград, нуждавшийся в литературных кадрах, в 1957 году вступает в Союз писателей СССР и занимается только серьезным литературным творчеством. «*Я о войне не заикался, почти ни слова не сказал*»,— заявил поэт в конце 60-х годов, а ведь первое его стихотворение увидело свет в газете «Красная Армия» в 1944 году — «*Нам не забыть эти места, где мы друзей похоронили…*» [11, 8].

Позднее поэт написал ставшее знаменитым стихотворение «*Провожали меня на войну*» (1954), вошедшее во все антологии стихов о ВОВ, поэму «*В подвале универмага*», переработанную в «*Землянику на снегу*» (1958–1974), выбрав сложнейшую тему о плененном генерал-фельдмаршале Паулюсе — «*Тем генералы хороши, что нет души у генералов…*», в 1968–1969 гг. родилась поэма «*Былина о неизвестном солдате*» с печальными начальными строками «*Нас все меньше и меньше, нас почти никого не осталось…*» [11,163]. *«Всё творческое развитие Ф. Сухова убеждает: он не мог уйти от темы войны, она неистребимо жила в нем. «Былина о неизвестном солдате» — самобытное и богатое смыслом и самим звучанием произведение. Так еще никто не говорил о войне. Фёдор Сухов открывает перед нами новую правду о ней»*,— отметил литературный критик В. Кожинов [2, 330]. За Суховым закрепились одновременно ярлыки: «поэт-фронтовик» и обидное для того времени «пацифист». Сухов с детства («*я в староверском возрастал дому, и потому, наверно, потому, я о Взыскуемом тоскую граде, тянусь к своей единственной отраде, к прозренью, откровенью своему…*» [14, 42]) старался сохранить в себе человеческое достоинство, не унижал себя ложью и открыто высказывал свое мнение, будучи религиозным человеком, являлся противником всякой бойни. Литературный критик А. Михайлов заметил: *«Поэт он не элегический, не минорный, но грусть народной беды, пережитой им вместе со всеми, невосполнимые потери время от времени отзываются стоном в сердце. Стон этот только глухой не услышит»* [6, 4]. «*Живой я! Живой я! Живой! Не хороните меня! Не хороните!*» написал Сухов в своей «*Былине о неизвестном солдате*» [11, 170], пытаясь призвать к тому, чтобы не было неизвестных солдат, любая жизнь бесценна, а душа бессмертна. Не забывал Сухов и о трагических судьбах инвалидов войны: в лирической хронике «Ивница» есть пронзительная история безногого Степана Николаевича Перетокина, проживающего в доме инвалидов села Волоконск Курской области. Учреждение функционирует и сейчас, на запрос к главврачу о находившихся там инвалидах ВОВ, ответа, к сожалению, не получено.

Возвратясь к незабытым дубравам,
С опоганенной свидясь рекой,
Он обрел себе горькое право
Встать с протянутой слезно рукой.

Осчастливить себя бутербродом,
На вокзале припасть на диван…
Командир минометного взвода,
Самой тяжкой войны ветеран. [11, 93]

Говорить о тех, кто не в силах о себе заявить, встать на сторону изувеченных, разоблачать писательскую ложь в описании войны (волгоградский ответственный секретарь Союза писателей выдавал себя за участника войны) было опасно.

Что я вчерашним дезертирам на поруганье отдаю
Твою, мой старый друг, твою, причастную к святому лику
Алеющую на снегу — ее забыть я не смогу!
— Твою живую землянику! [11, 214]

Ф. Сухов пострадал за свои убеждения, и ему пришлось искать убежища на родине, в Горьком. «*Тебе вряд ли известно, какие страсти-мордасти мне испытать пришлось в Волгограде, хорошо, что я убрался оттуда, но потерял здоровье, пришлось перенести очень тяжелую операцию… Я увидел воочию настоящую банду, которая всё может…*»,— пишет поэт 12.10.76 года В. Ковалеву [15].

Замысел «Ивницы» зрел у поэта давно: стихотворные формы не вмещали всех эмоций, испытанных Суховым на войне. К своему сорокалетию он напишет в стихотворении «*Малиновый звон*», 1962 г.: «*Ах, давно оно вызрело, слово, но сказать я его не сказал, то ли время уж слишком сурово, то ли в чем-то я сам оплошал. Оплошал я. Я был обезволен…*». Это стихотворение заканчивается так: «*Но вы слышите, добрые люди, мой певучий малиновый звон?!*»,— с этого года поэт пересматривает свою жизнь и подчиняет ее только творчеству [14,10].

Перед тем, как взяться за «Ивницу», нужно было многое изучить, Сухов понимает, что ему не хватает исторических знаний для написания большого эпического произведения, предстояла огромная работа над прозаическим словом — *«Неубитому, живому горю не нужны убитые слова»,*— и автор создал удивительный, ни на кого не похожий язык и стиль лирической хроники.

В том же году летом Сухов отправляется в пешее путешествие по своим фронтовым дорогам. Он сначала появился в Воронежской области, где впервые в 1942 г. принял участие в боевых действиях и столкнулся со страшной трагедией войны. В воронежском селе Хохол его взводу пришлось удостовериться в карательных мерах фашистов против мирного населения и партизан: враги пытались запугать местных жителей и заставить их прекратить сопротивление оккупационному режиму.

Несколько лет подряд в летнее время писатель совершал эти походы, прошел весь свой боевой путь от Воронежской области до Белоруссии. Вот воспоминание свидетеля такого путешествия — журналиста Николая Шатохина: *«1965 год… К нам в редакцию газеты «Севская правда» на Брянщине заглянул… скромно одетый мужчина. «Поэт из города Волгограда Фёдор Сухов»,— представился редакционной братии посетитель.— Путешествую пешком по местам былых сражений. Фёдора Григорьевича интересует все. Какие цветы растут в той местности, где воевал его собеседник, какая там обычно погода зимой, осенью, весной… Очень подробно расспрашивает об обстоятельствах побега из немецкого лагеря смерти. Я провожаю Сухова в дорогу. Путь его лежал на Украину, а затем далее в Белоруссию»* [16]**.** Поэт изучил каждую деревеньку, каждый лесок и овражек, встретился с местными жителями, узнал из уст простых людей о том, как война изменила их жизнь: только так его будущее произведение стало достоверным. План повести (а поначалу это была повесть) «Хождение по своим ранам» связан с его походом, и повесть эта должна быть без всякого вымысла, почти документальной. «*Нас в телячьих вагонах везли на войну*»,— написал поэт о том, как из Ташкента, новоиспеченным лейтенантом он в апреле 1942 году попал на Воронежский фронт командиром взвода противотанковых ружей (ПТР), первый бой под Воронежем не стерся из памяти автора, он запомнил солдат своего взвода пофамильно, навсегда запечатлел их в своем произведении.

В 1943 г. Сухов получил свою первую награду — медаль «За отвагу», а получена она за проигранный бой, в котором полегли не только бойцы его взвода, но и пострадали ни в чем не повинные женщины и дети Ивницы, небольшого села Суджанского района, Курской области. В наградном листе записано не всё как было: *«В наступательном бою за деревню Ивница шел впереди и в момент выбытия командира роты из строя принял командование роты и доблестно бил фрицев. Под руководством тов. Сухова его рота поставленную задачу выполнила с честью»* [4]. В феврале 1943 года взвод лейтенанта Сухова участвовал в боях за этот населенный пункт. Село оккупировали фашисты, красноармейцы ночью с двух концов села попытались произвести разведку боем, немцы проснулись, силы были не равны, красноармейцы отступили, бросив раненых и убитых, а когда вернулись в село, враги перед своим уходом из Ивницы сожгли ее вместе со всеми жителями.

Лирическая хроника старшего лейтенанта Сухова пока единственное литературное произведение, повествующее о трагической судьбе мирных жителей Ивницы. С повинной головой объявляется автор в отстроенной Ивнице, знакомится с ее обитателями, восстанавливает добрые имена некоторых жителей, обвиненных в трагедии села, сообщает имена погибших за Ивницу бойцов своего взвода. Их безымянная могила обретает памятник. Ф. Сухов помнил о трагедии села Ивницы всю свою жизнь, но ему хотелось, чтобы об этом узнали все, поэтому свою лирическую хронику о войне он позднее переименовал. Имена первой части «Ивницы» подлинные. Все происходящее с автором во время его пешего похода тот тщательно записывал. Повесть «Хождение по своим ранам» состояла сначала из отдельных маленьких рассказов, каждый со своим названием, например «*Ночь под генеральской шубой*», «*Нет. Не он это…*». Эти рассказы документальны. Не все воевали достойно, были мародеры, были предатели, а были и невинно осужденные за это. «*Дело в том, что мне не хочется думать, что некоторые жители Вашего села были предателями. И мне, конечно, нет дела до того, что кто-то с кем-то жил и т.д. Меня волновало и волнует до сих пор всё то, что произошло, как раз та трагедия, которая Вам хорошо известна. Возможно, были какие-то люди, возможно, они и сейчас есть, которые, в силу стечения роковых обстоятельств, вели себя не так, как бы нам хотелось, но в жизни всё так сложно, что некоторые наши представления о ней не вяжутся с тем, что есть на самом деле»,*— так пишет Сухов после своего очередного посещения Ивницы директору школы А. М. Полееву в декабре 1967 года [12]. Появление писателя в селе не все восприняли радостно, не всем хотелось вспоминать о трагедии села. Вот и Сухова 20 лет мучила совесть, что, возможно, из-за его ошибки и ошибок его командования погибли мирные жители, а он получил не вполне заслуженную награду. «*Не бойся мертвых на войне, живые на войне страшнее! Страшны живые мертвецы!»* — напишет позднее Сухов.

Из письма к А. М. Полееву 1988 года: «*У меня большая (очень большая!) вещь, которую я называю лирической хроникой, одна часть ее строго документальна, вторая — вымысел… 16 февраля минет 45 лет нашего ночного вхождения в Ивницу. Возможно, Ваши районные власти как-то отметят эту дату, хорошо бы подсказать этим властям об упомянутой дате»* [12].

Около тридцати лет ведет Сухов переписку с директором школы А. М. Полеевым, из нее можно сделать малоутешительный вывод: со временем трагедия Ивницы забывается, так и не став никому особенно известной, местные власти перестают

оказывать помощь пионерам-следопытам, и их деятельность сходит на нет. Вот строки Сухова: «*У меня навсегда останется в памяти наша майская встреча. Я о Вас, о Ваших ребятах, о Ваших учителях постоянно думаю, держу всех вас в своем сердце»*,— 27 августа 1967 года из письма А. М. Полееву — Сухов побывал на праздновании 9 мая в 1967 году, на открытии скромного обелиска на могиле погибших бойцов, он заряжен молодой энергией, ему хочется писать, он чувствует, что его работа нужна молодежи. Но уже в декабре 1967 года он пишет: «*Мне только не нравится, что некоторые товарищи лишены того священного трепета перед тем, что произошло, что должно быть поведано, как мне кажется*, *всему свету»* [12].

Несколько лет Сухов пытается найти других участников тех сражений и спустя годы находит: «*Фамилия Брэм мне говорит о многом. Я, конечно, не знал, что он остался жив, больше того, я предполагал, что наш командир батальона погиб. Я жду рассказа Брэма, хочется узнать, что он запомнил из того, что так трагически кончилось…*» — 28.02.78 года из письма А. М. Полееву [12]. Сухов связывается с полковником Брэмом, переписывается с ним, но *«отставной полковник В. С. Брэм, к сожалению, ни словом не обмолвился о своих подчиненных (среди которых был и я), о тех, кто пал в Ивнице, наверно, он о них забыл. Времени-то прошло много…»* — от 22 марта 1978 г. Иногда у автора опускаются руки: *«И все-таки самое тяжелое для меня в моем положении — это ощущение своей ненужности… вот почему мне так дорога моя окопная молодость, тогда я что-то делал, кого-то освобождал, вот почему мне так дорога Ивница, она особо дорога потому, что она вошла в меня своей ужасающей трагедией»*,— из письма А. М. Полееву [12]. «*Должен Вам сообщить, что я закончил большую прозаическую поэму — «Ивницу». Считаю, что она будет читаться. По крайней мере, я ни над одной вещью так упорно и так долго не работал. Не знаю только, когда она увидит свет. Впрочем, меня сие обстоятельство особо не беспокоит. Я знаю, что рано или поздно все стоящее увидит свет*»,— узнаем мы из письма А. М. Полееву от 26 мая 1983 года [12].

Попытки Сухова вызвать у местных властей какой-то интерес к трагедии Ивницы и к своей хронике остались тщетными, кроме небольшого суховского описания боя в Ивнице, опубликованного в суджанской районной газете «За коммунизм» к 30-летию сожжения села. «*Алексей Максимович, у меня лежит большая прозаическая книга, она так и называется «Ивница», под конец первой части я говорю о Вас. Говорю так, как было при нашей случайной встрече на станции Анастасьевка. Очень жаль, что нынешние товарищи из Ивницы прервали какие-либо отношения со мной. Что за причина? Не понимаю. А как хорошо мы встречались с Вашими ребятами! Да и Ваши суджанские власти не проявляют особого интереса. Что ж, пусть будет так»*,— из письма Полееву 23.12.85 года [12]. Наши обращения в газету «Суджанские вести» с просьбой вспомнить об очередной памятной дате трагедии села Ивница также остались без ответа. Обращались мы и в Литературный музей Курска, и к губернатору Курской области с предложением распространить часть тиража «Ивницы», но все переговоры закончились только обещаниями. С ивницкой школой ведется переписка, но там почти нет учеников, иногда они посещают памятники погибшим, но никакой следопытской работы не ведется. Хотя при обращении к сайту «Подвиг народа» нам удалось проследить боевой путь некоторых героев книги, узнать об их наградах.

Все действующие лица первой части хроники — подлинные. Почти с протокольной точностью автор описывает своих героев: фамилия, возраст, откуда родом, чем занимался в военное и мирное время. Строго придерживается последовательности событий, приказов, которые получает он, лейтенант, от старших по званию. Рисует топографию местности, путь, которым продвигались бойцы батальона, а через двадцать лет и он сам, уже умудренный жизнью автор нескольких поэтических сборников. Памятью сердца писатель воскрешает образы его боевых друзей. Мы любуемся артистичностью Зорянина, красотой старшего сержанта Чернышова, погибшего (Сухов добился, чтобы его фамилия появилась на памятнике в Ивнице), видим мальчишески робкого Загорулько, неторопливого кавказца Наурбиева. Так украинец Тютюнник, описанный в книге, в нулевых годах, путешествуя из Казани в Волгоград на теплоходе, увидел «Ивницу» в продаже, сказал, что он знает это село, и книгу о нем ему подарили. При попытке войти в Ивницу погиб красноармеец Волков, благодаря автору книги отыскались его мать и сестра, они не знали, где его могила.

Уникальность сюжета «Ивницы» заключается в зеркальной противоположности первой части второй: герой первой части — советский офицер, поэт Ф. Сухов; герой второй части — обер-лейтенант немецкой оккупационной армии, музыкант Пауль Штенцель. Впервые в советской литературе появилось произведение, частично основанное на дневнике (вымышленном) человека, не рожденного для войны — немецкого музыканта, тонкого ценителя искусства и природы, проведшего на оккупированной советской территории часть своей военной жизни, впервые влюбившегося в русскую переводчицу и погибшего от рук мстившего ему за сожженную Ивницу советского солдата. Но для Сухова попытка понять врага не первая: еще в 1958 году он написал поэму «*В подвале универмага*», позднее переработанную в 1974 году в «*Землянику на снегу*», о генерал-фельдмаршале Паулюсе, там есть такие строки:

Ожесточить я не могу
Свое отходчивое сердце,

Оно ведь тоже и в снегу,
И в ледяной норе ютилось.
Да снидет к павшему врагу
Моя возвышенная милость! [11, 214]

Свой орден «Великой Отечественной войны» автор получил не за то, что уничтожил противника, а за то, что сумел уговорить его сдаться. выписка из наградного листа: «*30.03.45. в бою за город Данциг Сухов трижды ходил в разведку и каждый раз отлично выполнял полученную задачу. Будучи в разведке, взял в плен четырех немецких солдат. Переговорив с ними, он двух из них направил обратно в свое подразделение с тем, чтобы они привели еще несколько солдат своего подразделения, а сам остался в передовом охранении нашей пехоты. Вскоре после этого на нашу сторону перешло 32 немецких солдата, которых тов. Сухов обезоружил и доставил в штаб дивизиона*» [5].

И своей лирической хроникой автор не пытается отомстить фашистам за содеянное, он объясняет это в письме А. М. Полееву: *«Короче говоря, сейчас поздно уже сводить какие-то счеты, винить кого-то. Важно показать войну во всем ее трагическом, страшном виде, дабы никогда не допустить того, что было»* [12]. Сухов смог подняться над естественным для прошедшего войну офицера чувством отмщения, смог потому, что всегда оставался христианином, написавшим такие строки:

Навеки неизбывна, дорога,
Печалит душу всякая утрата.
Не хвастайся, что убивал врага –
Ты убивал обманутого брата. [11, 52]

Автор лирической хроники поднимается до философского осмысления трагических военных событий, Сухову претят человеконенавистнические отношения между людьми, он задает читателю вопрос: *«когда, в какой день, в какой час человек теряет себя, превращается в бездушного зверя? Не в тот ли день и час, когда забавы ради обрывает крылышки у обрадовавшейся весеннему теплу, доверчиво вспорхнувшей бабочки…»* [9, 256].

Приводим запись из дневника Ф. Сухова от 30 апреля 1982 года. «*Что я совершил за два года? Написано несколько стихотворений, и, наконец-то завершил свою, пожалуй, самую значительную работу (если есть у меня что-то значительное) — лирическую поэму, лирическое повествование «Ивница». Не знаю, почему, но мне думается, это нужно, нужно всем людям. Думается, о войне так еще никто не писал. Да это и не о войне, это о том, как противна война самой человеческой сущности, как она жестоко пожирает людей, как те же люди, ослепленные разожженной ненавистью, в сущности, охотятся друг на друга, убивают друг друга. Не знаю, как будет воспринята моя лирическая поэма нашим официозом, не думаю, что будет одобрена, но трудно и отвергнуть (этим официозом), ведь они борются за мир. Хочется знать, как они борются? Впрочем, я уже знаю, как они борются, знаю по своей «Былине о неизвестном солдате*» [11, 231].

Последний раз Сухов смог посетить Ивницу 9 мая 1991 года, за полгода до своей кончины. Там он встретился со своими однополчанами сержантом Евдокишиным и полковником Брэмом. Как только в печати появились отрывки из первой части, автор отправил их и в школьный музей, и своим однополчанам. Вдова Сухова Клавдия Ермолаевна Суслова (1926–2004) переписывалась с Полеевым, Евдокишиным и Брэмом после смерти мужа, Евдокишин прислал свое короткое описание ивницкой трагедии. Последнее письмо от директора школы Полеева пришло от его дочери, он уже уехал из Ивницы и тяжело болел. Брэма и Евдокишина, к сожалению, тоже нет в живых. Как только в 1997 году в журнале «Нижний Новгород» вышла 2 часть «Ивницы», мы пытались с ними связаться, но не получили ответа. В ивницкую школу мы тоже обращались, высылали им журналы, узнали, что письма Сухова они хранят, были высланы нам ксерокопии.

В Ивнице в 1963 году установили небольшую пирамидку на могиле воинов, погибших в Ивнице и окрестных селах. Только в 1998 году открыли памятник жертвам — жителям села. В 2019 году областные власти обновили его, поставили часовню, в 2023 году в селе Ивница скромно отметили 80-летнюю годовщину сожжения села, в день рождения поэта Ф. Сухова в сельском клубе звучат слова благодарности за его книгу «Ивница» [1].

«Всем усопшим и всем убиенным память вечную воздадим!» — писал Ф. Сухов, память эта будет жить и в его лирической хронике «Ивница».

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивницкий сельский клуб (страница из соц. сети ВК) https://vk.com/public217210048, дата обращения март 2024 г.
2. Кожинов В. В. Поэтический мир Фёдора Сухова / Кожинов В. В. // в кн. Ф. Сухова Вербное воскресение.— Волгоград: Издатель, 2012.— С. 330.
3. Крупчатов А. Л. Лейтенантская проза: к вопросу об интегральных и дифференциальных признаках / А. Л. Крупчатов.— Режим доступа: https://istina.msu.ru/publications/article/620074074/ (дата обращения март 2024).
4. Наградной лист Ф. Г. Сухова к медали «За Отвагу».— Режим доступа: https://podvignaroda.ru (дата обращения декабрь 2023 г.)
5. Наградной лист Ф. Г. Сухова к ордену Великой Отечественной войны.— Режим доступа: https://podvignaroda.ru (дата обращения декабрь 2023 г.)
6. Михайлов А. Моя поэзия, моя Жар-птица / А. Михайлов // пред. к книге Ф. Сухова Подзимь.— М.: Молодая гвардия, 1985.— С. 4.
7. Михеенков С. Е. Писательская рота: Глава 16, Взводный из бригады «черных ромбов» / С. Е. Михеенков.— М.:

ЖЗЛ, Молодая гвардия, 2022.— С. 306–322.

8. Сухов Ф. Г. Зарубки на березах: из лирической хроники «Ивница» / Ф. Г. Сухов // Огонек.— 1986.— № 21.— С. 12–15.

9. Сухов Ф. Г. Ивница / сост. Е. Сухова / предисл. Е. Сухова / Сухов Ф. Г.— Н. Новгород: Деком, 2020 г.— 540 с.

10. Сухов Ф. Г. Ивница: [повесть] Ф. Г. Сухов / предисл. В. Корнилова // Волга.— 1986.— № 12.— С. 21–70.

11. Сухов Ф. Г. Остро ноет железный осколок, что получен на Курской дуге / сост. Е. Сухова / предисл. Е. Сухова / Сухов Ф. Г.— Н. Новгород: 2022 г.— 252 с.

12. Сухов Ф. Г. Письма А. М. Полееву // Ивницкая общеобразовательная школа, с. Ивница, Суржанского района, Курской области, школьный музей.

13. Сухов Ф. Г. Хождение по своим ранам: повесть / Ф. Г. Сухов [предисл. М. Дудина]; рис. К. Шкуринской // Аврора.— 1990.— № 6.— С. 9–38; № 7.— С. 30–64.

14. Сухов Ф. Г. Я с вами, милые мои / сост. Е. Сухова/ предисл. Е. Сухова / Сухов Ф. Г.— Н. Новгород, 2023.— 252 с.

15. Сухова Е. Ф. // Архив поэта Фёдора Григорьевича Сухова.

16. Шатохин Николай. А в сердце остаются немногие (отрывок из статьи) http://internat-ch.ucoz.ru/myzei/a_v_serdce_ostajutsja_nemnogie.docx (дата обращения декабрь 2023 г.)

17. Фомичева Н. У истоков «лейтенантской прозы». Повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» / Н. Фомичева // Литература.— 2007.— № 19.

18. 2024 год станет Годом лейтенантской прозы. — Режим доступа: https://godliteratury.ru/articles/2023/11/07/2024-god-stanet-godom-lejtenantskoj-prozy, (дата обращения февраль 2024г).

Нижегородская епархия, Нижегородское благочиние

Сухова Е. Ф., кандидат филологических наук, доцент, куратор по культуре

E-mail: malikaulya@yandex.ru

Nizhny Novgorod Diocese

Sukhova E. F, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, curator of Culture

E-mail: malikaulya@yandex.ru

УДК 81:811.161.1(030)

КОНЦЕПЦИЯ «СЛОВАРЯ РЕЛЯТИВОВ РУССКОГО ЯЗЫКА»

С. А. Чуриков, Т. В. Лешкова, А. И. Коротких

Воронежский государственный университет

Поступила в редакция 28 апреля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена концепции словаря, отражающего системное и многоаспектное описание релятивов русского языка. Под релятивами авторы понимают особую группу языковых единиц, служащих для выражения синтаксических отношений (например, «поэтому», «ведь», «притом» и др.). В работе приводятся основные принципы словаря: 1) объяснительность; 2) системность; 3) идеографичность; 4) комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики. Рассматриваются трудности, с которыми столкнулись авторы при разработке данной концепции: 1) формирование словника; 2) толкование релятивов; 3) проблема описания релятивов в составе релятивных и союзно-релятивных комплексов. Авторы подробно описывают структуру словарной статьи словаря релятивов. Предлагается выделять 14 зон: 1) заголовочное слово; 2) частотность; 3) грамматическая информация; 4) стилистическая характеристика; 5) этимологическая информация; 6) семантическая характеристика; 7) парадигматические связи; 8) синтагматические связи (8.1 в составе комплексов; 8.2 в сочетании с квантификаторами); 9) позиция в предложении; 10) сфера действия; 11) пунктуация; 12) библиография; 13) комментарий; 14) иллюстрации.*

Ключевые слова: *русский язык, синтаксические отношения, релятивы, лексикография, грамматические словари.*

Abstract: *the article is devoted to the concept of a dictionary reflecting a systematic and multidimensional description of the relatives of the Russian language. By relatives, the authors understand a special group of linguistic units that serve to express syntactic relations (for example, "poe`tomu," "ved'," "pritom," etc.). The work presents the basic principles of the dictionary: 1) explanatoryness; 2) consistency; 3) ideographic; 4) combining the methods of corpus lexicography and experimental linguistics. The difficulties that the authors encountered in developing this concept are considered: 1) formation of a dictionary; 2) interpretation of relatives; 3) the problem of describing relatives as part of relative and conjunction-relative complexes. The authors describe in detail the structure of the dictionary entry of the dictionary of relatives. It is proposed to distinguish 14 zones: 1) head word; 2) frequency; 3) grammatical information; 4) stylistic characteristics; 5) etymological information; 6) semantic characteristics; 7) paradigmatic connections; 8) syntagmatic connections (8.1 as part of complexes; 8.2 in combination with quantifiers); 9) position in a sentence; 10) scope of action; 11) punctuation; 12) bibliography; 13) comment; 14) illustrations.*

Keywords: *Russian language, syntactic relations, relatives, lexicography, grammatical dictionaries.*

В русском языке есть много средств для выражения обобщенных смысловых отношений между предложениями и их частями. Важнейшее место среди этих средств занимают две группы специализированных лексических единиц — **слова-связыватели** и **слова-уточнители**. В первую группу входят «классические» союзы. У этих служебных слов двойное назначение — 1) связывание высказываний и 2) выражение обобщенных синтаксических отношений. Вторая группа включает ряд разнородных лексических единиц (*также, поэтому, наоборот* и т.д.), основное назначение которых — выражение синтаксических отношений.

Эти единицы обладают рядом специфических свойств, которые отличают их от классических союзов. Критерии для их разграничения были предложены А. М. Ломовым и Т. А. Данилевской [6, 7]. Так, в работе Т. А. Данилевской показано, что для союзов является характерной интерпозиция (т.е. фиксированная позиция между предикативными частями сложного предложения и однородными членами (за исключением повторяющихся соединительных и разделительных союзов, типа *ни…ни, либо…либо*); во-вторых, союзы способны обозначать одинаковую отнесенность, в том числе и потенциальную, двух (и более) связываемых этим союзом компонентов к третьему, т.е. выполняют и-функцию; в-третьих, союзам не свойственна сочетаемость с другими сочинительными союзами без изменения статуса сочинительной конструкции.

Единицы этого типа по-разному обозначаются лингвистами: «коннектор» [11, 126], «дискурсивное слово» [7] и др. С нашей точки зрения, более корректным их будет называть **релятивами** (см.,

© Чуриков С. А., Лешкова Т. В., Коротких А. И., 2024

например, такое терминоупотребление в статье С. К. Болотовой [4]), поскольку данный термин точнее других наименований отражает сущность этого языкового явления: слово «релятив» происходит от латинского relativus, что в переводе означает «относительный».

Опираясь на все вышесказанное, мы в работе [10, 33–34] определили релятивы как «группу языковых единиц (в большинстве случаев, включающих в качестве компонента анафорическое местоимение), служащих для выражения синтаксических отношений (но в отличие от союзов и союзных слов, не указывающих на синтаксическую связь) и потому способных располагаться в любой части предложения и сочетаться с союзами, союзными словами и другими релятивами».

Несмотря на явное функциональное различие «классических» союзов и релятивов, в современной русистике их четкое разграничение не является общепринятым. Поэтому одной из актуальных задач синтаксической науки, на наш взгляд, является выявление и описание основного корпуса этих языковых единиц.

Современные исследователи выделяют более 10 групп релятивов [9],[13]. Среди них:

1. Соединительные: **также, тоже**.

2. Релятивы собственно противопоставления: **наоборот, напротив**.

3. Противительно-возместительные: **зато**.

4. Противительно-ограничительные: т**олько, лишь, однако** и др.

5. Противительно-уступительные: **все же, все равно, все-таки, между тем, тем не менее**.

6. Целевые релятивы: **для этого, ради этого, с этой целью.**

7. Результативно-следственные: **в силу этого, вследствие этого,**

в итоге, из-за этого, оттого, поэтому, по этой причине и др.

8. Причинные: **ведь**.

9. Условные: **при этом условии**.

10. Уступительные: **невзирая на это, несмотря на это**.

11. Темпоральные (или временные): **до этого (того), перед этим (тем), после этого (того), тогда, в этот (тот) момент, в это (то) время** и некоторые др.

12. Локальные (или пространственные): **оттуда, отсюда, туда, сюда, там** и др.

13. Релятивы добавления: **вдобавок (к тому / этому), притом** и др.

Даже этот неполный список релятивов показывает, что они представляют собой достаточно разнородный в лексико-грамматическом, синтаксическом, стилистическом и иных отношениях класс языковых единиц, объединенных общей синтаксической функцией. Для системного описания релятивов, с нашей точки зрения, необходимо разработать специальный словарь, макро- и микроструктура которого будут учитывать разнообразие состава этого класса языковых единиц и его функциональное единство, обусловливающее различные аспекты семантики и употребления релятивов.

Разрабатывая настоящую концепцию, мы учитывали опыт создания следующих словарей: ([2],[3],[7],[14],[17],[18] и др.). В ее основе лежат следующие принципы:

Объяснительность. Этот принцип предполагает наличие толкований, семантических и этимологических комментариев, раскрывающих специфику значений релятивов.

Системность. При создании Словаря авторы стараются учесть наличие системных связей описываемых единиц: парадигматических и синтагматических.

Идеографичность, которая состоит в установке на описание релятивов не в традиционном алфавитном порядке, а по группам, указывающим на тот или иной тип синтаксических отношений (см. выше).

Комбинирование методов корпусной лексикографии и экспериментальной лингвистики (см. [14]). Словарь составляется на основании корпуса текстов различной стилевой и жанровой принадлежности, созданных во второй половине XX в.— первой четверти XXI в. Помимо этого, широко использовался так называемый лингвистический эксперимент, с помощью которого, в частности, выявлялись релятивы, не отмеченные в лексикографических трудах и других научных работах.

При разработке концепции словаря авторы столкнулись со следующими трудностями:

Формирование словника. Отбор лексем для словника создаваемого Словаря сопряжён с рядом проблем, поскольку до сих пор дискуссионными являются корпус единиц, которые являются релятивами.

Толкование релятивов. Создание дефиниций по праву считается одной из самых трудных задач, которые стоят перед лексикографом. Сложность толкования релятивов заключается в том, что такая дефиниция, с одной стороны, не должна быть чересчур формальной (например, «выражает отношения добавления»), а с другой стороны, должна быть универсальной, соотносясь с большим количеством разнородных употреблений, в которых могут находить отражение различные оттенки семантики описываемой единицы.

Проблема описания релятивов в составе релятивных и союзно-релятивных комплексов. Важно учитывать, что интересующие нас единицы нередко выступают в речи в составе определенных сочетаний. Мы предлагаем выделять два наиболее значимых вида таких сочетаний: союзно-релятивные (например, *но зато, а вдобавок* и др.) и релятивные (*вдобавок еще и, притом и*) комплексы.

Словарная статья такого словаря, с нашей точки зрения, должна включать следующие разделы.

1. Заголовочное слово. Отметим, что многие релятивы могут быть представлены в речи в нескольких вариантах: полном и усеченном. Например, *в дополнение к тому / этому* — полный вариант, *в дополнение* — усеченный вариант (примеры см. ниже). В качестве заголовочного слова составители всегда указывают полный вариант, помещая вариативную часть в скобки: **В ДОПОЛНЕНИЕ (К ЭТОМУ / ТОМУ).**

2. Частотность. Статистическая информация будет извлекаться из **Основного подкорпуса** (объем — более 370 млн. словоупотреблений) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [12]. Данные о частотности наглядно демонстрируют соотношение синонимичных единиц в различных группах релятивов. Например, количество употреблений релятива *поэтому* превышает 70 000, а частотность релятива *из-за этого* — менее 2 400 употреблений.

3. Грамматическая информация. Как уже было сказано, релятивами являются языковые единицы разных частей речи: наречия (*все-таки, поэтому, тогда*), частицы (*только*), «гибридные» слова (*ведь, зато, тем не менее*) и т.д.

4. Стилистическая характеристика. Наряду с языковыми единицами с нейтральной стилистической окраской в класс релятивов входят слова и словосочетания, характерные для отдельных функциональных стилей. Например, релятивы *вследствие этого, в силу этого, по этой причине* принадлежат к книжным стилям речи.

5. Этимологическая информация. Информация о происхождении релятивов часто позволяет объяснить особенности их современной семантики и употребления. В качестве примера приведем этимологию релятива *к тому же*:

🗝**ЭТИМ.:** предл. *к* + указ. мест. *тот/этот* + част. *же*.

6. Семантическая характеристика. Этот раздел словарной статьи является центральным. При этом он является самым трудным для лексикографа, поскольку многие релятивы обладают весьма специфической семантикой. Составители стремятся отразить в толковании специфику обозначаемых дефинируемым релятивом отношений, используя **метаязык**, включающий в себя: базовые наименования видов синтаксических отношений, термины «пропозиция» (описываемая «оязыковленная» ситуация), «компонент пропозиции» (некоторый участник описываемой ситуации) и слова естественного языка, с помощью которых уточняется специфика значения данной единицы. Примером толкования, созданного на таком метаязыке, может служить дефиниция релятива **ПРИТОМ**:

ⓘУказывают на добавление к **основной пропозиции / основному компоненту пропозиции** какой-л. **дополнительной пропозиции / дополнительного компонента пропозиции**, которая должна **усилить** эффект от первой (являясь своего рода пояснением, уточнением, комментарием и т.д.).

7. Парадигматические связи. Системное описание релятивов немыслимо без учета их парадигматических отношений с союзами, союзными словами и другими релятивами: синонимических, антонимических, конверсивных, родо-видовых. Так, в словарной статье лексемы *поэтому* необходимо указать синонимичные ей релятивы и союзные слова (*из-за этого, оттого, по этой причине, вследствие этого, из-за чего, почему* и т.д.), а также ее гипонимы (*благодаря чему, благодаря этому*) и конверсивы (*из-за того что, потому что, в силу того что, вследствие того что* и т.д.).

8. Синтагматические связи. В этом разделе авторы описывают два наиболее значимых аспектов синтагматики релятивов: 1) включение их в состав союзно-релятивных и релятивных комплексов; 2) включение в состав квантификаторов. 8.1 **Функционирование в составе союзно-релятивных компексов (СРК) и релятивных комплексов (РК).** В данном разделе словарной статьи мы приводим модели образования тех или иных комплексов (сочетаний реятивов с союзами или другими релятивами), сопроводив их примерами употреблений. Так, модели образования СРК с релятивом *кроме того/этого* выглядят следующим образом:

• **СРК**: 1) союзы **да / но / а** + релятив **кроме (того/этого)**:

После дружеской критики Леонтьева «Лирические мотивы» печати не увидели. ***Да кроме того****, окунувшись с головой в пастырскую работу, ему в дальнейшем было уже не до них.* [С. И Фудель. Воспоминания (1975) // Новый мир, 1991]

2) союзы **да / но / а** + релятив **кроме (того / этого)** + релятив **и / еще** (*последний компонент может оказаться сразу после союза): *В школе о ней учителя отзываются только положительно: — Наша Настя разносторонняя личность — она и танцует, и поет, и в конкурсах участвует,* ***а кроме этого еще и*** *хорошо учится.* [Г. Кулимбаева. 13-летняя российская школьница стала самой красивой девочкой в мире // Комсомольская правда, 2013.07].

8.2 **Употребление в сочетании с квантификаторами.** Мы, вслед за Ю. Д. Апресяном, под квантификатором понимаем «слово типа *все, весь, каждый, всякий* и т.п., дающее количественную характеристику (квантификацию) объекта или ситуации, о которых идет речь». Как отмечает ученый, они «относятся к разряду синтаксически и семантически активных слов и интересным образом взаимодействуют с семантическим материалом высказывания» [14, 31]. Отдельные релятивы обладают способностью сочетаться с данного рода единицами. Для релятивов добавления наиболее частотны случаи их употребления в сочетании с квантификатором «весь».

✔ в сочетании с квантификаторами:

У него имелся полный набор: и техника, и красота катания, и качество программы, и ее музыкаль-

ность, и хореография, ***плюс ко всему этому еще и*** *четверной прыжок [Т. Тарасова, В. Мелик-Карамов. Красавица и чудовище (1984–2001)].*

9. Позиция в предложении. Не менее значимым является и положение релятива в составе той или иной синтаксической единицы. С нашей точки зрения, следует фиксировать два типа позиций: 1) интерпозицию; 2) позицию внутри второй части. На этом основании можно выделить две группы релятивов: способных употребляться и в интерпозиции, и в позиции внутри второй части (*зато, однако* и др.), тяготеющих к позиции внутри второй части (*все-таки, наоборот* и др.).

10. Сфера действия. Еще одним важным аспектом описания релятивов является так называемая **сфера действия**, т.е. та часть предложения, предложение или группа предложений, на отношение между которыми указывает данная единица.

Опираясь на приведенное определение, составители указывают следующие 4 сферы действия описываемого релятива:

— указывает на отношения между членами предложения;

— указывает на отношения между частями сложного предложения;

— указывает на отношения между несколькими предложениями;

— указывает на отношения между частями текста.

Релятивы отличаются друг от друга тем, что им в большей или меньшей степени характерна та или иная сфера действия. Например, большая часть релятивов добавления (*вдобавок к этому/тому, сверх этого/того, помимо того/этого* и др.) встречается преимущественно на уровне сложного синтаксического целого и сложного предложения, реже они функционируют на уровне простого предложения.

11. Пунктуация. В данном разделе словарной статьи указывается нормативное пунктуационное оформление описываемой единицы, а также распространенные отклонения, наблюдаемые в реальном употреблении (представленном в НКРЯ и некоторых других источниках).

12. Библиография. В этой зоне словарной статьи перечисляются наиболее значимые научные труды, в которых представлено описание данной единицы.

13. Комментарий. Это факультативная зона, которая будет представлена при описании тех единиц, семантика которых может модифицироваться в различных контекстах. Например, для релятива *зато*, который квалифицируется как противительно-возместительный, характерны два круга употреблений — «оптимистический» и «пессимистический». В первом случае он указывает на то, что отрицательная в каком-либо отношении информация, о которой говорится до релятива, компенсируется тем, о чём сообщается после него. При «пессимистическом» употреблении в первой части содержится информация о чём то положительном, а во второй о чём-то отрицательном [6, 18].

14. Иллюстрации. Следующие описанные выше разделы словарной статьи в обязательном порядке включают в себя примеры употребления: семантика, употребление в составе СРК, РК, позиция в предложении, сфера действия, пунктуация, комментарий. Примеры преимущественно извлечены нами из НКРЯ, также мы обращались к поисковым системам «Яндекс» [16] и «Крибрум» [15].

Таким образом, разрабатываемый словарь будет содержать системное и многоаспектное описание релятивов русского языка на современном этапе его развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов Н. (Переферкович Н. А.) Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов, более 20 000 синонимов / Н. Абрамов.— 8-е изд., стер.— М.: Русские словари [и др.], 2006.— 665 с.

2. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю. Д. Апресян.— М.: Языки славянской культуры, 2014.— Т. 2.— 736 с.

3. Баранов А. Н. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка / А. Н. Баранов, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. М.: Помовский и партнеры, 1993.—205 с.

4. Болотова С. К. Слово ТОЖЕ в пространстве текста / С. К. Болотова // Ярославский педагогический вестник: научно-методический журнал.— 2005.— № 1 (42).— С. 95–103.

5. Большой академический словарь русского языка. Т. 3: Во — Вящий. М.; СПб.: Наука, 2005.— 664 с.

6. Данилевская Т. А. Соединительные и противительные отношения в русском сложном предложении: автореферат дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. / Т. А. Данилевская.— Воронеж, 2008.— 20 с.

7. Дискурсивные слова русского языка: Опыт контекстно-семантического описания / Под ред. К. Л. Киселевой, Д. Пайара.— М.: Метатекст, 1998.— 446 с.

8. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка.— М.: Рус. яз.— 2001.—863 с.

9. Инькова-Манзотти О. Ю. Коннекторы противопоставления во французском и русском языках (сопоставительное исследование) / О. Ю. Инькова-Манзотти.— М.: Изд-во МГУ, 2001.— 450 с.

10. Лешкова Т. В. Релятивы добавления в современном русском языке / Т. В. Лешкова, С. А. Чуриков // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика.— 2023.— № 2.— С. 33–37.

11. Ломов А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: Понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов.— Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2004.— 400 с.

12. Национальный корпус русского языка.— Режим доступа: http://ruscorpora.ru/index.html, свободный.

13. Новикова Н. И. Коннекторы как связующие средства в бессоюзном сложном предложении / Н. И. Новикова // Науч. вестн. Воронежского гос. архитектурно-строительно-

го ун-та. Сер.: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования.— 2008.— № 10.— С. 92–100.

14. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина и др.; под общим руководством Ю. Д. Апресяна; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова.— 2-е издание, исправленное.— М, 2004.— 1488 с.

15. Поисковая система «Крибрум».— Режим доступа: https://kribrum.io/, свободный.

16. Поисковая система «Яндекс».— Режим доступа: https://ya.ru/, свободный.

17. Рогожникова Р. П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентны х слову: Ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. / Р. П. Рогожникова.— М.: Астрель: АСТ, 2003.— 416 с.

18. Словарь служебных слов русского языка /А. Ф. Прияткина, Е. А. Стародумова (отв. ред.), Г. Н. Сергеева и др.— Владивосток, 2001.— 363 с.

19. Словарь-справочник по пунктуации.— М.: Справочно-информационный интернет-портал ГРАМОТА.РУ. В. В. Свинцов, В. М. Пахомов, И. В. Филатова.— 2010.— Режим доступа: http://new.gramota.ru/spravka/punctum?id=58_384&layout=item.

20. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches W örterbuch: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева.— 4-е изд., стер.— М.: Астрель: АСТ, 2003.— Т. 1 (А – Д).— 588 с.

Воронежский государственный университет

Чуриков С. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка

E-mail: churikovsa@yandex.ru

Лешкова Т. В., аспирант кафедры русского языка

E-mail: tan9leshkova@mail.ru

Коротких А. И., аспирант кафедры русского языка

E-mail: korotkihai95@gmail.com

Voronezh State University

Churikov S. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Russian Language Department

E-mail: churikovsa@yandex.ru

Leshkova T. V., postgraduate student of the Russian Language Department

E-mail: tan9leshkova@mail.ru

Korotkich A. I., postgraduate student of the Russian Language Department

E-mail: korotkihai95@gmail.com

УДК 81.374

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РУССКИХ АВТОРСКИХ НЕОЛОГИЗМОВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ СЛОВАРЯХ XIX–XXI ВВ.

Е. И. Чурикова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 19 апреля 2024 г.

Аннотация: *настоящая статья посвящена анализу способов репрезентации русских авторских неологизмов в отечественных словарях репрезентации русских авторских неологизмов в отечественных словарях различных типов: общих толковых, авторских и лингвострановедческих. Автор показывает, что российскими лексикографами накоплен богатый опыт работы с авторскими неологизмами и выявлен набор основных и факультативных лексикографических параметров, необходимых для многоаспектного и системного описания этих слов.*
Ключевые слова: *русская лексикография, авторские неологизмы, лингвострановедческая лексикография, авторская лексикография, неография.*

Abstract: *This article is devoted to the analysis of ways of representing Russian author's neologisms in Russian dictionaries of various types: general explanatory, author's and linguistic-cultural dictionaries. The author shows that Russian lexicographers have accumulated extensive experience working with the author's neologisms and identified a set of basic and optional lexicographic parameters necessary for a multidimensional and systematic description of these words.*
Keywords: *Russian lexicography, author's neologisms, linguistic-cultural dictionaries, author's lexicography, neography.*

Одной из ключевых задач лексикографии является выработка для каждого объекта подходящего для него формата словарного описания. В данной статье предпринимается попытка проанализировать опыт лексикографирования авторских неологизмов, накопленный в рамках ряда направлений отечественного словарного дела: общей толковой, лингвострановедческой и писательской лексикографии.

Как известно, объем понятия, обозначаемого термином **авторский неологизм**, у разных исследователей может существенно различаться. Мы в своей работе будем придерживаться широкой трактовки этого термина и понимать под ним слово, которое создано конкретным автором (относя сюда получившие и не получившие распространение за рамками исходного текста лексические единицы). Авторские неологизмы могут создаваться с помощью как узуальных, так и окказиональных способов образования (см., например, классические работы [1], [2]).

В отечественной традиции лексикографическое описание авторских неологизмов начинается составителями общих толковых словарей. Одним из первых примеров такого описания является словарная статья на слово **«отсебятина»** в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [3]. В ней выдающийся лексикограф указывает на то, что создателем этой лексемы является знаменитый русский живописец К. П. Брюллов:

© Чурикова Е. И., 2024

ОТСЕБЯ́ТИНА, жен., слово К. Брюлова: плохое живописное сочиненье, картина, сочиненная от себя, не с природы, самодурью.

Отметим также, что почти дословно включает далевский текст в свой словарь «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии» М. И. Михельсон [4]: «плохое (живописное) сочинение (не с природы, самодурью, от себя плохо придуманное). Слово К. Брюллова». Больше интересующих нас примеров представлено в некоторых общих толковых словарях XX и XXI вв. Так, в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова [5] как авторские неологизмы описаны лексемы *пенкоснима́тель*, *головотя́п* и *бездарь*. В словарных статьях на первые два слова составители не только указывают на их создателя — М. Е. Салтыкова-Щедрина, но и на текст-источник:

ГОЛОВОТЯ́П, головотяпа, *муж. (разг., газет.).* Тот, кто крайне небрежно, нелепо и бестолково ведет какое-нибудь дело, управляет каким-нибудь учреждением, предприятием. *Головотяпам не место в Наркомпросе.* (Слово пустил в оборот Салтыков-Щедрин в «Истории одного города»: Был в древности народ, головотяпами именуемый… Головотяпами же прозывались эти люди от того, что имели привычку тяпать головами обо все, что бы ни встретилось на пути.).

ПЕНКОСНИМА́ТЕЛЬ, пенкоснимателя, муж. (публиц. ирон.). Человек, прикрывающий свое консервативное нутро либеральным фразерством, об-

щественное тунеядство — видимостью дела (о дворянах-либералах середины XIX в., сатирически изображенных Салтыковым-Щедриным в «Дневнике провинциала», откуда и пошло это слово). «*За отсутствием настоящего дела и в видах безобидного препровождения времени, учреждается учено-литературное общество под названием «Вольного союза пенкоснимателей»*» Салтыков-Щедрин.

В описании знаменитого новообразования И. Северянина авторами этого лексикографического труда приводятся два значения слова: исходное (иллюстрируемое северянинскими строками) и более позднее (синонимичное лексеме *бездарность)*:

БЕ́ЗДАРЬ, бездари, мн. нет, жен., собир. Бездарные люди. Слово пущено в ход Игорем Северянином: *Вокруг талантливые трусы и обнаглевшая бездарь.* || То же, что бездарность во 2 знач. (разг.). Это не работник, а бездарь.

Еще одним академическим словарем, в котором обнаруживается явное описание слова как авторского неологизма, является «Большой толковый словарь русского языка» С. А. Кузнецова [6]. Здесь представлен один интересующий нас пример — словарная статья на уже упомянутое слово *головотяп*:

ГОЛОВОТЯ́П -а; м. Разг. О том, кто небрежно и бестолково ведет какое-л. дело (впервые употреблено М. Е. Салтыковым-Щедриным в «Истории одного города»). Головотяпский, -ая, -ое.

Кроме того, указание на авторство слов обнаруживается и в нескольких словарных статьях «Большого универсального словаря русского языка» [7]. В частности, информация о предполагаемом создателе лексемы включено авторами в описание слова *промышленность*:

ПРОМЫ́ШЛЕННОСТЬ [н], промышленности, *только ед., ж., нд., III ж.*

Отрасль экономики, охватывающая производство машин, техники и т.п., предметов потребления, разработку недр и переработку сырья, а также отдельный вид этой отрасли экономики. <…> ***// Морф.*** **Промышленн=ость-О.** <…> От прил. Промышленный (Считается, что слово «промышленность» как суффиксальное производное от причастия «промышленный» было создано в конце XVIII века Н. М. Карамзиным по аналогии с французским industie, которое тогда кроме первоначальных значений «ловкость, мастерство, промысел» приобрело и значение «индустрия».

Несмотря на то, что составители перечисленных толковых словарей[1] не ставили перед собой задачи разработать «специализированную» микроструктуру, ориентированную на описание авторских неологизмов, а лишь дополняли стандартную схему словарной статьи, им удалось наметить большинство лексикографических параметров, которые должна включать такая «специализированная» микроструктура. К числу этих параметров, с нашей точки зрения, должны быть отнесены:

указание на точного или предполагаемого создателя слова (лексикографы используют для этого следующие формулировки: *«введено в оборот», «пущено в ход», «впервые употреблено», «создано»*) (см. [3], [4], [5], [6], [7]);

2) указание на текст (при наличии такового), в котором это слово впервые употреблено (см. [5]);

3) отрывок из этого текста, включающий описываемое слово (см. [5], [6]);

4) указание на способ образования слова (см. [7]);

5) указание на возможные аналогии в других языках, на базе которых были созданы русские слова (см. [7]).

Особенно пристального внимания в рамках нашего анализа заслуживают специализированные словари языка писателя, описывающие авторские новообразования. Такие словари начали создаваться в нашей стране во второй половине XX в. и к настоящему времени составили весьма представительную группу: см. [9], [10], [11], [12], [13], [14], [15], [16], [17] и др[2].. Далее рассмотрим те из перечисленных словарных изданий, составители которых разработали полипараметрическую микроструктуру.

Так, словарная статья «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова» Н. Н. Перцовой [10] включает следующие разделы: 1) заглавное слово; 2) возможные варианты словарного вида слова; 3) ударение; 4) адреса словоупотреблений в произведениях В. Хлебникова; 5) адреса описаний (или упоминаний) данного слова в монографиях Р. Вроона и В. П. Григорьева; 6) часть речи; 7) мотивирующее слово; 8) ассоциации, связанные со словом; 9) примеры употребления слова у В. Хлебникова. Проиллюстрируем представленную структуру словарной статьей на слово *доброука*:

ДОБРОУ́КА */З/ [НХ-HVI 17]С-ж МС: добрый; наука АС: доброучительный [СЦРЯ] Этика+эстетика = доброука и красоука*

Микроструктура «Словаря индивидуально-авторских слов Игоря Северянина» В. В. Никульцевой [9] представлена следующими обязательными и факультативными компонентами: 1) исходная форма неологизма; 2) акцентологические пометы; 3) грам-

[1] В контексте заявленной темы нельзя не упомянуть знаменитую «Историю слов» В. В. Виноградова [8], которую, строго говоря, нельзя отнести к словарным изданиям. Книга содержит сотни статей и заметок, посвященных истории более 1500 лексем и фразеологизмов русского языка. При этом несколько десятков единиц сопровождаются указанием их (часто предполагаемого) авторства: *благоглупость, головотяп, отсебятина, пенкосниматель, помпадур, свистопляска, промышленность* и мн. др. Кроме того, указываются способы образования этих слов, примеры их употребления и т.д.

[2] Подробнее об авторских словарях неологизмов см. [18], [19] и [20].

матические пометы; 4) стилистическая и / или экспрессивная помета; 5) лексическое значение; в мотивацию, как правило, включается производящее слово, реже толкование дается через синоним / описательный оборот; 6) цитата / цитаты с указанием названия и года создания произведения / произведений и отсылочных шифров книг / автографов; 7) способ образования, производящее слово; 8) идентичный неологизм в творчестве другого / других писателя / писателей; 9) толкование другого исследователя, данные других словарей; 10) обращение к языку-источнику мотивирующего слова (в связи с толкованием неологизма, произведенного на базе заимствованных морфем); 11) синонимы; 12) антонимы. Приведем пример словарной статьи:

ПОЭ́ТИК, *-а, м., сущ.*

Пренебр. Ничтожный, бесталанный поэт; бездарь. *Так называемый «поэтик» — / На шубе гения лишь моль…* («Триолеты, 6»; ЛС, л. 67); *Когда какой-нибудь поэтик / Стихами донимал Гюго, / Гюго, стихи бросая эти, / К себе любезно звал его, / В изысканнейших выраженьях / Благодаря его в письме / За «истинное наслажденье / За луч, сияющий во тьме»…* («Невесомая. Рассказ в стихах И. С.», 1924; ПРЯ, л. 15). Суф. ⟵ поэт.

Структура словарной статьи неографического труда «Слова поэта: Опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко» [11] предполагает наличие следующих зон: 1) заглавная форма слова; 2) толкование новообразования; 3) микроконтекст; 4) комментарий и сведения энциклопедического характера (факультативно); 5) словообразовательная характеристика слова; 6) другие новообразования, присутствующие в представленной цитате. Приведем пример словарной статьи:

ДОДЕМИДОВСКИЙ, прил. *Их на гульбища и драки / зазывали кабаки, / чтоб, зверея, / как собаки, / там сцеплялись кулаки, / но и даже водка-ведьма / наливала их сама / додемидовскою медью / матеревшего ума* (Ивановские ситцы. 1976, т. 5: 46). Додемидовский < до- + демидовский

[Демидовы — российские владельцы металлургических заводов на Урале, крупные землевладельцы].

Микроструктура «Словаря новообразований Н. С. Лескова» [16] включает следующие разделы: 1) заголовочное слово; 2) грамматическая характеристика; 3) дефиниция; 4) контекст употребления; 5) адресные сведения (название произведения, его жанр, дата создания; источник цитации — издание, том, страница); 6) словообразовательная характеристика; 7) зона дополнительных сведений: информация о производящем слове, отражение системных связей (данные о синонимах, антонимах, омонимах). Приведем пример словарной статьи:

БАЗАРНИЧЕСТВО ‘засилье на рынке литературной продукции базарной работы — низкопробных произведений, рассчитанных на невзыскательного читателя’. *Стало быть, Вы оправданы множицею, и я за Вас, добрый друг мой, радуюсь: мы дали публике настоящее литературное произведение в дни полного упадка и базарничества.* Письмо С. Н. Шубинскому; 1887. ~ ср. *базарщина* — ‘плохая работа, непрочная вещь, годная только для дешевого сбыта на базаре’

Анализ статей неологических словарей позволяет добавить в наш список значимых для описания авторских неологизмов зон еще три раздела:

1) энциклопедический комментарий (см. [11]);

2) информация о системных связях (см. [9], [16]);

3) библиографическая зона, которая может включать в себя ссылки не только на словари, но и на фрагменты монографий, статей и т.д. (см. [10]).

Следующей группой отечественных лексикографических трудов, в которых представлено описание авторских неологизмов, являются лингвострановедческие словари.

Так, в словаре В. П. Фелицыной и Ю. Е. Прохорова «Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения» [21] наряду со сверхсловными единицами описано и несколько интересующих нас лексем. Приведем в качестве примера фрагменты словарной статьи на слово **заумь**:

ЗАУ́МНЫЙ ЯЗЫК. ЗА́УМЬ.

Выражение из работы А. Е. Крученых «Декларация слова как такового», 1913 г. <…>

Заумь, заумный язык — понятие, выдвинутое теоретиками русского футуризма, литературно-художественного направления в России в начала 1920-х годов. Обычно заумью называли поэтические опыты русских футуристов (В. Хлебникова, А. Крученых, В. Каменского и др.). А. Е. Крученых, один из главных теоретиков футуризма, считал, что поэт имеет право говорить на своем особенном языке, создавать слова, понимание которых лежит за пределами ума обыкновенного человека, лишенного поэтического восприятия мира (отсюда термин «за-умный»). На основании того, что такие стихи были совершенно непонятны читателям, термин «заумный язык» стал употребляться в значении «непонятный язык», а слово «заумь» стало использоваться для намеренно осложненного, нелепого.

• Некоторые журналисты страдают болезнью писать **заумным языком**, совершенно не заботясь о читателе.

В «Мультимедийном лингвострановедческом словаре “Россия”» [22] представлены статьи, посвященные двум авторским неологизмам-онимам: Айболит, Мойдодыр. Рассмотрим подробно описание первого из них:

Айболи́т

Герой одноименной сказки К. И. Чуковского.

Имя персонажа имеет прозрачную внутреннюю форму, образовано из

сочетания междометия **Ай!** и глагола **болит**. Айболит — добрый доктор, который всегда спешит на помощь детям и зверям.

Впервые этот персонаж появился в стихотворной сказке Чуковского «Бармалей» (1925 г.), потом — в сказке «Айболит» (1929 г.) и в 1936 г.— в прозаической сказке «Доктор Айболит» (по Хью Лофтингу). В сознании русских эти книги являются, в первую очередь, сказками о докторе Айболите. Их приключенческие сюжеты занимательны и поучительны. Доктор Айболит — воплощение добра, самоотверженности и справедливости. <…>

Имя доктора Айболита стало ассоциироваться не только с врачами, но и с любым человеком, готовым помочь другому, или местом, где оказывают помощь.

Анализ статей лингвострановедческих словарей позволяет дополнить список значимых для описания авторских неологизмов зон тремя составляющими:

• культурологический комментарий (см. [21], [22]);

• справка о жизни слова в языке и речи (см. [22]);

• медиазона, предполагающая включение в словарь репродукций картин, фотографий, аудиозаписей, видеофрагментов и т.д. (см. [22]).

Таким образом, отечественными лексикографами накоплен богатый опыт работы с авторскими неологизмами и выявлен набор основных и факультативных лексикографических параметров, необходимых для многоаспектного и системного описания этих лексических единиц, а также определены способы словарного представления данных типов информации о слове. Представленные в настоящей статье осмысление и систематизация этого опыта, с нашей точки зрения, могут помочь при разработке структуры словарной статьи как будущим составителям словарей новообразований отдельных авторов, так и создателям обобщающего «Словаря авторских неологизмов русского языка».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лопатин В. В. Рождение слова: неологизмы и окказиональные словообразования / В. В. Лопатин.— М.: Наука, 1973.— 152 с.

2. Лыков А. Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово): учебное пособие для филол. фак. ун-тов / А. Г. Лыков.— М.: Высш. школа, 1976.— 119 с.

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль.— М.: Русский язык, 1989.

4. Михельсон М. И. Русская мысль и речь: свое и чужое: опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон.— Спб: Брокгауз — Ефрон, 1912.

5. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова.— М., 1935–1940.

6. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова.— СПб.: Норинт, М.: Рипол классик, 2008.— 1534 с.

7. Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина.— М.: АСТ-Пресс школа, 2018.— 1451 с.

8. Виноградов В. В. История слов / В. В. Виноградов / Отв. ред. акад. РАН Н. Ю. Шведова.— М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 1994.— 1138 с.

9. Никульцева В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / В. В. Никульцева.— М.: Азбуковник, 2008.— 379 с.

10. Перцова Н. Н. Словарь неологизмов Велимира Хлебникова / Н. Н. Перцова.— М.: Vien: Hansen-Liove, 1995.— 557 с.

11. Намитокова Р. Ю. Слова поэта: опыт словаря авторских новообразований Евгения Евтушенко / Р. Ю. Намитокова, И. А. Нефляшева.— Майкоп: Качество, 2009.— 304 с.

12. Колесников Н. П. Словарь неологизмов В. В. Маяковского / Н. П. Колесников.— Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1991.— 346 с.

13. Масленников Д. Б. Словарь окказиональной лексики футуризма / Д. Б. Масленников.— Уфа: Изд-во БГПУ, 2000.— 138 с.

14. Валавин В. Н. Словотворчество Маяковского. Опыт словаря окказионализмов / В. Н. Валавин.— М.: Азбуковник, 2010.— 621 с.

15. Самохин И. С. Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского / И. С. Самохин.— М.: ФЛИНТА, 2023.— 696 с.

16. Алешина Л. В. Словарь новообразований Н. С. Лескова / Л. В. Алешина.— М.: Наука, 2017.— 704 с.

17. Архангельская Ю. В. Лев Толстой в языке и речи: Словарь инноваций (лексика, фразеология, афористика) / Ю. В. Анхангельская.— Тула: ТППО, 2016.— 325 с.

18. Пахомова М. А. Окказиональные слова и словари окказионализмов / М. А. Пахомова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. 2013 — № 3.— С. 79–87.

19. Шестакова Л. Л. Современное состояние русской авторской лексикографии / Л. Л. Шестакова // Вопросы языкознания.— 2019 — № 2.— С. 126–150.

20. Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность / Л. Л. Шестакова.— М.: Языки славян. культур, 2011.— 404 с.

21. Фелицына В. П., Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь / В. П. Фелицына, Ю. Е. Прохоров / под ред. Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова.— М.: Рус. яз., 1988.— 269 с.

22. Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия» — Режим доступа: https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/] — дата обращения — 11.04.2024.

Воронежский государственный университет
Чурикова Е. И., аспирант кафедры русского языка
E-mail: anelem15@yandex.ru

Voronezh State University
Churikova E. I., Postgraduate Student of the Department of Russian language
E-mail: anelem15@yandex.ru

УДК 81’373

О КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОРАХ В НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРУДОВ Е. Д. ПОЛИВАНОВА)

М. Д. Щепалин

Московский государственный лингвистический университет

Поступила в редакцию марта 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются концептуальные метафоры как источник информации о когнитивном процессе. Доказывается, что в научных текстах могут использоваться концептуальные метафоры не только актуальных парадигм, но и зарождающихся. Приводятся примеры того, как перенос в лингвистику понятий из далеких от нее научных сфер, приводил к познавательным сдвигам. Источником материала послужили научные работы Е. Д. Поливанова. Исследование опиралось на методы когнитивной лингвистики и контент-анализ. Были сделаны выводы о том, что концептуальные метафоры, с одной стороны, несут информацию об особенностях когниции, характеризующих отдельного ученого, с другой — позволяют наблюдать, как их неожиданные соединения становятся триггером для развития науки.*
Ключевые слова: *когниция, научная парадигма, концептуальная метафора, креативность, научный тип мышления, управленческий тип мышления.*

Abstract: *the article considers conceptual metaphors as a source of information about cognitive process. It is proved that scientific texts can use conceptual metaphors not only of actual paradigms, but also of emerging ones. Examples are given of how the transfer of concepts from distant scientific spheres into linguistics led to cognitive shifts. The source of material was the scientific works of E. D. Polivanov. The study relied on the methods of cognitive linguistics and content analysis. The conclusions were made that conceptual metaphors, on the one hand, carry information about the peculiarities of cognition characterizing an individual scientist, on the other hand, allow us to observe how their unexpected connections become a trigger for the development of science.*
Keywords: *cognition, scientific paradigm, conceptual metaphor, creativity, scientific type of thinking, managerial type of thinking.*

ВВЕДЕНИЕ

Ученый в своем научном творчестве всегда опирается на предшественников, однако нельзя сказать, что он «стоит на плечах гигантов» как на незыблемом граните,— он движется в заданном ими русле и при этом волен строго следовать определенной научной концепции или выходить за ее рамки. Если такой выход ведет к построению новой концепции, можно говорить о креативности, или когнитивной успешности ученого.

Важно, что каждая научная парадигма имеет свою метафорическую призму, через которую ученые-единомышленники рассматривают собранные факты. В области русистики концептуальные метафоры, доминировавшие в последовательно сменявших друг друга в XIX и XX вв. научных парадигмах, были описаны А. Д. Плисецкой [1]. Парадигмальным метафорам европейской лингвистики посвящена работа О. А. Волошиной [2].

В основе нашего исследования лежит **гипотеза** о том, что ученый в процессе познания может опираться не только на парадигмальные, т.е. на доминирующие в этот момент в определенной сфере науки концептуальные метафоры, но и предугадывать концептуальные метафоры формирующихся парадигм. Поскольку метафора позволяет соединить прежде не связывавшееся друг с другом и взглянуть на факты под другим углом, она может стать источником открытия нового.

Целью проведенного исследования было установление возможной связи между используемыми ученым концептуальными метафорами и сдвигами или даже прорывами в соответствующей науке.

При исследовании использовались **методы** когнитивной лингвистики, а именно анализ концептуальных метафор. Термин «концептуальная метафора» был введен в научный оборот Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [3]. Предложенная этими учеными концепция строится на принципе главенства аналогии при переносе знаний «из одной содержательной области в другую» [4, 43–44]. Помимо этого использовался метод контент-анализа для отбора данных из массива научных текстов.

Материалами исследования послужили труды Евгения Дмитриевича Поливанова. Данный выбор был обусловлен, во-первых, хронологическими рамками его научной деятельности (первая половина XX века, за которую была подготовлена и осуществлена сме-

© Щепалин М. Д., 2024

на научных парадигм), а во-вторых, несомненной творческой успешностью этого ученого и широтой его научных интересов, приведшей к значимым достижениям в сфере лингвистики [5, 14–16].

Состав концептуальных метафор в научных трудах Е. Д. Поливанова

В ранних работах ученого, посвященных компаративистике, заметна опора на концептуальные метафоры, перенесенные из сферы биологии. Приведем лишь несколько примеров: «индивидуальная линия **эволюции** каждого отдельного языка данного **семейства**» [6, 29] (здесь и далее выделено мною.— *М. Щ.*), «в тот момент, с которого начинается индивидуальная история каждого из языков-**потомков»** [6, 32], «отдельно следует рассматривать написания русских слов японского **происхождения**» [7, 265]. Идея о том, что язык — это живой организм, была навеяна трудами Ч. Дарвина, и биологическая метафора с середины XIX в. стала парадигмальной для языкознания. Важно, что Е. Д. Поливанов распространил эту уже стершуюся к началу XX в. метафору из области сравнительно-исторического языкознания на смежную сферу — теорию стиха, благодаря чему возникла идея эволюционного саморазвития поэтической формы, впоследствии углубленная М. В. Пановым [8]. Приведем примеры из работ Е. Д. Поливанова по стиховедению: «тогда как существующая и поныне традиция рифмотворчества, канонизованная рифмическими словарями, является уже **мертвой** для **живого** китайского языка — благодаря фонетической **эволюции**…» [7, 310], «введение этих новых рифмоидов <…> их **прививка** к **органическому** развитию стихо-формы несомненно дело Маяковского» [9, 147].

Другим важным направлением в языкознании с середины XIX в. было психологическое. Как отмечал Вяч. В. Иванов, «…Поливанов вплоть до последних своих работ, датируемых 1937 г., пользовался психологической терминологией» [10, 55–56]. Сформированные на ее основе концептуальные метафоры широко представлены в трудах ученого: «существующие уже в русском **мышлении** произносительные и орфографические **привычки**» [7, 265], «К сожалению, нет возможности изложить этот **ассоциационный процесс**…» [6, 160]. Интересно, что, формулируя свой главный вывод в области теории стиха, Е. Д. Поливанов пользуется психологической метафорой, тогда как М. В. Панов, развивая впоследствии этот тезис, опирается уже на парадигмальную метафору структурализма, ср.: «…главный принцип, по которому организуется языковой материал в поэтическом произведении. Это — принцип повтора фонетических **представлений**» [11, 106] и «…в основе поэтического текста лежит повтор **отношений**» [8, 14].

Помимо биологических и психологических концептуальных метафор, которые в первой трети XX в. были уже устоявшимся способом конкретизации абстрактных лингвистических представлений, в работах Е. Д. Поливанова можно обнаружить немало структурно-механических метафор, которые могут свидетельствовать о формировании новой парадигмы — будущей структурной лингвистики. Наибольшее влияние структурализма ощутили на себе фонетика и фонология [12, 11], и именно в работах Е. Д. Поливанова по этой проблематике мы обнаруживаем заметное присутствие структурно-механических метафор. Приведем примеры: «…и в самой **технике** словообразования, которую для блатной музыки лучше будет, пожалуй, именовать **техникой** словотворчества» [6, 158], «…учение о **механизме** исторических процессов» [6, 25], «и при этом В. М. Алексеев далек от исторической точки зрения в изучении стихотворной **структуры**» [7, 310], «…когда исходным пунктом изучения будет фонетическая **система** (элементы которой используются для поэтической установки)…» [7, 310], «Китайская **система** стихосложения, в период своего создания, была **системой метрической**, ибо по принципу чередовались в стихе не мелодии слогов, но **категории** или типы этих мелодий» [7, 311].

Наряду с концептуальными метафорами главенствующих и зарождающихся парадигм — ядром лингвистической метафорики — в текстах Е. Д. Поливанова встречаются периферийные метафорические пласты, связанные с иными областями знаний. К ним можно отнести метафорически перенесенные в лингвистику философские понятия: «абсорбированное от своего фонемного **субстрата**» [9, 148], астрономические термины: «включило в **орбиту** своих штудий языки колониальные…» [6, 18], узкоспециальные термины геологии: «узбекский так и оставался **метаморфизованным**,— переложенным на таджикские звуки» (цит. по [13, 111]). Установление с помощью метафоры связей между языковой реальностью и прежде не принимавшимися лингвистами в расчет явлениями могло давать неожиданный толчок процессу познания. Примечательно, что впоследствии сочетание геологической и кинематографической метафоры позволило М. В. Панову дать очень точную характеристику стиля В. Маяковского: «Мир Маяковского — **раздельно-монтажный**; эпохи **сломаны** и **сдвинуты впритык**; **энергия**, которую излучают эти **сломы-сдвиги**, колоссальна» [8, 527].

Нельзя не упомянуть, что Е. Д. Поливановым, помимо прочего, употреблялись общенаучные концептуальные метафоры, перенесенные из юриспруденции: «ничего общего с согласным не имеет (и не может иметь в силу **закона** о возможности только открытых слогов)» [7, 272], а также онтологическая метафора ПУТЬ: «Другие поэты в общем **идут** в этом отношении **за** ним и **от** него» [9, 147].

Одной из важных сторон жизни Е. Д. Поливанова являлась его общественно-политическая деятель-

ность. Он принимал активное участие в революционных событиях 1917 года и в послереволюционном построении нового Советского государства [13]. Высокая вовлеченность в организацию социальных преобразований сказалась и на использовании в научных трудах характерных концептуальных метафор: «мы увидим здесь, в чистой своей форме, две различных **формации** блатных слов» [6, 155], «изучить которую необходимо для **строительства** языковых культур» [6, 25], «под **обстрел** идеологической **ревизии** языкознания» [6, 27], «оставив в них только отдельные падежные формы в виде **пережитков»** [6, 32]. В. М. Алпатов, указывая на то, что «поворот к социологической лингвистике» был общим свойством времени, все же признает: «…в терминологии здесь есть влияние марксизма» [14, 9–10].

Заметное присутствие концептуальных метафор, связанных с социальной сферой, показывает, что мышление Е. Д. Поливанова было гетерогенным, т.е. сочетало особенности научного и управленческого. Данные типы мышления тесно связаны друг с другом, однако для управленческого характерна большая практико-ориентированность [15, 151–155]. Если научное мышление стремится к познанию нового, то управленческое направлено на использование имеющихся знаний для решения конкретных задач. Как отмечает И. М. Логинова, «деятельность Е. Д. Поливанова всегда была направлена в практическую область» [16, 11]: перед ним стояли задачи языкового строительства для многих народов СССР [17, 51], что и вызвало активизацию управленческого мышления при написании научных трудов.

Сделанное наблюдение позволяет говорить о том, что концептуальные метафоры могут, помимо прочего, нести информацию о типе или типах мышления, задействованных в порождении того или иного текста. Наши выводы подтверждаются замечанием французской исследовательницы П. К. Жанти о том, что «Евгений Дмитриевич Поливанов представлял собой редкий сплав политика, ученого и поэта» (цит. по [18, 10]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В трудах Е. Д. Поливанова мы обнаруживаем опору на актуальные для лингвистики тех лет концептуальные метафоры, связанные с биологией и психологией. Ученый следует за выработанными предшественниками способами обработки информации и формами упаковки знаний, однако привносит в познавательный процесс и нечто новое — комплекс метафор, обеспечивающих формирование следующей научной парадигмы (структурализма). Этот вывод подтверждает исходную гипотезу.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что изучение метафор в научном тексте позволяет определить тенденции парадигмальных изменений в науке.

Была выявлена связь между привлекаемыми ученым из далеких областей знаний метафорами и последующими достижениями в процессе познания.

Помимо этого, была продемонстрирована возможность определения типа или типов мышления конкретной личности по используемым ею концептуальным метафорам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Плисецкая А. Д. Эволюция концепта ЯЗЫК в лингвистической науке XX века: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / А. Д. Плисецкая.— М., 1999.— 304 с.

2. Волошина О. А. Роль концептуальной метафоры в истории лингвистических учений / О. А. Волошина // Вестник Карагандинского университета. Серия ФИЛОЛОГИЯ.— 2012.— № 1(65).— С. 45–53.

3. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон.— М.: Эдиториал УРСС, 2004.— 256 с.

4. Мишанкина Н. А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н. А. Мишанкина.— Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010.— 282 с.

5. Леонтьев А. А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание / А. А. Леонтьев.— М.: Наука, 1983.— 80 с.

6. Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание / Е. Д. Поливанов.— М.: Федерация, 1931.— 181 с.

7. Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию / Е. Д. Поливанов.— М.: Наука, 1968.— 376 с.

8. Панов М. В. Язык русской поэзии XVIII–XX веков: Курс лекций / М. В. Панов / Сост. Т. Ф. Нешумова.— М.: ИД ЯСК: Языки славянской культуры, 2017.— 584 с.

9. Поливанов Е. Д. Рифмология Маяковского / Е. Д. Поливанов // Вопросы психолингвистики.— 2008.— № 8.— С. 147–160.

10. Иванов Вяч. Вс. Лингвистические взгляды Е. Д. Поливанова / Вяч. Вс. Иванов // Вопросы языкознания.— 1957.— № 3.— С. 55–76.

11. Поливанов Е. Д. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники / Е. Д. Поливанов // Вопросы языкознания.— 1963.— № 1.— С. 98–112.

12. Алпатов В. М. История лингвистики: мейнстрим и маргиналы / В. М. Алпатов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки.— 2023.— № 2 (870).— С. 9–14.

13. Сумароков Л. И. Е. Д. Поливанов. Неоконченная лингвистическая симфония. Документально-биографическая монография / Л. И. Сумароков, О. Л. Сумарокова.— Бишкек: КРСУ, 2021.— 266 с.

14. Алпатов В. М. Марксистская концепция языка Е. Д. Поливанова // Международный научный семинар «Е. Д. Поливанов и его идеи в современном освещении»: сборник научных статей, посвященный 110-й годовщине со дня рождения Е. Д. Поливанова.— Смоленск: СГПУ, 2001.— С. 8–12.

15. Ба Юйсинь. Новые слова в современном российском политическом дискурсе: когнитивный и коммуни-

кативный аспекты: дис. … канд. филол. наук: 10.02.01 / Юйсинь Ба.— М., 2017.— 225 с.

16. Логинова И. М. Творчество Е. Д. Поливанова и развитие акцентологии / И. М. Логинова // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. 1. (Смоленск, 19–20 мая 1998 г.).— Смоленск: СГПУ, 1998.— С. 11–20.

17. Маджун Д. С. Роль Е. Д. Поливанова в разработке дунганской письменности / Д. С. Маджун // Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов: Материалы Международной научной конференции, посвященной 130-летию Е. Д. Поливанова (Бишкек, 10–11 июня 2021 г.).— Бишкек: КНУ, 2021.— С. 45–52.

18. Рабинович М. И. Е. Д. Поливанов: документы о последних месяцах жизни ученого / М. И. Рабинович // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. 1. (Смоленск, 19–20 мая 1998 г.). Смоленск: СГПУ, 1998.— С. 3–10.

Московский государственный лингвистический университет

Щепалин М. Д., аспирант кафедры русского языка и словесности переводческого факультета

E-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

Moscow State Linguistic University

Schepalin M. D., Postgraduate student, Department of Russian, Faculty of Translation and Interpreting

E-mail: Maksim.Dmitrievich.Sch@yandex.ru

УДК 070

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ВЛАСТИ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В. Д. Абрамова, О. И. Возовиков

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 7 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются коммуникационные стратегии органов власти Российской Федерации в социальных сетях. Материалами для анализа послужили публикации в аккаунтах Министерства Просвещения РФ.*
Ключевые слова: *органы государственной власти, социальные сети, Министерство просвещения.*

Abstract: *the article examines the communication strategies of the Russian Federation authorities in social networks. The materials for the analysis were publications in the accounts of the Ministry of Education of the Russian Federation.*
Keywords: *state authorities, social networks, the Ministry of Education.*

В июне 2018 года Комиссия Общественной палаты Российской Федерации по развитию информационного сообщества, СМИ и массовых коммуникаций провела круглый стол на тему «Распространение фейковой информации в сети Интернет», в ходе которого было предложено понимать под жаргонным термином «фейк-ньюз» информационную мистификацию или намеренное распространение дезинформации в социальных сетях и традиционных СМИ с целью введения в заблуждение ради получения финансовой или политической выгоды [1]. При этом отличить фейковую информацию от достоверных фактов зачастую представляется затруднительным. Важно научить людей анализировать информацию, проверять источники, учитывать контекст и проверять факты. Но что же сейчас можно подразумевать под понятием «проверенные источники информации?» Как распознать ее в интернете? Где найти?

Сегодня под термином «медиатехнологии» понимают технологии работы с информацией, а также синкретическую форму коммуникаций [2]. Всемирная паутина стала доступной для широкой аудитории в 1990-х годах [3]. Поначалу люди использовали интернет только для обмена электронной почтой и поиска информации, но с появлением социальных сетей сформировалось новое пространство для общения и обмена данными. Затем стали набирать популярность и мобильные технологии [4].

Соцсетями активно начали пользоваться по поручению Правительства с 1 декабря 2022 года все государственные органы местного самоуправления, подведомственные организации и суды обязаны создать и вести свои официальные аккаунты на площадках «ВКонтакте» и «Одноклассники». По статистике IT-компании «Диалог», на 2023 год в России 170 000 федеральных ведомств и подведомственных учреждений имеют подтвержденные официальные страницы в социальных сетях. Об этом рассказал заместитель генерального директора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев на Международном форуме-выставке «Россия». Также он отметил, что за 2023 год «госпаблики суммарно обзавелись 50 млн. уникальных подписчиков, в среднем публикуя по 1,4 млн. постов еженедельно. Месячный охват экосистемы превышает 1,1 млрд. просмотров» [5].

Министерство Просвещения России запустило в своих социальных сетях символ Года педагога и наставника 2023 — виртуального пеликана, который позволяет общаться с подписчиками в неформальном тоне. Министерство разработало несколько героев, у каждого из которых своя роль: Пеликан-просветитель представляет познавательные материалы, Пеликан-ребенок общается с детской аудиторией (например, ведет рубрику с ребусами), Пеликан-примиритель приходит и отвечает на вопросы подписчиков в комментариях. Проект помогает вовлечь аудиторию в диалог, формирует позитивный имидж министерства. За второе полугодие 2023 года в социальной сети «ВКонтакте» на странице ведомства вышел 31 пост с участием данных персонажей, которые охватили более 460 000 пользователей, а Пеликан-примиритель обратился к аудитории порядка 40 раз.

Отметим, что Минпросвещения и Минкультуры России также являются лидерами по количеству проектов и мероприятий культурной направленности. На своих страницах в социальной сети «ВКонтакте», «Одноклассники» и в Telegram Messenger орга-

[1] Соцсеть запрещена в РФ; принадлежит корпорации Meta, которая признана в России экстремистской.

© В. Д. Абрамова, О. И. Возовиков, 2024

ны власти ведут отдельные рубрики, посвященные вопросам культуры и ее формирования в обществе. Они применяют самые последние SMM-технологии, среди которых: инфографика, анимационные, документальные и игровые видеоролики в разных форматах подачи, прямые эфиры и акции. Среди проектов, которые реализует Минкультуры России можно выделить: НацПроект «Культура», интерактивная рубрика в социальных сетях #КультурныеМаршруты и #КультурныеЗаконы, Всероссийский конкурс СМИ «Культура слова». Среди проектов Минпросвещения России можно обозначить следующие: рубрика в социальной сети «ВКонтакте» #МолодыеТаланты, #ПамятнаяДата, #ИсторияЗа60секунд, #ПросветительскийМаршрут, #НацПроектГлазамиПедагога, а также Всероссийский конкурс «ПРО Образование».

Таблица 1

Количество подписчиков в соцсетях Минпросвещения РФ

Официальные сообщества Минпросвещения	
«ВКонтакте»	611 318 подписчиков
«Одноклассники»	126 100 подписчиков
Telegram (официальный)	50 715 подписчиков
«Дзен» (официальный)	2 400 подписчиков
Канал в «Сферуме»	5 200 подписчиков
Rutube (официальный)	858 подписчиков
Viber	55 990 подписчиков
Телеграм-канал «Педвузы РФ»	5 537 подписчиков
Тематические сообщества Минпросвещения	
Телеграм-канал «Молодцы» (новости в сфере образования, аналитика)	4 727 подписчиков
Профессиональное сообщество «Учителя» в «ВКонтакте»	29 647 подписчиков
Профессиональное сообщество «Мы учителя» в «Одноклассниках»	99 500 подписчиков
Канал «Учим вместе» в «Сферум»:	1 500 000 подписчиков
Учитель сегодня в «Дзен»	1 900 подписчиков
Образовательная среда в «Дзен»	503 подписчика
Сообщество «ЕГЭ» в ВКонтакте	105 945 подписчиков
«Дружба»	5 122 подписчика
«Новороссия Образование»	5 746 подписчиков

На официальной странице Минпросвещения России на платформе «Дзен», на которой 2 400 подписчиков, пользователи (родители, школьники, преподаватели, учителя и т.д.) могут ежедневно получать достоверную информацию об изменениях в образовании [6]. Минкультуры России также имеет свою официальную страницу с количеством 1100 подписчиков, где можно посмотреть культурные мероприятия, выставки, фестивали и узнать о других событиях из сферы культуры [7]. Платформа «Дзен» позволяет создавать и публиковать статьи, фотографии и видео на различные темы, поэтому ведомства применяют последние медиатехнологии и инструменты, которые помогут в продвижении контента на их ресурсах. Для государственных ведомств — это возможность поддержать общение с гражданами, рассказать о главном, и поставить задачи. Сейчас платформа «Дзен» — это молодой современный инструмент, который позволяет органам власти не только поддерживать позитивный имидж ведомства в СМИ, но и позволяет выходить из критичных ситуаций, которые могут возникнуть, если в интернете окажется фейковая информация.

Отдельный акцент в социальных сетях органов власти ставится на креативность, точность, дальнее планирование, легкий слог и познавательный контент, который будет интересен и доступен большому количеству пользователей. Заместитель гендиректора АНО «Диалог Регионы» Андрей Цепелев отмечает, что «в интернет люди приходят не читать пресс-релизы, они привыкли к простому, понятному, живому языку. И базовое требование: уметь переводить государственный контент на простой, живой язык» [5]. Материалы могут быть представлены в виде статей, лонгридов, информационно-развлекательных постов, аудиоподкастов, видеороликов, рекламы, инфографики, презентаций, акций, образовательных уроков в формате онлайн-лекций и т.д.

Таблица 2

Спецпроекты Минпросвещения РФ

Название проекта	Цель	Задачи/ Уникальность	Результаты с июля 2023 года
«Образовательная среда»	Развитие общественного диалога об образовании в позитивном ключе, повышение осведомленности общества о значимых событиях в сфере образования.	В неформальной обстановке рассказать широкой общественности о важных инициативах, проектах и обновлениях в сфере образования, ответить на злободневные вопросы, повысить лояльность к настоящему состоянию системы образования и ее перспективному развитию.	17 выпусков; более 6 000 000 просмотров;
«Спасибо за знания»	Повышение престижа профессии учителя, через подчеркивание важности и ценности образования в целом и персонального труда учителей, воспитателей, преподавателей, тренеров и наставников.	Создать уникальные открытки с поздравлениями, которые затем будут отправлены своим учителям и наставникам.	456 100 открыток отправлено; 1 206 публикаций; 15 800 000 охват кампании.
«Молодые Таланты»	Популяризация достижений детей и молодежи, привлечение к научному творчеству.	Формат подкастов набирает популярность в соцсетях, что порождает необходимость использовать его на площадке Минпросвещения России; Молодые таланты рассказывают о своих достижениях лично, приобщая сверстников к творчеству и научному прорыву.	8 выпусков; более 500 000 прослушиваний в «ВКонтакте»; более 60 000 постоянных слушателей.
«Учить.Вдохновлять.Развивать»	Популяризация профессии педагога.	Формировать мотивирующий контент на информационных ресурсах России для привлечения внимания широкой аудитории к профессии педагога.	113 100 публикаций в СМИ и соцмедиа; 92 000 000 охват в соцмедиа.

Публикация постов информационно-просветительского характера осуществляется в официальных аккаунтах в соответствии с медиапланом.

Во втором полугодии 2023 года компания «Диалог» проводила рейтинг среди ведущих министерств и ведомств по работе в социальных сетях. Оценка велась по 14 критериям: Замгендиректора АНО «Диалог» Юлия Полетаева отмечает, что «в рейтинг были добавлены критерии, учитывающие качество работы ведомств с поисковой выдачей и официальными сайтами: таким образом, мы стремимся обеспечить бесшовный подход ФОИВ к работе в интернете» [5]. Так, в ТОП-10 органов власти по работе в интернете вошли: на первом месте Минпросвещения (табл. 1), на втором месте Росмолодежь, на третьем месте ФАС, на четвертом месте Минобрнауки, на пятом месте Минцифры, на шестом месте Минфин, на седьмом месте Минэкономразвития, на восьмом месте Минздрав, на девятом месте Росстат, и замыкает десятку Минкультуры. Стоит отметить, что в первом полугодии 2023 года Минпросвещения было всего лишь на седьмом месте.

Также большую роль в социальных сетях органов власти играют спецпроекты, которые позволяют ведомствам быть на высоких позициях в рейтингах и зарабатывать большую упоминаемость в СМИ. Специальные проекты Минпросвещения России за 2023 год (Год педагога и наставника) представлены в *Таблице 2.*

В своей работе ведущие ведомства страны должны правильно выстраивать информационную политику во избежание утечки данных или любой другой информации, от которой может пострадать имидж ведомства.

Кроме того, Минпросвещения России обеспечивает информационное взаимодействие и мониторинг 335 официальных сообществ региональных министерств образования, 62 аккаунтов подведомственных организаций и около 150 аккаунтов педагогических вузов. В своей работе в соцсетях ведомство демонстрирует креативность, открытость, готовность к диалогу и формирует имидж современного и человекоориентированного ведомства, последовательно воплощающего в жизнь государственную политику в сфере образования и науки. Направление «Производство и публикация» контента включают в себя: формирование контент-плана, подбор инфоповода; написание, редактирование и корректировку материала; подбор визуального сопровождения и создание иллюстраций в едином стиле; ежедневный постинг; обработку материалов, поступающих на площадку сообщества из разделов «Предлагаемые новости»

и «Личные сообщения»; разработку механизмов для проведения конкурсов и акций и формирование сетевых площадок для проведения прямых эфиров; постоянный мониторинг соблюдения правил общения пользователей площадки, установленных в рамках Правил сообщества. Так, за 2023 год Минпросвещения России имеет около 1 000 000 подписчиков в социальных сетях, более 10 000 публикаций на своих площадках (от 26 до 35 публикаций ежедневно), а также более 65 000 поступивших комментариев и личных сообщений [8]. Регулярно осуществлялась публикация рубрик. Они представлены в *Таблице 3*.

Таблица 3

Рубрики в соцсетях Минпросвещения РФ

Название рубрики	Описание	Целевая аудитория	Периодичность
#ДеньвИстории	Рубрика, посвященная важному событию этого дня. Цель — историческое просвещение.	Педагоги, родители, школьники.	Еженедельно по понедельникам.
#ЗагадкиРусскогоЯзыка	Учитель в видеоформате рассказывает интересный факт о русском языке. Развлекательно-познавательный формат.	Педагоги, родители, школьники.	Еженедельно по понедельникам.
#ИсторияЗа60Секунд	Учитель в видеоформате рассказывает интересный факт из истории. Развлекательно-познавательный формат.	Школьники, родители.	Еженедельно.
#УспехСПО	В рубрике рассказывается о студентах и выпускниках колледжей, участниках профессиональных конкурсов. Цель — в формате интервью из первых уст рассказать о рабочих профессиях.	Родители школьников, старшеклассники, студенты колледжей.	Еженедельно.
#ЯПедагог	Популяризация профессии учителя в глазах общественности. Выбранные форматы: карточки и статьи с цитатами педагогов, публикуемые на ресурсах Минпросвещения и педагогических вузов. Рубрика ведется в рамках Года педагога и наставника.	Родители школьников, школьники, студенты, учителя.	Еженедельно.
#СпасибоДиректору	Совместная рубрика с Форумом классных руководителей. Интервью с директорами школ или их коллегами-учителями, цель — рассказывать о выдающихся директорах, посвятивших себя учительской профессии, выступающих наставниками для коллектива. Рубрика ведется в рамках Года педагога и наставника.	Учителя, родители.	Еженедельно.
#ТалантыНацпроекта	Рассказы в формате интервью о талантливых выдающихся детях, которые занимаются в учреждениях, открытых в рамках нацпроекта «Образование»: «Кванториумах», «Точках роста», «IT-кубах».	Родители, школьники.	2 раза в месяц.
#ПросветительскийМаршрут	Развлекательные материалы для школьников, студентов, рассказывающие об интересных исторических локациях. В формате карточек.	Школьники и студенты.	2 раза в месяц.
Анонс событий в сфере образования на неделю	Публикация подборки важных событий на предстоящую неделю в сфере образования.	Родители, учителя, сотрудники образовательных организаций.	Еженедельно по понедельникам.
#СоветыРодителям	Материалы, содержащие полезные советы от экспертов на темы воспитания, планирования досуга, образования.	Родители.	Еженедельно по пятницам.
Советы от Навигаторов детства	Материалы, содержащие полезные советы Навигаторов детства о работе, лайфхаки для учителей.	Учителя.	Еженедельно по вторникам (эксклюзивно на канале в Дзен).
#НашиПобедители	Мотивирующая рубрика, рассказывающая о школьниках — победителях международных олимпиад. Формат: видео или карточки с историями успеха, советами, лайфхаками.	Школьники и родители.	1–2 раза в месяц, в сезон олимпиад — еженедельно.

Главная стратегическая задача коммуникаций в социальных сетях — не просто широкое информирование целевых аудиторий и трансляция ключевых сообщений, а установление прочного контакта с аудиторией, которое достигается обеспечением качественной обратной связи.

Обработка комментариев и запросов подписчиков проводится ежедневно. С целью оптимизации и повышения эффективности данной работы разработана матрица коммуникаций и регламент модерирования сообществ, а также подключена специальная система «Инцидент менеджмент» от АНО «Диалог». Данная система позволяет отвечать на все запросы, поступающие в официальные сообщества в соцсетях, в формате «единого окна» через специальную программу, разработанную системой мониторинга «Медиалогия». Работает на данный момент в двух социальных сетях — «ВКонтакте», «Одноклассники».

Система осуществляет работу круглосуточно, собирая и анализируя обращения и жалобы граждан по различным темам. В зависимости от масштаба проблемы происходит сортировка сообщений по направленности. Профильная структура (ведомство, региональные власти) отрабатывает каждый инцидент в течение суток с момента его регистрации в системе. Ответ автоматически приходит пользователю соцсети через аккаунт отработавшей его структуры.

Выводы. Проанализировав работу органов власти в социальных сетях, мы можем говорить о том, что сейчас они применяют самые последние smm-технологии, активно взаимодействуют со своей аудиторией, делятся официальным контентом, которому можно доверять и забирать на свои личные ресурсы из проверенного источника.

Отдельно стоит выделить Министерство Просвещения и Министерство Культуры России, которые имеют большое количество верифицированных официальных страниц на разных платформах, работают с постоянными рубриками, учитывают запросы пользователей, разрабатывают спецпроекты. Органы власти за последние десять лет значительно трансформировались. На их ресурсах появился живой язык общения с пользователями/подписчиками, они выпускают информативный и познавательный контент. Работа в интернете и на социальных платформах позволяет органам власти оперативно реагировать на текущие события, информировать граждан об изменениях в законодательстве, проводить просветительскую работу. Благодаря социальным сетям можно получать обратную связь от населения, анализировать общественное мнение и учитывать его при принятии решений. Кроме этого, присутствие в интернете позволяет органам власти бороться с дезинформацией, развивать прозрачность и открытость своей деятельности, формировать позитивный имидж и укреплять доверие к власти.

Таким образом, активная работа органов власти в социальных сетях является необходимым инструментом улучшения взаимодействия с гражданами, повышения эффективности работы и создания доступного верифицированного контента.

ЛИТЕРАТУРА

1. В Общественной палате РФ обсудили распространение фейковой информации // РАЕК.— Режим доступа: https://raec.ru/live/branch/10393/ (дата обращения: 16.01.2024).

2. Котенко В. П. Методологические основы анализа медиатехнологий / В. П. Котенко, А. П. Константинова // Библиосфера, 2009.— № 2.— С. 14–15.

3. Диков А. В. Эволюция интернета от наших дней и далее / А. В. Диков // Школьные технологии, 2019.— № 2.— С. 4–5.

4. Статистика роста популярности видеочатов и сервисов видеосвязи за 2020 год: Статистика от 09.02.2021 // Тинькофф Журнал, 2021.— Режим доступа: https://goo.su/8NoGb (дата обращения: 15.01.2024).

5. Паблики для публики: российские госструктуры осваиваются в социальных сетях: Данные от 22.12.2023 // Коммерсантъ, 2023.— Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/6413817 (дата обращения: 15.01.2024).

6. Министерство Просвещения России: официальный сайт.— Режим доступа: https://dzen.ru/minprosvet (дата обращения: 20.01.2024).

7. Министерство Культуры России: официальный сайт.— Режим доступа: https://dzen.ru/minkultury_rf (дата обращения: 20.01.2024).

8. Министерство Просвещения России: официальный сайт.— Режим доступа: https://vk.com/wall-30558759_425947 (дата обращения: 20.01.2024).

Московский педагогический государственный университет

Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования

Абрамова В. Д., магистрант

E-mail: vd.abramova@mpgu.su

Возовиков О. И., кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной

E-mail: oi.vozovikov@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University

Institute of Journalism, Communications and Media Education

Abramova V. D., undergraduate student

E-mail: vd.abramova@mpgu.su

Vozovikov O. I., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Journalism and Communications named after V. A. Slavina

E-mail: oi.vozovikov@mpgu.su

УДК 316.77; 070

ВЛИЯНИЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ДИАЛЕКТОВ НА СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ В ИОРДАНИИ, САУДОВСКОЙ АРАВИИ И ЙЕМЕНЕ

С. Р. Андреевич, А. С. Мохаммад

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 12 марта 2024 г.

Аннотация*: средства массовой информации (СМИ) и сайты социальных сетей представляют собой олицетворение качественного скачка, свидетелем которого стал мир в области информационных технологий. Арабские страны последовали за волной развития СМИ, открыв сотни спутниковых телеканалов и программ, в которых язык выступает в качестве мощного средства убеждения и проявления идентичности. В этой статье рассматривается природа языка СМИ, а также положение арабского языка в лингвистической системе, используемой телевизионными программами.*
Ключевые слова*: телевизионые программы, арабский язык, Иордания, Йемен, Саудовская Аравия.*

Abstract*: the mass media (mass media) and social networking sites represent the personification of the qualitative leap witnessed by the world in the field of information technology. Arab countries have followed the wave of media development by opening hundreds of satellite TV channels and programs in which language acts as a powerful means of persuasion and expression of identity. This article examines the nature of the media language, as well as the position of the Arabic language in the linguistic system used by television programs.*
Keywords*: television programs, Arabic, Jordan, Yemen, Saudi Arabia.*

Проблематика исследования вращается вокруг сравнения арабских социальных программ с точки зрения использования классического (литературного) арабского языка и арабских диалектов (разговорного языка). Так, были выбраны три арабские программы на разных диалектах: йеменский диалект (Йемен), диалект Персидского залива (Саудовская Аравия) и левантийский диалект (Иордания).

Арабский язык является официальным языком в 22 странах, на нем говорят более 1,3 миллиона человек [1, 1]. Только в Египте, по разным данным, существует около 19 арабских диалектов, в Сирии насчитывается около 7 основных диалектов, а в Королевстве Саудовская Аравия — 23 диалекта. Такая же лингвистическая ситуация наблюдается и в других арабских странах.

Классический арабский язык объединил арабские страны и сделал их единым обществом во всех сферах социальной, культурной и политической жизни, что привело к появлению значительных схожих черт между арабскими странами, особенно в вопросах нравственности людей и образе их мышления. Отношения между языком и диалектом — это отношения между общим и частным [2, 16]. Язык обычно включает в себя несколько диалектов, каждый из которых имеет что-то, что его отличает [3, 16]. Во всех диалектах есть общий набор языковых характеристик и речевых привычек, которые составляют самостоятельный язык, отличный от других языков. Арабский же язык считается одним из самых популярных языков в мире благодаря его распространению среди большого числа носителей, географическая зона которых превышает пределы так называемого «Арабского мира» [4, 107].

В этом исследовании был проведен анализ иорданской утренней программы «Мир, о, мир», в которой обсуждаются многие социальные и молодежные проблемы. Она транслируется с субботы по четверг с 8:30 до 11:00 по иорданскому времени на канале *Roya TV* [5, 56].

Программа имеет большое количество подписчиков на своих платформах, в том числе в социальных сетях. Так, на платформе *YouTube* их число составляет 4,2 млн., в *Instagram**[1] — 607 тыс., в *Twitter** — 36,6 тыс., в *Facebook** — 2,1 млн., а в *TikTok***[2] — 387 тыс.

В этой программе количество дикторов достигает пяти (четыре женщины и один мужчина), и эпизоды программы разделены между ними таким образом, что в каждом всегда присутствует два диктора. В дополнение к пяти дикторам, в программе также участвует шеф-повар и шестой диктор, который всегда сопровождает шеф-повара в кулинарном сегменте. Диалог и общение между диктора ведется на иорданском диалекте с использованием некоторых английских терминов. Языком диалога между вещателями является только иорданский диалект,

© Андреевич С. Р., Мохаммад А. С., 2024

[1] * В РФ признаны экстремистскими организациями.

[2] ** Работа этого ресурса приостановлена в РФ.

что обусловлено близостью иорданского диалекта к классическому арабскому языку, а также к большинству арабских диалектов, таких как диалекты Леванта (Ливан, Сирия и Палестина) и египетский диалект, как упоминалось ранее.

Что касается гостей студии, то они могут общаться на иорданском диалекте и употреблять в речи некоторые термины на английском языке без объяснения их значения на арабском. Это связано с тем, что в большинстве иорданских школ и университетов студенты обучаются на английском языке, поэтому английский язык в Иордании сегодня является вторым языком по значимости и распространению.

Также для анализа была взята саудовская программа «Доброе утро, арабы», которая представляет собой утреннюю программу для всей семьи и транслируется с воскресенья по четверг с 8:00 до 10:00 по местному времени Саудовской Аравии [6, 2]. В программе обсуждаются новости моды и искусства, социальные и семейные проблемы, а также вопросы, касающиеся здоровья. Таким образом, в течение двух часов важнейшие события, происходящие по всему миру, транслируются в прямом эфире.

У этой телепрограммы насчитывается 1,32 млн. подписчиков на YouTube, 768 тыс.— в Instagram*, 7,7 млн.— в Facebook*, 2,1 млн.— в Twitter* и 63,9 тыс.— в TikTok**.

В программе «Доброе утро, арабы» количество дикторов достигает пяти (три женщины и двое мужчин). Каждую серию ведут три диктора, которые разделены на ведущие сегменты, в этой программе отсутствует постоянный повар (он меняется каждую передачу). С точки зрения исследователя, причиной того, что на каждую программу приглашаются разные повара, является желание руководства привлечь аудиторию из всех арабских стран, а не только из Саудовской Аравии, поэтому они выбирают шефповаров из всех стран арабского региона, а также выдающихся поваров-иностранцев, проживающих в арабских странах, чтобы продемонстрировать большое количество кулинарных талантов, которыми богат Ближний Восток.

Общение между вещателями ведется на саудовском диалекте, и они редко говорят на классическом арабском языке. Исследователь полагает, что это связано с политикой программы, поскольку ориентирована не только на местное население, но и на привлечение аудитории из всех арабских стран. Поскольку саудовский диалект является диалектом Персидского залива, его больше понимают в странах Персидского залива (Кувейт, Оман, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн), чем в других странах региона.

Что касается языка общения между ведущими и гостями, то это был саудовский диалект с небольшим количеством слов и выражений литературного арабского языка. Если говорить про гостей студии, то каждый из них общался на диалекте своей страны с использованием некоторых терминов из английского или французского языков.

В исследовании также затрагивается йеменская социальная утренняя программа «Ваше утро прекрасно», которая транслируется с воскресенья по четверг с 9:00 до 11:00 по йеменскому времени. В программе обсуждаются проблемы йеменского народа и важнейшие события страны. Зрители делятся важными местными и международными новостями [7, 9].

Количество подписчиков программы «Ваше утро прекрасно» на YouTube составляет 3 587 тыс., а на Facebook* — 900 тыс. подписчиков. Эта программа недоступна на других платформах социальных сетей.

Эту телепрограмму ведут три ведущих — две женщины и мужчина, а языком общения со зрителями является йеменский диалект. Кроме того, есть иорданский повар, который всегда говорит на иорданском диалекте. Литературный арабский язык редко используется в диалоге. Это связано с несколькими основными причинами, в том числе с тем, что Йемен (который располагается на Аравийском полуострове) является родиной арабов, и это является предметом гордости йеменских граждан. По этой причине можно заметить, что граждане Йемена употребляют в своей речи некоторые слова из классического арабского языка. Кроме того, поскольку большинство слов из йеменского диалекта непонятны арабскому зрителю, ведущие иногда заменяют их словами из литературного арабского языка. С точки зрения исследователя, это связано с тем, что другие арабские диалекты, например, диалекты Леванта (Иордании, Палестины, Сирии, Ливана) и египетский диалект, являются близкими друг к другу арабскими диалектами, тем более что эти страны были оккупированы в течение длительного времени. Таким образом, в этих диалектах есть большой пласт французских и английских слов, в зависимости от государства, которое оккупировало ту или иную арабскую страну.

Что касается языка диалога между ведущими и гостями, которые принимали участие в программе по видеосвязи, гостями в студии, гостями в видеорепортажах, то можно отметить, что все гости, присоединившиеся к программе онлайн, были йеменцами, поэтому диалог с ними велся на йеменском диалекте. Гости в студии преимущественно разговаривали на йеменском диалекте, включая некоторые термины из стандартного арабского языка, причем каждый из гостей говорил на своем родном диалекте с употреблением некоторых выражений литературного арабского. Гости видеорепортажей были из различных городов Йемена, и большинство из них — пожилые люди, поэтому языком общения между ними был только йеменский диалект. Это связано с тем, что политика программы больше ориентирована на местную аудиторию, а именно на граждан Йемена.

Основание для сравнения	*Программа «Ваше утро прекрасно»*	*Программа «Мир, о, мир»*	*Программа «Доброе утро, арабы»*
Язык речи (ведущие)	Йеменский диалект	Иорданский диалект	Саудовский диалект и классический арабский язык
Язык речи (ведущие с гостями)	Йеменский диалект и классический арабский язык Язык общения гостя — йеменский диалект и классический арабский язык	Иорданский диалект и английские термины Язык общения гостя — у каждого гостя свой диалект с использованием английских терминов	Саудовский диалект и классический арабский язык Язык общения гостя — у каждого гостя свой диалект с использованием английской и французской терминологии
Язык речи (ведущие со зрителями).	Йеменский диалект и классический арабский язык	Иорданский диалект	Саудовский диалект и классический арабский язык

Несмотря на все вышесказанное, данная работа не будет фокусироваться на утверждениях, характерных для большинства исследований, поскольку она направлена на заполнение одного из пробелов в медиалингвистических исследованиях. Эта научная работа вращается вокруг постановки вопросов и гипотез, раскрывающих корни новой медиалингвистической системы, которая больше не зависит от лингвистической системы родного языка в такой степени, в какой она зависит от других факторов, основанных на возрасте, технологиях и власти. Данное исследование не претендует на уникальность, а скорее идет в ногу с развитием медиалингвистики или того, что называется современным медиадискурсом и его связью с классическим арабским языком. С одной стороны, современный медиадискурс усилил присутствие арабского языка среди доминирующих языков мира, тем самым закрепив отношения «усыновления» между классическим арабским языком и СМИ. С другой стороны, современный медиадискурс преумножил ослабление классического арабского языка на его различных уровнях, что привело к появлению отношений «трансгрессии» между классическим арабским языком и СМИ.

Таким образом, изучение арабских диалектов приводит к выявлению общих черт некоторых современных арабских диалектов. Это также происходит и в отношении диалектов, которые географически удалены друг от друга, независимо от того, связаны ли они с лингвистической точки зрения или социолингвистической.

Конвергенция СМИ повлияла на их нынешнее положение в арабских странах. Большинство традиционных СМИ в Иордании и Саудовской Аравии используют инновационные методы распространения информации: создают разнообразный мультимедийный и интерактивный контент с помощью возможностей технологического прогресса. Это сказалось и на особенностях жанра. Так, самым популярным и востребованным жанром как в традиционных, так и в новых медиа стало интервью.

Язык речи в арабских программах представляет собой смесь классического арабского языка и диалекта, специфичного для каждого региона. Также отметим, что литературный арабский язык в основном использовался гостями, которые говорили в рамках своих научных специализаций. Что касается ведущих программ, то они больше говорили на их собственном диалекте, поскольку исследуемые программы — это социальные программы, отражающие жизнь обычных людей и условия, в которых они живут.

ЛИТЕРАТУРА

1. Махмуд А. Арабский язык / А. Махмуд, Д. Абаза, М. Салама М. // Александрийская библиотека, 2018.

2. Суши Дж. Связь алжирских диалектов с литературным арабским языком / Дж. Суши, Н. А. Бухди. // Университет Мохаммеда Бу Диафа.— Алжир, 2022.

3. Атават Н. А. Влияние арабских диалектов на направление грамматического значения / Н. А. Атават // Бейрутский арабский университет, 2016.

4. Аль-Кассаб Л. Н. Изучение академически разговорных арабских диалектов и их влияние на общий язык / Л. Н. Аль-Кассаб // Университет Вариса Аль-Анбии, 2021.

5. https://roya.tv/program/56 (дата обращения: 03.12.2023).

6. https://www.mbc.net/sabah (дата обращения: 03.12.2023).

7. https://yemenshabab.net/program/9 (дата обращения: 03.12.2023).

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Андреевич С. Р., кандидат филологических наук, доцент кафедры массовых коммуникаций

E-mail: savastenko-ra@rudn.ru

Мохаммад А. С., аспирант филологического факультета

E-mail: serenhijazi1@gmail.com

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Savastenko R. A., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Mass Communications,

E-mail: savastenko-ra@rudn.ru

Mohammad A.S, Postgraduate Student, Faculty of Philology, Department of Mass Communications

E-mail: serenhijazi1@gmail.com

УДК 070.15 + 070.11 + 81’372

НОВЫЕ МЕДИА В ПРОЦЕССЕ МОДИФИКАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНО-ВАЛЕРНОГО ПРОСТРАНСТВА

С. Н. Бредихин, М. В. Каменский, О. С. Шибкова

Северо-Кавказский федеральный университет

Поступила в редакцию 11 марта 2024 г.

Аннотация: *данная статья посвящена анализу суггестивного манипуляционного потенциала аксиоцентрических элементов в дискурсе новых медиа в аспекте модификации концептуально-валёрной системы современного российского общества.*
Ключевые слова: *новые медиа, аксиологические доминанты, концептуально-валерное пространство, поликодовая репрезентация, иллокутивно-перлокутивная корреляция, дискурсивно-модусный анализ, позитивизация и дерогативизация.*

Abstract: *this article is devoted to the analysis of the suggestive manipulative potential of axiocentric elements in the new media discourse in the aspect of conceptual and value system of modern Russian society modification.*
Keywords: *new media, axiological dominants, conceptual value space, polycode representation, illocutionary-perlocutionary correlation, discursive-modus analysis, positivization and derogativization*

Введение. Современное медиапространство представляет собой одну из наиболее эффективных площадок формирования и модификации концептуально-валёрной системы как отдельных социумных групп, которые выступают в качестве таргетных для конкретных топикально детерминированных онлайн-сообществ, так и всех представителей лингвокультуры, и даже в глобальном формате всего человечества. Широта распространения трансформированных элементов концептуально-валёрного пространства зависит исключительно от уровня блендирования когнитивных и эмотивных активов агентов и клиентов медиадискурса в процессе формирования коммуникативной релевантности [1, 118]. Расширение дерогативного пространства антиценностных доминант, представляемых в некоторых либеральных медиа как ориентиры современного прогрессивного общества, и элиминация устоявшихся элементов конвенционализированной концептуально-валёрной системы диктует необходимость анализа потенциально лингвонебезопасного контента и снижения, а в некоторых случаях и полной нивелировки экспликаторов его девиантного перлокутивного эффекта в российском обществе.

Методология исследования. Ключевым методом анализа поликодовых маркеров модификации концептуально-валёрной системы в настоящем исследовании выступает дискурсивно-модусный подход, позволяющий не только выявить элементы дискурсивной актуализации, интенсификации и легитимизации / псевдолегитимизации аксиологических обертонов контента, формирующихся на основе стереотипизированных «якорей» концептуального пространства всего лингвокультурного сообщества [2, 107], но и определить их функционально-прагматическую нагрузку в различных горизонтальных и вертикальных дистрибуциях. Включение в рамки избранного комплексного подхода герменевтико-ноэматического метода, последовательность шагов которого определялась для работы с негомогенными семиотическими пространствами [3, 6–7], позволило определить механизмы конвергенции вербальной семантики и семиотики визуальных компонентов трансформированной конситуативной интерпретации аксиологем в осложненном пространстве «продуцент — модератор — реципиент». Модератор в данном случае выступает в качестве «третичного агента» институциональной коммуникации [4, 138], призванного, но не всегда имеющего реальные и доступные рычаги контроля и корректировки контента, однако формулирующего «общие принципы» создания полимодального текста.

Результаты и дискуссия. Значительная роль новых медиа в процессе модификации концептуально-валёрного пространства объясняется тем фактом, что современная молодежь как один из наиболее передовых в плане использования новых каналов распространения информации одновременно является продуцентом, транслятором и реципиентом новых тенденций в сфере изменения иерархии ценностей. Технические средства коммуникации как непосредственные источники дополнительных возможностей по поиску и корректировке аргументативных компонентов порождаемого реактивного комментария позволяют внести в дистанционную стимул-реактив-

© Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С., 2024

ную интеракцию не только компоненты, отвечающие требованиям «новума» и «творимости», но и существенно сократить ситуацию «даунтайма» [5, 97] (повышения уровня компетентности в обсуждаемом инфоповоде). Медиасреда, которая представляет непрерывный информационно-знаниевый континуум, влияя в процессе импринтизации информационных аксиологических компонентов на концептосферу личности, является трилатеральным (мотивационным — инструментальным — результативным) полем формирования векторов создания ценностей и ориентаций сообщества.

Уровень сущностных и концептуальных смыслов как индивидуального мировидения, так и коллективного мировоззрения в каждой конкретной лингвокультуре реализуется в медиадискурсе на основе социокультурной эпистемной детерминации. Ядерные области ценностно-ориентационного поля, непосредственно влияющие на генерализованные мировоззренческие установки, представляют собой ни что иное как моральные, нравственные и этические ориентиры, фиксирующие расширенные области личных пертинентностей в точках пересечения с общим полем релевантности [6, 22]. Таким образом, личностные модифицированные и транслируемые в медиасреде аксиологемы приобретают статус не только общедоступных, но и общезначимых, способных по аналогии втягивать в модифицированное пространство ассоциированные элементы концептуально-валёрной системы. Они начинают формировать и определять цели, смысл и сущность не только коммуникативной интеракции, но и реальных действий каждого из реципиентов. Налицо деятельностно-идеологический потенциал новых медиа, ведь новые векторы аксиологизации, находящие в них экспликацию, выступают мощным средством объединения индивидуумов в целостные группы на основе общего ядра ценностных установок, получающих политическую коннотацию в конкретных условиях описания того или иного события.

Прежде всего, необходимо четко делимитировать и определить термины «концептуально-валерная система» и «ценностно-ориентационное пространство». Ценностные ориентации как таковые дефинируются большинством современных исследователей как ядро (ось) центростремительного движения [7, 181] значимостных, утилитарных, нормативных, целесообразных компонентов воспринимаемого и интерпретируемого в конкретной ситуации феномена. Ценность представляет из себя некий идеальный конструкт, который формируется на основе контаминаций и уступок в пертинентностных сферах коллективным сознанием и включает в себя «представление об атрибутах должного в различных сферах общественной жизни» [8, 763]. Именно облигаторность контаминированных компонентов и принципиальная невозможность определить четкое место этого всеобщего в иерархии личных значимостей, что основано на концептуально-когнитивных механизмах намеренного «очуждения» единой канвы описания, энтропии парадигматических связей общих и индивидуальных значимостных компонентов [9, 77], отличает ценностно-ориентационное пространство от концептуально-валерной системы. И если исходные архетипические ценности иррадиируют из симпраксической области в духовную сферу (см. А. Маслоу о детерминации устремлений и идеалов базовыми потребностями [10, 108–109]), то компоненты концептуально-валерного пространства изначально имеют противоположный вектор «изнутри вовне» соотнесения реальных действий с «внутренним миром».

Ценностно-ориентационное пространство характеризуется наличием в нем дискретных единиц, которые могут быть иерархизированы только по степени интенсивности их имплементации в общекультурное пространство на доминантные и вариантные, к которым на основе актуализации полярной архетипической оппозиции «хорошо — плохо» и распространенности только в миноритарных маргинальных социумных группах можно присовокупить девиантные [11]. Единицы концептуально-валерной системы предполагают несколько вариантов иерархического распределения: 1) на основе уровня представленности пертинетностных компонентов (внутренние, модальные, интерпретационные); 2) на основе интенсификации коллективных когитем (базовые, частично-разделенные, периферийные); на основе соответствия пертинентностей общей релевантности (индивидуальные, социумные, лингвокультурные, цивилизационные, общечеловеческие). Корреляции ценностно-ориентационного пространства и концептуально-валерной системы могут быть описаны как соотношение аморфно-целостной гетерогенной системы и дискретно-элементарной гомогенной общности, т.е. вторая служит базисом для осмысленного формирования и структурирования первого.

Таким образом, все ценностные ориентиры, входящие в доминантную группу, получают более детализированную классификацию как выстраиваемые на основе базовых внутренних общечеловеческих / цивилизационных элементов концептуально-валерных систем, т.е. необходимость их включения в индивидуальные пертинентности диктуется стремлением следовать нормам социального большинства, а открытое отрицание порицается всем сообществом. Примеры конфликтивизации коммуникативной интеракции в медиапространстве легко проследить на комментативных микроконтекстах к инициальным статьям.

В рамках анализа конкретных микроконтекстов, извлеченных из текстов комментариев к публикациям в социальных сетях, авторы оставляют за собой право элиминировать компоненты, носящие экстре-

мистский характер и разжигающие межнациональную вражду в соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. (в ред. от 14.02.2024 г.). Вышеозначенные компоненты высказываний будут заменены нейтральными описаниями и снабжены авторским комментарием.

Например, реактивный пост под видеотрансляцией сюжета о политических акциях на спортивных мероприятиях строится на отрицании базовой общечеловеческой максимы об этническом плюрализме и соответственно пытаются в конситуативно детерминированном пространстве ввести девиантные (интерпретационные периферийные социумные) компоненты как основу для модификации ценностно-ориентационного пространства: *… (авторами удалено обращение, указывающее на этническую принадлежность автора предыдущего комментария), на язык вы хорошие, но* ***нутро у вас гнилое. Жаль что …*** *(авторами удалена аллюзия к прецедентному событию геноцида в период Второй Мировой войны)* [12].

Это в свою очередь создает точку бифуркации, формируя два девиантных вектора конфликтивизации: 1) согласие и радикализация (конкретизирующая прямая экспликация в форме этнофолизмов): ***Вечных мучений вам в могиле …*** *(авторами удален этноним)* [12]; 2) неприятие и демонстративная маргинализация социумно ограниченных компонентов (в форме инвективов к автору инициального комментария): *Медина,* ***пасть захлопни полуграмотная****. (авторами удален этноним) очень хорошие люди* [12].

Следует отметить, что трансляция вариативных компонентов ценностно-ориентационного пространства, формирующихся на основе модальных частично-разделенных социумных и лингвокультурных элементах концептуально-валёрной системы образует специфическую область толерантного отношения, однако не может интерпретироваться в качестве синтонов, т.е. дискурсивных маркеров гармонизации дистантной медиакоммуникации. Так, этнокультурно детерминированные ценностные ориентиры зачастую эксплицируются в форме аллюзивных поликодовых ассоциатов, которые призваны объединить на основе традиционных аксиологических компонентов конкретную социумную таргетную группу реципиентов и посредством визуального кода не только привлечь внимание читателей, но и добиться максимально широкой трансляции вариативных компонентов. В данном случае дискурсивно-модальные маркеры создают единое иллокутивно-перлокутивное пространство взаимодействия на основе единого аксиологического актива (нравственного, религиозного, корпоративно-профессионального и т.п.).

Например, в блоке региональных новых медиа в Карачаево-Черкесской Республике при обсуждении инициальной публикации о результатах резолюции Генассамблеи ООН «О защите гражданского населения и соблюдении правовых и гуманитарных обязательств» в рамках глобальной актуализации информационного повода «Кризис в Газе» достаточно четко прослеживается попытка модификации позитивной области традиционных исламских ценностей и вывод их в дерогативную область на основе конситуативного ассоциирования. По сути, подобные поликодовые единицы в реактивном комментарии становятся инициаторами обсуждения описываемого события в оценочном ключе в форме реализации языка вражды, с завуалированным призывом к насилию в виде молитвы, дуа, как в графическо-архитектонической форме (см. рис. 1), так и в вербальной полиязычной дублирующей репрезентации: «اللهم احصهم عددا واقتلهم بددا ولا تغادر منهم احدا. О Аллah, сочти их число, и уничтожь их одного за другим, и не оставляй из них никого!».

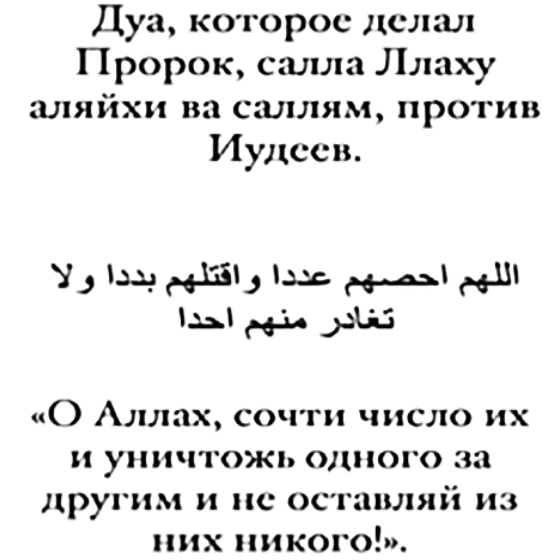


Рис. 1. Поликодовый элемент интенсификации вариативных ценностей в форме дуа

Множественная трансляция вербального компонента данного репрезентанта псевдоаргументированного (argumentum ad verecundiam) ad hoc употребляемого (по отношению к определенной нации) фейкового высказывания демонстрирует высокий уровень манипулятивного потенциала частично-разделенных этнорелигиозных аксиологем в процессе модификации всей концептуально-валёрной системы. Отдельно стоит отметить, что в случае инициальной реакции, призывающей онлайн-сообщество к обсуждению именно не самой статьи, а ситуации объективной реальности, присутствует намеренное искажение смысла текста молитвы. Продуцентом утверждается, что автором данной дуа является Пророк Мухаммед, призывающий встать против одной из наций. Однако в оригинале молитва является частью хадиса № 1509 суннитского сборника «Сады праведных» Имама Ан-

Навави [14], повествующего о Хубайбе ибн Адие, которому и принадлежит авторство. Дуа была связана с сыновьями аль-Хариса, который был арабом-язычником и одним из противников зарождающегося ислама. Все это говорит о присутствии в ряду способов модификации концептуально-валерной системы сообщества отдельных приемов жесткого языка вражды, например, интенционального семантического сдвига или искажения генерализованного смысла.

Кроме того, в качестве визуального компонента объективного аргументированного подтверждения инициальной статьи приводится снимок результатов голосования по принятой Генассамблеей ООН резолюции [15], который в силу специфики комментирования в чате постоянно транслируется и создает топикальное единство гипертекста, что существенно облегчает не только восприятие актуальной дифференциации представителей мирового сообщества по обсуждаемому вопросу, но и демонстрирует, своего рода, градуальную шкалу «принятия — непринятия» частично-разделенных элементов. Общим итогом трансляции вариативного компонента в глобальное пространство медиасреды является актуализация рассматриваемого прецедентного элемента пропозиции (инфоповода) в поликодовых единицах нарративного формата, построенных на компиляции визуального образа или сопровождаемых вербальным мультиязыковым кодированием [16, 78].

Девиантные ценности, формируемые на основе трансляции в медийной сфере интерпретационных периферийных индивидуальных элементов концептуально-валёрных систем, представляют собой сферу чистого табуирования и являются прямыми маркерами интенциональной конфликтивизации комментативного дискурса. Их модификационный потенциал является сравнимым с социумно релевантными девиантными компонентами, поскольку они всегда эксплицируют область антиценностей, контрастирующих не только с общечеловеческими, но и с частично-разделяемыми социумно детерминированными компонентами.

Например, при обсуждении ситуации награждения Адама Кадырова двумя орденами регионального значения можно наблюдать использование окказионального оценочного номинанта, который в современных условиях консолидации российского общества прогнозируемо вызовет максимальную конфликтивизацию в комментариях: *Gulizar,* ***обоснованные тезисы?****) Неплохо, неплохо. Электричество и вода есть, но не всегда, и не везде, в казалось бы* ***богатейшей ...*** *(авторами удален окказиональный номинант инвективной семантики), которая* ***...здит*** *про многополярный мир, про ярчайшую* ***экономику, на серьезных щах!)*** [17].

В данной реакции на комментарий к инициальной статье присутствие удаленного в микроконтексте окказионального пейоратива, образованного лексико-синтаксическим способом (слово-телескоп), на основе контаминации дерогативной и позитивной семантики первого компонента (**раб**) и второго компонента (**Россия**) с интенциональным маркированием негативизации, манифестирует индивидуальные периферийные интерпретационные значимостные характеристики номинируемого феномена. Данный окказионализм создавался с намерением не просто эксплицировать презрение продуцента сообщения к государству, но и оказать прямое воздействие на реципиентов с целью разжигания национальной вражды и экстремизма.

Таким образом, можно заключить, что вышеописанная группа модификационных компонентов является наиболее «неэкологичной» и несоответствующей требованиям лингвобезопасности комментативного контента в новых медиа, однако имплицитная для автоматизированного модерирования семантическая репрезентация позволяет избежать их распознавания и удаления. Употребление окказиональных или ситуационно и контекстуально семантизируемых пейоративов в сочетании с маркерами эпистемической модальности неуверенности (в вышеприведенном микроконтексте *казалось (бы)*) создает иллюзию аргументированного обсуждения ситуации, а контраст данных компонентов делиберативности (сомнения) с маркерами конвиктивности (уверенности) (в указанном примере *обоснованные тезисы?*) усиливает манипулятивный потенциал высказывания. Сопровождение же маркеров конвиктивности символьно-графическим знаком вопроса (*?*) и типографским обозначением эмодзи (*)*) приводит к повышению степени диалогичности поста, т.е. действует как скрытый инвитив.

Выводы. Современное состояние медиапространства в новых формах репрезентации контента характеризуется тенденцией к модификации концептуально-валерных систем на основе конвергенции индивидуальных пертинентностей и элементов коллективной релевантности. Влияние новых медиа на ценностно-ориентационное пространство лингвокультурных сообществ можно описать как «аксиологическую революцию».

Каждый из элементов концептуально-валерной системы предполагает описание по трем векторам интенсификации (внутренние базовые цивилизационные / общечеловеческие, модальные частично-разделенные социумные / лингвокультурные, интерпретационные периферийные индивидуальные / социумные) и на основе соответствия пертинентностей общей релевантности. Конситуативно транслируемые компоненты концептуально-валёрной системы служат базисом для осмысленного формирования и структурирования ценностно-ориентационного пространства.

Наиболее эффективными механизмами в процессе модификации концептуально-валёрных систем являются операции с девиантными интерпретационны-

ми периферийными элементами социумной детерминации, которые образуют область ситуативных противоречий базовым внутренним общечеловеческим / цивилизационным аксиологемам. Вариативные модальные частично-разделенные элементы как ряды толерантно воспринимаемых потенциальных кофликтогенов ведут к появлению точек бифуркации общественного мнения (согласие — неприятие).

Ситуативная конфликтивизация в новых медиа имеет тенденцию к дерогативизации ядерных областей концептуально-валёрной системы, что ведет к снижению уровня лингвобезопасности и изменению ценностных ориентаций онлайн-сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бредихин С. Н. Когнитивный блендинг как основа создания релевантности высказывания / С. Н. Бредихин, О. С. Шибкова, С. В. Гусаренко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.— 2023.— № 4.— С. 118–128.
2. Бредихин С. Н. Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира / С. Н. Бредихин, Н. А. Пелевина.— Ставрополь, 2021.— 171 с.
3. Бредихин С. Н. Ноэматическая структура смыслопорождения в философском дискурсе: автореф. дис. … д-ра филол. наук / С. Н. Бредихин.— Нальчик, 2014.— 38 с.
4. Бредихина Ю. И. Tertiariis agens как фактор институционализации дискурса социальной работы / Ю. И. Бредихина // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем.— Вып. 4.— Ставрополь 2019.— С. 136–141.
5. Пугоева А. О. Когнитивный стиль как основа алгоритмизации вербально-когнитивной деятельности в академическом дискурсе / А. О. Пугоева, Г. Н. Манаенко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.— 2023.— № 3.— С. 91–101.
6. Бредихина Ю. И. Контаминационные механизмы формирования общего иллокутивного пространства / Ю. И. Бредихина // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.— 2023.— № 3.— С. 18–28.
7. Лобза О. В. Ценностные ориентации и их взаимосвязь с личностными особенностями студентов / О. В. Лобза, В. А. Короткова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования.— 2022.— Т. 11.— № 2А.— С. 180–191.
8. Философский энциклопедический словарь.— М., 1983.— 839 с.
9. Пелевина Ю. И. Специфика трансформации и адаптации заимствованных терминологизируемых понятий в терминосистемах промежуточного типа: дис. … канд. филол. наук: / Ю. И. Пелевина.— Ставрополь, 2022.— 199 с.
10. Маслоу А. Самоактуализация / А. Маслоу // Психология личности. Тексты.— М., 2002.— С. 108–117.
11. Kluckhohn F. Dominant and variant value orientations / F. Kluckhohn // Personality in nature, society, and culture / C. Kluckhohn & H. Murray (Eds.).— NY: Alfred A. Khopf, 1953.— P. 342–357.
12. В Шотландии болельщики ФК «Селтика» подняли палестинские флаги во время матча Лиги чемпионов против мадридского «Атлетико» в свете конфликта с Израилем // Нетипичная Махачкала.— Режим доступа: https://vk.com/wall-34422067_24340770?thread=24340778&reply=24340857 (дата обращения: 06.03.2024).
13. اَدَحَأْمُهْنِمْرِداعُت الَو ،اَدَدَبْمُهْلُتْقاَو ،اَدَدَعْمِهِصْحَأَمُهَّلَلا [Электронный ресурс] // ЧП КЧР чат. 27.10.2023 (23:56).— Режим доступа: https://t.me/chp_kchr/9942?comment=380486 (дата обращения: 06.03.2024).
14. Ан-Навави М. д.д. А. З. б. Ш. Сады праведных.— М., 2008.— 766 с.
15. Генассамблея ООН приняла резолюцию «О защите гражданского населения и соблюдении правовых и гуманитарных обязательств» по продолжающемуся кризису в Газе // ЧП КЧР чат 27.10.2023 (21:32).— Режим доступа: https://t.me/chat_chp_kchr/38043 (дата обращения: 28.02.2024).
16. Марченко Т. В. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов / Т. В. Марченко, С. Н. Бредихин // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики.— 2023.— № 2.— С. 70–85.
17. Сразу 2 ордена получил 15-летний сын Кадырова // Нетипичная Махачкала.— Режим доступа: https://vk.com/wall-34422067_24339819?thread=24339827&reply=24344956 (дата обращения: 28.02.2024).

Северо-Кавказский федеральный университет

Бредихин С. Н., доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода

E-mail: bredikhinsergey@yandex.ru

Каменский М. В., доктор филологических наук, заведующий кафедрой лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации

E-mail: stavdev@mail.ru

Шибкова О. С., доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка

E-mail: oksana_shib@mail.ru

North-Caucasus Federal University

Bredikhin S. N., Doctor of Philology, Professor of the Department of Translation Studies

E-mail: bredikhinsergey@yandex.ru

Kamensky M. V., Doctor of Philology, Head of the Department of Linguistics, Linguodidactics and Intercultural Communication

E-mail: stavdev@mail.ru

Shibkova O. S., Doctor of Philology, Head of the Department of English Language

E-mail: oksana_shib@mail.ru

УДК 070

«ЧТЕНИЕ С ПРОДОЛЖЕНИЕМ»: ИСТОРИЯ ПОЯВЛЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАДИОФОРМ

Н. А. Гааг

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 марта 2024 г.

Аннотация: *в статье изучается исторический опыт появления литературного театра у микрофона: как зарождалась форма «чтения с продолжением», какие произведения звучали в эфире, как редакторы работали с литературным материалом, сохраняя специфику радио и авторские размышления.*
Ключевые слова: *литература, радиотеатр, чтение у микрофона, артист.*

Abstract: *in the article it is examined the historical experience of the emergence of literary theater at the microphone. How the form of «reading with continuation» was born, what works sounded on the air, how editors worked with literary material, preserving the specifics of radio and the author's reflections.*
Keywords: *literature, radio theater, reading at the microphone, artist.*

Художественное чтение возникло давно. Многие театральные актеры и, прежде всего, один из основоположников русской актерской школы Михаил Щепкин публично читали произведения художественной литературы. С чтением произведений выступали писатели прошлого века, в том числе Н. Гоголь, и многие выдающиеся писатели нашего века: А. Толстой, В. Маяковский и др. Это был своего рода «авторский театр», и его принципы легли в основу литературной эстрады, где творчество писателя переходит в искусство чтеца. Правда, Маяковский считал, что понять писателя, донести его мысли, ритм, ощущения до слушателя может только сам автор. «Вот сдохну, и никакой черт не сумеет так прочитать. А чтение актеров мне прямо противно»,— говорил поэт [1, 164]. Он не догадывался, что спустя годы его стихи будут охотно читать актеры, и в каждом из них будут жить заложенные автором интонация, ритм и мелодика.

Уже на этапе зарождения литературного театра у микрофона появилась плеяда искусных чтецов: О. Абдулов, Д. Орлов, В. Яхонтов, А. Закушняк, В. Качалов, И. Ильинский, Д. Журавлев, М. Бабанова, Э. Гарин и мн. др. Предпочитая классические произведения, они в процессе работы познавали и отрабатывали интонационные интерпретации. «Нетрудно заметить, что уже в этой первичной форме освоения художественного произведения посредством чтения успешно пробивает себе дорогу публицистическая тенденция: рассказывать так, чтобы слушатели почувствовали себя очевидцами» [2, 147]. В отличие от зримых искусств (театр, кино) исполнение литературных произведений по радио в большей степени было близко к первоисточнику, что по достоинству смогли оценить и сами писатели, и слушатели.

В начале вещания редакторы радио старались сократить литературные произведения, оформляя их шумами, музыкой. По мнению Ю. Бараневича, такие сокращения «способствовали выражению полноты идейного содержания произведения» [2, 151]. Впервые форму *«чтения с продолжением»* использовали в 1935 г. Тогда в течение двух лет Всесоюзное радио передавало цикл художественных, музыкальных, литературных, театральных программ, приуроченных к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина. В студиях работали Вс. Мейерхольд, А. Таиров, актеры МХТ, Вахтанговского театра. «Пушкинский юбилей способствовал развитию жанра "постановочного чтения"», сочетающего в себе характерные особенности театра и эстрады» [3, 39]. Жанр, рожденный на эстраде, именно на радио стал перспективной формой адаптации произведений литературы. Редакторы понимали, что сокращение может испортить обаяние литературного первоисточника, именно поэтому «литературные чтения» стали многосерийными. Иногда создатели сериалов записывали полный текст произведения, без сокращений, а порой сосредоточивали внимание на главной мысли книги и основных интонациях автора. С циклом из двух-трех передач у микрофона еще в 1930-е гг. выступали разные актеры. Но «многосерийность» в полном значении этого слова утвердил в эфире Д. Орлов, каждая работа которого была событием. Он читал у микрофона «Чапаева» Д. Фурманова, отрывки из пьесы В. Вишневского «Первая конная» — произведения, отвечающие духу времени и политике партии.

Форма «чтения с продолжением» стала наиболее актуальной в годы Великой Отечественной войны. А. Рубашкин в своей книге «Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады» не просто описывает программы военных лет, он дает нам уникальную информацию о великой силе радио, действующего в са-

© Гааг Н. А., 2024

мые тяжелые для страны годы. Также в дни блокады особое развитие получила *серийная радиопьеса.* Здесь мы хотим разграничить понятия сериала и серии.

Серия — состоящее из нескольких частей одно произведение, в котором, каждая часть закончена сюжетно и где реализуется закон единства места, времени и действия. Каждую передачу можно слушать и в обычном порядке, 1–2–3, и выборочно. *Сериал* принципиально отличается тем, что все передачи в нем объединяются общими героями, сюжетными коллизиями, создающими напряжение драматургии, когда в конце каждой передачи — кульминация, а в начале следующей — развязка.

В 1942 г. еженедельно в эфире звучала серийная радиопьеса «Новые похождения бравого солдата Швейка» по сатирической повести М. Слободского, которая печаталась с продолжением в «Огоньке». «Короткая, но регулярная радиопьеса будила угасающую фантазию, чувство юмора — и эта «радиопсихотерапия» была отнюдь не бесплодным делом» [4, 87]. Литературный текст о забавных похождениях Швейка в полноценную передачу оформляли редактор Н. Ходз, актер И. Горин и режиссер К. Миронов. Каждую можно было повторять отдельно, что, вероятно, и делали редакторы радио.

И еще один пример многосерийного спектакля, поставленного в годы войны на ленинградском радио — фантастическая радиопьеса Н. Паперной «Амулет». В этом многосерийном спектакле уже наметились принципы сериала — действие каждой передачи имеет начало и конец истории, в каждом эпизоде действует несколько актеров, каждая передача оформляется определенными звуками и музыкой, вначале ведущий или герой-повествователь коротко напоминает сюжет предыдущей.

Радиоадаптации, особенно многосерийные, ориентировались, прежде всего, на встречу слушателей с известными актерами. Обычно такие программы составляли 6–8 серий. Делить произведение на большее количество серий редакторы не решались: трудно было организовать актеров и удержать внимание слушателей. Соответственно, и большие романы на радио не звучали. Но эпопея А. Толстого «Хождение по мукам» с Л. Касаткиной и В. Тихоновым была оформлена в 18 серий. Еще более сложную задачу поставили перед собой автор композиции, режиссер Б. Дубинин, и актер М. Ульянов, когда решили подготовить широкомасштабную постановку по роману М. Шолохова «Тихий Дон». В свое время этот роман на радио ставили в разных формах. В конце 1930-х гг. в эфире прозвучали «многосерийные» чтения «Тихого Дона» в исполнении одного актера — Д. Орлова. Это были больше радиокомпозиции отдельных глав романа, текст которого был перекомпонован так, чтобы слушатель обратил внимание на наиболее эмоциональные и значительные ситуации. В 1950-е гг. в эфире прозвучала радиоверсия театрального спектакля по роману Шолохова, а затем в 1977 г.— 64 серии «постановочного чтения» «Тихого Дона». Этот многосерийный сериал в эфире звучал два с половиной года, а подготовительный период занял около восьми лет. М. Ульянов сыграл 338 персонажей и воссоздал 338 характеров. «Интересно, что сам актер, говоря о своих персонажах, употреблял не слово «сыграть», а совсем другой глагол — «понять» [5, 289]. Помогали актеру фольклорный ансамбль под управлением Д. Покровского, который исполнял казацкие песни «из первоисточника», и музыка Д. Шостаковича.

В свое время исследователь радиотеатра Т. Марченко, проводя различие между радиоспектаклем и постановочным чтением, утверждала, что голоса героев в радиоинсценировке звучат намного свободнее, они не ограничены сюжетом, жестким действием, в отличие от «чтений». Позволим не согласиться с исследователем. В том же «Тихом Доне» один актер М. Ульянов силой мастерства смог показать нам и Аксинью, и Григория Мелехова, и других героев шолоховского романа. Дело не в использовании «голосового грима», а в силе словесно-звукового образа, в магии текста, который актер смог сохранить и которая была максимально подчеркнута спецификой радио — развивать в сознании слушателя свой «театр воображений».

ЛИТЕРАТУРА

1. Музыря А. А. Искусство слышать мир: молодежи об искусстве (эстетическая природа радиовещания) / А. А. Музыря.— М.: Искусство, 1989.— 270 с.

2. Бараневич Ю. Д. Жанры радиовещания: проблемы становления, формирования, развития / Ю. Д. Бараневич.— Киев; Одесса: Вища школа, 1978.— 194 с.

3. Радиожурналистика: учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика» / Н. С. Барабаш и др.; под ред. А. А. Шереля.—М.: Изд-во Моск. ун-та; Наука, 2005.— 477 с.

4. Марченко Т. А. Радиотеатр: страницы истории и некоторые проблемы / Т. А. Марченко.— М.: Искусство, 1970.— 221 с.

5. Шерель А. А. Рампа у микрофона: театр и радио: пути взаимного влияния / А. А. Шерель.— М.: Искусство, 1985.— 301 с.

Воронежский государственный университет

Гааг Н. А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры электронных СМИ и речевой коммуникации

E-mail: oblakosna@yandex.ru

Voronezh State University

Gaag N. A., Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Electronic Mass Media and Communication Department

E-mail: oblakosna@yandex.ru

УДК 070

ЭВОЛЮЦИЯ НОВОСТНОГО РАДИОВЕЩАНИЯ ДНР В УСЛОВИЯХ ДИГИТАЛИЗАЦИИ

Т. В. Гудова

Донецкий государственный университет

Поступила в редакцию 2 марта 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется новостное радиовещание ДНР через призму актуальности и эффективной деятельности данного вида СМИ. Описаны проблемы влияния политической ситуации в стране на создание новостной повестки, а также технического оснащения действующих радиостанций Республики. Также изучены методы повышения популярности новостного радиовещания ДНР в условиях дигитализации, что имеет принципиальную важность для формирования стратегии дальнейшего развития современного информационного радиовещания как в Республике, так и во всей стране.*
Ключевые слова: *радиовещание, региональные радиостанции, дигитализация, стратегия развития.*

Abstract: *the article analyzes the news broadcasting of the DPR through the prism of the relevance and effective activity of this type of media. The problems of the influence of the political situation in the country on the creation of the news agenda, as well as the technical equipment of the existing radio stations of the Republic are described. The methods of increasing the popularity of the DPR news broadcasting in the conditions of digitalization have also been studied, which is of fundamental importance for the formation of a strategy for the further development of modern information broadcasting both in the Republic and throughout the country.*
Keywords: *radio broadcasting, regional radio stations, digitalization, development strategy.*

Информационно-коммуникационные технологии за последние годы совершили значительный скачок вперед. Глобальный рынок производства новостей переживает серьезные изменения, из-за чего с каждым годом все большее распространение приобретают конвергенция и дигитализация средств массовой информации, которые трансформируют свой контент для нового простого восприятия. Научно-технологический прорыв ознаменовал и техническое устаревание уже существующих форм коммуникации. В связи с этим традиционные СМИ вынуждены адаптироваться к новым реалиям и изменениям, чтобы оставаться актуальными и пользоваться востребованностью.

Технологические перемены ознаменовали появление нового типа потребления актуальных данных. Вся информация сегодня попадает к человеку, выросшему в эпоху цифровой революции — *digital tribe* (цифровое поколение), это абсолютно новый тип людей, воспринимающий информацию принципиально по-другому. Под воздействием современных тенденций традиционные медиа сталкиваются с проблемой турбулентности и поиска новых форматов работы.

Особенно это касается классических редакций, работающих в стиле *hard news* (серьезные новости), поскольку добавлять что-то новое в устоявшуюся годами форму подачи довольно проблематично. Ориентированность массовой аудитории на развлекательный формат вместе с растущей популярностью сетевых медиа несет в себе угрозу полной деактуализации привычных институтов журналистики.

В связи с вышеописанными проблемами возникает вопрос будущего линейного новостного вещания, в особенности на радио. На протяжении многих лет именно этот вид СМИ, распространяя социально важную информацию на широкую аудиторию, был среди самых актуальных и быстрых медиа. Естественно, сегодня радио еще рано списывать со счетов. Так, согласно данным отраслевого доклада Российской академии радио, 80% россиян слушают радио хотя бы раз в неделю, 55% — хотя бы раз в сутки. В первом полугодии 2022 года цифра ежедневных радиослушателей составила 60 млн. человек, это около 40,9% населения страны (по данным Росстата, на 1 января 2023 г. в РФ проживало 146424729 постоянных жителей) [1]. Это достаточно убедительный показатель.

Цифровое поколение отдает предпочтение развлекательному контенту вместо новостного, и потреблять его ему гораздо удобнее из обычной социальной сети. К слову, сегодня даже мировые политики отдают предпочтение ведению собственной страницы в соцсети. Представители истеблишмента считают, что информация, опубликованная на собственной странице, гораздо быстрее дойдет до массовой аудитории, нежели заявления, сделанные в эфире

© Гудова Т. В., 2024

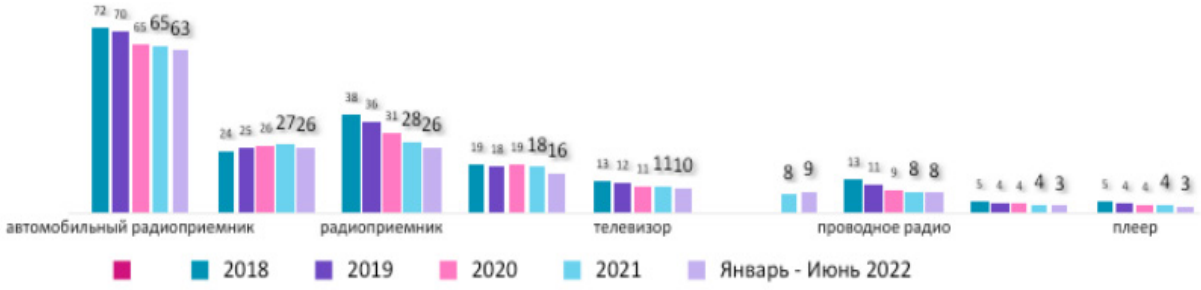
телеканала или радио. К примеру, до блокировки экспрезидента США Д. Трампа в Twitter, который активно использовал данную площадку,— интернет-пользователи узнавали о решениях президента раньше, чем через традиционные СМИ, именно оттуда.

Поэтому тенденции, определяющие развитие новостного радиовещания в ближайшие годы, можно разделить на несколько направлений. Во-первых, это интерпретация новостного радиоэфира в интернет-пространстве. Каждое серьезное СМИ сегодня имеет собственные аккаунты в социальных сетях, которые к тому же являются основной рекламной площадкой СМИ, поскольку число ежедневных интернет-пользователей в разы превосходит аудиторию телеканала или радио. Однако привлечение возможностей Всемирной сети открывает ряд трудностей перед профессиональными редакторами, которые всю жизнь занимались традиционной интерпретацией новостей. Так, простого опубликования записи радиоэфира в своем аккаунте будет недостаточно. Новостной эфир радио уместен только на радио, в Глобальной сети он должен принять абсолютно иной вид и форму. Вести онлайн-платформы должен специалист, который будет учитывать специфику и модусы потребления контента интернет-пользователями [2].

Во-вторых, важным аспектом является взаимосвязь со своей аудиторией. К сожалению, ситуация сегодня в этом направлении неблагоприятная: можно констатировать отсутствие реальной коммуникации между новостными редакциями и современными слушателями. Произошло это из-за недостаточного внимания к анализу предпочтений и актуальных паттернов поведения аудитории.

В ДНР, как и по всей России, радиостанции сегодня делятся на две главные категории — новостные и музыкальные. Если музыкальные в эпоху цифровой революции смогли быстро перестроить свое вещание, задействовав как интернет, так и элементы других СМИ (трансляция эфира из студии в прямом эфире, привлечение операторов и медийщиков из онлайн-среды), то с новостным контентом все сложнее. Перестроить работу редакции и выйти в онлайн-формат не так просто, поскольку процесс создания новостей все-таки сложнее музыкального формата. Однако федеральные и региональные радиостанции сегодня активно внедряются в интернет, работая, прежде всего, в качестве информационного агентства. В соцсетях радиоканалов размещается информация о предстоящих эфирах, анонсы, эксклюзивные подробности и внеэфирные материалы. Многие из них создают на базе радиостанции информационный конвейер, т.е. включают конвергентную составляющую, публикуя актуальные новости сначала в сети, а после — включают их в новостной радиоэфир [3].

Для удержания своих позиций современное радио должно работать в формате 360°, настроить коммуникацию со слушателем не только через радиоприемник, но и через smart-телевизоры, компьютеры, смартфоны, умные колонки и другие современные умные девайсы. В последнее время особо востребованными стали плееры на сайтах и в мобильных приложениях радиостанций. Онлайн-платформы также усиливают позиции радиостанции в итоговом зачете. Радио продолжает удерживать аудиторию, прежде всего из-за доступности: чтобы воспользоваться им, больше не нужно покупать дополнительные устройства, достаточно зайти в приложение на телефоне, включить приемник в машине или зайти на сайт.



Способы слушания радио в России,% (за месяц)
Динамика выбора способа слушания радио среди общей аудитории за месяц в 2018 г.— первом полугодии 2022 г. в проекте «Radio Index — Россия 100+» (возраст 12+) [4]

Новостное радиовещание в ДНР представляет собой традиционную систему оповещения населения об актуальных темах жизни региона. Наиболее востребованной является радиостанция «Республика», которая начала свою работу в 2014 г. и позиционирует себя как первое независимое от Украины средство массовой информации ДНР, полностью информационное. Киевская агрессия к жителям Донбасса, начало СВО на Украине привели к резкому скачку потребности населения в оперативном информировании. Не требующее особого технологического оснащения, радио заняло нишу главенствующего СМИ в регионе, поскольку на многих территориях из благ цивилизации не осталось ровным счетом

ничего. Именно радио стало основным источником связи с внешним миром, получения жизненно необходимой информации.

Эпоха цифровизации, конечно же, затронула и радиовещание, переход с аналогового вещания на цифровое идет достаточно быстро, радиус покрытия частотами постоянно увеличивается, связь улучшается, что благоприятно сказывается на развитии рынка. К тому же после вхождения ДНР на правах субъекта в состав Российской Федерации стремительно развивается четвертое и пятое поколение мобильной связи (4G и 5G).

Улучшение качества связи положительно влияет на развитие радио, при разработке программ для телеком-операторов. Это, безусловно, можно отнести к благоприятным условиям развития радиовещания в ДНР.

Основная же проблема данного медиа в нашем регионе состоит в техническом оснащении. Это касается не всех аспектов, но оно на сегодня «ключевое»: оборудование на радиостанциях нуждается в обновлении и модернизации. Второй важный негативный момент — нехватка специалистов отрасли. Сегодня радиовещание в его классическом исполнении столкнулось с рядом проблем, которые сделали его менее популярным среди слушателей и, следовательно, менее конкурентоспособным. В первую очередь это касается снижения уровня качественного контента, что связано с проблемой неквалифицированных кадров [5]. Профессиональные звукорежиссеры, редакторы и ведущие нередко совмещают разные роли, работая за несколько человек. И если найти ведущего не является большой проблемой (ДонГУ предоставляет возможность получить соответствующие навыки), то с техническими специальностями сложнее. Поэтому, как правило, звукорежиссеры и редакторы монтажа — это самоучки, которым пришлось самостоятельно осваивать непростую профессию. Проблему можно перевести в разряд среднесрочных путем обучения соответствующих специалистов в вузах Республики. Кроме того, стоит отметить и нежелание отдельных творческих коллективов выходить за рамки устоявшегося формата.

Сегодня радио уже вполне можно назвать мультимедийным, поскольку многие радиостанции ведут эфир не только аудиальный, но и визуальный (съемка в студии), тем самым переходя в телевизионный формат. Повышается спрос и на деятельность в социальных сетях, где можно не только слушать, но и выражать собственное мнение в комментариях, читать эксклюзивные подробности, вносить свои предложения и коррективы. Прямая коммуникация крайне важна: отношение к медиа, потребности аудитории напрямую влияют на прирост слушателей. Для ее реализации создаются различные онлайн-площадки, работающие в круглосуточном формате.

Создать онлайн-площадку — один момент, второй — грамотно ею руководить и наполнять. Республиканские радиостанции, в частности «Республика», пока не может похвастаться успешной работой в этом направлении. На базе станции созданы страницы в социальной сети «ВКонтакте» и мессенджере «Телеграм», также функционирует одностраничный сайт с несколькими рубриками. Прослеживается все та же проблема с нехваткой специалистов, на этот раз в сфере SMM, программирования, дизайна и менеджмента соцсетей. Тактика «экономии на всем» заведомо является проигрышной, если мы говорим о грамотном ведении и управлении медиа. В частности, сотрудники радиостанции собственными силами пытаются создать онлайн-площадки, наполнить их контентом, не имея для этого достаточных знаний и умений.

Владельцу, главному редактору новостной радиостанции нужно понимать, что медиа, тем более региональное, должно соответствовать определенным требованиям и что каждый должен заниматься своим делом: корректор — вычитывать материалы и исправлять ошибки, редактор — управлять коллективом и следить за повесткой, дизайнер — создавать уникальные визуальные элементы для наполнения онлайн-площадок медиа и т.д. Только в таком случае, когда будет работать большая команда профессионалов, медиа может претендовать на обширную аудиторию и хорошие показатели охвата.

Сейчас все сферы ДНР, включая медийную, переживают переходный период на стандарты РФ. Перенимая опыт федеральных новостных радиостанций, местные, конечно, смогут устранить некоторые недочеты в своей работе и перейти на новый ритм, соблюдая все требования и веяния времени. Мы видим, что региональное радиовещание сейчас востребовано как никогда, а потому так важно заняться реорганизацией и ребрендингом именно сейчас, пока показатели держатся наверху и аудиторию сможет привлечь концепция.

Резюмируя все вышеописанные проблемы, можно объединить их в две глобальные группы — *долгосрочные* (требующие большого промежутка времени для их решения) и *краткосрочные* (которые можно решить в ближайшее время). К первой группе относится *дефицит квалифицированных кадров* и *вытеснение радиовещания другими средствами массовой информации*. Отметим, что второй пункт сегодня решается привлечением профессиональных медийщиков на онлайн-платформы своего ресурса.

В группе краткосрочных — *проблема нехватки частотных ресурсов для аналоговых вещательных систем в России*, она активно решается посредством перехода на цифровое радиовещание, которое освободит место на FM-частотах [6]. Сюда же можно отнести *острую необходимость в обновлении и модернизации технического оборудования радиостанций*,

а также *проблему информативности*, которая связана с отсутствием специализированных информационных источников для радиовещания (региональное радио, по сути, является ретранслятором новостей, а не агрегатором, который их создает).

Грамотный стратегический менеджмент позволит решить практически все проблемы, возникающие на региональных радиостанциях, создать конкурентную среду для повышения востребованности у потребителей и рекламодателей, а также приобрести новую форму для конкурентной работы в условиях дигитализации. Это имеет принципиальную важность для формирования стратегии дальнейшего развития современного информационного радиовещания как в Республике, так и во всей России. Государственное финансирование региональных радиостанций необходимо увеличивать, чтобы специалисты, которые годами выстраивали форму подачи материала на своей медиаплощадке, смогли реализовать не только свой потенциал, но и раскрыть новые грани новостного вещания, заинтересовать потребителя новыми форматами и качественным уникальным контентом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики.— Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения 17.11.2023).

2. Кирия И. В. Мультимедиа и новые принципы новостей / И. В. Кирия // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные.— М., 2010.— С. 30–47.

3. Лосева Н. Конвергенция и жанры мультимедиа / Н. Лосева // Журналистика и конвергенция: почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные.— М., 2010.— С. 129–134.

4. Mediascope. Radio Index — Россия, города с населением 100+. Январь 2018 г.— июнь 2022 г.% от Reach Mly, 12+

5. Гудова Т. В. Коммуникативная парадигма современного информационного радиовещания Донецкой Народной Республики / Т. В. Гудова // Медиакоммуникации в XXI веке: императивы, вызовы, перспективы.— Донецк, 2022.

6. Ерошкина Е. Г. Проблемы развития российской прессы в условиях активного роста цифровых медиа. Теория и практика медиарекламных исследований / Е. Г. Ерошкина.— М., 2011.

Донецкий государственный университет

Гудова Т. В., старший преподаватель кафедры журналистики

E-mail: gudova@mail.ru

Donetsk State University

Gudova T. V., Senior Lecturer of the Journalism Department

E-mail: gudova@mail.ru

УДК 070:82.091

ЮМОР В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕССЕНДЖЕРОВ ТЕЛЕКАНАЛОВ «ТСВ» И «ПЕРВЫЙ ПРИДНЕСТРОВСКИЙ»)

В. В. Дабежа, Н. И. Иовва, Ю. В. Ткаченко

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Поступила в редакцию 29 марта 2024 г.

Аннотация: *авторы рассматривают основные формы юмора и его функции в публикациях новостных пабликов, в частности пабликов приднестровских СМИ. На конкретных примерах проанализированы когнитивный, эмоциональный, поведенческий, исполнительский компоненты юмора. Авторы затрагивают также вопрос уместности использования юмора в медиатекстах, обращая внимание на то, что при работе с комическим эффектом крайне важно учитывать контекст и общую новостную картину.*
Ключевые слова*: юмор, сатира, сарказм, ирония, постирония, метаирония, инфотеймент, мем.*

Abstract: *the authors consider the main forms of humor and its functions in the publications of news publications, in particular the publications of the Pridnestrovian media. The cognitive, emotional, behavioral, and performance components of humor are analyzed using specific examples. The authors also address the issue of the appropriateness of using humor in media texts, drawing attention to the fact that when working with a comic effect, it is extremely important to take into account the context and the overall news picture.*
Key words: *humor, satire, sarcasm, irony, post irony, meta irony, infotainment, meme.*

Юмор — это позитивный или ироничный взгляд на жизнь. В современном медиапространстве юмор играет значимую роль — аудитории нравятся юмористические шоу, программы, блоги, каналы. Значительная часть содержания популярных социальных сетей — это развлекательные видео и смешные мемы. Позитивно воспринимается юмор и в качестве стратегии инфотеймента в новостном или аналитическим медиаконтенте. Все эти факторы говорят об актуальности заявленной темы. В рамках нашего исследования мы рассмотрим роль юмора, его функции и особенности в публикациях СМИ в мессенджерах на примере приднестровских телеканалов ТСВ и Первый Приднестровский.

Основы изучения юмора заложил Иммануил Кант. По его мнению, юмор относится к способности выделять и определять противоречия на уровне мышления. Остроумие, по мнению И. Канта,— это умение человека находить даже малейшие сходства и различия в окружающей действительности [1]. Свой вклад в исследование юмора как психологического феномена внесли отечественные психологи В. М. Аллахвердов, М. С. Гусельцева, Л. Я. Дорфман, Г. В. Залевский, В. П. Зинченко, В. Е. Клочко, Т. В. Корнилов, С. Д. Смирнов, В. Ф. Петренко, В. А. Янчук и др.

В концептосферу понятия «юмор» входят и такие категории, как «смех», «комическое», «ирония», «сарказм», «сатира», «остроумие», «мем». Говоря об использовании юмора в СМИ, мы будем так или иначе касаться всех этих понятий, не проводя между ними четких границ.

Можно выделить следующие основные формы юмора в СМИ:

1. *Сатира* — выражение критического отношения к политическим и социальным явлениям. Может использоваться для разоблачения коррупции, неразумных политических решений или для общественного обсуждения острых социальных вопросов. Наиболее ярким проявлением сатирического подхода в журналистике можно назвать такие жанры художественной публицистики, как фельетон и памфлет.

2. *Ирония и сарказм* — это приемы юмора, основанные на противоречии или неожиданности. Они используются для создания комического эффекта. Ирония может заключаться в использовании слов или выражений, имеющих двусмысленность или противоречивое значение. Сарказм, с другой стороны, часто используется для выражения насмешки или критики.

3. *Постирония* — прием, при котором игра слов и деконструкция (разрушение стереотипа или перенос явления в другой контекст) доминируют над смыслом. Связность повествования при этом не играет такой роли, как в классическом юморе, поэтому ее может и не быть.

4. *Метаирония* доводит деконструкцию до полного абсурда. Часто в таких мемах надпись бессмысленна с точки зрения нормальной логики и почти

© Дабежа В. В., Иовва Н. И., Ткаченко Ю. В., 2024

не связана с изображениями, слова и картинки разделены на части. Для понимания метаиронии крайне важен контекст, который зачастую «зашифрован» в элементах изображения или надписи. В метаиронии ожидания читателя не оправдываются — он не видит в шутке классических юмористических приемов. Метаиронические мемы не всегда понятны с первого взгляда, что в принципе противоречит природе мемов, поскольку препятствует их распространению.

5. *Визуальный юмор* использует графические элементы, чтобы вызвать смех или улыбку. К визуальному юмору можно отнести комические картинки, мемы, комиксы и анимацию. С точки зрения медиапотребления на сегодняшний день это наиболее востребованные у аудитории форматы развлекательного контента. По мнению Е. Е. Голубковой и С. В. Канашиной, мем — это «специфическая форма коммуникации, которая позволяет вкладывать в сообщение несколько слоев смысла» [2, 72]. Л. Е. Кройчик, анализируя понятия смешного и комического, также указывал на их многослойность: «Секрет этой многослойности в оттенках комического, которое заполняет пространство мира <…> смех как сигнал комического обнажает некое сокровенное, укрываемое от чужих глаз, аномальное; то, что человек (или общество) заведомо не хочет демонстрировать другим или не хочет знать» [3, 21].

Р. А. Мартин пишет: «Анализируя различные источники, можно сделать вывод о том, что в современной психологии чувство юмора может концептуализироваться как обычный поведенческий паттерн (часто смеяться, рассказывать шутки и забавлять других, смеяться над чужими шутками), как способность (умение создавать юмор, вспоминать и продуцировать шутки), как темпераментальная черта (обычная жизнерадостность), как эстетическая реакция (наслаждение специфическими видами юмористического материала), как отношение (позитивное отношение к юмору и к людям, обладающим чувством юмора) или копинг-стратегия (тенденция поддерживать юмористическую перспективу перед лицом неприятностей)» [4, 315].

Все перечисленные выше стратегии восприятия юмора находят свое отражение и в СМИ. В частности, такие модели характерны для пабликов СМИ в мессенджерах, где журналисты, редакторы и smm-специалисты стараются создать камерную и доверительную атмосферу. В этом смысле юмор как раз и нацелен на то, чтобы найти точки соприкосновения со своей аудиторией с позиции поведения, эстетических взглядов и ценностей, отношения к людям и ситуациям.

По мнению С. А. Голубкова, «способность видеть какие-то стороны действительности в смешном свете, готовность к ситуативному юмору свидетельствуют как о многомерности и неисчислимости самой действительности, так и о многогранности личности, воспринимающей эту сложную действительность» [5]. Именно поэтому юмор так сложно как-то классифицировать и типологизировать. Ведь каждая личность воспринимает юмор сквозь призму собственных этических, эстетических, культурологических, аксиологических и иных фильтров.

Можно выделить следующие функции юмора в публикациях СМИ в мессенджерах:

1. *Контактная функция.* Юмор в СМИ играет важную роль в привлечении внимания аудитории. Кроме того, с помощью юмора можно обратить внимание читателя на те темы, которые изначально не были ему интересны.

2. *Функция сближения с аудиторией.* Этот эффект возможен в том случае, если журналисты с иронией или сарказмом пишут о темах, волнующих читателей. Это прежде всего социальные темы, касающиеся значительной части аудитории. Грамотное использование юмора в этом случае создает ощущение единства позиций у читателей и редакции по важным вопросам.

3. *Создание в целом позитивной и оптимистичной атмосферы*. Эту функцию нельзя назвать обязательной для новостного паблика или телеграм-канала. Тем не менее это может быть одним из пунктов редакционной политики СМИ.

4. *Акцентирование на повторяющихся проблемах.* Создание комического эффекта помогает говорить о тех темах, которые уже многократно поднимались в данном СМИ, но продолжают оставаться злободневными. Можно вспомнить, сколько мемов было создано о коронавирусе для того, чтобы актуализировать эту тему и взглянуть на нее с другого ракурса.

5. *Создание широкого эмоционального диапазона.* Не секрет, что сегодня эмоции — это основной язык взаимодействия с аудиторией. Именно эмоции способствуют вовлечению и позволяют удержать внимание читателя.

6. *Нивелирование стрессовых ситуаций.* Юмор помогает пережить сложные времена. Поэтому использование юмора в СМИ может позитивно сказываться на психологическом состоянии аудитории.

7. *Социальная функция.* Сатира и политический юмор могут использоваться для выражения критики и вызова изменений в обществе. Юмор в СМИ может стимулировать общественный диалог и повышать осведомленность аудитории о важных вопросах.

Юмор как специфическая игра, по мнению В. П. Шейнова [6, 82], включает следующие компоненты:

1) когнитивный (познавательный) — выражается в несоответствии смыслов забавных высказываний или действий людей.

На фото тротуарная плитка, выложенная в форме национального орнамента. Слева: Тирасполь 2019, справа: Кишинев 2022. Подпись: — *только не списывай точь-в-точь — ок;*

2) эмоциональный — проявляется в эмоции радости.

Кот Василий стал знаменит на всю Португалию, когда пришел на закрытую тренировку Браги. На ТСВ думают, что это наш, телевизионный кот. Оказалось, что Вася хорошо устроился. Футбольный клуб тоже думает, что это их, футбольный кот. Ходит на тренировки;

Наша Карина Степенко повышает градусы февралю. Да, погода на Первом Приднестровском теперь такая;

Весна ползет. Жуки-солдатики вышли греть свои красные спинки на солнце.

3) поведенческий — реализуется в форме смеха.

Утиная история из российской Калуги. Дикие кряквы вышли на «экскурсию» по городу. Утки не улетели на юг — местные подкармливают стаю хлебом, зерном и… снимают тиктоки.;

Женщина на белой машине протаранила пекарню в Уфе. Продавец в шоке СМИ: причина аварии неизвестна, водитель не пострадал, пирожки тоже. Ты — не ты, когда на кетонах.

4) исполнительский — реализуется с помощью эффекта внезапности, неожиданной развязки.

6 мая к Земле подлетит «самый опасный со времён динозавров» астероид. Столкнется или нет он с нашей планетой, непонятно. В 2009 году ученые заметили на небе объект, который двигался среди звезд. Они решили, что это астероид. За ним удалось наблюдать всего полтора дня. После этого объект исчез. Сделали расчет, и тут же, у компьютеров, поседели. Получалось, что объект столкнется с Землей 6 мая 2022 года. Другие ученые пересчитали координаты. И у них астероид сильно в пролёте. Но с 2009 года астероид больше никто не видел.

И. В. Карасик выделяет две модели алгоритмов создания и понимания комических текстов: «совмещение линий реальности и совмещение линий сообщения о реальности, представляющих собой диктальное и модусное осмысление факта, вызывающего улыбку или смех. Диктальная модель включает комическое повторение, комическое противопоставление и комическое переворачивание позиций персонажей. Модусная модель прослеживается в шутливых перифразах, пародировании прецедентных текстов и комических аллюзиях» [7].

Приведем примеры реализации диктальной модели:

Офисные работники: Тьфу! Сегодня была такая жара! Даже кондеры не спасали! Рыбницкие сталевары с ММЗ: (фото руки, показывающей «класс» на фоне искр и огня)*. В конце недели сайты прогнозов погоды обещают под 40 с плюсом;*

Брэд Питт украл костюм у Людмилы Прокофьевны. (На фото актер в костюме, напоминающем наряд из фильма «Служебный роман»);

Национальный банк Румынии нанял на работу астролога. Известный в Румынии астролог Минерва работает в Центробанке Румынии, в отделе таро и предсказаний. Информацию о приеме на работу Минервы подтвердили официальные лица Нацбанка, которые, правда, уточнили, что она занимает должность секретаря директора. Что тоже очень интересно;

Нас спрашивают: почему взрослых кабанов на фото три? Кто третий? Ответ биолога: С маленькими кабанчиками гуляют мамы (кабаньи яжематери). Отец-кабан сделал свое дело и свалил по своим поросячьим делам. А мамы сбиваются в стадо и бегают с детенышами;

Агрессивная пара лебедей прессует своих детей и внуков. Наступило время гнездования. Папаша — самый сильный и мощный, гоняет всех из воды. Стая сидит на берегу, пока их отец кружит вокруг будущего гнезда. Птенцы появятся в апреле. И тогда агрессии будет еще больше. Лебедь-абьюзер наводит суету;

В Молдове ищут виновников сразу нескольких больших пожаров. Это подростки, которые сняли момент поджога сухой травы на видео и выложили в Тик Ток. Ролик набрал полмиллиона просмотров и тысячи осуждающих комментариев. Тиктокеры жгут не по-детски.

Примеры реализации модусной модели:

Телескоп Джеймс Уэбб смог обнаружить самую старую галактику, возраст которой более 13,5 млрд. лет. Олды тут?

Пентагон открыл отдел по изучению НЛО. В пресс-релизе сказано, что новый отдел будет работать над сбором и анализом активности НЛО над Землей, под водой и в космосе. Они что-то знают;

Платформа 9 и ¾ не сработала. В Бендерах водитель врезался в стену многоэтажки по улице 40 лет ВЛКСМ. После неудачной телепортации в Хогвартс водитель и пассажирка ушли с места аварии и обратились в больницу. У водителя перелом ноги, у девушки ушибы и ссадины. МВД пишет, у водителя были признаки алкогольного и наркотического опьянения. Сейчас ждут результаты судмедэкспертизы;

Допустим, в центре Тирасполя был турнир по квиддичу. (на фото метлы, валяющиеся на центральной площади);

В Дойбанах после сегодняшнего дождя машина застряла в грязи. Водитель Шарана сам выбраться не смог, весь до ниточки промок, и вызвал спасателей. Машину вытянули;

— Что это так светится, что видно аж в Космосе? — Это сквер Авиаторов в Тирасполе;

Поймай меня, если сможешь. Гражданин Турции сбежал из аэропорта Кишинёва после отказа о въезде в Молдову. У мужчины не всё было в порядке с документами, поэтому он должен был улететь обратно в Турцию. Но при посадке в автобус на взлетно-посадочной полосе ему удалось сбежать. Мужчина пере-

прыгнул забор и скрылся в неизвестном направлении. Это уже третий случай побега из Кишинёвского аэропорта.

Несмотря на столь широкое распространение юмора в средствах массовой информации, неизбежно возникает вопрос об уместности его использования в медиатекстах. Как подчеркивает А. Е. Романов, «умение применять в журналистской деятельности комизм, как правило, приходит не сразу. Обычно им обладают люди с высоким уровнем образования, длительным опытом работы в различных СМИ, с богатым жизненным опытом и устоявшимися идеалами, которые и позволяют им в своих текстах высказывать яркую авторскую позицию» [8].

При работе с комическим эффектом крайне важно учитывать контекст и общую новостную картину, чтобы при прочтении не возникало двойственных ощущений: *У iPhone обнаружили самую полезную функцию: в интернете заметили, что, когда Apple Watch фиксируют пульс ниже 5 ударов в минуту, смартфон автоматически очищает историю браузера. Чтобы эта функция работала, нужно её настроить в «Shortcuts» на iPhone. Теперь и умирать не страшно!* И следующая новость в ленте: *Умер ветеран Борис Семёнович Сумский из Рыбницы. Через месяц ему должно было исполниться 98 лет.*

С особой осторожностью следует использовать юмор в отношении трагических событий. Неудачный пример: *Кадры из фильма-катастрофы (зачеркнуто) Китая. Песчаную бурю и смерч сняли на севере Синьцзяна. Людей буквально сносит ветром.*

В целом можно говорить о векторе движения современных медиа в сторону развлекательного. С одной стороны, на это есть запрос аудитории, с другой — акторы медиасферы (средства массовой информации и популярные блогеры) сами влияют на процесс медиапотребления. В этом движении можно условно выделить две составляющие: содержательную (обращение к смешным, курьезным, вызывающим улыбку инфоповодам) и формообразующую (создание комического путем компиляции смыслов и ассоциаций). Во втором случае речь идет о стратегиях инфотеймента, позволяющих серьезную информацию подавать в более легкой и развлекательной форме), а также о таком феномене современности, как мемы, которые заняли особое место в медиапрактике.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чемодакова Е. С., Современные исследования юмора / Е. С. Чемодакова // Символ науки, 2019.— № 3.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-issledovaniya-yumora (дата обращения 17.01.2024).

2. Голубкова Е. Е. Семиотическая гибридизация как основа семантики интернет-мемов / Е. Е. Голубкова, С. В. Канашина // Слово. ру: Балтийский акцент.— Калининград, 2018.— Т. 9, № 2.— С. 69–79.

3. Кройчик Л. Е. Смешное и грустное: этюды на темы русской комической литературы XIX–XX веков / Л. Е. Кройчик.— Воронеж, 2014.— 364 с.

4. Martin R. A. Sense of humor / R. A. Martin // S. J. Lopez & C. R. Snyder (Eds.). Positive psychological assessment: A handbook of models and measures.— Washington, DC: American Psychological Association, 2003.— P. 313–326.

5. Голубков С. А. Феномен ситуативного юмора / С. А. Голубков // Вестник СамГУ.— 2014.— № 1 (112).— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-situativnogo-yumora (дата обращения: 07.12.2023).

6. Шейнов В. П. Юмор как способ влияния / В. П. Шейнов.— СПб., 2016.— 239 с.

7. Карасик В. И. Алгоритмы построения комических текстов / В. И. Карасик // Вестник РУДН. Лингвистика.— 2018.— № 4.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/algoritmy-postroeniya-komicheskih-tekstov (дата обращения: 07.12.2023).

8. Романов А. Г. Профессиональные компетенции работников СМИ и применение приёмов комического / А. Г. Романов // Система ценностей современного общества.— 2014.— № 34.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/professionalnye-kompetentsii-rabotnikov-smi-i-primenenie-priyomov-komicheskogo (дата обращения: 17.01.2024).

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко

Дабежа В. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

Иовва Н. И., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета

E-mail: iovva.nata@mail.ru

Ткаченко Ю. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики филологического факультета

E-mail: julia-polia@mail.ru

Pridnestrovian Shevchenko State University

Dabija V. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: dabezha2013@yandex.ru

Iovva N. I., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: iovva.nata@mail.ru

Tkachenko Yu. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism Department

E-mail: julia-polia@mail.ru

УДК 070+32.019

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИЙ СОДЕРЖАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ГАЗЕТ

В. А. Евдокимов

Омская гуманитарная академия

Поступила в редакцию 15 февраля 2024 г.

Аннотация*: в статье рассмотрен процесс формирования концепций содержания региональных газет под влиянием объективных и субъективных факторов. Концепции содержания печатных изданий охарактеризованы как системы тематически разнообразных публикаций, располагающихся на высших или низших уровнях совокупностей взаимосвязанных элементов, раскрыты особенности взаимодействия подсистем и их компонентов.*
Ключевые слова: *концепция содержания печатного издания, регион, система, противоречие.*

Abstract: *the article examines the process of forming concepts for the content of regional newspapers under the influence of objective and subjective factors. The concepts of the content of publications are characterized as systems of thematically diverse publications located at higher or lower levels of sets of interconnected elements, the features of interaction of subsystems and their components are determined.*
Keywords: *newspaper content concept, region, system, contradiction.*

Под концепцией понимается способ осмысления, интерпретации какого-либо предмета, явления, процесса. Применительно к средствам массовой информации понятие «концепция» может быть соотнесено с термином «модель». Модель (содержательную, оформительскую, организационную) определяют как некий шаблон для оптимального выстраивания процесса изготовления информационного продукта, опирающийся на технологическую основу [1, 26], как стандарт, обеспечивающий воспроизводство заданного качества [2, 12]. Концепцию содержания публикаций можно рассматривать как компонент модели или концепции издания. Концепция издания как самостоятельная система — широкое понятие, включающее представления о структуре материалов средства массовой информации, целевой аудитории, источниках сообщений, стилистической специфике публикаций, этических нормах, утвержденных в редакции, а также о графическом оформлении органа печати и бизнес-проектировании. Концепция содержания находится на высшем уровне концепции издания и координирует использование таких элементов, как жанры, мультимедийные компоненты, графические и иные элементы оформления, раскрывает тематику публикаций, соотношение разделов, находящихся на высших или низших уровнях систем журналистских произведений. По мнению А. Д. Маркович, при разработке концепции издания особое внимание следует уделять именно содержательному компоненту [3, 38]. Т. И. Фролова подчеркивает значение содержания информационных потоков и оценки их с позиции соответствия гуманитарной миссии [4].

© Евдокимов В. А., 2024

Статья фокусирует внимание на процессе формирования концепций содержания областных, краевых, республиканских газет в течение 2021–2023 гг. Центрами регионов являются города, численность населения которых превышает полмиллиона человек. Печатные издания рассматривают имеющиеся в регионах производственные, научные, технологические, культурные, интеллектуальные возможности, необходимые для осуществления программ социально-экономического развития территорий, наряду с другими массмедиа участвуют в процессе формирования гармоничного информационного пространства, выстраивают отношения с учредителями, нацелены на удовлетворение интересов и потребностей аудитории. Большинство газет учреждены региональными органами государственной власти, меньшее количество изданий — частные.

На процесс формирования концепций содержания изданий влияют объективные и субъективные факторы. Объективным фактором является правотворческая деятельность, осуществляемая государством. В концепциях содержания изданий учтены изменения, внесенные в законодательство страны и регулирующие деятельность средств массовой информации. В июле и декабре 2022 г. приняты федеральные законы «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно этим документам уточнены основания, в частности для приостановления деятельности средств массовой информации при распространении ими недостоверных сообщений, лишения аккредитации журналистов. В числе объективных факторов — социально-экономические особенности регионов, обеспечение материальными (сырьем, оборудованием), трудовыми и финансовыми ресурсами предприятий,

занятых производством и распространением массовой информации. На процесс формирования концепций содержания изданий влияют и субъективные факторы: интересы учредителей, интеллектуальный потенциал, культура руководителей редакций, творческие возможности, ценностные ориентации, индивидуальные побудительные мотивы действий журналистов. Как целостные образования, в составе которых — множество компонентов, концепции содержания изданий складываются во взаимодействии с аудиторией. Благодаря обратной связи обеспечивается стабильность концепции содержания издания или ориентир на цель, связанный с динамическим взаимодействием элементов системы публикаций.

Под влиянием объективных и субъективных факторов формируются концепции содержания изданий, отражающиеся в журналистских произведениях о событиях и процессах, различных сферах жизни регионов, включая политику, экономику, социальную среду. Какие бы темы ни затрагивали журналисты, они ведут поиск наиболее экспрессивных форм отражения действительности. На высших уровнях систем журналистских произведений находятся газетные материалы о политике, об экономике и о социальной сфере. В разные периоды их соотношение варьируется. В период избирательных кампаний увеличивается количество публикаций о социальной политике, при наращивании производственных мощностей предприятий в индустриально развитом регионе — об экономике. Региональные органы управления являются для печатных изданий источником информации о рассмотрении и принятии программ социально-экономического развития территорий, реализации решений. Немецкий социолог М. Вебер отмечал, что всякий значительный политик нуждается в прессе как инструменте воздействия и, следовательно, в связях с прессой [5, 33]. Не менее важна для формирования представлений о действительности подсистема публикаций об экономике. По мнению британского ученого Д. Кейнса, экономическая теория является скорее методом, чем учением, интеллектуальным инструментом, техникой мышления, помогая тому, кто владеет ею, приходить к правильным заключениям [6, 9].

На другой значимый компонент содержания масс-медиа обратил внимание исследователь Дж. Гербнер. Он подчеркнул необходимость осознания возрастающего влияния средств массовой информации на возникновение в культурном пространстве новой системы символов и образов, составляющих особый синтетический мир [7, 563–571]. Публикации о сфере культуры чаще всего располагаются на низших уровнях систем газетных материалов. Размещение данных публикаций на высших уровнях систем может быть кратко- или долговременным. На высший уровень совокупности журналистских произведений материалы о сфере культуры на короткое время могут переместиться, если в регионе организован и проведен, к примеру, представительный международный фестиваль. Публикации о сфере культуры могут занять и постоянное место на высшем уровне системы публикаций, если издание регулярно освещает деятельность творческих объединений, нацеленную на сохранение традиций, этнического многообразия, самобытности культуры народов, а также памятников истории в многонациональном регионе. Тем самым проявляется зависимость подсистемы публикаций и ее элементов от места в целостном образовании, выполнения функций координации и соподчинения, распорядительной, контролирующей, целеполагающей, адаптивной.

Обеспечивая тематическое разнообразие публикаций, региональные издания посвящают материалы деятелям культуры, получившим признание в регионе, России, за рубежом, представляют образцы народного искусства. Произведения о классическом искусстве находятся на высших уровнях подсистем публикаций о сфере культуры. Элементы подсистем журналистских материалов отражают особенности культурной жизни регионов: если в областном или республиканском центре имеется консерватория, то, как правило, регулярны публикации о музыкальном искусстве. В региональных газетах сообщения о скандалах, в которые вовлечены представители шоу-бизнеса, либо отсутствуют, либо размещены на низших уровнях систем публикаций.

На низших уровнях систем публикаций, как правило, располагаются журналистские произведения о жилищно-коммунальном хозяйстве, транспорте, связи, об образовании, о здравоохранении, науке, спорте. Однако материалы, к примеру, о дорожном строительстве могут переместиться на высшие уровни систем публикаций. Газеты регулярно информируют аудиторию о том, как в регионах выполняется национальный проект «Безопасные и качественные дороги».

Соотношение частей концепций содержания изданий как открытых целостных образований может изменяться. На структуру систем журналистских произведений влияют актуальные явления, процессы. Одни элементы, как отмечено выше, утрачивают значение, возникают другие. Публикация многочисленных материалов о различных аспектах борьбы с коронавирусной инфекцией создала условия для сокращения распространения произведений другой тематики, например о сфере культуры, тем более что имелись ограничения для посетителей музеев, концертных залов и театров. Если в 2021–2022 гг. региональная печать регулярно освещала меры, предпринимаемые обществом в борьбе с коронавирусной инфекцией, то в 2023 г. эта тема утратила актуальность.

Координацию публикации тематически разнообразных материалов осуществляют журналистские произведения, освещающие политические и экономические события и процессы. Происходит взаимо-

действие и взаимовлияние элементов этих подсистем. Совместные действия элементов обеспечивают выполнение распорядительной функции систем публикаций. Сообщения о возникновении затруднений в осуществлении транснациональных экономических связей могут вызвать появление материалов о политических решениях, обеспечивающих устойчивое функционирование субъектов хозяйственной деятельности. Результативность совокупных действий элементов систем журналистских произведений становится высокой, если публикации о взаимодействии регионов, допустим в сфере культуры, сочетаются с материалами о сотрудничестве предпринимателей, ученых.

Публикации о сфере политики обладают наибольшим влиянием и могут быть рассмотрены как самостоятельная система. В разные периоды количество газетных материалов о сфере политики может варьироваться от значительного до несущественного. Независимо от этого публикации о сфере политики координируют распространение других журналистских произведений, находящихся на высших или низших уровнях систем материалов региональных газет. Элементами подсистемы являются публикации о рассмотрении региональными органами управления проектов программ социально-экономического развития территорий, принятии и реализации решений. Особенности координации публикациями о сфере политики журналистских произведений, находящихся на низших уровнях систем, таковы, что влиятельной может оказаться не только совокупность сообщений, но и один материал о сфере властных отношений. Публикация журналистского произведения, содержащего информацию о начале избирательной кампании, может повлечь распространение материалов о выступлениях деятелей культуры, науки, ветеранов труда, оказывающих поддержку претендентам на обладание властными полномочиями.

Влиятельны также слагаемые подсистемы публикаций печатных изданий, раскрывающие особенности экономики регионов. Чаще всего подсистемы журналистских произведений, рассматривающих аспекты экономической деятельности, формируют издания, учрежденные органами региональной власти, нежели частные газеты. Если в регионе создан крупный промышленный комплекс, материалы газеты об экономике могут располагаться на высшем уровне системы публикаций и координировать появление журналистских произведений, находящихся на низшем уровне. Подсистема материалов о деятельности субъектов экономики также может быть рассмотрена как самостоятельная система, состоящая из различных элементов — публикаций о деятельности государственных промышленных предприятий, акционерных обществ, фермерских хозяйств, сельскохозяйственных кооперативов.

Концепции содержания изданий, устойчивые или переменные, могут отражать не только соотношение публикаций, расположенных на высших или низших уровнях систем журналистских произведений, но и противоречия, как взаимодействия противоположных сторон и тенденций явлений, находящиеся во внутреннем единстве и взаимопроникновении, а также влияние субъективных факторов. Если противоречия возникают между компонентами концепции содержания издания, это затрудняет выявление аудиторией закономерностей в размещении журналистских произведений. Печатное издание может публиковать материалы о достижениях ученых и одновременно распространять сообщения о псевдонаучных теориях.

Несогласованность компонентов концепции содержания издания может проявляться и в несоразмерности освещения сфер жизни региона. В регионах, являющихся крупными производителями сельскохозяйственной продукции, газеты, учрежденные территориальными органами управления, регулярно распространяют сообщения о деятельности предприятий сельского хозяйства, журналистские произведения данной тематики, как правило, находятся на высших уровнях систем публикаций. В частных изданиях материалы аналогичного содержания располагаются на низших уровнях систем. В регионах, где находятся отделения и центры Российской академии наук, газетные публикации о достижениях ученых могут находиться и на высших, и на низших уровнях систем журналистских произведений. С одной стороны, в редакциях редки журналисты, специализирующиеся на отражении научных процессов и способные доступным языком раскрыть существо открытий ученых, в аналитических публикациях показать значимость их достижений для развития региона, страны. С другой стороны, устойчив стереотип, согласно которому журналистские материалы о научной деятельности, если лишены налета сенсационности, не вызывают интерес аудитории.

Противоречия, возникающие при реализации концепции содержания издания, могут объясняться и несовершенством отношений редакций с учредителями. Отношения учредителя и редакции регламентирует Закон РФ «О средствах массовой информации». Согласно ему учредитель утверждает устав редакции и заключает договор с ней. От учредителей могут исходить неявные рекомендации относительно тематики публикаций. Вероятны неоднократные корректировки концепции содержания издания, если учредитель периодически меняет руководителя редакции. С одной стороны, частые корректировки концепции содержания издания могут благоприятствовать разнообразию тематики и жанров публикаций, с другой стороны, внести путаницу в представления постоянных читателей о типе газеты. При ориентации редакции на интересы учредителя при недоста-

точном учете потребностей аудитории возникают тематические и жанровые диспропорции, когда среди публикаций издания преобладают отчеты, слабо выражена целеполагающая функция системы публикаций, определяющая направление развития совокупности журналистских произведений, возможности совершенствования концепции содержания газеты.

Избежать тематические и жанровые диспропорции при формировании концепции содержания издания помогает сотрудничество с социологическими службами. Если отсутствуют финансовые ресурсы, достаточные для изучения социологами интересов и потребностей аудитории, руководители редакций рассматривают опыт конкурентоспособных изданий, мнения читателей и полагаются на собственную интуицию, не упуская из виду позиции учредителей. Изучение обращений читателей, среди которых чаще всего преобладают лица старшего поколения, анализ предпочтений, отражаемых в социальных сетях, позволяют получить данные об информационных нуждах конкретных сегментов аудитории, но может затруднить выявление закономерностей формирования и изменения вкусов потребителей. А следование интуиции при разработке концепции содержания издания способно и создать условия для поиска оптимального варианта действий, и осложнить взаимоотношения с аудиторией в результате не безошибочной интерпретации ее интересов. Между тем, развивая и расширяя контакты с аудиторией, налаживая обратную связь, журналисты и редакция в целом, полагает В. В. Тулупов, повышают эффективность и действенность публикаций [8, 155]. В большей степени учесть интересы читателей удается тем редакциям, которые регулярно проводят опросы читателей, оперативно реагируют на обращения жителей региона и предпринимают попытки содействовать решению социально-бытовых проблем. В то же время некритический подход к оценке пожеланий представителей аудитории чреват корректировками концепции содержания издания в угоду вкусам невзыскательных читателей, к примеру увеличением количества сообщений о происшествиях, скандалах.

Таким образом, под влиянием объективных и субъективных факторов во взаимодействии с аудиторией формируются концепции содержания региональных газет для гармоничного освещения событий и процессов, сфер жизни территорий. Концепция содержания находится на высшем уровне концепции издания и координирует использование жанров, мультимедийных, графических и иных элементов оформления, располагающихся на низшем уровне системы. Подсистемы журналистских произведений, освещающих политические и экономические события и процессы, координируют публикацию других тематически разнообразных материалов. Реагируя на события, динамические процессы, происходящие в регионах, стране, редакции вносят коррективы в концепции содержания изданий, изменяется соотношение частей этих концепций как целостных образований. Процесс совершенствования концепций содержания изданий непрерывен. В нестандартных ситуациях редакции оперативно принимают решения для обеспечения полного информирования аудитории об актуальных социально-политических реалиях. Проявления журналистами интеллектуальной инициативы и профессионализма открывают возможности для генерирования творческих идей в поиске разрешения противоречий, возникающих при реализации концепций содержания изданий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзялошинский И. М. Концепция современного периодического издания / И. М. Дзялошинский, М. И. Дзялошинская.— М., 2012.

2. Мурзин Д. А. Содержательная модель издания / Д. А. Мурзин // Федерал. агентство по печати и масс. коммуникациям.— М., 2008–2010.— Режим доступа: https://docplayer.ru/25888743-Dmitriy-murzin-soderzhatelnaya-model-izdaniya.html (дата обращения: 11.02.2024).

3. Маркович А. Д. Концептуализация понятия «модель издания» в современной журналистике / А. Д. Маркович // Журнал Белорус. ун-та. Журналистика.— 2022.— № 1.— С. 35–39.

4. Фролова Т. И. Гуманитарная повестка общероссийской газетной периодики: концепция и анализ практик / Т. И. Фролова // Медиаскоп.— 2014.—№ 4.

5. Вебер М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер.— М., 2018.

6. Хейне П. Экономический образ мышления / П. Хейне.— М., 1992.

7. Gerbner G. Cultural indicators: the third voice // G. Gerbner, L. Cross, W. Melody. Communications, Technology and Social Policy. Understanding the new "cultural revolution".— N.Y., L.; Sydney, Toronto, 1973.

8. Тулупов В. В. Журналистика и журналистское образование в современных условиях / В. В. Тулупов // Вестник Воронеж. ун-та. Филология. Журналистика.— 2019.— № 1.— С. 155–159.

Омская гуманитарная академия

Евдокимов В. А., доктор политических наук, профессор кафедры филологии, журналистики и массовых коммуникаций

E-mail: evdokimovva@list.ru

Omsk Humanitarian Academy

Evdokimov V. A., Doctor of Political Science, Professor of the Philology, Journalism and Mass Communications Department

E-mail: evdokimovva@list.ru

УДК: 316.77

МЕДИАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТЕНТА В ВИДЕОИГРАХ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ МЕДИА

И. Б. Игнатова

Московский педагогический государственный университет

Поступила в редакцию 22 марта 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу медиатизации исторического прошлого в видеоиграх. Автор рассматривает исторический нарратив в компьютерных играх как новую форму организации познавательного процесса. Включение видеоигр в пространство новых медиа, которое, в свою очередь, является частью современной медиакультуры, представляется крайне важным с точки зрения значимости видеоигр в медийном пространстве. Наследуя традиции таких форм экранной культуры, как кино и телевидение, а также словесной и словесно-визуальной интерпретации действительности — театра, литературы — видеоигры дают нам новые формы получения и трансляции знания; в данном исследовании особое внимание уделено историческому знанию. В статье исторический нарратив в видеоиграх рассматривается в том числе как форма популяризации событий мировой истории. Однако автор видит в этом и опасность — формирование определенной парадигмы интерпретации этих событий. Тем не менее в случае с медиатизацией истории важно, что видеоигры побуждают в массовой аудитории интерес к освоению исторического прошлого.*
Ключевые слова*: исторический нарратив, медиатизация истории, видеоигры, новые медиа, медиакультура*

Abstract: *the article is devoted to the analysis of the mediatization of the historical past in video games. The author considers historical narrative in computer games as a new form of cognitive process. The inclusion of video games in the space of new media, which, in turn, is part of modern media culture, seems extremely important from the point of view of the significance of video games in the media space. Inheriting the traditions of such forms of screen culture as cinema and television, as well as verbal and verbal-visual interpretation of reality — theater, literature — video games give us new forms of obtaining and transmitting knowledge; in this article, special attention is paid to historical knowledge. The article examines historical narrative in video games, among other things, as a form of popularization of events in world history. However, the author also sees a danger in this — the formation of a certain paradigm for the interpretation of these events. However, in the case of the mediatization of history, it is important that video games stimulate interest in the development of the historical past among the mass audience.*
Keywords: *historical narrative, mediatization of history, video games, new media, media culture.*

Мы можем констатировать, что цифровые технологии сегодня полностью изменили экосистему медиа. Технологическая составляющая контента, по словам британского исследователя Р. Ульямса, «или сама создает новый образ жизни, или предоставляет основу для его создания» [1, 14]. Размышляя о том, что собой представляют новые медиа, ряд исследователей определяет их «как средства коммуникации, существующие в цифровом пространстве и предполагающие сетевой принцип взаимодействия» [2, 8]. Однако мы рассматриваем их как часть современной медиакультуры «в самом широком ее понимании, когда в медийном поле формируются новые представления о культурной норме и способах ее интерпретации» [3, 291].

Оба подхода предполагают, что в круг новых медиа оказываются включены не только средства массовой информации, но и другие медийные ресурсы, существующие в цифровом пространстве. И среди них мы выделяем видеоигры, или компьютерные игры, что сегодня понимается синонимично. Они давно стали полноправной частью так называемой экранной культуры, «превратившейся в многоуровневую социокультурную систему, включающую в себя все существующие на сегодняшний день форматы аудиовизуальной информации: радио, телевидение, кино, интернет, видеоигры, анимацию, 3D-эффекты и т.д.» [4, 84].

Важно понимать, что в современных условиях трансформации информационного поля изменения восприятия этой информации реципиентом, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий, требуют новых форм подачи контента, поскольку сегодня гуманитарное знание — история, литература, живопись, театр — к сожалению, перестало быть значимой частью познавательного

© Игнатова И. Б., 2024

процесса части аудитории. И одной из таких новых форм становится игровая, воплощенная в том числе и в видеоиграх.

По мнению ряда исследователей, видеоигры представляют собой нечто большее, чем простые развлечения. На протяжении более 30 лет они занимают свое место среди прочих областей культуры. Видеоигры аккумулируют эстетические и повествовательные традиции предшествовавших им дисциплин: от кино — динамизм, от телевидения — доступность, от комиксов, театра и литературы — их силу воображения. Все это подпитывается силой воображения самого игрока [5, 53].

Вопрос о том, служат ли компьютерные игры источником знаний, сравнимых с теми, которые развивают книги или повседневная речевая коммуникация, до сих пор остается открытым. Но нельзя отрицать их образовательный потенциал, поскольку видеоигровой сеттинг основан на исторических, научных, литературных материалах. Нас в данном исследовании интересует, конечно, история и ее отражение в видеоиграх.

В рамках современной медиакультуры историческое знание понимается двояко. С одной стороны, его определяют как совокупность фактов прошлого, с другой — как повествование о прошлом, так называемый нарратив. Если в первом случае мы можем говорить о проблеме исторической объективности и ее отражении в современном медиапространстве, то во втором мы входим в область репрезентации исторических событий, их интерпретацию и уровни понимания.

Здесь необходимо уточнить понятие «нарратива». С**огласно Дж. Прису, нарратив** «можно определить как изображение реальных или вымышленных событий и ситуаций во временной последовательности» [6, 1]. В. Милберг определил нарратив как «изображение последовательности событий, сменяющих друг друга во времени» [7, 39]. Исторический нарратив как форма и способ презентации/репрезентации исторической реальности тесно связан с исторической памятью и национальной идентичностью. К. Е. Кузьмин говорит о том, что «историческая память не сами события прошлого с их причинно-следственными связями, а их переосмысление и трактовка потомками и наследниками этого прошлого» [8, 240]. Наряду с другими формами, частью исторического дискурса в некотором смысле становятся видеоигры, которые берут на себя роль «мест памяти», помогают осознать историческую идентичность. Н. В. Шалютина считает, что «игра дает возможность взаимодействовать с разными формами прошлого: с личным прошлым, с прошлым самой игры и с воображаемыми мирами прошлого» [9, 221].

В рамках нарратива видеоигр мы можем также выделить и принцип так называемой истории повседневности, когда в фокус исследования попадают не выдающиеся исторические личности и события, но обычная ежедневная жизнь самых разных общественных страт и представителей не только правящих сословий. Таким образом, видеоигра имеет значительное преимущество перед другими видами медиа с точки зрения представления истории. Неверно предполагать, что компьютерные игры далеки от исторического повествования. Напротив, они исследуют и формируют точки зрения о том, как функционируют культуры, экономики, политики и общества.

Существует несколько основных подходов к изучению явления видеоигр: *нарратологический* (игра как текст, история, где важны стиль и форма повествования); *людологический* (исследование геймплея); *нередукционистский* (в основе лежит точка зрения о том, что видеоигры имеют множество равнозначных уровней познания).

Создание исторического и культурного сеттинга в видеоиграх можно условно разделить на четыре типа: *визуально-стилистический; стереотипно-ориентированный; историко-стилистический; видеоигровая реконструкция.* [10] Наиболее правдоподобный и исторически достоверный из них — реконструкция.

В процессе адаптации истории в видеоиграх мы можем выделить два типа нарратива: *исторический* и *псевдоисторический.* Последний тип используется в видеоиграх об историческом Средневековье. «Принципиально значимой для них становится идея реконструкции — воссоздания максимально достоверного образа эпохи с опорой на подлинные исторические факты. При этом часто мы говорим не столько об исторической точности (*historical accuracy*), сколько об исторической достоверности (*historical authenticity*)» [11, 154]. Например, привязка «Ведьмака» к западнославянскому Средневековью с его узнаваемыми фольклорными сюжетами (в частности, Дикой охотой), что подразумевает атрибуцию франшизы внутри строго определенной исторической эпохи.

Если говорить об играх с фэнтези-мирами, которые так или иначе отсылают нас к Средневековью, стоит отметить, что сами архетипы миров, созданных в фэнтези-вселенных, примерно одинаковы: войны, сражения, конфликты, истоки которых идут из древности. Мировые катастрофы, которые мир уже пережил и которые только предстоят в контексте развития истории. И в центре всех этих миров стоят сильные духом и смелые протагонисты и коварные антагонисты. Рассматривая видеоигры, где реконструируется Средневековье как еще одно средство досуга, испанский исследователь J. F. J. Alcázar признает за ними важное значение для формирования и выражения индивидуальной и коллективной культуры [12, 300].

Возвращаясь к вопросу исторической точности или достоверности, мы можем апеллировать к точке

зрения историков-постмодернистов, ставящих под вопрос саму возможность обретения достоверного знания о прошлом и, соответственно, его точного воссоздания. Например, классики постмодернистской философии истории Х. Уайт или Ф. Р. Анкерсмит в своих исследованиях обращали основное внимание не на сам исторически достоверный источник, а на фигуру историка, рассказывающего об этом источнике [13–14].

А. С. Ануфриева говорит о следующих типах реконструкции исторического нарратива в играх:

• экономические и политические особенности эпохи, трактованные в духе формационного подхода: феодальная раздробленность, которую необходимо преодолеть, захват новых территорий как ключевой способ обретения материальных ресурсов, взаимоотношения феодала с зависимыми от него крестьянами и ремесленниками (например, *The Settlers, Stronghold, Age of Empires II: The Age of Kings*);

• особенности периода «смены экономических формаций», зарождения капиталистических отношений в позднесредневековом обществе (*Anno 1404* и *Europa 1400: The Guild*);

• акцент на воссоздании политической истории в духе историографии девятнадцатого столетия (*Total War и Europa Universalis*).

Сеттинг в исторических видеоиграх делится на три больших жанра:

• стратегические игры, в которых выделяют глобальные стратегии, стратегии в реальном времени (Real Time strategy — RTS) и пошаговые стратегии (TBS);

• ролевые игры и их поджанр экшен ролевых игр;

• компьютерные симуляторы [11, 155].

Большая часть видеоигр с историческим нарративом выполнена в первом жанре. Приведем несколько примеров видеоигр подобного типа, где мы видим прямую реконструкцию/репрезентацию, либо сеттинг сделан вокруг исторической эпохи в целом.

Например, игры *Sid Meier's Civilization V* и *Sid Meier's Civilization VI* в жанре пошаговой стратегии не репрезентируют историю, они дают возможность игроку писать ее самому, позволяют понять основную логику хода истории, увидеть, как человечество развивалось в целом, как сменялись общественные институты и улучшались технологии.

Если мы обратимся к одной из самых популярных видеоигр с историческим или, скорее, квазиисторическим сеттингом — *Assassin's Creed*, то увидим, что разработчики обеспечили игроку глубокое погружение в атмосферу эпохи. Например, *Assasin's Creed Odyssey* подробно реконструирует эпоху Древней Греции. Игра следует последним археологическим открытиям — от расположения архитектурных деталей до цветных скульптур. Однако в целом *Assasin's Creed* мы должны воспринимать скорее как исторический роман или художественный фильм, основанный на исторических сюжетах, потому что при наличии исторически достоверных элементов само повествование носит псевдоисторический характер.

При изучении исторических нарративов в подобных видеоиграх становится понятно, что их иммерсивный характер и интерактивная природа зачастую делает невозможным полные исторические реконструкции. По мнению Д. А. Беляева, «они превращаются в конструирование моделей исторической мифологии, постмодернистски деконструируя исторический нарратив» [15, 103].

Еще одна разновидность видеоигр, основанных на историческом прошлом,— игры в сеттинге альтернативной истории, действие которых разворачивается в реальности, где мировая история поменяла направление и стала развиваться совершенно по другому сценарию. В качестве примера мы можем привести отечественную игру «Атомное сердце» (*Atomic Heart*), показывающую нам альтернативный СССР 1950-х гг., в котором произошел технологический поворот.

В свете вышесказанного перед нами встает крайне важный вопрос: что для современной медиакультуры история. Мы можем рассмотреть ее как повод для создания развлекательных форматов — видеоигр, художественных текстов (например, исторических фанфиков), докудрам. С другой стороны, это предмет для осмысления самого исторического процесса, того, какое влияние те или иные исторические события оказали и оказывают на современные проблемы — политические, социокультурные, этические и пр.

На наш взгляд, исторический нарратив в видеоиграх оказывает заметное влияние на популярное представление о событиях мировой истории и формирует определенную парадигму их интерпретации.

Таким образом, изучение видеоигр как явления новых медиа и как части медиакультуры представляется нам важным и актуальным, поскольку расширяет границы данного явления. Подобное расширение переводит наше исследование в область *game studies*, которая носит мультидисциплинарный характер и опирается на такие науки, как культурология, антропология, социология, искусствоведение, философия, историю и на теорию медиа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Williams R. Television. Technology and Cultural Form / R. Williams.— New York: Schocken books, 1975

2. Кульчицкая Д. Ю. Новые медиа в глобальном мире / Д. Ю. Кульчицкая.— М., 2021

3. Славина В. А. Медиакультура как феномен информационной эпохи / В. А. Славина, Я. В. Солдаткина // Вестник Российского университета дружбы народов. Литературоведение. Журналистика.— 2021.— Т. 26.— № 2.— С. 286–293.

4. Игнатова И. Б. Новые медиа: теория и практика / И. Б. Игнатова, Е. С. Зубаркина, А. В. Землянский.— М., 2022

5. Esnaola Horacek G. A., Levis Czernik D. S.:

La narrativa en los videojuegos: un espacio cultural de aprendizaje socioemocional: In: Monográfico «Videojuegos: una herramienta educativa del 'homo digitalis'» // Teoría de la Educación, 9–3 (2008).— Режим доступа: https://campus.usal.es/~teoriaeducacion/rev_numero_09_03/MONOGRAFICO_VIDEOJUEGOS.pdf (дата обращения: 20.03.24).

6. Prince Gerald. 1982. Narratology: The Form and Functioning of Narrative. Berlin: Mouton.

7. Meelberg Vincent. 2006. New Sounds, New Stories: Narrativity in Contemporary Music. Leiden: Leiden University Press.

8. Кузьмин К. Е. Проблема исторической памяти в современных китайско-японских отношениях / К. Е. Кузьмин // Известия лаборатории древних технологий.— 2021.— Т. 17.— № 2.— С. 238–247.

9. Шалютина Н. В. Проблемы типологии практик коммеморации в «новых медиа» / Н. В. Шалютина, К. В. Игаева // Научный диалог.— 2023.— Т. 12.— № 5.— С. 215–231.

10. Шедько И. 4 подхода к созданию культурного сеттинга в видеоиграх / И. Шедько.— Режим доступа: https://scream.school/blog/settingdesign (дата обращения: 20.03.24).

11. Ануфриева А. С. «Воображаемое Средневековье» в видеоиграх: синхронизация vs реконструкция / А. С. Ануфриева // Vox medii aevi.— 2019.— Vol. 2 (5).— С. 150–167.— Режим доступа: http://voxmediiaevi.com/2019–2-anufrieva (дата обращения: 20.03.24).

12. Alcázar J. F. J. The other possible past: simulation of the Middle Ages in videogames / J. F. J. Alcázar // Imago Temporis: Medium Aevum.— V (2011).— P. 299–340

13. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит.— М., 2003.

14. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в. / Х. Уайт.— Екатеринбург, 2002.

15. Беляев Д. А. Видеоигровые нарративы как пространство исторических реконструкций и мифов / Д. А. Беляев и др. // Культура и цивилизация.— 2020.— Том 10.— № 2А.— С. 99–105.

Московский педагогический государственный университет

Игнатова И. Б., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций им. В. А. Славиной

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

Moscow Pedagogical State University

Ignatova I. B., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Communications Department named after V. A. Slavina

E-mail: ib.ignatova@mpgu.su

УДК: 070:32 (597)

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ TIKTOK ВО ВЬЕТНАМЕ

Чан Ван Ле

Университет Дай Нам, Ханой

Поступила в редакцию 20 марта 2024 г.

Аннотация: *Платформа Tiktok как социальное видеоприложение для Android и IOS, запущенное в 2017 г. китайской многонациональной интернет-технологической компанией, пока еще изучена недостаточно. В январе 2024 года, количество пользователей TikTok во Вьетнаме достигло почти 70 миллионов человек, заняв 5-е место среди стран с наибольшим количеством пользователей на этой платформе. Метод исследования специфики данной платформы в пространстве вьетнамского сектора Интернета базируется на соединении историко-культурного и статистического подходов к Большим Данным. Сделан вывод о соединении в функционировании TikTok принципов развлекательности и медиаобразования.*
Ключевые слова: *Tiktok, социальные сети, видео, влияние, позитив, паблик.*

Abstract*: The Tiktok platform as a social video application for Android and iOS, launched in 2017 by a Chinese multinational Internet technology company, has not yet been sufficiently studied. In January 2024, the number of TikTok users in Vietnam reached almost 70 million people, ranking 5th among the countries with the largest number of users on this platform. The method of studying the specifics of this platform in the space of the Vietnamese Internet sector is based on a combination of historical, cultural and statistical approaches to Big Data. The conclusion is made about the combination of the principles of entertainment and media education in the functioning of TikTok.*
Keywords: *Tiktok, social networks, video, influence, positive, public.*

Введение. Вьетнам считается одной из стран Юго-Восточной Азии с самыми высокими темпами роста пользователей социальных сетей [1]. Это связано с тем, что, например, *Tiktok* становится все более популярной среди вьетнамской молодежи. Запущенная в Китае в 2016 г. под названием Douyin и появившаяся на международном уровне в 2017 г. под названием *TikTok* эта платформа объединилась с сетевой площадкой *Musical.ly* в августе 2018 г., что увеличило число пользователей юношеского возраста. Несмотря на пристальное внимание регулирующих органов со стороны США и других государств, платформа фиксировала значительный рост числа пользователей по всему миру: например, в ноябре 2020 г. число загрузок по всему миру превысило 2 миллиарда и в настоящее время содержание *TikTok* доступно в более чем 200 странах, работает на 75 языках [2].

Согласно недавно опубликованному отчету *WeAreSocial-Digital 2024*, количество активных пользователей в мире превысило 5,04 миллиарда человек [3]. Согласно отчету, в 2023 г. социальной сетью с наибольшим количеством пользователей стал *Facebook (Meta)**[1] с 2,19 миллиарда пользователей. На втором месте находится *Instagram** с 1,65 миллиарда пользователей, а в тройке лидеров — *TikTok* с 1,56 миллиарда пользователей [3]. По данным исследования *GlobalWeIndex*, около 90% пользователей *TikTok* ежедневно посещают приложения и потребители остаются активными в течение долгого времени. Развитие этой платформы считается динамичным и даже бурным, поскольку корпорации *Facebook**, пример социальной сети номер один в мире, потребовалось более 17 лет, чтобы охватить более 2 миллиардов пользователей, а *TikTok* достиг этой цифры за 5 лет [4]. Приведенные выше цифры доказывают, что *TikTok* стала лидером социальных сетей в мире. Согласно отчету, опубликованному организацией *We Are Social* в январе 2024 г., число вьетнамских пользователей составляет почти 70 миллионов, в результате чего Вьетнам занимает 5-е место в мире по количеству пользователей *TikTok* [3].

TikTok — это одна из социальных сетей, которая позволяет пользователям создавать и публиковать короткие видеоролики со множеством уникальных звуковых и графических эффектов. *TikTok.* Она работает на основе алгоритмов. Для анализа каждого опубликованного видео *TikTok* будет использовать визуальные технологии в сочетании с технологией обработки естественного языка. После завершения проверки контента и аудиосвязи *TikTok* отправит видео соответствующей группе пользователей (при-

[1] * Признан экстремистской организацией в РФ.

© Чан Ван Ле, 2024

мерно от 100 до 500 человек), чтобы оценить уровень опыта на основе количества взаимодействий, в частности количества просмотров. делиться. Если *TikTok* имеет хорошую оценку (процент завершения более 60%, от 8% до 10% лайков), видео будет предложено и будет известно многим пользователям. Если *TikTok* сочтет видео некачественным, количество взаимодействий снизится, и большинство таких видео больше не будут рекомендованы пользователям [5]. *TikTok* — идеальная платформа для обновления тенденций и создания контента.

Площадка для обмена ценной информацией и место получения знаний. Вначале большая часть популярного контента в *TikTok* была развлекательной, например, танцы, подпевка под фонограмму, демонстрация талантов и т.д. Благодаря динамике роста и постоянным инвестициям со стороны *TikTok*, свидетельствующим о финансовой стабильности компании, образовательный контент становится все более популярным, превращая продукт массовой культуры в явление медиаобразования и воспитания. Управляющий директор *TikTok-Vietnam* Николас Фам заявил: «Во Вьетнаме *TikTok* зафиксировал выдающийся рост в 4 основных группах контента на платформе с января 2020 г. по январь 2021 г.: образовательный контент (рост примерно в 34 раза), развлечения (рост примерно в 34 раза), красота (увеличение примерно в 5 раз). Продукция и потребление электронной коммерции выросли примерно в 5 раз» [6]. Цифры доказывают, что образовательный контент представляет большой интерес для вьетнамских пользователей. Помимо положительных моментов, Tiktok также оказывает негативное влияние на вьетнамскую общественность.

Теория использования и удовлетворения (U&G) широко применяется в исследованиях на таких онлайн-платформах, как веб-сайт [7]. Эта теория отличается от теорий массовой коммуникации — установления повестки дня; теория фрейминга; «волшебной пули»; воздействия СМИ на получателя новостей. Теория U&G предполагает, что люди активно и сознательно выбирают информацию, необходимую им для удовлетворения своих конкретных потребностей. Эта теория не рассматривает общественность как пассивный субъект средств массовой информации, а объясняет мотивы и причины активного выбора пользователями СМИ. Интеракционистская теория U&G является одновременно социологической и социо-психологической теорией, которая объясняет, почему и как люди активно выбирают средства массовой информации [7]. Теория U&G развивается в двух направлениях: разнообразное развитие в соответствии с целями и проблемами пользователей, которые хотят удовлетворить средства массовой информации; и определить точку зрения пользователя на тип средства массовой коммуникации. Эта теория предполагает, что выбор и использование медиа является целенаправленным и мотивированным, при котором пользователи активно стремятся удовлетворить личные потребности и желания посредством различных выбранных видов использования медиа. U&G часто используется для исследования вопросов «как и почему» об использовании медиа с точки зрения пользователя. В частности, сравнивая мотивационные модели с U&G, ученые обнаружили, что U&G обеспечивает лучшее объяснение использования информационных услуг, объясняя прямое влияние внутренних и внешних потребностей как на контент, так и на процесс использования. U&G также подходит для объяснения постоянного роста использования СМИ, причем отдельные пользователи будут увеличивать время использовния социальных сетей, если их потребности удовлетворяются с помощью таких инструментов.

Спецификой платформы *TikTok* является то, что она привлекает пользователей своими уникальными функциями, такими, как возможность смотреть, создавать и делиться короткими видеороликами на самые разные темы с эффектами, подходящими для личных предпочтений, такими как фильтры, фоновая музыка, эффекты, наклейки на видео. Благодаря большому количеству пользователей во Вьетнаме видео на *Tiktok* может делиться информацией, знаниями, инструкциями… В настоящее время агентства печати во Вьетнаме также используют *Tiktok* в качестве канала передачи новостей, например, Вьетнамское телевидение (*VTV*), Голос Вьетнама (*BOB*), газета «Нхан Дан», «Лао Донг», «Дан Три»… Число подписчиков этих каналов также очень велико. Например, *VTV24* Вьетнамского телевидения: 6,6 млн.; Дэн Три — 3,3 миллиона, *VOV* — 2,1 миллиона [8]. Помимо традиционных каналов, новости прессы быстро принимаются общественностью через каналы пресс-агентств *Tiktok.* В настоящее время телевидение и радиовещание больше не пользуются популярностью среди молодежи Вьетнама, вместо этого они получают информацию через цифровые платформы.

Помимо новостей прессы, через эту платформу широко распространяются знания и в других областях. Эксперты говорят, что *TikTok* изменил социальные сети и стал «крупнейшей вирусной машиной в мире». Многие эксперты и талантливые люди обладают множеством полезных для общества знаний: от здравоохранения, образования, технологий, культуры… Общественность может получать большой объем знаний удобным способом. Например, у канала Доктора Кунга 585 тыс. подписчиков, у канала Доктора Данга 412,5 тыс. подписчиков.

Tiktok проводит образовательные кампании, такие как *LearnOnTikTok*, чтобы помочь людям учиться и обновлять знания для работы и повседневной жизни. За 3 года реализации этой кампании по состоянию на июль 2023 г. было 600 млрд. просмотров. Среди известных создателей: Цао Куонг Ву (3,9 млн.

подписчиков) — создатель контента о космосе, науке и обзоре полезных гаджетов; Дуй Там (3,9 млн. подписчиков) — технологический обозреватель с забавным стилем создания видео; Хюинь Дуй Кхуонг (1,3 млн. подписчиков) — консультант, делится работой, поведением и лидерскими качествами; Доктор Хай (646 тыс. подписчиков) — заместитель директора Института медицинских наук и технологий с видеороликами, дающими знания о здоровье; Нам Влог (817 тыс. подписчиков) известен своими видеороликами с интересными рецептами [8].

Удовлетворение потребностей общественности в пространстве TikTok. *Tiktok* на сегодняшний день считается платформой социальных сетей с самыми передовыми алгоритмами. *TikTok* использовал машинное обучение и алгоритмы для определения следующего видеоконтента на основе прошлого поведения при просмотре. Умный алгоритм ленты «Для вас» — персонализируйте и предложите видео специально для вас. Вот почему предлагаемые зрителям видеоролики вызывают у них интерес, и они продолжают прокручивать их, чтобы продолжить просмотр.

Tiktok с видео, включая яркие, привлекательные и доступные изображения и музыку. Это также причины, которые демонстрируют быстрый рост *Tiktok* в последние годы. Публике нужны яркие цифровые блюда и контент, который ее интересует.

Видеоконтент в тиктоке широк — пользователи могут получить доступ к контенту во всех областях: от развлечений, обучения, культуры, истории, купли-продажи. В частности, потребности публики можно разделить на следующие группы: *поиск информации; социальное взаимодействие; развлечения; социальное взаимодействие; тренд; выразите себя; шопинг*

Благодаря большому количеству пользователей во Вьетнаме *Tiktok* превратился в огромное бизнес-пространство. Он обещает повысить эффективность вашего бизнеса, поскольку позволяет охватить большое количество клиентов, не тратя много времени и денег. Продавцы и производители могут продавать товары с помощью видеороликов со ссылками на покупку, прямых трансляций или страниц демонстрации товаров. Магазин *Tiktok* стал одной из самых популярных платформ электронной коммерции. В *Tiktok* есть политика поддержки как продавцов, так и покупателей: расширение взаимодействия для продавцов, бесплатная доставка для покупателей, программы скидок. *TikTok Shop* — это возможность для бизнеса во многих областях быстро увеличить продажи. Пользователи по всему миру разнообразны по возрасту, интересам и местоположению. Благодаря развитию и инвестированию платформы преимущества *TikTok* дают возможность охватить большое количество потенциальных клиентов на рынке [9].

Tiktok предоставляет возможность частным лицам и предприятиям эффективно создавать бренды и повышать узнаваемость брендов. Согласно отчету *Metric*, общий доход магазина Tiktok за первые 6 месяцев 2023 г. составил 16 300 млрд. донгов при 117 млн. проданных товаров [9]. На конференции *TikTok Shoppertainment*, которая недавно прошла в Хошимине, представитель платформы также подчеркнул преимущество платформы в том, что она становится местом, где пересекаются развлекательный контент и коммерческие элементы.

Благодаря огромному количеству пользователей и миллионам видеороликов, создаваемых каждый день, *TikTok* преуспел в создании разнообразной и творческой культуры сообщества во всем мире. Во Вьетнаме миллионы создателей контента в самых разных областях с совершенно разными отправными точками. Г-жа Туи, офисная сотрудница, превратила свой канал *TikTok* в урок английского языка, дуэт отца и сына Ба и Бой с юмором показывает повседневные семейные моменты, или Бо Бап — каверпесню. Начиная с этой платформы, каждый человек, кажется, может раскрыть свой творческий потенциал. *TikTok* также стал источником значимых тенденций, передающих сообществу положительные ценности, таких как *vudieuruata* вьетнамский танец мытья рук, который распространяется по всему миру, или *#onhavanvui*, призывающий людей к ограничению расходов. Во время Covid-19 на *TikTok* оказалось более чем 10,2 млрд. просмотров [10]. Уникальные кампании с уникальными эффектами и запоминающейся музыкой охватили миллионы пользователей по всему миру.

Выводы. Платформа *TikTok* стала незаменимой частью жизни миллиардов людей по всему миру благодаря разнообразному и уникальному контенту, постепенно формируемому с учетом интересов молодых пользователей. Социальные сети стали пространством общения и «виртуальным» миром, сливающимся с реальным миром миллионов пользователей. Демонстрируя практические действия, она приносит пользу обществу и формирует положительные ценности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Преимущества и недостатки ТикТок.— Режим доступа: https://infographics.vn/loi-va-hai-cua-tiktok/209331.vna (дата обращения: 20.03.24).

2. TikTok и путь к диверсификации мирового творческого сообщества.— Режим доступа: https://thanhnien.vn/tiktok-va-hanh-trinh-da-dang-hoa-cong-dong-sang-tao-toan-cau-185995067.htm (дата обращения: 20.03.24).

3. Social Media in Vietnam-2023 Stats & Platform Trends.— Режим доступа: https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/vietnam (дата обращения: 20.03.24).

4. Социальные сети во Вьетнаме: статистика и тенденции.— Режим доступа: https://oosga.com/social-media/vnm/ (дата обращения: 20.03.24).

5. Цифровой маркетинговый отчет: we are social.— Ре-

жим доступа: https://ychoc.com/vietnam-digital-report-2024/ (дата обращения: 20.03.24).

6. Фам Николас. Социальные сети и «виртуальный мир».— Режим доступа: https://openlibrary.org/people/nicholas_pham (дата обращения: 20.03.24).

7. Wu Wang Ha. The pace of digital transformation.— Режим доступа: https://tuyengiao.vn/nghien-cuu/bao-chi-truyen-thong-trong-xu-the-chuyen-doi-so-137238 (дата обращения: 20.03.24).

8. The world's most popular iPhone app isn't Facebook or WhatsApp. Zheping Huang, 12 января 2019.— Режим доступа: https://ok.ru/proginesis/topic/155665893195229 (дата обращения: 20.03.24).

9. Колебания на рынке электронной коммерции Вьетнама в 2023 году.— Режим доступа: https://subiz.com.vn/blog/thuong-mai-dien-tu-viet-nam-nam-2023.html (дата обращения: 20.03.24).

10. Decision Lab.— Режим доступа: https://tracxn.com/d/companies/decisionlab/_VRhfKJaFtWx6Q6GzITyBIqvxU7PTuiS3i6-xhBfU30 (дата обращения: 20.03.24).

Университет Дай Нам

Чан Ван Ле, кандидат филологических наук, факультет коммуникации

E-mail: letv@dainam.edu.vn

Dai Nam University

Tran Van Le, Candidate of Philology, Faculty of Communication

E-mail: letv@dainam.edu.vn

УДК 070

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

И. Э. Найговзин

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 24 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются особенности формирования коммуникативных стратегий Общественного телевидения Российской Федерации. Анализ теоретических и практических подходов к построению типологии программ общественного телевидения показывает, что формирование коммуникативных стратегий происходит на основе взаимодействия телеканала с активным участием всех элементов диалоговой модели медиакоммуникации: общество, контент медиаканала, журналисты, эксперты, институты власти и управления.*
Ключевые слова: *методология медиакоммуникации, типология телепрограмм, цифровые трансформации медиа, диалоговая модель медиакоммуникации.*

Abstract: *the article examines the features of the formation of communicative strategies of public television in the Russian Federation. An analysis of theoretical and practical approaches to constructing a typology of public television programs shows that the formation of communication strategies occurs on the basis of the interaction of a television channel with the active participation of all elements of the dialogue model of media communication: society, media channel content, journalists, experts, institutions of government and management.*
Keywords: *media communication methodology, typology of television programs, digital transformations of media, dialogue model of media communication.*

Введение. Постановка вопроса. Каждый канал телевидения, радиовещания, редакция печатного издания разрабатывает собственную коммуникативную стратегию взаимодействия со своей целевой аудиторией, соотносит ее с установками, целями и задачами издателя, что в итоге предопределяет тематико-жанровую и адресную структуру журналистских материалов, телерадиопрограмм в целом. Как правило, коммуникативная стратегия должна учитывать также деятельность других каналов медиакоммуникации и в конечном счете определять место, функции и тип издания, направленность телерадиовещания. Можно сказать, что коммуникативные стратегии представляют собой фундаментальные характеристики медиакоммуникации и журналистики. Вот почему научное исследование функций, структуры и типологических особенностей коммуникативных стратегий является актуальной научной проблемой и практической задачей медиакоммуникации и журналистики.

Изученность и научная разработанность проблематики. В научной литературе предложено немало методологических подходов и обоснований коммуникативных стратегий. Наиболее заметным, получившим всеобщее признание, является разработанное С. А. Дацюком на типологическом уровне определение коммуникативных стратегий. Согласно данной типологии, коммуникативные стратегии выстраиваются в соответствии со следующими типоформирующими признаками — характеристиками «целевой коммуникации»: конвенциональной (согласия), презентационной, манипуляционной, навязыванием смыслового пространства в своей стратегии [1].

При этом собственно стратегия обладает достаточно широким полем значений. Аналитики предлагают следующие стратегические характеристики: долговременный план, принцип поведения, позиция, программа перспективных действий и др. [2, 70].

Наиболее объемным, включающим в себя совокупность характеристик и типоформирующих системных признаков, получивших признание в научном сообществе является определение коммуникативных стратегий в сфере медиа и журналистики, предложенное профессором Е. Я. Дугиным. Согласно его концепции, под коммуникативными стратегиями понимается «совокупность политических, законодательных, идеологических, управленческих, изобразительно-выразительных средств и технологий, проблемно-содержательных, жанрово-тематических структур, форм и методов подачи материалов медиа, направленных на удовлетворение информационных, познавательных, культурных и развлекательных по-

© Найговзин И. Э., 2024

требностей аудитории, интересов структур власти и управления» [3, 353].

Научный интерес к проблеме коммуникативных стратегий усилился в последние годы в связи с переходом медиакоммуникации и журналистики на информационно-цифровые технологии сбора, аккумуляции и распространения информации. Однако специального научного исследования коммуникативных стратегий общественного телевидения России не проводилось по ряду объективных и субъективных причин и обстоятельств. Между тем актуализируется настоятельная необходимость разработки концепции общественного телевидения в связи с потребностью аудитории в выражении мнения, научного обоснования коммуникативных стратегий телевизионного вещания во взаимодействии с различными слоями населения с учетом их ценностных ориентаций, культурных и духовно-нравственных потребностей, налаживании моделей «обратной связи» между институтами власти и управления и обществом в целях задач консолидации всех общественных сил. В настоящей статье автор предпринимает попытку сформулировать коммуникативные стратегии общественного телевидения, выстроить их типологию на основе взаимодействия с аудиторией в системе «канал коммуникации — общество».

Взаимодействие медиакоммуникации с обществом — фундаментальная характеристика информационно-коммуникативных процессов. В практическом воплощении система «канал коммуникации — общество» может принимать многообразные методы, формы и способы взаимодействия, среди которых на уровне редакции принято выделять коммуникативные стратегии в виде сетки телерадиовещания, макета периодического издания, тематико-жанрового плана издания и т.д. Вся совокупность обозначенных характеристик и типоформирующих признаков концентрируется в качестве разнообразных типов информационно-коммуникативных каналов, которые подвергаются определенным трансформациям в зависимости от изменений, происходящих в социально-политическом устройстве государства и общества. В российском обществе в последние десятилетия одним из доминирующих факторов типообразования системы медиакоммуникации становятся ценностные ориентации, информационно-духовные запросы, социокультурные потребности различных слоев населения. «Важно подчеркнуть,— справедливо замечает известный исследователь медиа, профессор Е. Л. Вартанова,— что типология СМИ уже с середины 1990-х гг. начала изменяться не только под влиянием трансформации социальной структуры общества и, как следствие, изменения медиазапросов россиян, но и под воздействием интересов рекламодателей, искавших доступ к новым потребительским сообществам и целевым группам потребителей» [4, 66].

В случае с общественным телевидением влияние рекламодателей на формирование типа телепрограмм нельзя признавать доминирующим хотя бы потому, что, согласно закону, размещение рекламы на данном канале запрещено. Таким образом, из системы типоформирующих характеристик наиболее значимым остаются информационно-коммуникативные, социокультурные запросы целевой аудитории, которые в значительной мере определяют тип телепрограммы и коммуникативные стратегии взаимодействия канала с различными группами целевой аудитории.

Кроме того, на трансформацию типологии медиаканалов, на изменения медиапространства в целом оказало влияние бурное развитие популярности социальных сетей. Исследователи отмечают, что примерно с 2015 г. произошел резкий скачок в распространении мобильной телефонной связи, мессенджеров, которое не могло не пройти незамеченным для системы медиакоммуникации в стране. За последнее десятилетие «появились новостные паблики в социальных сетях, чуть позже стали развиваться мессенджеры, что изменило всю структуру медиапространства. А распространение мобильных телефонов поменяло модель медиапотребления» [5, 12].

Особенности типоформирования общественного телевидения. Отмеченные новации в способах распространения информации, оказавшие системные изменения особенностей медиапотребления, сказались на формировании типологии медиакоммуникации в условиях перехода телевидения на цифровые форматы вещания, на развитие информационно-цифровых технологий сбора, распространения аудиовизуальной информации, на способы коммуникации целевой аудитории и коммуникативных сообществ как по вертикальным, так и по горизонтальным каналам медиакоммуникации и журналистики.

Учитывая совокупность системных трансформаций медиакоммуникативной индустрии, исследователи предлагают современную типологию современных медиа в соответствии со следующими типоформирующими признаками: «по регистрации в Роскомнадзоре (институциональные, неинституциональные); по охвату аудитории (межрегиональные, региональные, муниципальные, корпоративные); по характеру аудитории (по возрастному, национальному, конфессиональному признакам, по политической принадлежности, иные); по учредителям/владельцам (государственные, частных или коммерческих структур, в том числе корпораций, индивидуальных лиц); по целевому назначению (новостные, рекламные, развлекательные иные); по тематике контента (универсальные/политематические, специализированные/нишевые); по гипертекстуальности (используется гипертекст, не используется гипертекст); по содержательному наполнению и подаче информации (элитарные, массовые); по способу распространения

(традиционные, цифровые, смешанные); по периодичности выхода (ежедневно, один или несколько раз в неделю, в месяц, в год). Выявленные типологические черты как объединяют некоторые общие для всех видов СМИ признаки, уже выделенные раньше, так и содержат новые, отнесенные ранее только к какому-то определенному виду медиа» [5, 23–24].

Теоретический концепт контента общественного телевидения. Следуя фундаментальному принципу преемственности научных изысканий, представляется необходимым принять предложенную модель за некую матрицу типологических признаков и в последующем «приложить» теоретический концепт к анализу общественного телевидения. Если, например, взять в качестве методологического обоснования типоформирующий признак «регистрация в Госкомнадзоре», то он окажется универсальным для любого канала медиакоммуникации. Полное совпадение типоформирующих признаков присуще и другим свойствам медиамоделей, таким как охват и специфические свойства аудитории, ее социально-демографические характеристики, национальный, конфессиональный состав. Едва ли не всем медиаканалам свойственны такие типоформирующие признаки, как целевое назначение (новостные, рекламные, развлекательные иные); тематическая структура контента (универсальные/политематические, специализированные/нишевые); содержательное наполнение и особенности подачи информации; способ распространения (традиционные, цифровые, смешанные); периодичность выхода в эфир или в случае печатной продукции «выпуск в свет». Все эти «совпадающие» признаки можно назвать универсальными. Наборы выделенных здесь типоформирующих признаков традиционно входят в совокупность характеристик, описывающих коммуникативные медиамодели в рамках типологического направления медиаисследований.

Однако в современных типологических построениях наблюдается существенное отличие от традиционных типологических моделей медиа, а именно — такой признак как *гипертекстуальность,* который появился одновременно с переходом медиа на информационно-цифровые технологии.

Типологической модели общественного телевидения свойственны почти все отмеченные здесь типоформирующие признаки с преобладанием содержательных характеристик социальной направленности, что позволяет отнести телеканал к информационно-коммуникативному, познавательно-просветительскому типу вещания.

Типологические признаки медиамодели общественного вещания, такие как социально-демографические характеристики телезрителей, в частности национальный, конфессиональной состав аудитории, ее информационно-коммуникативные, социокультурные, духовно-нравственные запросы и потребности, ценностные ориентации, информационно-культурная активность, в той или иной мере косвенно прослеживается в телефонных видео и аудиозвонках в студию, в письмах телезрителей.

Однако в преобладающем большинстве своем отмеченная совокупность характеристик аудитории остается «терра инкогнита» для журналистов телеканала, создателей телевизионной продукции. По признанию первого руководителя и основателя канала А. Лысенко с самого начала и в последующем не было проведено ни одного социологического исследования целевой аудитории общественного телевидения. «К слову сказать,— пишет известный медиаисследователь, профессор Е. Я. Дугин,— и поныне низкий уровень информированности производителей продукции о зрительских вкусах, потребностях и ценностных ориентациях аудитории остается одной из главных проблем, снижающих качество вещания. Приблизительность знаний об аудитории, на уровне интуиции, обедняют формы и содержание передач, а главное — разрывают системную целостность телевидения как средства коммуникации. <…> Согласно законам системного функционирования, без «обратной связи» деятельность системы неэффективна, а в случае имитации обречена. Следовательно, формирование многопрограммного, цифрового вещания, создание и распространение контента, основанного на интуитивных или фрагментарных представлениях об аудитории, равно как и искусственное имитирование «обратной связи», бесперспективная, если не сказать тупиковая, коммуникативная стратегия телевещания» [6, 58].

Аудиторные характеристики телезрителей как фундаментальное обоснование формирования коммуникативных стратегий общественного телевидения. Несмотря на приблизительность, условность представлений о «своих» телезрителях, аудиторные характеристики почитателей телеканала выступают в качестве фундаментального основания для выработки коммуникативных стратегий общественного телевидения. За время функционирования канала сложилась специфическая типология коммуникативных стратегий, в основе которых в качестве ведущего типоформирующего фактора заложен характер взаимодействия с телезрителями. Главное отличительное свойство телеканала общественного телевидения, похоже, заключается в создании модели «форума», совместного соучастия производителей контента и менеджеров в выявлении актуальных социальных проблем и в публичном обсуждении путей преодоления недостатков в жизни населения, преимущественно проживающего в регионах.

Способов и приемов достижения результатов в программной политике канала выработано немало. И большинство из них направлено на максимальное совпадение «медийной повестки» с актуальной житейской проблематикой, представляющей интерес

для массового населения и отдельных представителей коммуникативных сообществ. И в этом смысле тематико-жанровая структура вещания характеризуется широким многообразием: социальные вопросы жизни государства и общества, проблемы бедности, социальной защиты и помощи незащищенным слоям населения, благоустройство населенных пунктов, экология, проблемы эмигрантов и неполных семей, пенсионное обеспечение, доступность и качество образования, проблемы здравоохранения, медицины и другая социальная проблематика. Экранное отображение той или иной проблематики не отличается на общественном канале богатым жанровым разнообразием. Как правило, жанровая структура наполнена беседами ведущих в студии, ответами на телефонные звонки телезрителей, комментариями экспертов. Типология зрительского участия в передачах аналогична для традиционных форм вещания подобных телепрограмм других медиаканалов.

Специфичность телеканала — доминирование передач социальной проблематики. Пожалуй, единственное отличие тематико-жанровой структуры общественного телевидения заключается в доминировании передач социальной проблематики. Ведущие следуют незыблемому правилу — рассматривать любой факт в ракурсе интереса телезрителей, запросов и потребностей различных слоев населения, используя для этого многообразие приемов солидаризации с простыми гражданами. Разумеется, такой подход не может не заинтересовать массовую аудиторию, проживающую, как правило, в небольших поселках и малых городах. Зрительская типология адресной направленности ориентирована на широкий круг заинтересованных в постановке и решении житейских, социальных проблем, сопровождающих рутинную каждодневную обыденность каждого «простого» человека.

Функциональная, тематико-жанровая структура и адресная направленность телевизионного вещания в системном единстве выполняют задачи публичного представления, защиты социально значимых интересов общества в рамках классической коммуникативной модели путем «организации открытого и прямого взаимодействия между экспертным сообществом, властью и гражданами, организация информационного участия населения в работе СМИ» [7, 53].

Таким образом, рассмотренные подходы к построению типологии программ канала «Общественное телевидение России» направлены на формирование коммуникативной стратегии взаимодействия на основе всех системообразующих элементов диалоговой модели медиакоммуникации: общество, контент медиаканала, журналисты, эксперты, институты власти и управления.

Заключение. Проведенный в настоящей статье анализ позволяет сделать следующие выводы:

— Общественное телевидение России можно рассматривать как коммуникативный канал для широких слоев населения. В рамках традиционной типологии медиа он занимает место информационно-просветительского типа вещания. По своей функциональной специфике передачи общественного телевидения могут выполнять задачи выявления насущных социальных проблем и совместно с различными слоями населения находить пути их конструктивного решения. Данный подход диалогового взаимодействия с телезрителями может рассматриваться в качестве реально действующей и перспективной коммуникативной стратегии консолидации всех созидательных сил общества, что особенно ценно в современных российских условиях.

— За время деятельности общественного канала телекоммуникации накоплен определенный опыт вовлечения аудитории в обсуждение социально значимых проблем, в содействии выражения собственной точки зрения, гражданской позиции, лично мотивированного политического участия граждан в делах государства, в обретении и утверждении активной жизненной позиции различными слоями населения. Достижению этих целей способствуют коммуникативные стратегии медиаканала, которые, в частности, находят воплощение в информационно-публицистических, дискуссионно-просветительских передачах общественного телевещания.

— Подавляющему большинству программ и передач телеканала свойственен взвешенный, аналитический подход к рассмотрению вопросов, касающихся каждодневной жизни населения регионов, малых городов, небольших поселений. Эта адресная ориентация на жизнь «маленького человека», внимание к бытовым деталям, к подробностям жизни людей «из глубинки», которая, как правило, не находит места и не удостаивается вниманием на других федеральных каналах. В конечном счете подобная адресно-целевая направленность телеканала завоевывает зрительские симпатии, придает материалам «человеческое измерение».

— Отмечая позитивные подходы в развитии диалогового подхода на телеканале «Общественное телевидение России», отметим, что журналисты следуют традициям «доцифрового» этапа развития медиаиндустрии, когда фактически не учитывалось наличие коммуникативных сообществ, почти не практиковалось стимулирование аудитории на ведение дискуссий по социально значимым проблемам. В практике вещания продолжают преобладать жанры и формы, не предполагающие дальнейшего обсуждения в социальных сетях, среди членов коммуникативных сообществ.

Как известно, в условиях мультимедийности, современные публикации газет, материалы телевидения и радио должны быть построены таким образом, чтобы у читателя, зрителя, слушателя появилось желание поделиться своими впечатлениями

от информации со своими товарищами, близкими, участниками коммуникативного сообщества. Пока подобная практика последствий коммуникативного акта не приобрела качества системности на общественном медиаканале.

— Одним из подходов, способствующих укреплению и развитию диалоговых отношений между каналами медиакоммуникации и аудиторией, выступают так называемые сопутствующие издания. Известен опыт газет «Аргументы и факты», «Комсомольская правда», телекомпании «Мир», которые наряду с основными выпусками размещают аналитические материалы в сопутствующих печатных изданиях, способствуя усилению эффекта аккумуляции социально значимой информации. Благодаря такому подходу информация в диалоговой модели взаимодействия с аудиторией приобретает новое качество аналитичности и конструктивности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дацюк С. А. Коммуникационные стратегии / С. А. Дацюк // Центр гуманитарных технологий.— Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/articles/2751 (дата обращения: 20.02.2024).

2. Гаврa Д. П. Понятие и характеристики коммуникационной стратегии / Д. П. Гаврa // Российская школа связей с общественностью, 2019.— № 15.

3. Дугин Е. Я. Медиаиндустрия в условиях цифровых трансформаций: научное издание / Е. Я. Дугин.— М., 2021.

4. Вартанова Е. Л. Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики / Е. Л. Вартанова.— М., 2014.

5. Дементьева К. В. Системные, структурные, организационные и типологические особенности формирования региональных медиамоделей СМИ: автореф. дис. … д-ра филол. наук / К. В. Дементьева.— М., 2023.

6. Дугин Е. Я. Коммуникативная стратегия телевидения в условиях формирования «коммуникативных сообществ» / Е. Я. Дугин // История отечественного телевидения: Взгляд исследователей и практиков.— М., 2012.

7. Назарова Т. В. Функциональная специфика программ канала «Общественное телевидение России» / Т. В. Назарова // Вестник Волгоградского государственного университета. Литературоведение.— 2021.— № 1 (20).

Воронежский государственный университет

Найговзин И. Э., соискатель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: igornaygovzin@mail.ru

Voronezh State University

Naigovzin I. E., Graduate Student of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: igornaygovzin@mail.ru

УДК: 659.118.5

ТЕХНИКА САМОРАСКРЫТИЯ БЛОГЕРА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ АУДИТОРИИ К РЕКЛАМЕ

Т. А. Осенкова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 14 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье исследуется феномен доверия в контексте восприятия информации, размещенной в социальных медиа. Выявляются особенности использования техники самораскрытия блогерами для формирования доверия аудитории, а также исследуется степень эффективности использования данной техники для повышения доверия к рекламе, размещенной в блоге.*
Ключевые слова*: доверие, самораскрытие, самопредставление, реклама, социальные медиа.*

Abstract: *the article examines the phenomenon of trust in the context of the perception of information posted on social media. The article describes the features of self-disclosure for building audience trust, and also explores the effectiveness of using this technique to increase trust in advertising on a blog.*
Keywords*: trust, self-disclosure, self-presentation, advertising, social media.*

Исследование формирования доверия в российской и зарубежной науке является достаточно сложным вопросом, прежде всего из-за обилия трактовок понятия. Не добавляет ясности и попытка сопоставить русское слово «доверие» с эквивалентами в английском языке. «Большой русско-английский словарь» предлагает 8 вариантов перевода лексемы на английский язык: trust, confidence, credence, faith, reliance, credit, belief, dependence.

Понятие доверия также сложно отнести к определенной научной отрасли: феномен доверия исследуется и социологами, и экономистами, и философами, и педагогами, и политологами, и психологами.

В советской этике доверие рассматривалось, как нравственное понятие, выражающее такое отношение одной личности к другой, которое исходит из убежденности в ее добропорядочности, верности, ответственности, честности, правдивости [1].

В определении, предлагаемом Ф. Фукуямой, феномен доверия выходит за рамки отношений «личность — личность», описывая его как возникающее в обществе ожидание того, что его члены будут вести себя честно и выражать готовность к взаимопомощи в рамках существующих в этом обществе культурных, религиозных и этнических норм [2].

При изучении феномена доверия в контексте массовых коммуникаций, нам представляется целесообразным ориентироваться на оба подхода, так как нашей задачей является изучение доверия и к личности (блогеру), и к компании-рекламодателю.

Так или иначе, большинство исследователей придерживается мнения о том, что доверие состоит из когнитивного и аффективного компонента. Когнитивный компонент, или компонент познания, представляет собой оценку человеком заслуживающих доверия атрибутов объекта, таких как надежность, доброжелательность или честность. Эмоциональный, или аффективный, компонент представляет собой чувства человека (в нашем случае потребителя информации) относительно объекта. Это может быть эмоциональная безопасность или уверенность, а может быть недоверие и подозрительность, основанные на внутренних нерациональных ощущениях.

Одной из наиболее эффективных техник, располагающих аудиторию к доверительному взаимодействию, является самораскрытие. Самораскрытие для установления наиболее близкого контакта с аудиторией используется педагогами, психологами, медицинскими работниками, журналистами.

С точки зрения психологии личности самораскрытие можно рассматривать как форму самовыражения личности в общении с другими индивидами.

С. Джурард дает довольно простое и емкое определение самораскрытию. Это «процесс сообщения информации о себе другому лицу или группе лиц» [3, 9].

К характеристикам самораскрытия можно отнести избирательность, дифференцированность, глубину, широту, продолжительность, эмоциональность.

Традиционно наиболее глубокое самораскрытие свойственно в первую очередь интимно-личностному общению, при котором наблюдается максимальная взаимная заинтересованность в установлении и поддержании доверительных отношений. Для светского и делового общения слишком глубокое самораскрытие традиционно считается неуместным.

Важно отметить, что существует понятие псевдосамораскрытия, при котором субъект осознанно скрывает или искажает информацию о себе.

Самораскрытие (также как псевдосамораскрытие) может использоваться как одна из технологий самопредъявления.

© Осенкова Т. А., 2024

Самопредъявление, или самоподача, в свою очередь, на протяжении полутора веков рассматривается психологами как стремление к управлению впечатлением, которое субъект может производить на окружающих [4].

На сегодняшний день погружение человека в мир социальных сетей, где зачастую стираются границы между деловым, светским и личным общением, подталкивает многих пользователей к самораскрытию перед достаточно, а иногда и бесконечно широкой аудиторией.

Пользователи, регулярно ведущие свои аккаунты, зачастую выдают о себе гораздо больше личной информации совершенно незнакомым людям, чем они могут рассказать при личном общении, например, коллегам и ли знакомым, не выходя при этом за рамки психологически комфортного и безопасного общения.

Этот разрыв между опасениями и поведением, связанным с конфиденциальностью, также называют парадоксом конфиденциальности [5].

Согласно ранним исследованиям, человеческие разговоры включают в себя, в частности, обмен личным опытом, личными отношениями и индивидуальными мнениями. Более того, исследователи Тамир и Митчелл предполагают, что возможность рассказать о себе, своей жизни и переживаниях другому является такой же потребностью, как потребность в пище и размножении [6].

Что касается онлайн-контекста, самораскрытие можно определить как процесс предоставления и передачи личной информации другим людям через Интернет, при этом это может осуществляться как рефлексивно — в результате ряда умозаключений, так и импульсивно, например по причине переполняющих автора эмоций.

Делясь аспектами личной жизни в социальных сетях, пользователи могут получить различные преимущества, такие как поддержание отношений или построение новых, представление себя или получение социальной поддержки, обозначение собственного уникального места в мире, получение эмоциональных реакций на явления из своей жизни, которых зачастую не хватает от окружающих в офлайн [7].

Самораскрытие в социальных сетях — это тенденция, за которой стоит выбор, каждый раз осуществляемый актором при принятии решения об обнародовании той или иной информации о своей личности.

В соответствии с теорией двойного процесса принятия решений за каждым решением индивида стоит тесное взаимодействие стратегических (рефлексивных) и импульсивных (интуитивных) процессов. Интуитивная нейронная система, называемая исследователями системой 1, обеспечивает довольно быструю, почти мгновенную обработку поступающей информации в то время, как более медленная система 2, отвечающая за рационально-аналитическую обработку информации обрабатывает данные неспешно, однако при этом когнитивное контролируется индивидом. Взаимодействие обеих систем обеспечивает индивиду гибкость и возможность задействовать все имеющиеся анализаторы [8].

Исходя из вышесказанного, предположение о том, что, вынося на общее обсуждения факты личной жизни, пользователь руководствуется прежде всего эмоциональными мотивами, выглядит вполне логично. Предположение подкрепляется и тем фактом, что при раскрытии личной информации краткосрочные положительные последствия (мгновенные эмоциональные реакции, комментарии) оказываются для него значительнее возможных долгосрочных последствий (возрастание психологической и физической уязвимости).

В случае ведения коммерческих аккаунтов, система 2 играет первостепенную роль в принятии решения о самораскрытии. Автор блога принимает решение о раскрытии личной информации более взвешенно, учитывая опыт наблюдения за реакцией своей аудитории.

Однако главный вопрос нашего исследования: является ли самораскрытие блогера фактором повышения доверия не только к самой личности, но и рекламному контенту блога.

На сегодняшний день специалисты в области SMM-продвижения обращают внимание на рост доверия к локальным инфлюенсерам: так называемым наноблогерам (до 50 000 подписчиков), микроблогерам (от 50 000 до 100 000) и мини-блогерам (от 100 000 до 500 000) [9].

Несмотря на невысокий охват аудитории, размещение рекламных сообщений блогерами с небольшой аудиторией подписчиков довольно эффективно. Это связано с формирующимся у потребителя информации доверием: благодаря тому, что локальный инфлюенсер или блогер, увлеченный той же узкой тематикой, что и потребитель, воспринимается не как медийная персона, а как «виртуальный друг», аудитория больше вовлечена во взаимодействие, быстрее реагирует на публикации и справедливо ожидает ответов от самого хозяина аккаунта. Реклама нанонблогера воспринимается не как способ заработка, а как совет знакомого.

Особенно высокий уровень доверия демонстрируют, как правило, самые старые подписчики, наблюдавшие за развитием блога и трансформацией личности блогера с самых первых постов. Часто такие подписчики даже искренне рады появлению первой рекламы на канале. Среднее вовлечение, по данным некоторых специалистов, в таких случаях может достигать 15 процентов [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках проведенного нами исследования, было выбрано 27 аккаунтов блогеров, размещающих лайфстайл-контент и рекламные сообщения на своих

каналах. Для анализа был взят временной период с 1 ноября по 31 декабря 2023 г.

При выборе каналов учитывался возрастной критерий целевой аудитории. В первую группу входили каналы, рассчитанные на молодежную аудиторию от 16 до 24 лет. В первую очередь это аккаунты, посвященные какой-то популярной тематике (комиксы, анимэ, книжные блоги и проблемы молодежи).

Вторая категория — это блогеры, популярные среди аудитории от 25 до 45 лет, размещающие контент о быте, покупках, семье, здоровом образе жизни, путешествиях, саморазвитии и родительстве.

Для аудитории от 45 лет характерен интерес к лайфстайл-блогам, посвященным хозяйству, кулинарии, профессиональному мастерству.

Мы раздели контент блогеров на три уровня по глубине самораскрытия:

Первый уровень — минимальный уровень самораскрытия, необходимый для создания интереса аудитории к личности. Подписчики знают имя, регион, профессию, семейное положение блогера, некоторые его предпочтения.

Второй уровень — средний уровень, блогер рассказывает не только о себе, но и о своих близких, рассказывает о личных привычках, иногда о своих проблемах и проблемах членов семьи.

Третий уровень — максимально глубокий уровень самораскрытия, при котором общение с аудиторией близко к интимно-личному, блогер не скрывает эмоций, делится личными драмами.

В качестве критериев доверия к публикациям мы брали коэффициент вовлеченности, который сам по себе не является определяющим критерием уровня доверия, однако его должный уровень является необходимым фактором для формирования доверительного общения. Вторым показателем является структура обратной связи, в том числе соотношение комментариев под постами по отношению к другим активностям, а также содержание самих комментариев.

Итак, для того чтобы измерить коэффициент вовлеченности, нужно установить соотношение количества взаимодействий с постом к количеству подписчиков канала.

Самый высокий уровень вовлеченности продемонстрировали подписчики блогеров с самой молодой аудиторией. Наименее вовлеченной по результатам нашего исследования оказалась аудитория от 25 до 45 лет (см. табл. 1). Важно отметить, что каждая из возрастных категорий показала достаточно высокий уровень зависимости активности подписчиков от глубины самораскрытия автора.

Таблица 1.

Средний коэффициент вовлеченности в контент блогеров

Уровень самораскрытия / Возраст аудитории	1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень
до 25 лет	1,16%	3%	4,6%
от 25 до 45 лет	0,5%	1,8%	2%
от 45 лет	0,8%	1,9%	3,4%

Теперь сравним данный результат с коэффициентом вовлеченности в рекламный контент.

Практически во всех случаях средняя вовлеченность аудитории при публикации рекламной информации значительно падала (см. табл. 2). Если говорить об аккаунтах, авторы которых демонстрировали низкий уровень самораскрытия, коэффициент вовлеченности падал в десятки раз, то для аккаунтов с высоким уровнем самораскрытия автора характерно удержание довольно высоких показателей.

Юная аудитория относится к рекламной информации блогера, который делится с ней своими личными проблемами, достаточно лояльно, довольно эмоционально реагируя на предложения перейти по ссылке и познакомиться с продукцией. Комментарии под такими сообщениями, как правило, однообразны по содержанию (например, под предложением приобрести ободок и напульсники на канале «Здорово, это Трунева» более половины комментариев содержат восторженные эмодзи и междометия).

Наиболее негативно воспринимает рекламную информацию возрастная группа от 25 до 45 лет.

Подписчики аккаунтов, рассчитанных на более зрелую аудиторию, достаточно часто могут критично оценивать рекламные сообщения, вступать в дискуссию по поводу рекламируемого продукта. Особенно ожесточенные дискуссии ведут сторонники и противники рекламируемых БАДов, часто под рекламными сообщениями возникают споры между критикующими «новичками» и преданными подписчиками, встающими на защиту продукта, гарантом качества которого является, блогер, который, по их мнению, ответственно относится к выбору рекламодателей.

Стоит также отметить, что часть постоянной аудитории адаптируется к регулярному размещению рекламных сообщений, игнорирует их содержание и использует комментарии как площадку для обсуждения злободневных тем, размещение вопросов к аудитории или публикации своей рекламы, что, как правило, карается вплоть до исключения. В таких случаях коэффициент вовлеченности не соответствует истине, и такого рода практика показывает отсутствие интереса и, как следствие, доверия к рекламному сообщению.

Таблица 2.

Средний коэффициент вовлеченности в рекламный контент блогеров

Уровень самораскрытия / Возраст аудитории	1-й уровень	2-й уровень	3-й уровень
до 25 лет	0,6%	1,73%	3,7%
от 25 до 45 лет	0,01%	1,6%	1,8%
от 45 лет	0,4%	1,6%	2,7%

Заключение. Таким образом, исходя из результатов исследования, мы можем утверждать что, чем выше уровень самораскрытия, тем выше вовлеченность аудитории в обсуждение рекламных постов.

Техника самораскрытия блогера имеет ряд неоспоримых преимуществ как для развития самого блога, так и для размещения рекламного контента, позволяя:

— повысить эмоциональную вовлеченность аудитории в контент, благодаря возможности сопереживать автору, рассказывающего о типичных проблемах обывателя;

— способствует формированию ассоциативной связи между блогером и рекламируемым им продуктом;

— создает ощущение короткой дистанции между автором и аудитории, на уровне интимного общения, благодаря которой реклама воспринимается как совет друга.

Самораскрытие является мощным инструментом формирования доверия аудитории, однако стоит отметить, что глубокое самораскрытие блогера ведет к максимальному стиранию границ с аудиторией, представители которой зачастую раскрываются под постами в ответ, зачастую вступая в конфликт с образовавшимся виртуальным сообществом. Более того, в структуре подписчиков есть определенная доля людей, которых сложно назвать лояльными, часть из которых на самом деле испытывает недоверие и даже неприязнь к автору. Активность данного сегмента способна навредить репутации автора и рекламируемого продукта.

Данный сегмент аудитории должен учитываться и изучаться как блогером, так и рекламодателями, при необходимости с применением грамотной модерации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рутковский Б. А. Понятие доверия в марксистской этике: автореф. дис. … канд. филос. наук / Б. А. Рутковский.— Киев, 1967.

2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма.— М., 2008.

3. Jourard S. The Transparentself / S. Jourard.— N.Y., 1971.— Режим доступа: https://sidneyjourard.com/TRANSPARENTSELFFINAL.PDF (дата обращения: 09.02.2024).

4. Ахмадеева Е. В. Стратегии и тактики самопредъявления как факторы межличностного взаимодействия / Е. В. Ахмадеева, С. А. Башкатов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология.— 2022.— № 1.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-i-taktiki-samopredyavleniya-kak-faktory-mezhlichnostnogo-vzaimodeystviya (дата обращения: 09.02.2024).

5. Barth S., de Jong M. D. T. The privacy paradox — Investigating discrepancies between expressed privacy concerns and actual online behavior — A systematic literature review. Telemat. Informatics 34, 2017. 1038–1058. doi: 10.1016/j.tele.2017.04.013.

6. Tamir D. I., Mitchell J. P. Disclosing information about the self is intrinsically rewarding. Proc. Natl. Acad. Sci. U.S.A. 109. 2012. 8038–8043. doi: 10.1073/pnas.1202129109.

7. Ostendorf S., Müller S. M., Brand M. Neglecting Long-Term Risks: Self-Disclosure on Social Media and Its Relation to Individual Decision-Making Tendencies and Problematic Social-Networks-Use/ Front. Psychol., 27 October 2020 Sec. CognitionVolume 11–2020 | https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.543388.— Режим доступа: https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fpsyg.2020.543388/full (дата обращения: 09.02.2024).

8. Fasse Léonor, Zech Emmanuelle. The Dual Process Model of Coping with Bereavement in the test of the subjective experiences of bereaved spouses. An interpretative phenomenological analysis // OMEGA: Journal of Death and Dying. 2015. 74 (2): 212–238. doi:10.1177/0030222815598668.

9. Первый индустриальный словарь рынка Influencer Marketing.— Режим доступа: https://adpass.ru/pervyj-slovar-rynka-influencer-marketing/ (дата обращения: 09.02.2024).

10. Почему крупные бренды выбирают нано- и микроблогеров? — Режим доступа: https://exlibris.ru/news/pochemu-krupnye-brendy-vybirayut-nano-i-mikro-blogerov/ (дата обращения: 09.02.2024).

Воронежский государственный университет

Осенкова Т. А., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: osenkova@jour.vsu.ru

Voronezh State University

Osenkova T. A., Candidate of Philology, Lecturer of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: osenkova@jour.vsu.ru

УДК 070.11

КОММУНИКАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

П. А. Пономарев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется понятие коммуникативной ответственности с точки зрения философского, дискурсивного и аксиологического подходов, в частности применительно к публицистике. Автор статьи рассматривает ценностную природу теории коммуникативной ответственности, а также ее встроенность в концепцию современной российской медиареальности.*
Ключевые слова: *коммуникация, ответственность, публицистика, автор, медиа, ценности.*

Abstract: *the article analyzes the concept of communicative responsibility from the point of view of philosophical, discursive and axiological approaches, in particular in relation to journalism. The author of the article examines the value nature of the theory of communicative responsibility, as well as its integration into the concept of modern Russian media reality.*
Keywords: *communication, responsibility, journalism, author, media, values.*

Философской природе коммуникативного дискурса уделяли внимание многие литераторы и мыслители. Из русской литературы — вспомним *Silentium* Ф. Тютчева; из западной философии — концепции экзистенциалистов М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра, а также концепцию Э. Мунье [1], согласно которой СМИ и в целом процесс коммуникации в XX в. приобрели тоталитарно-воздействующий характер. Отсюда возникает понятие *коммуникативной ответственности*.

В нашем случае речь идет в первую очередь о медийном и, в частности, публицистическом дискурсе. Современный медиадискурс существует в эпоху относительности истины — в эпоху постправды, порожденную отчасти эпохой постмодерна. Это время, когда собственное мнение (пусть даже ошибочное, дилетантское) превалирует над мнением экспертным, стремящимся к объективной реальности, истинности [2]. Все это имеет прямое отношение к *публицистике* — виду творческой, духовно-практической деятельности, сориентированной на максимальное воздействие на аудиторию с помощью медиа.

Составными компонентами, формирующими содержательную основу публицистики и ее социальную роль, выступают, в том числе личностные характеристики самого субъекта публицистического высказывания. К таковым относятся: творческий образ автора; его индивидуальный взгляд на мир и представления об этом мире; суждения о жизненных, социальных процессах; оценка исторических событий; гражданская позиция; опыт и биография (судьба); принципиальность, идейные взгляды. В этом смысле коммуникативная ответственность автора по отношению к публицистической деятельности становится, на наш взгляд, необходимой составляющей — обязательным элементом публицистического творчества. В данном случае речь идет о том, какие ценности отстаивает автор публицистического текста.

Сегодня публицистическое слово становится зачастую орудием информационной войны, а медиа выступают оружием в руках политических лидеров, направленным на их противников. Медиареальность, приобретающая в подобных условиях враждебный характер, порождает у аудитории кризис доверия к политическим лидерам и обслуживающим их СМИ: «Недоверие к традиционным институтам и каналам коммуникации влечет за собой конфронтацию между представителями разных идеологий, жесткое деление по принципу “свой — чужой”, самоизоляцию» [3, 94].

Само понятие коммуникативной ответственности относительно новое: оно появилось, судя по результатам современных философских, психологических, коммуникативистских исследований (см. работы В. А. Канке [4], который считает коммуникативную ответственность «высшей формой коммуникативной рациональности», а также работы О. И. Матьяш [5], Н. А. Ворониной [6]) сравнительно недавно — в начале нынешнего века. Из вывода Н. А. Ворониной следует, что содержание понятия «коммуникативная ответственность» раскрывается преимущественно с позиции этического подхода: «Коммуникативная ответственность с этой точки зрения подразумевает тщательную моральную интерпретацию решений и действий, *ориентацию на диалог* (выделено нами.— П. П.)» [6, 48]. Следовательно, если говорить

© Пономарев П. А., 2024

о коммуникативной ответственности применительно к публицистике и медиа, то это будет иметь отношение в первую очередь к таким предметным областям науки журналистики, как этика и аксиология. К исследователям, которые занимаются сегодня изучением этих областей в современной отечественной журналистике, относятся, например, представители петербургской школы журналистики [7]. В современной концепции российской медиасистемы ключевую роль сегодня играют выше обозначенные концепции и обстоятельства: эпоха постправды, информационная война, а также мультимедиализация, ужесточение цензуры и законодательства, обострение внешнеполитической ситуации, идеологическая конфронтация России и Запада, расслоение гражданского общества на условно «левых» и «правых». Все это оказало свое, в большей степени негативное, влияние на деятельность медиа, сместив тематические акценты в сторону военного конфликта, изменив форму подачи информации с относительно нейтральной на явно оценочную, где на первый план теперь выходит не обобщение и представление по возможности всех имеющихся фактов и информации, а их социальная ценность, влияние на общество и действительность. При этом полнота мнений и точек зрения явно проигрывает демонстрации единственно верной, по мнению СМИ, позиции, отстаивающей государственные ценности. Личностные же ценности, такие как, например, гражданское право, отходят на второй план. Каковы при этом отличительные черты поведения авторов-публицистов, каковы стратегии их поведения, какова идейная составляющая мировоззрения публициста,— одним словом, как концепция коммуникативной ответственности публициста существует в условиях современной медиареальности,— вопрос открытый и требующий изучения.

На наш взгляд, в условиях сложившейся реальности коммуникативная ответственность субъекта публицистического высказывания и апелляция к ней авторов публицистических текстов может стать скрепой — инструментом, сдерживающим современную медиареальность от ее негативного воздействия как на российское, так и на мировое сообщество. Главная опасность, к которой ведет такое воздействие — состояние *Bellum omnium contra omnes* («Война всех против всех»). На наш взгляд, современной отечественной публицистике не хватает опоры не столько на воздействующую, сколько на просветительскую функцию. Подталкивать аудиторию к формированию мнения следует не прямой оценкой «в лоб», а предоставлением широты знаний, обзорного характера информации. Так, высокий уровень влияния советских СМИ на аудиторию был обусловлен (несмотря на порой зашкаливающий уровень пропаганды) высоким уровнем непосредственно технического профессионализма советских публицистов — их творческих возможностей, писательского таланта, уровня образования. На практике это выражалось в стремлении к максимальной точности выражения мысли, «упаковывании» ее в образ и художественное слово и, как следствие,— в формировании чувства вкуса у читателя. Все это отличало лучшие примеры советской публицистики.

Российская публицистика в нынешнем веке практически утратила вышеперечисленные черты — сама деятельность публициста трансформировалась из культурно-просветительской в информационно-обслуживающую и сугубо пропагандистскую. Следует отметить, что обслуживает публицист сегодня не только и не столько читателя, сколько заказчика/учредителя СМИ (что формирует, в том числе, корпоративный характер медиатворчества). Это не может не отражаться на уровне подготовленности и образованности российской аудитории — потребителей контента. По нашему мнению, опора на концепцию коммуникативной ответственности позволит не только повысить уровень материалов российских публицистов, содержательную и ценностную составляющую их текстов, но и выработать морально-этические нормы медиадеятельности в условиях современной реальности, скорректировать работу медиа с точки зрения аксиологической направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мунье Э. Манифест персонализма / Э. Мунье.— М., 1999.
2. Keyes R. Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life / R. Keyes.— New York, 2004.
3. Медиакоммуникации в современном мире: учебное пособие / В. В. Тулупов [и др.].— Воронеж, 2021.
4. Канке В. А. Этика ответственности. Теория морали будущего / В. А. Канке.— М., 2003.
5. Матьяш О. И. Межличностная коммуникация: теория и жизнь / О. И. Матьяш [и др.].— СПб., 2011.
6. Воронина Н. А. Коммуникативная ответственность и уровни ее развития: теоретический аспект / Н. А. Воронина.— Филологические науки. Вопросы теории и практики.— 2013.— № 4.— С. 47–51.
7. Эстетика журналистики: коллективная монография / А. И. Беленький [и др.].— СПб, 2018.

Воронежский государственный университет
Пономарев П. А., аспирант кафедры литературы и журналистики
E-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

Voronezh State University
Ponomarev P. A., Postgraduate Student of the Journalism and Literature Department
E-mail: ponomarev-pavel-leb@yandex.ru

УДК 070

РОЛЬ АФФОРДАНСОВ В РОССИЙСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ О СЕМЬЕ

П. Д. Синенко

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

В. В. Богуславская

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Поступила в редакцию 1 апреля 2024 г.

Аннотация: *в статье рассматриваются основные критерии, используемые для определения понятия «аффорданс» в материалах СМИ. Медиатексты были проанализированы с помощью контент-анализа на примере конкретного исследования. Авторы акцентировали внимание на публикациях с фотографиями, отражающими семейную тематику.*
Ключевые слова: *аффорданс, семья, текст, медиадискурс, СМИ, фотография.*

Abstract: *the article discusses the main criteria used to determine the meaning of the definition of «affordance» in media materials. Media texts were analyzed using content analysis based on the example of a specific study. The authors focused on publications with photos reflecting family themes.*
Keywords: *affordance, family, text, media discourse, media, photo.*

Информационно-коммуникационная среда обогащает содержание традиционных СМИ с помощью контент-продуктов новых медиа. Создание цифрового продукта дает ему новые функциональные и потребительские характеристики. Процесс цифровизации «смазывает» границы между СМИ и различными типами медиаконтента. К таким новым способам можно отнести лингвосемиотическую модель как иллюстрацию отношений между «языковыми символами и внеязыковой реальностью, а также людей как интерпретаторов этой реальности. Ее можно разделить на микросемиотику и макросемиотику. Первая характеризует основные отношения в треугольнике символов (семантика, прагматика и синтаксис символов), а вторая раскрывает отношения между символами и культурой (мотивация), людьми (реализация или понимание) и миром (референция)» [1, 7].

В каждом тексте символы организуются в смысловые системы в соответствии с определенными конвенциями, которые семиотики называют кодами (или семантическими кодами). Такие конвенции представляют собой социальное измерение семиотики. Код — это набор «условностей», знакомых пользователям носителя информации, действующих в широком культурном контексте.

По В. А. Сенцовой, «тексты, рассматриваемые как классические объекты лингвистического и семиотического анализа, исследуют герменевтическими методами. В рамках этого подхода осуществляется последовательное выделение вербального и невербального (визуального) компонентов и определение отношений между ними» [2, 184]. Поликод имеет естественные структурные особенности, которые служат ресурсом для создания «аффордансов интерперсональности – комплексов перцептивно значимых единиц, концентрирующих информацию о содержащихся в тексте моделях автора и реципиента как составляющих коммуникативной системности» [3, 256].

Согласно исследованиям Зиттрейна, отмечено как минимум пять свойств таких систем: «в какой степени та или иная технология или система способствует достижению определенного спектра задач; как просто эта технология может быть приспособлена к диапазону новых задач; как легко новые участники могут освоить эту технологию; насколько технология доступна; насколько использование той или иной технологии может быть перенесено в другие контексты» [4]. По мнению Зиттрейна, наличие всех пяти атрибутов делает использование технологии непредсказуемым и изменчивым, в то время как отсутствие любого из пяти атрибутов приводит к тому, что технология теряет свою продуктивность. А. Г. и Г. А. Асмоловы развили условия Зиттрейна и привели следующие пять качеств-характеристик генеративных систем: «упрощение сложностей при наращивании возможностей (leverage), адаптивность (adaptability), простота (ease of mastery), доступность (accessibility), мобильность (transferability)» [5]. Применение генеративного подхода (как маркера аффорданса) к миру информации и коммуникации обеспечивает соучастие широкой и разнообразной

© Синенко П. Д., Богуславская В. В., 2024

аудитории в создании изменений — его можно рассматривать как «фабрику» перемен. Важно отметить, что аффорданс не только создает новые контексты и смыслы, но и качественно обновляет коммуникацию между субъектом и средой.

В данной работе мы будем опираться на теорию аффорданса для анализа поликодовых текстов. Подпись под фотографией как аффорданс (заложенный в объект свойства), оптимизирующий восприятие сигнала, что стало основой при анализе медиатекстов. Представленный инструмент способствует более детальному и точному распознаванию смысла, заложенного автором в текст для читателя. М. Б. Ворошиловой принадлежит функциональная классификация, способствующая множественному различению кодов при анализе материала:

1) *«параллельная корреляция*, где «семантика, прагматический потенциал вербального и невербального компонента совпадают практически полностью»;

2) *перекрестная корреляция*, где «семантика, прагматический потенциал вербального и невербального компонента частично перекрывают друг друга»;

3) *оппозитивная корреляция*, где «содержание, переданное невербальными средствами, вступает в противоречие с вербальной информацией, что часто дает комический эффект»;

4) *интерпретативная корреляция*, где «между содержанием вербального и невербального компонентов связь устанавливается не прямо, а на ассоциативной основе»;

5) *поддерживающая корреляция*, где «один компонент дополняет, как бы поддерживает семантику второго в интересах совместной передачи информации, ставя некий важный акцент», при этом основной структурой может быть как вербальная, так и невербальная часть» [6, 193].

Структурные особенности, придающие интерперсональность аффордансам, обладают некоторыми особенностями. Ресурс пространственной организации знаков дает автору возможность использовать не только классический стиль написания, но и потенциал современных коммуникаций, который в течение времени меняется, но остается понятным адресату. Способ выражения поликодового текста претерпевает изменения в зависимости от объективизации уровней высказывания. Высокая степень информационной компрессии включает в себя использование общеизвестных, актуальных, «вирусных» источников.

«Отношения между определенными аспектами наблюдателя и определенными аспектами ситуации называются аффордансами» [7] (по А. Чемеро). Он говорит о том, что их влияние невозможно без активного участника процесса чтения. Он появляется в точке пересечения человека и взаимодействия среды. Таким образом, «текст — это не абстрактный теоретический конструкт, а интерпретируемые наблюдателем (организм + среда) индексы на основе предпосылок (аффордансов) — это открытая система для взаимодействий и интерпретаций» [8, 78]. Влияние на восприятие имеет окружающая обстановка читателя, автора и общества в целом.

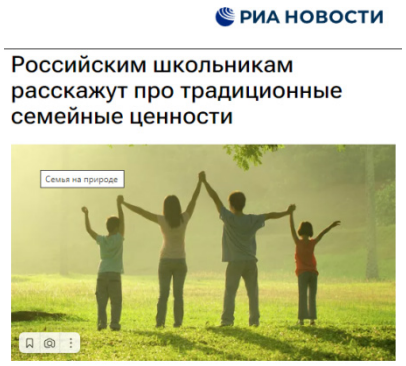


Рисунок 1. «РИА Новости (специальный навигатор)» [9]. «Семья на природе»

Для иллюстрации нашего тезиса приведем несколько примеров аффордансов с обозначением семантических кодов (как описано выше в функциональной классификации М. Б. Ворошиловой), используя медиатексты о семье.

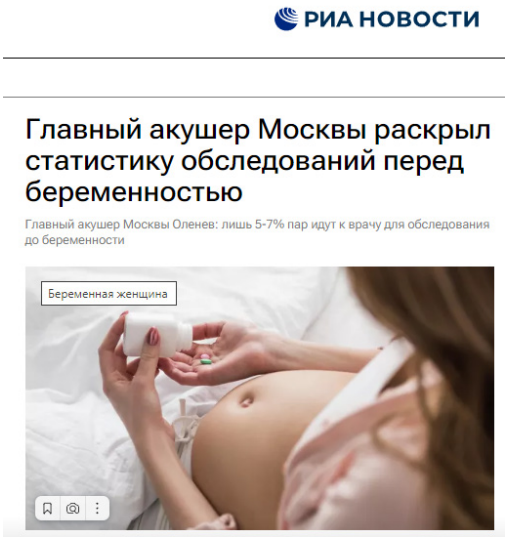


Рисунок 2. «РИА Новости» [10]. *«Беременная женщина»*

Рисунки 1 и 2 — это примеры, где вербальное и невербальное пересекаются одинаково, с комбинированным *параллельным* соотнесением прагматических возможностей. Хотя группы визуализации различны, они схематизированы под одним элементом в классификации аффордансов. Представлено изображение «семьи на природе», подпись дословно повторяет само фото; на втором примере мы видим беременную женщину, что также продублировано в подписи. Стоит отметить, что только в последнем случае показано как женщина принимает лекарство, что придает фотографии дополнительный семантический окрас.

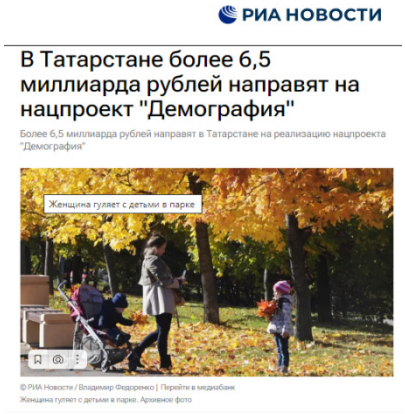


Рисунок 3. «РИА Новости» [11].
«Женщина гуляет с детьми в парке»

Интерпретативная корреляция характеризуется тем, что связь между элементами (фотографиями и аффордансами) не является прямой, а устанавливается ассоциативно. Здесь, однако, можно говорить о наличии как *интерпретационной*, так и *перекрестной* корреляции. Первый ассоциативный элемент — это визуальный образ матери, гуляющей с детьми осенью и фотографирующей свою дочь на фоне осенних деревьев. Затем подпись дополняет смысл с помощью наличия существительного «парк», уточняя местоположение изображения. Этот пример демонстрирует синтез вербального и невербального, так как содержит точную текстовую информацию и расширяет семантические границы с помощью качественной иллюстрации.

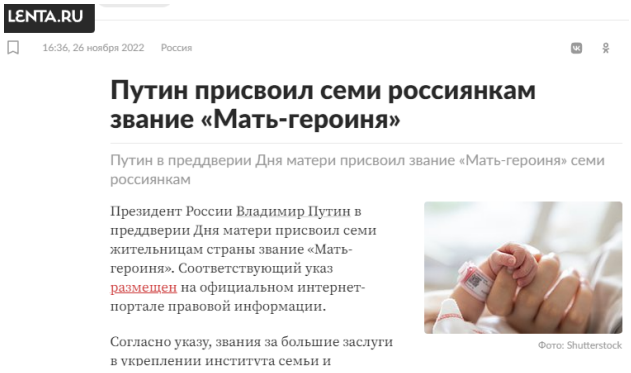


Рисунок 4. «Lenta.ru» [12].
«Фото: Shutterstock»

Этот пример мы относим к *оппозитивной* корреляции, поскольку номинально подпись присутствует, но семантически не раскрывает замысел автора. Представленный элемент может быть размещен в группу подписей «ФИО автора или ссылка на фото». Поскольку корреляция между языком и изображением не определена в семантической парадигме, это ссылка автора на фотографию/изображение из открытых источников информации. Заметим, что без подписи смысл не теряется и адресат воспринимает ее буквально, то есть как руку младенца и матери (если бы это был акушер или отец, то смысл стал иным).

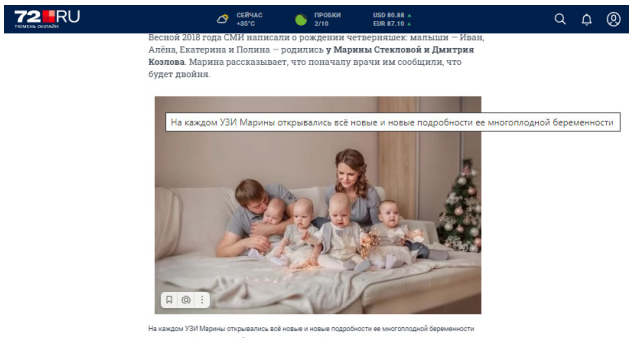


Рисунок 4. «72.ру» [13].
«На каждом УЗИ Марины открывались все новые и новые подробности ее многоплодной беременности»

Отметим еще один пример *интерпретативной* корреляции. На этой визуализации изображена счастливая многодетная семья, причем дети примерно одного возраста. Здесь подпись помогает раскрыть смысловое целое, показывая уникальность этой семьи, т.е. множественные роды за одну беременность. Этот элемент, на наш взгляд, является критерием правильного соотнесения фотографии и аффорданса, который уже несет в себе всю лигвосемиотическую (языковую и знаковую) составляющую данного отрывка, не погружаясь в сам медиатекст. Уникальным является то, что автор показывает читателю взаимодействие между символами и словами, что способствует быстрому считыванию и восприятию информации.

Рисунок 6. «РИА Новости (Крым)» [14].
«Отдыхающие на пляже в поселке Новофедоровка в Крыму»

Представленный пример соотносится с заголовочным комплексом и фотовизуализацией, но сам аффорданс имеет значение *поддерживающей* корреляции. Фотографический компонент выступает в ка-

честве основного структурного элемента, а подпись как сопутствующий индикатор подчеркивает, что «семья = отдыхающие» находятся вместе на пляже в конкретном месте (Крым). Это делается для того, чтобы детализировать и дополнить значение невербальных элементов, представленных в СМИ.

Анализ текстовых категорий демонстрирует смысловую составляющую речевых оборотов в дискурсиве категории адресант — адресат. При этом аффордансы демонстрируют обособленные свойства среды текстового поля, но существовать в отсутствии субъективно-объективной среды они не способны. Например, как медиадискурс родительства претерпевает изменения. Появляются новые формы семейно-брачных отношений, которые отказываются от традиционного уклада семейной жизни, что демонстрирует опасность для будущего страны в широком смысле.

Первичная (общая) выборка материалов о семье с помощью Pressindex.ru по публикациям СМИ за период с 2015 г. по настоящее время составила 13 655 688 текстов. Контент-анализ позволил установить наличие в публикациях фотовизулизации: материалы (РБК, «Коммерсантъ», «Газета.ру», «Московский комсомолец», «РИА Новости», РБК, «Лента.ру», «ВКонтакте», «Телеграм») в 65% случаев содержат фотографии, а в 35% визуального сопровождения нет. Вторичная выборка была ограничена 92 652 текстами. Было установлено, что более 45% текстов не относится напрямую к семейной проблематике. Отобранные статьи о браке, взглядах на семью, семейных отношениях, демографии составили 3–5 статей в день, или около 8% от общего количества. Из них только два или три медиа опубликовали статьи с фотографиями, то есть это 0,4% (чуть более 200 статей) дали материал для лингвосемиотического анализа.

Фоторяд проблематики семьи («РИА Новости», «Лента.ру» и т.д.), который мы проанализировали, представлен в 65% фотографиями, а в 35% не содержит визуального сопровождения. Он был проведен с целью показать, как семейная ценность соотносится с визуальным знаком: изображение родителей, детей, поколения семей и т.д. Анализ соотношения фотоизображения и сопровождающей его подписи (или ее отсутствие) показал, что аффордансы способны менять смысл публикации, тон и акценты в тексте — таким образом воздействуя на восприятие читателя и трансформируя замысел автора.

Аффордансы представлены законченными высказываниями (в своем большинстве предложениями или словосочетаниями) и имеют номинативный характер, соотносятся с характеристикой, обозначающей коммуникативную ситуацию. Также аффордансы способны менять смысл в зависимости от опыта читателя и автора, влияют на смысловую наполняемость. Увеличивающийся интерес к вопросам коммуникации открывает диапазон использования потенциала аффордансов. Специфика медиадискурса больше связана с прецендентностью, а не интертекстуальностью. Именно категория открытости текста оказывает решающее влияние на общество.

Таким образом, можно подвести итог, что вышеизложенные тезисы позволяют предположить, что аффордансы как новый инструмент способен существенно менять традиционные представления о характеристиках производства и потребления текстов в связи с понятиями «коммуникативная», «речевая» и «текстовая» деятельность. Аффордансы определяются как возможности для активных действий и технологий, которые могут способствовать изменению этих возможностей благодаря генеративному потенциалу системы. Появляются возможности для новых взглядов на функциональные характеристики как систем массовой коммуникации, так и других коммуникационных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик В. И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Cyberleninka / В. И. Карасик.— Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/lingvosemioticheskoe–modelirovanie–tsennostey (дата обращения: 03.08.2023).

2. Сенцова В. А. Поликодовые тексты как средство обучения итальянских учащихся русской грамматике: дис. … канд. пед. наук / В. А. Сенцова.— СПб., 2017.

3. Иванов П. К. Интерперсональный потенциал поликодовых текстов современной интернет-коммуникации / П. К. Иванов, П. А. Катышев // Культура и текст.— М., 2021.— С. 253–266.

4. Zittrain J. The generative Internet / J. Zittrain // Harvard Law Review.— 2005.— Vol. 119.— № 7.— Режим доступа: https://dash.harvard.edu/handle/1/9385626 (дата обращения: 12.01.2024).

5. Асмолов Г. А. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива / Г. А. Асмолов, А. Г. Асмолов // Вопросы психологии.— 2019.— № 4.— С. 3–28.

6. Ворошилова М. Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М. Б. Ворошилова.— Екатеринбург, 2013.

7. Чемеро А. Радикально воплощенная когнитивная наука / А. Чемеро.— Кембридж, Массачусетс, 2009.

8. Карамалак О. А. Письменная коммуникация как среда интерактивных взаимодействий / О. А. Карамалак // Филологические науки. Вопросы теории и практики.— М., 2013.— № 4.— С. 77–80.

9. Российским школьникам расскажут про традиционные семейные ценности // РИА Новости (специальный навигатор).— Режим доступа: https://sn.ria.ru/20221010/razgovory_o_vazhnom-1822702572.html (дата обращения: 07.06.2023).

10. Главный акушер Москвы раскрыл статистику обследований перед беременностью // РИА Новости.— Режим доступа: https://ria.ru/20220802/beremennost-1806562818.html (дата обращения: 06.05.2023).

11. В Татарстане более 6,5 миллиарда рублей направят на нацпроект «Демография» // РИА Новости.— Режим доступа: https://ria.ru/20221031/natsproekt-1828203018.html?in=t (дата обращения: 05.06.2023).

12. Путин присвоил семи россиянкам звание «Мать-героиня» // Lenta.ru.— Режим доступа: https://lenta.ru/news/2022/11/26/odnazavseh/ (дата обращения: 23.11.2022).

13. Как живет семья с пятерняшками — их папа попал в Книгу рекордов Гиннесса // 72.ру.— Режим доступа: https://72.ru/text/family/2022/09/05/71625668/?ysclid=lbp79s1oll856226337 (дата обращения: 05.05.2023).

14. Репродуктивное здоровье как фактор демографической стабилизации // РИА Новости (Крым).— Режим доступа: https://crimea.ria.ru/20221221/reproduktivnoe–zdorove–kak–faktor–demograficheskoy–stabilizatsii-1125910749.html (дата обращения: 03.05.2023).

15. Богуславская В. В. Семейные ценности в социокультурной и коммуникативной парадигме российской действительности / В. В. Богуславская, П. Д. Синенко // Гуманитарные технологии в современном мире.— Калининград, 2023.— С. 94–95.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Синенко П. Д., аспирант

E-mail: sinenko.polina22@mail.ru

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

Богуславская В. В., доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации

E-mail: boguslavskaya@gmail.com

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Sinenko P. D., Postgraduate Student

E-mail: sinenko.polina22@mail.ru

Russian Russian Language Institute named after A. S. Pushkin

Boguslavskaya V. V., Doctor of Philology, Professor of the Russian Literature and Intercultural Communication Department

E-mail: boguslavskaya@gmail.com

УДК 070

ЭВОЛЮЦИЯ ФЕНОМЕНА «КОНВЕРГЕНТНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА»: ОТ ИНТЕГРАЦИИ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ ДО ГИБРИДА «МЕДИАТЕКСТ» И ПРОБЛЕМЫ ФЕЙКОВ

Н. В. Старых

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 7 ноября 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется тенденция расширительной трактовки понятия «конвергентная журналистика» — как синтеза журналистских текстов с текстами видов маркетинговых коммуникаций. С точки зрения автора, при скрещивании разных видов массовых коммуникаций необходимо оценивать их совместимость с точки зрения роли в культурной динамике, гуманитарных стратегий и правил институциональной игры. Институты журналистики — с одной стороны, и институты пропаганды и маркетинговых коммуникаций — с другой, выполняют разные культурные задачи и выстроены на фундаменте правил игры, которые конфликтуют друг с другом. Эксперименты со скрещиванием журналистики и маркетинговых коммуникаций рождают монстров вроде фейков и прочих асоциальных явлений.*
Ключевые слова: *конвергентная журналистика; медиатекст; реклама, PR; пропаганда.*

Abstract: *This article delves into the growing trend of expansive interpretations of "convergent journalism," considering it as the synthesis of journalistic texts with various forms of marketing communications. From the author's perspective, the convergence of different forms of mass communication demands evaluation in terms of their compatibility concerning cultural dynamics, humanitarian strategies, and institutional gameplay rules. Journalism institutions, on one hand, and propaganda and marketing communication institutions, on the other, serve distinct cultural purposes and are structured upon conflicting sets of rules. Experiments involving the fusion of journalism and marketing communications give rise to monsters, such as fake news and other antisocial phenomena. This study advocates for a comprehensive understanding of convergent journalism, emphasizing the importance of cultural context, humanitarian strategies, and institutional norms in shaping the landscape of contemporary media.*
Keywords: *convergent journalism; media text; advertising; PR; propaganda.*

Проблематизация феномена «конвергентная журналистика». Понятие конвергенции в марксистско-ленинской философии соотносится с концептом о циклах формирования культурного феномена: «синкретизм — дифференциация — синтетизм». Конвергенция — это завершающий этап, когда снимаются все противоречия, происходит интеграция разнородных элементов в единое целое. Синтетизм и конвергенция воспринимается как символ прогресса.

Однако имеется противоположная трактовка этого глубинного процесса в культурной эволюции. Религиозная философия завершающий цикл связывает с наступлением конца человеческой цивилизации и Апокалипсисом, а прогрессизм — с властью Антихриста [1].

Прогресс или Апокалипсис только обывателю видятся как два несовместимых сценария. Для философа это один сценарий с разными вариантами сюжетных поворотов. Если сюжет строится на апологетике одной их противоположностей, исход будет неудачным. По закону диалектики, крайние позиции всегда представляют собой неустойчивые состояния. Чтобы попасть в благополучный сюжет, нужно удерживать баланс между двумя противоположностями.

Попытаемся оценить современное состояние явления, именуемое конвергентной журналистикой.

Об этапах и уровнях смыслового расширения понятия «конвергентная журналистика». В исследованиях отечественных ученых понятие конвергенции связывается, по-преимуществу, с интеграцией различных технических средств в единую медиаплатформу для производства журналистского контента [2]. Такое понимание базируется на идеях американского социолога Даниэля Бэлла, предсказавшего в 1970-е черты постиндустриального общества [3]. Тогда ожидания будущего были оптимистичными.

Однако с дистанции 1970-х просматривались не все детали. Конвергенция технологий по цепочке запускает связанные управленческие процессы. Ситуация, когда один и тот же контент производится с использованием разных технических средств, требует перестройки организационной структуры. Новый дизайн оргструктур, в свою очередь, становится сигналом для выбора бизнес-стратегий инте-

© Старых Н. В., 2024

грированного роста, где под одной крышей собрано производство контента для самых разных видов массовых коммуникаций: и журналистики, и рекламы, и связей с общественностью. Следующий шаг — конвергенция на уровне текстов, относящихся к разным видам массовых коммуникаций. И здесь уже начинаются серьезные этические проблемы.

Драйвером, запускающим конвергенцию текстов, относящихся к разным видам массовой коммуникации, выступает управленческая прагматика наполнения бизнес-портфеля. К бизнес-единицам, формирующим портфель, предъявляется требование финансовой синергии и снижения стоимости производства за счет эффекта масштаба. Имеются два источника экономии. Во-первых, общие клиенты. Требуются серьезные маркетинговые инвестиции, чтобы сформировать клиентскую базу. В этом плане медиабизнес чувствует себя уверено. Он хорошо знает своего читателя — его жизненные ценности и образ жизни, легко прогнозирует информационные потребности. Поэтому может эффективнее, чем кто-либо другой, обратиться к своему читателю с сообщениями любого формата — журналистского, рекламного, PR. Второе требование к единицам бизнес-портфеля — экономия на производственном ресурсе. Это возможно в том случае, если технологический процесс производства бизнес-единиц одинаковый. Например, производство больших городских автобусов и микроавтобусов легко группируется в одну бизнес-единицу, поскольку производственная база у них общая. Однако можно ли говорить об одинаковом техпроцессе для таких бизнес-единиц, как виды массовой коммуникации: журналистика, пропаганда, PR, реклама?

Сегодня можно наблюдать, как бизнес-заказ на текстовую унификацию реализуется на разных уровнях. Наиболее показательны терминологические ярлыки: видовые различия текстов нивелированы в наименованиях, фиксирующих универсальность. Родовыми именем по отношению к этому новоязу является понятие медиатекст.

Медиатекст. Рамка решения о допустимости гибридных новообразований. На уровне исследовательской позиции текстовая конвергенция обосновывается тем, что у всех видов массмедиа имеется сходная цель — борьба за власть как ресурс влияния на общественное мнение. Этот скользкий момент с определением целей требует специального обсуждения. В классической социологии цель акторов — институтов и отдельных людей –формулируется с помощью термина «социальный статус», что имеет иное смысловое наполнение в сравнении с «властью». Социальные статусы достигаются благодаря продвижению по сложной траектории, задаваемой комбинацией из пяти осей, упорядочивающих социокультурную среду. Как известно, власть находится в системных отношениях с осями богатства, образования, престижа и индивидуации (психологического развития личности) [4]. Таким образом, социальный статус — это не «лобовой» штурм конкурентов, а сложно организованная игра, опосредованная культурой как особым социальным институтом.

Благодаря погружению в пространство игры происходит окультуривание человеческой природы… нидерландский философ Йохан Хёйзинга, первопроходец в исследовании феномена игры, сделал эвристичное утверждение об отношениях подчинения игры и культуры. Игра не является частью культуры, как это было принято считать. Игра предшествует культуре и, более того, игра творит культуру [5]. Исходя из этой логики, выход из пространства игры означает обратный процесс: выход из пространства культуры и редукцию духовной природы человека.

Йохан Хейзинга характеризует родовые признаки игры. С одной стороны, игра противостоит прагматике обыденности и обещает участникам выигрыш в форме бонусов личностного роста и самоуважения, креативности. Как только духовная мотивация выигрыша подменяется прагматической, игровая мотивация и пространство игры разрушаются. С другой стороны, традиционными культурами предусмотрены меры предосторожности, не позволяющие игрокам «заиграться» и потерять из виду границы реальности. Табу касались, во-первых, определения границ игрового пространства и, во-вторых, правил игры, соблюдение которых является обязательным для всех участников.

Какие недуги поражают общественное здоровье в случае разбалансировки игрового пространства? С одной стороны, депрессия из-за нереализованной экзистенциальной потребности в самореализации. С другой стороны, разрушение культурных норм, составляющих суть общественного договора и социальную идентичность, дезориентацию человека в социальном пространстве, социальные конфликты. В здоровом обществе достижение социального статуса и «выигрыш» в виде социальной власти возможен при условии, если игра ведется по правилам. Эти правила выступают в роли «невидимой руки» при формировании социальных институтов и речевой практики, обслуживающей эти институты.

Таким образом, мы получаем рамку решения для обсуждаемой проблемной ситуации — о возможности конвергенции журналистского, пропагандистского, PR, рекламного текстов в единую гибридную версию медиатекста. Если правила игры для всех четырех видов МК одинаковые, то гибрид жизнеспособен. Если нет, то последствия могут быть разрушительными не только для означенных социальных институций массовой коммуникации, но и для общества, которое они обслуживают.

О сущностном сходстве и различиях видов массовой коммуникации. Если искать сущностное сходство видов массовой коммуникации, то это,

в первую очередь, их обращенность к социальной реальности, минимальной единицей которой является «социальный факт» [6] или «социальное событие» [7]. Это позволяет относить все ответвления массовой коммуникации к одному виду деятельности и, одновременно, отличать от других видов деятельности. Например, от искусства, обращенного к духовной реальности.

Сегодня можно отчетливо наблюдать внутривидовую дифференциацию массовой коммуникации. По аналогии с методикой М. С. Кагана, предложенной им для классификации видов и родов искусств [8], внутри видового сходства можно наблюдать родовые различия, и их следует искать с помощью диалектической шкалы противоположностей. С нашей точки зрения, эти противоположности выстраиваются относительно такого качества коммуникации, как допустимость управленческого воздействия на поведение аудитории. Развитые потребительские общества отличает огромный выбор альтернативных предложений, поэтому рекламодатель лишен прямых рычагов давления на своих клиентов. Замещающий инструмент — манипуляция. Любые манипуляции, как известно, представляют собой заигрывания с желаниями. В результате факт как единица реальности обрастает интерпретациями, соответствующими «стратегии желания» [9]. Факт меняет свою сущность и превращается из единицы объективной реальности в единицу иллюзорной реальности.

Если разместить исследуемые виды массовых коммуникаций на построенной нами шкале, то на одном конце располагается журналистика со строгими этическими стандартами, запрещающими какое либо заигрывание и давление на аудиторию. На другом конце — пропаганда и маркетинговые коммуникации — реклама и связи с общественностью, эффективность которых оценивается степенью воздействия на поведение целевой аудитории.

Некоторые исследователи публицистическую страстность интерпретируют как давление на аудиторию. Но эмоциональность в отстаивании собственной позиции и управленческое воздействие — это абсолютно разные ролевые позиции. Журналистская этика не отрицает ни субъективного начала в публицистической позиции, ни борьбы за лидерство в медиапространстве. Но по правилам игры журналист не имеет права выходить из психологической роли «Взрослого», осознающего всю меру ответственности перед обществом за транслируемую информацию и собственное мнение. Позиция «Взрослого» предполагает также ответственное и уважительное отношение к аудитории. В сценарии журналистской коммуникации это диалог «Взрослый — Взрослый». Не допускаются так называемые «перекрестные трансакции» [10] с манипулятивных потенциалом. Журналистика видит свою миссию в качественном информировании читателей, помогает им ориентироваться в актуальной повестке дня. Выводы и решения — в исключительной зоне ответственности читателей, посягательство на чужое личностное пространство.— дурной тон. Аудитория сама делает выводы и выбор, сама несет ответственность за свое поведение. Особенно строго этих принципов придерживается качественная пресса.

Правильно ли ставить вопрос об эффективности журналистики так же, как этот вопрос ставится в маркетинговых коммуникациях? Эффективность — это позитивистский концепт, которым пользуются «наблюдатели сверху», рассматривая поведение аудитории как источник монетизации бизнес-проекта. А журналистика органично встроена в общественную жизнь. Авторитет и влиятельность этой институции зависит от того, насколько журналистские тексты отвечают душевной потребности аудитории… в этом смысле успех в журналистской карьере похож славу литератора, и это принципиально отличает его от карьерных успехов профессионалов других средствах МК, которые предпочитают держаться в тени. Из сущности журналистской деятельности вытекают институциональные статусы ключевых игроков на этом поле. Это независимые творческие коллективы редакций и / или творческие личности — публицисты, блогеры, а также граждане с активной жизненной позицией (феномен гражданской журналистики).

Отмечая управленческое воздействие на аудиторию как родовое отличие маркетинговой коммуникации, подчеркнем, что не ставим знак равенства между управлением и манипуляцией, понимаемую как воздействие на поведение людей в ущерб их интересам [11]. Влияние рекламы, пропаганды и PR может быть как во благо, так и во вред. Однако не об это речь. Речь идет о технологиях влияния, «зашитых» в коммуникационную стратегию и в тексты. То есть о принципиально иной природе этих видов МК, заложенной в них с момента рождения.

Пропаганда и PR впервые появляются на авансцене культуры как реакция на агрессию толпы, напугавшую интеллектуалов на заре формирования массовых обществ. Оба инструмента коммуникации используют сходные стратегии влияния на аудиторию — действуют не через убеждение, а через внешние (канальные) факторы ситуации. Различаются по масштабу влияния.

Акторами пропагандистского влияния изначально выступали национальные государства, которые, по словам Ги Дебора, режиссировали тотальные спектакли по сценариям выбранной идеологии [12]. В третьем тысячелетии к инструментам пропаганды прибегают также транснациональные корпорации (ТНК) с целью продвижения проекта глобального мира и лево-либеральных ценностей. В спектаклях с идеологическим сюжетом особая роль отводится НКО — общественным организациям, которые выполняют роль мягкой силы.

PR — это инструмент реализации стратегий отраслевого масштаба для организационных структур в бизнесе, политике, культурно-развлекательной сфере и т.д. По сравнению с государством и ТНК, здесь и цели намного скромнее, и ресурсы. Стратегические инициативы не выходят за институциональные границы собственного сектора народного хозяйства и направленно «прорабатывают» тех акторов институционального поля, которые способны оказать влияние на решение проблемы организации. Отсюда следует логика классификации видов PR: медиарилейшнз (связи с журналистскими коллективами), лоббирование (связи с органами государственной власти), инфлюэнс — маркетинг (связи с блогерами), пользовательский контент (стимулированные отзывы, комментарии) и т.п. В PR-деятельности процесс производства гибридов путем скрещивания с журналистскими текстами идет наиболее интенсивно. Активно развиваются корпоративная журналистика, технологии брендированного контента [13].

Реклама по сравнению с пропагандой и PR оформляется несколькими веками раньше, и в её «характере» изначально не было склонности прятать свое лицо за маской беспристрастного информирования. Напротив: латинский корень *reclamare*, означающий «кричать», указывает на то, что рекламные тексты нарочито выделяются на фоне привычного информационного ландшафта, пытаясь привлечь внимание. Открыто нацеленная на управление поведением, реклама работает напрямую с ментальными установками целевой аудитории. Современная реклама хорошо научилась различать поведенческие профили аудитории и, в зависимости от ситуации, не только привлекает внимание, но и влияет, убеждает, мотивирует, соблазняет, стимулирует и т.д. Однако широкий диапазон коммуникативных стратегий в современной рекламе не ограждает её от обвинений в навязчивости. Пытаясь избавиться от своих родовых черт, она производит гибридные формы, объединенные под общим названием «нативная реклама».

Подводя итоги, резюмируем:

Наблюдается расширение понятия конвергенция в сфере массовых коммуникаций. Конвергенция как синтез различных технических средств в создании текста — закономерная тенденция, стимулированная развитием технологий. Конвергенция как синтез разных типов текстов в контексте коммуникационной стратегии взаимодействия с аудиторией может быть опасной, если речь идет о сращивании видов коммуникации, реализующих разные культурные стратегии с разными правилами игры. В таком случае либо рождаются мертворожденные гибриды (тексты, которые аудитория проигнорирует), либо один вид каннибализирует другой. Сегодня отчетливо наблюдается, что PR подминает под себя журналистику.

Синтез рекламы, PR, пропаганды возможен, так как они имеют сходную цель — управление поведением аудитории. Более того, они усиливают друг друга в совместном использовании. По этой причине, например, Американская Ассоциация Рекламы (AAA) открыто декларирует, что под словом «реклама» понимает весь комплекс инструментов маркетинговой коммуникации, не делая различий, в том числе, между рекламой и PR.

Синтез журналистики с другими видами МК невозможен в силу их сущностных различий и конфликтующих правил игры. Правила маркетинговой коммуникации весьма специфичные и «написаны» для весьма специфичной –иллюзорной реальности, которая приводится в движение не естественным ходом событий (Божественным провидением), а желаниями людей. Для массовой аудитории, характер которой в немалой степени формировался под влиянием рекламы и PR, желание обладает большим мотивирующим потенциалом, чем законы долженствования, лежащие в основе социальной реальности. Высший пилотаж для рекламы и PR — построение иллюзорных миров, практически неотличимых от реальности. Событие или фейк — какая разница для рекламной или PR-коммуникации?! Ведь цель — в воздействии на поведение аудитории (и очень часто бывает, что во имя её же блага)!

Философы постмодерна манифестировали отмену правил, ограничивающих игры [14]. Как видим, ничего хорошего из этого не вышло. Когда отменяются правила, в частности, провозглашается всеобщая конвергенция видов массовой коммуникации и слияние всех типов текстов в единый медиатекст,— борьба с фейками становится практически невозможной. Потеря чувства реальности сопровождается потерей контроля над жизнью, рушатся базовые основы доверия к миру. Тревожность и слабое психическое здоровье — беда, поразившая современную цивилизацию. В новостных лентах мировых СМИ реальные факты начинают походить на шизофренический бред. Это было бы смешно, если бы не было так печально, когда политическая элита западных стран борется с орками, воображая себя в игровом пространстве фантазийного мира Толкиена. А чего стоит нескончаемый сериал из публикаций на тему самоопределения гендерной идентичности или новостная повестка, задаваемая игроками «фурри» — людьми, воображающими себя зверями. Мы наблюдаем, как раскручивается маховик, приближающий мир к Апокалипсису.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев В. С. ...Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением Краткой повести об антихристе и с приложениями / В. С. Соловьев.— СПб., 1901.

2. Вартанова Е. Л. Информационное общество / Е. Л. Вартанова.— М., 1999.

3. Bell D. The coming of post-industrial society: A venture of social forecasting.— N.Y., 1973

4. Дугин А. Г. Социология воображения. Введение в структурную социологию / А. Г. Дугин.— М., 2010.— 564 с.

5. Хёйзинга Йохан. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Йохан Хёйзинга.— М., 1992.

6. Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод и назначение / Э. Дюркгейм.— М., 1995.— 352 с.

7. Шюц А. Смысловое строение социального мира / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом.— М., 2004.— С. 687–1022.

8. Каган М. С. Морфология искусства / М. С. Каган.— Л., 1972.— 388 с.

9. Dichter Ernest. The strategy of desire / Ernest Dichter.— N.Y., 1960.

10. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений / Э. Берн.— М., 2006.— 74 с.

11. Старых Н. В. Неманипулятивная реклама: миф или реальность? / Н. В. Старых // Паблик рилейшнз и реклама в системе коммуникаций. Вып. 6.— М., 2009.

12. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор.— М. 1999.— 224 с.

13. Старых Н. В. Феномен контент-маркетинга как признак формирования единого медийного пространства / Н. В. Старых // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия.— М.,— С. 120–121.

14. Делез Ж. Логика смысла / Ж. Делез.— Екатеринбург, 1998.— 480 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Старых Н. В., старший научный сотрудник кафедры рекламы и связей с общественностью

E-mail: staryh@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Starykh N. V., Senior Researcher at the Department of Advertising and Public Relations

E-mail: staryh@mail.ru

УДК: 82 (091)

«СТРАШНЫЙ ВОПРОС» В ПУБЛИЦИСТИКЕ РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В. В. Тулупов

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 2 апреля 2024 г.

Аннотация*: в статье рассматривается организационная, редакторская и публицистическая деятельность российских писателей во время голода 1891–1893 гг.*
Ключевые слова*: публицистика, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, А. С. Суворин, «Новое время», сборник «В помощь голодающим».*

Abstract: *the article examines the organizational, editorial and journalistic activities of Russian writers during the famine of 1891–1893.*
Keywords: *journalism, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov, A. S. Suvorin, «New Time», collection «To help the hungry».*

По свидетельству очевидцев, голод в дореволюционной России 1891–1893 гг. был исключительным по масштабам бедствия, охватившим почти половину губерний страны: «Лето шло без дождей, посевы сохли, горели леса и торфяники, погибал скот. В государственно-общественной системе продовольственной помощи, существовавшей на случай подобных кризисов, практически не оказалось запасов зерна. А местные власти вели борьбу не с голодом, а с самими голодающими. Земские начальники делали все, чтобы тревожные сообщения с мест не попали в печать и не вызвали панику» [1].

Одним из первых, кто привлек внимание общественности и властей к этой проблеме, был дворянин, помещик, земской деятель Данковского уезда Рязанской области И. И. Раевский[1]. Искренне переживающий несправедливость социального неравенства, он «подключил к собиранию средств для голодающих земство и состоятельных помещиков. Открыл в Бегичевке, где у него усадьба, шесть бесплатных столовых, убедил владельца соседнего села последовать его примеру <…> Скоро он понял — полумерами народу не поможешь и начал ставить столовые в каждой деревне губернии. Однако остановился — где взять деньги? Нужны средства на продукты, на их перевозку, на оплату работников. Тутто он и вспомнил про своего друга Льва Толстого. Понял, участие писателя с мировым именем может привлечь к делу богатейших людей страны» [2, 213]. И только за первый месяц их сотрудничества было открыто 30 столовых, в которых питались до полутора тысяч человек.

Но Толстой понимал, что это все же действительно полумеры и что причина голода не в неурожае, а во всей системе несправедливого эксплуататорского строя. Побывав осенью 1891 г. в деревнях нескольких уездов Тульской и Рязанской губерний, писатель по возвращении взялся за статью «О голоде». Отмечая усилия, в частности администрации и земства Тульской губернии, Толстой, поставивший перед обществом «страшный вопрос», делал вывод о том, что повсюду идет энергичная деятельность с целью предотвратить ожидаемое бедствие: «Ассигнуют, распределяют суммы на выдачу пособий, на общественные работы, делают распоряжения о выдаче топлива. В пострадавших губерниях собираются продовольственные комитеты, экстренные губернские и уездные собрания, придумываются средства приобретения продовольствия, собираются сведения о состоянии крестьян: через земских начальников — для администрации, через земских деятелей — для земства, обсуживаются и изыскиваются средства помощи. Роздана рожь для обсеменения, принимаются меры для сохранения семян овса на весну и, главное, для продовольствия в продолжение зимы» [3].

Размышляя о проблеме справедливого или несправедливого распределения пособий, писатель заключает: «И выхода из этого ложного круга действительно нет и не может быть, потому что дело, за которое взялись администрация и земство — дело невозможное. Ведь дело это состоит ни больше ни меньше как в том, чтобы прокормить народ. Мы, господа, взялись за то, чтобы прокормить кормильца,— того, кто сам кормил и кормит нас.

Грудной ребенок хочет кормить свою кормилицу; паразит то растение, которым он питается! Мы,

[1] В. П. Буренин говорил А. С. Суворину: «В “Новое время”, дня за два до вашего возвращения из Феодосии, пришел Алексей Митрофанович Новиков, учитель детей Раевского. Жаловался, дескать, всюду пишут о Толстом, Короленко, Успенском, других деятелях, дескать, они забили тревогу о голоде в России и помогают голодающим, а про Раевского ни слова» [2, 213–214].

© Тулупов В. В., 2024

высшие классы, живущие все *им,* не могущие ступить шагу без *него*, мы *его* будем кормить! В самой этой затее есть что-то удивительно странное». И далее: «Народ голодает, и мы, высшие классы, очень озабочены этим и хотим помочь этому. И для этого мы заседаем, собираем комитеты, собираем деньги, покупаем хлеб и распределяем его народу.

Да отчего он и голоден? Неужели так трудно понять это? Неужели нужно или клеветать на него, как бессовестно делают одни, говоря, что народ беден оттого, что он ленив и пьяница; или обманывать самого себя, как делают другие, говоря, что народ беден только оттого, что мы не успели еще передать ему всей мудрости нашей культуры, а что мы вот с завтрашнего дня начнем, не утаивая ничего, передавать ему всю эту нашу мудрость, и тогда уж он перестанет быть беден; и потому нам нечего стыдиться того, что мы теперь живем на его шее,— все это для его блага?

Нам, русским, это должно быть особенно понятно. Могут не видеть этого промышленные, торговые народы, кормящиеся колониями, как англичане. Благосостояние богатых классов таких народов не находится в прямой зависимости от положения их рабочих. Но наша связь с народом так непосредственна, так очевидно то, что наше богатство обусловливается его бедностью, или его бедность нашим богатством, что нам нельзя не видеть, отчего он беден и голоден. А зная, отчего он голоден, нам очень легко найти средство насытить его.

Средство одно: не объедать его» [3].

Как сам писатель признался в одном из писем, он начинал писать о голоде, а вышло «о нашем грехе разделения с братьями» [4, 137].

А. П. Чехов также не остался в стороне, начав собирать пожертвования, объявив подписку в пользу голодающих среди друзей и знакомых, организуя публикации в «Русских ведомостях» и «Новом времени». При этом власти запрещали проявление какой-либо частной инициативы: «…люди с весом ездили к Дурново просить разрешения, и Дурново отказал, объявив, что организация помощи может принадлежать только епархиальному ведомству и Красному Кресту. Одним словом, частная инициатива была подрезана в самом начале. Все повесили носы, пали духом; кто озлился, а кто просто омыл руки» [5].

А. С. Суворин, узнавший, что А. П. Чехов стал одним из создателей писательского сборника «В помощь голодающим», обратился к нему с письмом: «Антон Павлович, не можете ли Вы предложить редакции “Русских ведомостей”, желающей издавать “Сборник” в пользу голодающих, такую комбинацию, которую объясню примером. Вы, например, пишете рассказ для этого “Сборника”, но предварительно печатаете его в “Новом Времени”, где будет сказано в примечании, что рассказ этот предназначается для такого-то “Сборника”; Вы получаете за него двойную построчную плату, т.е. 50 коп. за строку, а корректуру рассказа вместе с гонораром за него редакция “Нового Времени” отсылает в редакцию “Русских ведомостей”. Мне кажется, эта комбинация сделала бы “Сборник” общелитературным делом и, конечно, увеличила бы сбор тысячи на две, на три. Предварительное напечатание рассказа — скажу по долговременному опыту — не помешало бы его интересу, когда он появился бы вместе с другими вещами в “Сборнике”. Естественно, что эта предлагаемая мною комбинация тогда только имела бы смысл, если б и другие редакции согласились бы на нее. Ваш А. Суворин» [2, 215].

Сборник поддержали Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, В. Г. Короленко, А. Н. Плещеев, Н. К. Михайловский, Н. Н. Златовратский. Чехов же, одобривший идею Суворина, еще написал издателю Русских ведомостей» В. М. Соболевскому, что желательно, «чтобы в “Сборнике в пользу голодающих” приняли участие не одни только сотрудники газет и журналов, но также и редакции, которые располагают гораздо большими средствами, чем их сотрудники» [2, 215]. Сам А. С. Суворин, также участвовавший в выпуске «Сборника», вносил средства в фонд голодающих и публиковал в своей газете соответствующие статьи.

В феврале 1892 г. Суворин и Чехов посетили Воронеж, Бобров, побывали и на родине Алексея Сергеевича — в селе Коршево, где на средства земляка были открыты столовые для голодающих. 21 февраля в «Новом времени» в публикации «Маленькое письмо» А. С. Суворин представил отчет об этой поездке.

Вот несколько характерных фрагментов из этой корреспонденции: «Январские морозы погубили множество скота, лошадей и коров; голодные, они не выдерживали стужи и замерзали; некоторые спасали свою скотину, втаскивая ее в избы. Я еще застал в Воронежской губернии свежие рассказы о тех опустошениях и отчаянии населения, которые произвели жестокие январские морозы, явившиеся на помощь голоду. Голод тоже сделал свое дело, и гораздо грознее, погубив массу лошадей, иногда даже дорогих, в 100–200 рублей за штуку, что в этой губернии не редкость Эти драмы около скота были гораздо трогательнее тех драм, которые мы слушаем на сцене, проливая дешевые слезы…»

«…Еще в августе некоторые предусмотрительные люди предлагали для Воронежской губернии отправку лошадей на Кавказ, что и возможно было и удобно; но предложение это осталось безрезультатным; затем за него опять схватились месяца два спустя, но уже было поздно…»

«…Такой гибели лошадей, как в нынешнем году, никогда не было; крестьяне, помнящие голодовку 1840 года, говорят, что тогда не уродилось зерна, но была солома и, кроме того, особенно много уродилось лебеды, которою и питался скот. В нынешнем же году ни соломы, ни лебеды, ни сена. У го-

сударственного Хреновского завода 2400 десятин собственной степи, и на всем этом громадном пространстве постановлено всего 30 стогов сена — так ничтожен был урожай трав…»

«…Воронежский губернатор, Е. А. Куровский, принял очень хорошую меру для сохранения лошадей, но при недостатке денежных средств в ограниченных размерах. Он купил две или три сотни лошадей и отдал их хорошим крестьянам, лишившимся лошадей и вызванным им в Воронеж из уездов. Крестьяне эти кормятся в столовых, и лошади их получают корм и работу; работа эта высчитывается и идет на погашение стоимости лошади. В марте крестьянин отпускается с этою лошадью, которая делается его собственностью; что он на ней заработал, то вычитается из цены, за которую она куплена, остальное записывается за ним как долг, который он обязан впоследствии уплатить. Вслед за этим было предложено крестьянам, имеющим лошадей, являться в Воронеж, и им обещан был корм и работа. И на этот призыв явились крестьяне, и эти меры помогли перевозке земского хлеба…»

В публицистике писатели, более свободные в выражении своих мыслей и чувств, следуют завету А. С. Пушкина, сказавшего: «Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум, / Усовершенствуя плоды любимых дум, / Не требуя наград за подвиг благородный. / Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд…» И в этом смысле известная формула «Беллетрист ставит диагноз, а публицист выписывает рецепт» была и остается одним из принципов создания журналистских или художественных произведений — примеры из публицистики классиков отечественной литературы тому яркое свидетельство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пашина О. Лошадиное дело. Как А. П. Чехов помогал голодающим в Нижегородской губернии и что из этого вышло / О. Пашина.— Режим доступа: https://rusfond.ru/society/301 (дата обращения: 01.04.2024).

2. Васильев В. В Петербург, к Суворину / В. Васильев.— СПб, 2023.

3. Толстой Л. Н. О голоде / Л. Н. Толстой.— Режим доступа: http://tolstoy-lit.ru/tolstoy/publicistika/o-golode.htm (дата обращения: 01.04.2024).

4. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 66. Письма. 1891 (июль — декабрь) / Л. Н. Толстой.— М., 1953.

5. Чехов А. П. Письмо Егорову Е. П., 11 декабря 1891 г. / А. П. Чехов // Полн. собр. соч., т. 12.— М., 1983.

Воронежский государственный университет

Тулупов В. В., доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Воронежского государственного университета

E-mail: vlvtul@mail.ru

Voronezh State University

Tulupov V. V., Doctor of Philology, Professor of the Journalism Faculty

E-mail: vlvtul@mail.ru

УДК: 654.197

ДВА ГОДА СВО НА УКРАИНЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КОММУНИКАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

П. В. Ушанов

Владивостокский государственный университет

Поступила в редакцию 10 февраля 2024 г.

Аннотация: *в статье анализируется актуальные вопросы коммуникационного процесса, которые актуализировала СВО ВС РФ на Украине: «информационная война», факторы трансформации блогосферы. Уточняется понятие «информационная война» как феномена постиндустриального общества. Обосновываются понятия: «горячая информационная война», «холодная информационная война». Выявляются факторы роста популярности мессенджера «Телеграм» как цифровой коммуникационной платформы. Описывается содержание нового этапа развития российской блогосферы.*
Ключевые слова: *медиасистема, информационная война, мессенджер, блогосфера.*

Abstract: *the article analyzes such current problems of the communication process that were actualized by the Northern Military District of the Russian Armed Forces in Ukraine, such as: «information war» and factors of transformation of the blogosphere. A review of publications in the professional environment and scientific periodicals is carried out. The concept of «information war» as a phenomenon of post-industrial society is clarified. The concepts are substantiated: «hot information war», «cold information war». Factors in the growing popularity of the «Telegram» messenger as a digital communication platform are identified. The content of the new stage in the development of the Russian blogosphere is described.*
Keywords: *media system, information war, messenger, blogosphere.*

Политические кризисы с XVII в. оказывают серьезное влияние на сферу массовой коммуникации, поскольку политический процесс получил свое медийное измерение. Специальная военная операция ВС РФ на Украине за два года предоставила специалистам в области массовой коммуникации богатый материал для изучения. Важно подчеркнуть, что он касается не только медиасистем находящихся в военном конфликте государств, но и глобальных коммуникационных процессов. Осмыслению таких значимых, на наш взгляд, вопросов, как информационная война в условиях постиндустриального общества и факторы трансформации блогосферы, посвящена данная статья.

Информационная война как форма международных отношений постиндустриального общества. Одним из таких актуальных вопросов текущего момента является тема информационной войны. Уже в 2022 г. она в оперативном режиме осмыслялась в профессиональной периодике и на цифровых ресурсах, а с 2023 г.— в научных изданиях [1–4]. Сам термин «информационная война» стал «общим местом» в политическом дискурсе, поэтому нам видится актуальной задача конкретизации данного феномена именно как коммуникационной категории.

Из публикаций специалистов в области информационно-психологического противостояния выделим книгу Д. В. Безсонова (занимавшего должности начальника пресс-центра ВС ДНР и первого заместителя министра информации ДНР) «Методы информационно-психологического влияния, применяемые украинскими подразделениями информационно-психологических операций против участников СВО, их родственников и других граждан» [5]. Ее ценность заключается в том, что она оформлена как полноценное методическое пособие, в котором обобщен и систематизирован большой массив практического материала. Неслучайно Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам рекомендовала эту работу Д. В. Безсонова коллегам именно в качестве методического пособия, даже несмотря на то, что ее библиография небезупречна.

Стоит отметить, что большинство публикаций в научной периодике методологически построены по схожему принципу: актуальный практический материал иллюстрируют сделанные ранее теоретические выводы авторитетных специалистов, начиная с «Искусства войны» Сунь Цзы. Такой подход ориентирован на описание и систематизацию того, как современные возможности по созданию и трансляции информационного продукта влияют на формы, масштабы и интенсивность информационного противостояния. Этот взгляд на проблему, безусловно, продуктивен и имеет в своих выводах четко выраженный практический вектор: «Тактика ведения информационной войны рассчитана на форми-

© Ушанов П. В., 2024

рование, поддержание и усиление антироссийских настроений на полуострове, а в перспективе — на дезинтеграцию российского общества и нарушение территориальной целостности российского государства. В связи с этим особенно важен переход России в информационной войне от оборонительной к наступательной позиции, идеологическая работа с населением в Крыму и на всей территории Российской Федерации с учетом этнических и конфессиональных особенностей регионов» [6, 66].

На наш взгляд, такой подход имеет ощутимый минус — описываемый инструментарий информационной войны практически тождественен инструментам пропаганды как коммуникационной технологии. Опыт ее эффективного использования известен со времени войны за независимость североамериканских колоний, который подробно изучен зарубежными и отечественными исследователями. Поскольку мы в настоящий момент живем в постиндустриальную эпоху, логично предположить, что идущая информационная война, имея ощутимую генетическую связь с пропагандой, является все-таки новым феноменом, в рамках которого традиционный коммуникационный инструментарий используется несколько в ином целеполагании.

Переосмысление термина «информационная война» мы наблюдаем в размышлениях А. Н. Чумикова в статье «Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне» [7]. В ней подчеркивается, что каждая стадия противостояния имеет свое не только военно-политическое, но и информационное наполнение. Появление феномена «гибридная война» автор связывает с «интернетизацией мирового пространства», то есть с оформлением глобального информационного поля, которое стало пространством ведения военных действий. Крымская весна (2014 г.) и начало СВО (2022 г.) им рассматриваются в качестве ключевых точек интенсификации информационной войны против РФ и ее граждан.

В данной статье цитируются положения доклада начальника Генерального штаба Вооруженных сил РФ В. В. Герасимова «Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию» (2013 г.): прослеживается тенденция стирания различий между состоянием войны и мира; возрастает роль невоенных способов в достижении стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия [8]. Как видим, значимость невоенных средств — под которыми мы понимаем, прежде всего, информационные — признают профессиональные военные высшего ранга, которые планируют военные действия и управляют ими.

Как мы предполагаем, опираясь на имеющеюся практику информационного противостояния и опыт его осмысления, продуктивно рассматривать и изучать информационную войну как инструмент в международных отношениях не только в качестве одного из фронтов гибридной войны, но и самостоятельного феномена со своим полем ведения боевых действий, арсеналом средств, методов поражения и обороны. Обобщая опыт исследователей, мы можем предложить следующие базовые коммуникативные характеристики информационной войны как феномена постиндустриального общества: *перманентность* и *тотальность.*

Перманентность базируется на высокой степени конфликтности международных отношений постиндустриального общества и достигается разной степенью интенсивности информационного противостояния. Поэтому уместно для характеристики информационных войн использовать традиционные, устойчивые термины — «холодная» и «горячая». Холодная информационная война — война малой и средней интенсивности. Ведется преимущественно в информационном пространстве с опорой на принципы массовой коммуникации, сформированные в рамках журналистской практики (правдивость, объективность и т.д.). Данные принципы как минимум имитируются. В рамках холодной информационной войны в целом соблюдаются международные и национальные правовые нормы. Цель — формирование групп симпатизантов с целью оказания влияния на общественное мнение на территории государств противника с последующим давлением на элиты при принятии ими решений. Горячая информационная война — война высокой интенсивности, в рамках которой игнорируются все правовые и моральные нормы. Активно инициируются в качестве информационных поводов провокации. Тактическая цель — дестабилизация внутриполитической обстановки, парализация воли общества к сопротивлению и мобилизации своих сил для этого, инициирование социальных кризисов, особенно — межэтнических и межконфессиональных. Стратегическая цель — как минимум отказ противника от части государственных интересов, как максимум — капитуляция, полный отказ от государственных интересов.

Такая характеристика информационной войны, как тотальность, не требует развернутого объяснения. Очевидно, что информационная война, чтобы быть эффективной, должна затрагивать все сферы современного общества, особенно социально-культурные. Тотальность присуща не только горячей, но и холодной стадиям информационной войны, поскольку переход, как показывает практика, происходит мгновенно, и гораздо эффективней вести коммуникационную деятельность в рамках уже внедренных тем и информационных повесток.

Что дает нам понимание текущей информационной ситуации в мире в качестве информационной войны? Для власти — это возможность вводить норма-

тивно-правовые акты не в качестве антикризисного реагирования, а в качестве продуманной стратегии по управлению коммуникациями. Для общества — базовое критическое восприятие контента, которое он получает преимущественно из цифровых платформ. Для профессионалов в области информационного производства — осознание своего места в системе координат информационной войны.

При планировании СВО информационный фронт был наименее подготовленным, поэтому государственная власть РФ практически пропустила переход информационной войны в горячую стадию. Реагировать пришлось запрещением деятельности на территории страны популярных цифровых платформ, что создало кризисную ситуацию в информационной сфере. В этой связи интересен опыт КНР, законодательную практику которой часто объясняют государственной авторитарной традицией. Еще в начале массовой интернетизации власти Китая имели конфликт с корпорацией Google, чьи ценности и принципы вошли в противоречие с государственной информационной политикой страны. После этого КНР взяла курс на суверенизацию своего интернет-пространства, в чем на настоящий момент преуспела. Если исходить из логики информационной войны, власти КНР поступили абсолютно адекватно: столкнувшись с фактом опасного воздействия на национальное информационное поле, сам источник опасности был нейтрализован, что в дальнейшем стало общим принципом регулирования коммуникационной деятельности в сети Интернет.

В начале 2024 г. мы получили очередной пример продуманной атаки в рамках горячей информационной войны. Спортивный арбитражный суд (CAS) постановил признать фигуристку Камилу Валиеву виновной в нарушении антидопинговых правил и дисквалифицировал на четыре года. Соответственно, ее результаты на соревнованиях с декабря 2021 г. аннулированы. Международный союз конькобежцев (ISU) оперативно пересмотрел результаты командного турнира на Олимпийских играх 2022 г. Сборная России лишилась 20 очков, золотых медалей, и победителями была объявлена команда США.

Отнести эту ситуацию к акту информационной войны нам позволяет не только факт тотальной поддержки этого решения СМИ враждебными государствами. Главное, что в результате пересчета результатов, сборной России присудили бронзовые медали. На третье место рассчитывала подняться сборная Канады, которая логично посчитала: если у кого-то баллы снимают, значит, кому-то добавляют. Но этого сделано не было. Как мы полагаем, дело не в справедливости, а в церемонии награждения как специальном мероприятии, которая по правилам должна проводиться в торжественной обстановке. Поэтому в логике информационной войны, важно, чтобы в ней приняла участие сборная России, признав тем самым свое поражение и сделав легитимным своим присутствием на церемонии это решение CAS. Здесь стоит вспомнить исторический прецедент: мужская сборная США по баскетболу отказалась получать серебряные медали по итогам турнира Олимпиады-1972, так как, по их мнению, были нарушены правила игры. И в своей стране они считаются олимпийскими чемпионами.

Мессенджеры как успешные конкуренты социальных сетей в борьбе за аудиторию. Если исходить из позиции, что современный мир находится в состоянии горячей информационной войны, то перспективы журналистики как профессии, на первый взгляд, видятся достаточно мрачными. Однако новая информационная ситуация предоставила возможности для развития, о чем мы поговорим в этой части статьи.

В своем первом февральском номере за 2024 г. журнал The Economist откликнулся на 20-летие социальной сети Facebook*[1] не юбилейной публикацией: The end of the social network («Конец социальной сети») [9]. Стоит отметить, что тема СВО в данной публикации находится на периферии внимания авторов, а Украина упомянута всего один раз. Публикация, прежде всего, реагирует на актуальную для западного общества проблему — цивилизационный кризис. Среди его первых результатов — утрата управляемости глобальным информационным потоком с помощью модерации социальных сетей. Хотя эта идея прямо и не высказана, но как вывод логична из представленного материала. «Над “цифровой городской площадью” выключен свет» — так метафорично звучит главный тезис публикации. Авторы сетуют, что общественно-политический дискурс и новости уходят в пространства закрытых платформы, таких как WhatsApp и «Телеграм».

Почему это происходит? Причин приводится довольно много, но мы остановимся только на тех, которые важны в рамках темы нашей статьи: это доминирование развлекательного контента; непрозрачность принципов модерации; навязывание контента, якобы на основании пользовательской активности с помощью искусственного интелекта (ИИ). Последний аспект требует раскрытия. В начале 2010-х гг. грядущее внедрение технологии отбора контента для пользователя сети Интернет на основе ИИ воспринималось с восторгом как способ избавиться от информационного мусора. Тогда даже объявили о наступлении эпохи технологии Web3.0. Впрочем, сразу же была обозначена точка зрения, что владельцы цифровых платформ получат инструмент создания информационного потока по своим интересам или внешнему заказу.

[1] * Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Пользователи интернета в РФ с этим столкнулись в феврале-марте 2022 г. И совершенно не удивительно, что принцип, когда на отбор контента влияют не только (и не столько) социальные связи пользователя, но и некие специально настроенные алгоритмы ИИ, докатились до стран европейской цивилизации. Но на полтора года позже, поскольку системный кризис дошел до них к осени 2023 г. Так пошатнулся авторитет социальных сетей, который опирался на имидж свободных площадок обмена новостями и мнений.

Как видим, рост популярности мессенджера «Телеграм» — это международный феномен, но самая серьезная положительная динамика зафиксирована именно в РФ. 14 августа 2023 г. он отметил свое 10-летие ярким достижением: по данным Mediascope, «Телеграм» по среднесуточному охвату пользователей (DAU) обошел социальную сеть «ВКонтакте». С февраля 2022 г. по настоящее время обе цифровые платформы нарастили ежедневную аудиторию, но у «Телеграма» она выросла более чем в два раза. Как видим, этот мессенджер извлек пользу из того, что в 2019 г. урегулировал конфликт с органами государственной власти РФ (правовое измерение конфликта описано — [10]), что позволило ему с максимальной пользой воспользоваться ситуацией, которая сложилась в информационном и правовом поле РФ после начала СВО. Кстати, деятельность «Телеграма» была восстановлена не только на территории нашей страны, но и несколько ранее в Индонезии.

Среди факторов, которые обусловили рост интереса аудитории к такой цифровой платформе, как «Телеграм», мы выделим один, прямо связанный с поставленной выше проблемой — сохранение актуальности журналистики как профессии в новой коммуникационной ситуации. Как нам представляется, базовая коммуникативность «Телеграма» позволяет, по крайней мере на данном этапе, вернуться к ситуации, когда экономическая успешность периодической печати и ее влиятельность зависела от монетизированного внимания аудитории (розница, подписка) и, как следствие — размещения рекламы. Монополизация СМИ, сращивание СМИ с массовой культурой, засилье в экономике СМИ политического и корпоративного капитала нанесли серьезный репутационный ущерб журналистике и отодвинули ее на периферию общественной жизни. Практически реализовался пессимистический сценарий развития российской медиасистемы, о котором в начале 2000-х гг. предупреждал Я. Н. Засурский. [См: 11–12] Сегодня закрытые цифровые платформы открывают возможность реализовывать все функции и принципы журналистики в рамках своего пространства, а в «Телеграме» на данный момент это делается наиболее успешно.

Блоги журналистов из сопутствующих их деятельности информационных площадок превратились в основные. Например, у специального корреспондента «Комсомольской правды» Александра Коца на начало февраля 2024 г. было 575 тысяч подписчиков у аккаунта в «Телеграме» (@sashakots), у самого издания — 246 тысяч (@truekpru). Сегодня вокруг авторов аккаунтов формируются полноценные редакционные коллективы, но в любом случае фактор персонификации информации в контексте публичного имиджа блогера (журналиста) остается неизменным. Еще пять лет назад трудно было предположить, что блогосфера станет важным сегментом формирования общественно значимого информационного потока, поскольку блогер как производственно-творческая единица не сможет успешно конкурировать с профессиональными редакционными коллективами. Автор данной статьи тогда предполагал, что блогеры заполнят нишу аналитики и публицистики.

Реальность после 2022 г. показала, что, опираясь на уникальные источники автора или фактор личного присутствия на линии боевого соприкосновения СВО, блоги стали важным источником информации для общества. Такие специализации, как военкор, военный эксперт, сегодня являются основой профессионального позиционирования. Авторы популярных блогов, которые активно работают в «Телеграме», постоянно присутствуют в эфире федеральных каналов как носители уникально й информации. При этом они четко идентифицируют современную ситуацию как горячую информационную войну, поэтому выступают экспертами в области публикаций материалов, связанных с СВО, чтобы они не наносился ущерб ВС РФ. Стоит отметить проект InfoDefense (ИнфоОборона), который объединяет ряд каналов в «Телеграме» на разных языках с целью внедрения контента в информационное поле иностранных (в том числе — недружественных) государств. InfoDefense имеет аккаунты на следующих языках: русском, английском, азербайджанском, арабском, болгарском, венгерском, греческом, голландском, датском, иврите, испанском, итальянском, китайском, латышском, литовском, немецком, норвежском, персидском, польском, португальском, румынском, сербском, словенском, турецком, французском, чешском, узбекском, шведском, эстонском, японском.

Собранный материал убеждает нас в том, что российская блогосфера на настоящий момент вступила в новый этап своего развития, что требует уточнения периодизации. Вопрос ее генезиса поднимался ранее автором в статьях, опубликованных в «Вестнике ВГУ» [См: 13–14]. Были выделены следующие ключевые даты периодизации:

– 2006 г.— экстенсивное развитие;

– 2010 г.— профессионализация блогосферы и ее легализация в качестве средства и канала социальной информации;

– 2014 г.— легитимизация блогосферы, вхождение в правовое пространство РФ после принятия по-

правок к закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Новой точкой качественных изменений в российской блогосфере мы предлагаем считать 2022 г. Этот этап следует охарактеризовать следующим образом: усложнение системы, выделение закрытых цифровых коммуникационных платформы в качестве самостоятельного сегмента блогосферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бебчук Е. М. Язык информационной войны / Е. М. Бебчук, В. В. Тулупов // Медиалингвистика.— 2022.— Вып. 9. Язык в координатах массмедиа.— С. 129–132.

2. Информационная война в цифровом пространстве.— Челябинск, 2023.

3. Третьяков В. Т. Информационная война — тоже война / В. Т. Третьяков.— Режим доступа: https://ria.ru/20160321/1393849944.html (дата обращения: 08.02.24).

4. Тулупов В. В. Информационная война в эпоху постправды / В. В. Тулупов // Вестник Академии медиаиндустрии.— 2023.— № 3 (35).— С. 119–139.

5. Безсонов Д. В. Методы информационно-психологического влияния, применяемые украинскими подразделениями информационно-психологических операций против участников СВО, их родственников и других граждан / Д. В. Безсонов.— Режим доступа: https://djvu.online›file/SFuUm1HV0TO7b (дата обращения: 10.11.2023).

6. Клинцова М. Н. Тактика ведения информационной войны во время СВО / М. Н. Клинцова // Российская школа связей с общественностью.— 2023.— № 29 — С. 56–69.— Режим доступа: https://ruscoms.ru/index.php/arkhiv-nomerov/84-vypusk-no-29 (дата обращения: 20.12.2023).

7. Чумиков А. Н. Актуальный инструментарий информационного противоборства в «холодной», «горячей» и «гибридной» войне / А. Н. Чумиков // Наука. Общество. Оборона.— 2023.— Т. 11.— № 2 (35).— Режим доступа: https://www.noo-journal.ru/vak/2023–2–35/chumikov-aktualnyy-instrumentariy-informatsionnogo-protivoborstva-v-kholodnoy-goryachey-i-gibrid/ (дата обращения: 20.12.2023).

8. Герасимов В. В. Необходимо переосмыслить формы и способы ведения боевых действий / В. В. Герасимов // Сообщество ветеранов спецназа России.— 02.03.2013.— Режим доступа: https://www.spec-naz.org/articles/analytics/neobkhodimo_pereosmyslit_formy_i_sposoby_vedeniya_boevykh_deystviy/ (дата обращения: 20.12.2023).

9. The end of the social network // The Economist.— 2024.— Март.— Режим доступа: https://www.economist.com/leaders/2024/02/01/the-end-of-the-social-network (дата обращения: 06.02.2024).

10. Шатохин С. А. Меры государственного противодействия распространению информации экстремистского характера в сети Интернет на примере блокировки интернет-мессенджера Telegram / С. А. Шатохин // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Юридические науки.— 2019.— Т. 5 (71).— № 3.— С. 210–216.

11. Засурский Я. Н. Десять лет свободы печати в России / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. Журналистика.— 2001.— № 1.— С. 3–10.

12. Засурский Я. Н. Российские медиа в XXI веке: «Вверх по лестнице, ведущей вниз» / Я. Н. Засурский // Вестник Московского университета. Журналистика.— 2001.— № 3.— С. 3–12.

13. Ушанов П. В. Специфика генезиса русскоязычной блогосферы / П. В. Ушанов // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика.— 2014.— № 1.— С. 123–128.

14. Ушанов П. В. Русскоязычная блогосфера в национальной системе СМИ / П. В. Ушанов // Вестник Воронежского государственного университета. Филология. Журналистика.— 2015.— № 1.— С. 143–145.

Владивостокский государственный университет
Ушанов П. В., доктор филологических наук
E-mail: ushanov08@mail.ru

Vladivostok State University
Ushanov P. V., Doctor of Philology
E-mail: ushanov08@mail.ru

УДК 8.80

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ ВОСПИТАТЕЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ДЕТСКОГО КОНТЕНТА НА CCTV (2016–2021 ГГ.)

Хао Яньянь

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 3 апреля 2024 г.

Аннотация: *в представленной статье проанализированы различные аспекты и формы реализации воспитательно-образовательной функции детского телевидения в Китае. Основной акцент сделан на значимости данного тематического сегмента, охватывающего одну из самых обширных аудиторий телезрителей и предлагающего разнообразный контент на универсальных, тематических платных и бесплатных телеканалах. Объектом исследования стали 34 детские телепрограммы и 74 мультсериала, представленные на 33 универсальных и четырех самых популярных специализированных китайских телеканалах для детей. Результаты показали, что одной из наиболее распространенных форм контента на детском телевидении являются мультфильмы, которые в основном направлены на передачу нравственных ценностей и социальных норм.*
Ключевые слова: *функции телевидения, детское телевидение, детские телепрограммы, образовательные программы, телевидение Китая, детское воспитание, детское образование, CCTV.*

Abstract: *The presented article analyzes various aspects and forms of implementation of the educational function of children's television in China. The main emphasis is placed on the significance of this thematic segment, covering one of the most extensive audiences of viewers and offering a variety of content on universal, thematic paid and free TV channels. The object of the study was 34 children's television programs and 74 animated series, presented on 33 universal and four most popular specialized Chinese television channels for children. The results showed that one of the most common forms of content on children's television is cartoons, which are mainly aimed at conveying moral values and social norms.*
Keywords: *television functions, children's television, children's TV programs, educational programs, Chinese television, children's upbringing, children's education, CCTV.*

Актуальность рассмотрения специфики реализации воспитательно-образовательной функции детского контента на *China Central Television* (*CCTV*) вытекает из его значительного влияния на одну из крупнейших телевизионных аудиторий. В свете разнообразия представленного контента на универсальных и тематических каналах, включая платные и бесплатные, изучение этой темы становится особенно важным.

Современное медиапространство стало свидетелем преобладания экономических задач в телевизионном вещании, что, в ущерб социальным и человекоориентированным аспектам, вызывает волнение среди исследователей и профессионалов в данной области. Эта проблема особенно актуальна для детского телевидения, оказывающего значительное воздействие на формирование мировоззрения подрастающего поколения. В контексте китайской телевизионной среды, где воспитание и образование детей являются приоритетными задачами [1, 128–130], наблюдается тревожный тренд увеличения развлекательного контента с развитием коммерческого телевидения с 1980-х гг. [2, 67–71] Борьба за высокие показатели доли и рейтинга может упростить содержание детских программ, уводя их от воспитательной направленности. Вмешательство рекламы и разнообразие контента на каналах *CCTV* создают сложности в сохранении баланса между развлекательным и воспитательным контентом. Специализированные программы и каналы предоставляют разнообразные варианты, но вопрос эффективного регулирования детского телевидения остается открытым.

Несмотря на значимость целей, стоящих перед детским телевидением в Китае, вопрос реализации воспитательных и образовательных задач остается недостаточно исследованным. Предыдущие работы, например, Ван Лицзянь и Гэ Вэньфэн, не достигли полной концептуализации воспитательно-образовательной деятельности детского телевидения [3, 125–129].

Важной проблемой, на которую следует обратить внимание исследователей, является формирование способности к социализации детей через телевизионное воздействие [4, 53]. Телевидение как ответственный участник в образовательном процессе может оказывать влияние на психическое здоровье детей и их социализацию, передавая информацию, модели поведения и принятые в обществе стандар-

© Хао Яньянь, 2024

ты. Исследование выделяет ключевые аспекты воспитательно-образовательной деятельности, включая формирование способности к индивидуализации, развитие любознательности и интеллекта, а также освоение профессиональных навыков. Тем не менее, оно также признает, что телевидение не может заменить родителей и школу в образовательном процессе, и подчеркивает необходимость баланса между развлекательным и воспитательным контентом. Именно с точки зрения реализации данных задач будет проанализировано детское телевещание Китая. Причем, каждое экранное произведение может реализовывать не один функциональный аспект. В эмпирическую базу вошли 10 детских телепрограмм и 17 мультсериалов, представленных на 33 универсальных телеканалах, вышедшие в эфир с 13.08 по 19.08.2020 г., а также 24 телепрограммы и 57 мультфильмов, показанные с 06.08 по 12.08.2020 г. на самых рейтинговых специализированных телеканалах *CCTV*: «*CCTV*-14 дети», «*CCTV*-15».

Исследование выявило, что на универсальных телеканалах, включая *CCTV*, преобладает контент в формате мультфильмов. Эти мультфильмы в основном направлены на передачу нравственных ценностей и социальных норм. В содержании выделяются положительные модели поведения, подчеркивая важность дружбы, взаимопомощи и преодоления трудностей, как, например, в мультфильме «Кот китайской оперы». Даже в тех, где присутствует образовательный контент, подчеркиваются традиционные китайские ценности, такие как скромность и честность. Однако исследование также выявило ограниченность жанров и форматов на универсальных каналах, что может привести к недостаточной разнообразности в предлагаемом контенте. Изучено всего пять мультфильмов, которые можно отнести к обучающим, однако их короткая длительность ограничивает возможности в решении образовательных задач. Некоторые мультфильмы, хоть и развлекательные, но содержащие несуществующие технические новинки, могут оказывать небольшой образовательный эффект.

В рамках исследования также выделены мультфильмы, способствующие развитию способности к самопознанию и познанию внешнего мира (см. рис. 1). Они демонстрируют различные социальные роли, а также сценарии взаимодействия в сложных ситуациях, способы их решения, что может способствовать более глубокому пониманию социальных взаимодействий среди детей. В то же время, рассматриваемые программы, такие как «Отличные дети» и «Фантастический город науки», добавляют разнообразие общему контенту, обогащая воспитательно-образовательные возможности универсальных телеканалов в Китае.

Рис. 1. Анализ мультфильмов на самых рейтинговых специализированных телеканалах CCTV.

В таблице 1 представлен анализ телепрограмм на специализированных каналах CCTV, где проявляется разнообразие формата контента. В отличие от мультфильмов, телепередачи, такие как журналы, реалити-шоу и конкурсы, явно ориентированы на привлечение внимания детей к образовательному процессу. Живая подача школьных знаний в этих передачах создает более увлекательную и интересную форму обучения. Конкурсные форматы, организованные в студии с участием китайских школьников, становятся источником вдохновения и мотивации для телезрителей, создавая атмосферу соревнования и подчеркивая важность образования. Программы в стиле ток-шоу и викторины предоставляют обшир-

ные возможности для передачи широкого спектра знаний в области культуры, литературы и других гуманитарных наук, поддерживая такие аспекты воспитательно-образовательной деятельности, как распространение культурных и научных знаний.

Таблица 1.

Анализ детского контента телепрограмм на каналах CCTV

Параметры	Количество программ (процент)	Формат
Передача нравственных ценностей и социальных ценностей норм	3 (30%)	Журнал, беседа
Распространение культурных и научных знаний	8 (80%)	Реалити-шоу + викторина, журнал, ток-шоу, конкурс
Привлечение детей к знаниям	10 (100%)	Беседа, реалити-шоу, журнал, ток-шоу, конкурс, викторина.
Формирование способности к самопознанию и познанию внешнего мира	3 (30%)	Беседа, реалити-шоу

Специализированные телеканалы успешно выполняют задачу по распространению культурных и научных знаний, предоставляя качественный контент, превосходящий универсальные каналы в этом аспекте. Зарубежные и новые отечественные научно-популярные мультфильмы, такие как «Рейнджер Роб», активно направлены на воспитание и образование детей разных возрастов. В исследуемый период, а именно 2016–2021 гг., в эфире появились 24 разнообразных телепередачи для детей, представляющих широкий спектр жанров и форматов: от тележурналов и телешоу до конкурсов, викторин, документальных телесериалов и реалити-шоу, что дополнительно обогащает опыт молодых зрителей и обеспечивает интересное обучающее воздействие (см. табл. 2).

Табл. 2. Анализ контента телепрограмм на специализированных каналах

Параметры	Количество программ (процент)	Формат
Передача нравственных ценностей и социальных ценностей норм	15 (62,5%)	Журнал, реалити-шоу, конкурс, викторина, документальные сериалы
Распространение культурных и научных знаний	17 (70%)	Реалити-шоу, викторина, журнал, конкурс, документальные сериалы, репортаж
Привлечение детей к знаниям	19 (79%)	Реалити-шоу, журнал, конкурс, викторина, документальные телесериалы, репортаж
Формирование способности к самопознанию и познанию внешнего мира	11 (45,8%)	Реалити-шоу, документальные сериалы, конкурс

Телевизионные программы на специализированных детских каналах, подобно универсальным, акцентируют внимание не столько на воспитании, сколько на обучении, предоставляя зрителям культурные и научные знания, а также способствуя развитию интеллекта. В процессе разработки сценариев уделяется внимание нравственным ценностям и социальным нормам, характерным для китайского общества [5, 228]. В ходе исследования было выявлено, что телепрограммы в формате журнала обладают значительным потенциалом для осуществления воспитательно-образовательной деятельности.

Среди программ, реализующих задачи привлечения детей к знаниям и распространения культурных и научных знаний, особенно полезными являются документальные сериалы и реалити-шоу. Примером является реалити-шоу «Самые шальные каникулы», пользующееся популярностью среди китайских детей. Эта передача рассказывает о жизни героев в летнем лагере, подчеркивая значимость самостоятельности и трудовых усилий. На специализированных детских каналах *CCTV* также встречается рекламная передача формата «магазин на диване», которая, несмотря на свой рекламный характер, может способствовать некоторым аспектам воспитательно-образователь-

ной деятельности. В этой передаче, помимо рекламы, также включаются элементы конкурсов, игр и бесед на познавательные темы, что может оказывать своеобразное воздействие на социализацию детской аудитории, формируя их предпочтения и навыки в обществе потребления.

Выводы. В ходе исследования было выявило, что телевидение успешно реализует воспитательно-образовательные аспекты, такие как передача нравственных ценностей и социальных норм, распространение культурных и научных знаний, привлечение детей к учебному процессу, а также формирование способности к самопознанию и познанию внешнего мира. Однако подходы к воплощению этих задач различны на универсальных и специализированных телеканалах. *CCTV*, в основном, используют мультфильмы для воспитания и передачи социальных норм. Журналистские программы нацелены на привлечение детей к образованию, но также преобладают развлекательные форматы, такие как ток-шоу и реалити-шоу. Отмечается поверхностный подход к решению воспитательно-образовательных задач. Специализированные каналы более качественно реализуют аспекты воспитательно-образовательной деятельности благодаря разнообразию программ различных форматов и анимационных фильмов. Особое внимание уделяется передаче социальных норм и нравственных ценностей, а журналистский контент акцентируется на привлечении детей к знаниям, предоставляя научные и культурные сведения. Эффективность специализированных каналов усиливается за счет широкого спектра импортных мультфильмов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Шупин. Учение о детском телевидении / Шупин Чэнь.— Пекин, 2003.
2. Ли Ци. Детское телевидение в мультимедийной среде / Ци Ли.— Пекин, 2014.
3. Ван Лицзянь. Детское телевидение в Китае с точки зрения педагогики / Лицзянь Ван, Вэньфэн Гэ // Современная коммуникация: Журнал Коммуникационного университета Китая.— 2013.— № 11.— С. 125–129.
4. Ван Фань. Детская культурная программа с точки зрения образовательной функции / Фань Ван // Молодой репортер.— 2018.— № 21.— С. 62–63.
5. Чжэнь Ли. Телевидение и образование / Ли Чжэнь.— Пекин, 2005.
6. Официальный сайт CCTV-14.— Режим доступа: https://tv.cctv.com/live/cctvchild/ (дата обращения 25.01.2024)
7. Официальный сайт CCTV.— Режим доступа: https://tv.cctv.com/cctvrussian/ (дата обращения: 25.01.2024)
8. Официальный сайт CCTV-15.— Режим доступа: https://tv.cctv.com/live/cctv15/ (дата обращения: 25.01.2024).

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Хао Яньянь, аспирант филологического факультета

E-mail: 1042228128@pfur.ru

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Hao Yanyan, Postgraduate student of the Faculty of Philology

E-mail: 1042228128@pfur.ru

УДК: 316.738.

«НОВАЯ ПРЕССА» ВЬЕТНАМА В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: СПЕЦИФИКА ВОСПРИЯТИЯ И ВОЗДЕЙСТВИЯ

Чан Тхи Тху Хыонг

Ханойский университет культуры

Поступила в редакцию 20 марта 2024 г.

Аннотация: *развитие информационных технологий, интернета и социальных платформ повлияло на традиционную прессу и на онлайн-прессу, типичной потребительской группой которой является поколение Z. Статья раскрывает особенности сетевой журналистики в контексте восприятия медиапродукции в молодежной среде. Уточнены факторы, влияющие на изменение привычки чтения в условиях распространения канонов массовой культуры, даны рекомендации для привлечения пользователей к потреблению качественной журналистской продукции.*
Ключевые слова: *дигитализация, новая пресса, восприятие медиапродукции, молодёжная аудитория, поколение Z.*

Abstract: *the development of information technology, the Internet and social platforms has influenced the traditional press and the online press, of which Generation Z is a typical consumer group. The article reveals the features of network journalism in the context of media products perception among young people. The factors influencing the changes in reading habits in the context of the spread of the canons of mass culture are clarified, recommendations are given to attract users to consume high-quality journalistic products.*
Keywords: *digitalization, new press, perception of media products, youth audience, generation Z.*

Социальные сети стали активной формой воздействия на журналистику и на аудиторию СМИ. Под влиянием дигитализации и конвергентных процессов в массмедиа, меняющих сам процесс массовой коммуникации, традиционная журналистика становится более динамичной и интерактивной. Меняется психология восприятия газетных текстов, в наши дни зависящая чаще от «картинки», а не от слова, не от стиля повествования. Массмедиа, связанные с распространением интернета, не случайно называются «новыми»: они стали результатом новейших изобретений ученых, сегодня их отличительная черта — выход на орбиту стремительного круглосуточного потока (стриминга) сообщений о глобальном мире вокруг нас. Скорость и оперативность становятся нередко важнее качества информации.

Во всем мире исследованиям в области сетевой журналистики уделяется большое внимание. История научного изучения аудитории массмедиа, как известно, связана с началом XX века, когда многие исследователи разрабатывали методы изучения СМИ, уделяя особое внимание проблеме влияния СМИ на группы людей и на конкретного человека. В середине прошлого века западные авторы, опираясь на труды Г. Лассуэла, П. Лазарсфельда, В. Беньямина, раскрыли такую принципиальную тему, как прогнозирование изменений в сфере восприятия и потребления медийной культуры в различных группах общества [1–3]. В. Беньямин, Г. Шиллер и др. предложили метод изучения зависимости между СМИ и поведением массовой аудитории на основе критического подхода к целям ключевых игроков [4, 11], причем в ходе многолетней полемики возникли две основные позиции: были те, кто видел в медиа-эффектах сугубо позитивное начало, отталкиваясь от мысли о неизбежности тотального воздействия СМИ на социум, но также появились и те, кто видел в СМИ много негатива и не верил в теории «золотой пули» или «подкожной (подкорковой) инъекции» и т.п. [5, 23]. Споры о методах восприятия медийных текстов обострились в эпоху дигитализации и активизации социальных сетей. Во Вьетнаме, говоря об исследованиях соцсетей и онлайн медиа, опираются на работы Нгуен Хонг Виня, Ле Тху Ха, Нгуен Минь Туана, Чан Хуу Куанга, До Тхань Ту и др. [6–11]. В их трудах основой служит мысль о преемственности: новые медиа не могут обойтись без традиционной журналистики.

Цифры говорят о том, что Вьетнам сделал большой скачок в развитии новых медиа. В 2023 г. почти 85% жителей имели доступ к интернету — значит 85–86 миллионов вьетнамцев сегодня находятся в Сети. Это хорошая статистика, если учесть состояние дел в начале века [12–13]. При этом способы использования вьетнамцами социальных сетей быстро меняются, и «многие местные жители теперь делают покупки через социальные сети» [14]. Современные исследования указывают на изменчивость

© Чан Тхи Тху Хыонг, 2024

вкусов «общества потребления». Мобильные платформы и социальные сети оказали сильное влияние на журналистику не только в плане оперативности, но и в плане искренности обмена мнениями. Гармония и баланс между глубиной новостной информации и скоростью распространения новостей создали огромный барьер для традиционной журналистики. В частности, охват, привлечение и удержание «нового» поколения также зависит от «инфотейнмента», что создает множество различных проблем в воспитании подрастающего поколения, в диалоге власти и общественности.

«Общественность» как неполный синоним при обозначении таких понятий, как публика, аудитория, потребители, является одним из основных элементов коммуникативной деятельности (субъекты СМИ, цели, содержание, методы, объекты и эффективность коммуникации) [15]. В отчете «Медиаландшафт Вьетнама», основанном на интервью с 2369 людьми по всей стране, было обнаружено, что рост потребления медиапродукции продолжает расти, в 2022 г. «более двух третей людей чаще пользовались цифровыми платформами, такими как социальные сети (69%) или веб-сайты и приложения (66%). Между тем примерно половина слушателей стали чаще слушать музыку (49%) и читать больше газет или журналов в печатном виде или онлайн (47%)» [12]. Ожидается, что во Вьетнаме на рынке цифровых медиа будет наблюдаться значительный рост выручки, которая достигнет прогнозируемого значения в 920,90 млн. долларов США в 2024 г.

В сентябре 2022 г. Институт журналистики — Академия журналистики и коммуникации опросил более 1800 людей поколения Z[1], проживающих в Ханое, Дананге и Сити, Хо Ши Мин, Куанг Нинь, Даклак, Кантхо. Результаты опроса показывают, что мобильные приложения входят в число лучших платформ, привлекающих доступ к новостям среди публики поколения Z во Вьетнаме. Очевидно, что изменения как в экономике, так и в социальной жизни привели к очень явным изменениям в способах получения информации обществом поколения Z. Мобильные приложения важнее с точки зрения получения свежей информации в сетевой прессе, включая New Newspaper, Thanh Nien News и Zing News и др.

В Европе представители поколения Z считают себя прежде всего клиентами, имеющими право требовать особого обслуживания, ведь они тратят деньги на покупку продуктов или медиауслуг. Для них традиционные СМИ не являются единственным источником сбора новостей, поскольку появились новые медиасистемы — социальные сети, веб-сайты, электронные хранилища данных и др. Поколение Z обладает базовыми знаниями и навыками использования новых «интеллектуальных медиа», основанных на больших массивах данных (Big Data), так как основной способ получения информации — сетевой сбор информации претерпел множество изменений. Доктор Нгуен Минь Фонг, заместитель заведующего отделом пропаганды газеты «Нан Цзян» (Голос народа), бывший руководитель отдела экономических исследований Ханойского института исследований социально-экономического развития, пишет в этой связи: «…Молодое поколение сегодня не любит читать газеты или получать доступ к новостям прессы, а в том, что они все больше жаждут новых событий, доступ к новостям становится проще, быстрее и проще. Способ «подачи» новостей иной, более полный и разнообразный, чем у предыдущих поколений. Поколение Z предпочитает смотреть новости через видео, а не через статьи» [12]. Молодежь — это не только настоящее, но и будущее. Сегодняшняя пресса сильно меняется, что создает как проблемы, так и возможности для информационных агентств. Удержать, привлечь и стать «выбором» поколения Z стало проблемой для многих редакций. Из-за этого перед медиаагентствами возникла задача изменить содержание, форму и способ передачи информации. Сегодня команда разрабатывает отдельный контент для каждой паблик-группы, и с одним и тем же контентом пользователи поколения Z в приложениях имеют разные взаимодействия [13].

В ходе опроса, проводимого в г. Ханое, мы получили следующие ответы на вопросы о соотношении традиционных газет и их сетевых версий.

Как часто вы читаете «бумажные версии» периодических изданий и как часто пользуетесь онлайн медиа? Примерно третья часть респондентов, в основном преподаватели и аспиранты, читают традиционную прессу, а 70% отвечающих давно перешли в зону интернета**.**

Какие темы привлекли ваше внимание в 2023 году? Положение молодых людей в обществе (сложности с работой, экономические трудности, брачно-семейные отношения) — 64%; отношения детей и родителей, семейная жизнь — 48%; алкоголизм и наркотики — 32%; международная жизнь (события в Палестине, в Китае, в РФ) — 30%; вопросы карьеры — 18%.

Какие проблемы стоят перед пользователями сетевых СМИ? Проблема доступа к быстрому широкополосному интернету, особенно в провинции (это подчеркнули 80% отвечающих); проблема высоких цен на оборудование (65%); проблема прямой и косвенной цензуры (57%).

[1] Поколение Z (Зет, иногда пишут для краткости Gen Z) — это большая группа (страта) людей, родившихся с 1995 по 2012 год (некоторые считают, что с 1997 по 2015 год, но это небольшое расхождение). Во всем мире поколение Z насчитывает около 2,6 миллиарда человек по всему миру, или около четверти населения планеты. Во Вьетнаме поколение Z составляет около 25% рабочей силы страны, что эквивалентно примерно 15 миллионам человек [12].

Таким образом, опрос показал как стремление молодого поколения присутствовать в сетевом пространстве, так и проблемы медиапотребления.

Нами были выработаны следующие рекомендации.

Во-первых, информацию и особенно актуальные новости необходимо распространять на цифровых платформах, используя элементы геймификации. Например, у TikTok во Вьетнаме около 13 миллионов пользователей в месяц. Платформа, как и в Китае, стала массовым местом досуга**,** но его ресурсы можно использовать и в образовательных целях. Во-вторых, надо больше думать о сетевой безопасности**.** Новый Закон Вьетнама об информационной безопасности в цифровом пространстве вступил в силу 1 июля 2016 г. и затем дополнялся из-за перемен в мире. В-третьих, следует рассматривать поколение Z как получателей информации и как клиентов. Поколение Z динамично, его потребности и привычки потребления информации меняются очень быстро, поэтому угнаться за этой тенденцией очень сложно. Удовлетворить все потребности этой общественной группы невозможно, поскольку каждая редакция имеет свою общественную группу.

«Для расширения взаимодействия необходимо решить три вопроса, в том числе: а) достаточно ли интересно содержание сообщения, чтобы создать интерактивную мотивацию? б) какова форма сообщения и манера автора? в) насколько надёжен канал связи?… Политика, касающаяся окружающей среды и условий для поколения Z в частности и общественности в целом, поднимает две проблемы: необходимо пересмотреть и изменить взгляд на интерактивную деятельность по отношению к деятельности по производству контента. Менеджеры должны иметь более открытый взгляд на обратную связь» [16]. Важны грани гендерно-возрастной дифференциации в Сети.

Различное число представителей каждой возрастной группы можно отразить с помощью диаграммы (рис. 1), составленной нами на основе данных последнего опроса Social Media in Vietnam-2023, Stats & Platform Trends (https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/vietnam). На диаграмме более темный цвет — это число мужчин в Сети, а более светлый оттенок имеют столбцы, обозначающие женщин.

Как видим, на диаграмме наибольшее число пользователей в 2023 дают группы от 18 до 35 лет. В совокупности это 55,4% потребителей. Еще две группы мужчин и женщин в возрасте от 35 до 54 лет дают 27,2% участников сетевой коммуникации. Детско-юношеская группа представляет 9, 8%, слой пожилых пользователей, от 55 до 64 лет — 6%; детско-юношеская аудитория насчитывает 9,8%; престарелые пользователи старше 65 лет в том году составили 1,6%. В конце 2023 г. число детей и юношей в Сети значительно выросло, увеличилось и число престарелых пользователей, но точной статистики пока нет. Сегодня молодой сегмент общественности (от 19 до 24 лет) склонен более активно использовать новые медиа, социальные сети и скептически относится к традиционным СМИ, в то время как, соответственно, более старый сегмент общественности (от 45 до 54 лет) в основном использует традиционные СМИ.

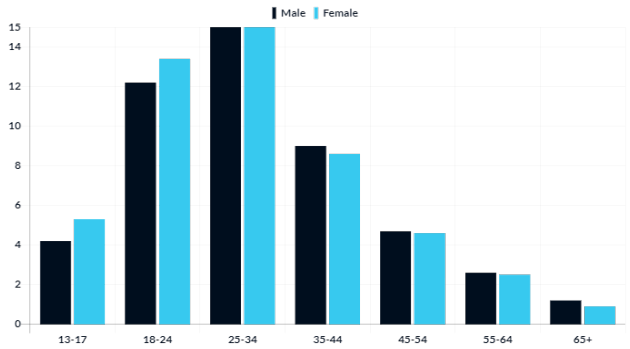


Рис. 1. Демография вьетнамских пользователей социальных сетей.

Доцент, доктор До Тхи Тху Ханг, руководитель профессионального отдела Вьетнамской ассоциации журналистов, выступил со вступительной речью на семинаре «Повышение взаимодействия общественности поколения Z с новостями прессы в мобильных приложениях». Поколение Z в настоящем и будущем: «Как мы знаем, технологии все больше развиваются, мы живем в эпоху 4.0 — Интернет вещей и взрыв социальных сетей неоспоримы» [9]. Согласно статистике Q&Me за 2022 год, среди участников опроса Facebook[2] является наиболее используемым приложением социальной сети — 94%. Кроме того, Основной вклад в число пользователей нельзя не упомянуть публике поколения Z (называемой поколением Z). Май Куинь Нам, бывший директор Института человеческих исследований Вьетнамской академии социальных наук, писал: «Тенденция публичных исследований взаимодействия на цифровых платформах является основной темой исследования. Наука, которая больше всего изучает взаимодействие,— это социология» [16]. Пресса и средства массовой информации сегодня претерпели множество изменений, ориентированных на пользователей, обслуживающих и удовлетворяющих их потребности. Ожидается, что этот специальный «файл» для чтения будет лучше удовлетворять потребности поколения Z в чтении газет, открывая возможность прессе и информационным агентствам приблизиться к новостям. Действительно, это очень «новый» и совсем другой «файл» читателей, который заставляет нас искать новые способы изменения и адаптации к этой среде. Производителям контента, а также редакционным агентствам необходимо исследовать и применять достижения науки и техники в «хирургии», чтобы вовремя обнаружить эти различия и при-

[2] Признан экстремистской организацией в РФ.

влечь своих клиентов. Подразделения, у которых есть публика, особенно эта «будущая» общественная группа, будут более устойчиво содержать и развивать свои редакции и агентства печати.

Выводы. Пресса, как традиционная, так и новая, является партнером любых организаций в сфере массмедиа, она по-прежнему служит источником данных для публики, ферментом эволюции журналистики как актуальной профессии. Сегодняшняя молодежь, особенно поколение Z, испытывает все большую «жажду» информации, молодые люди, даже не владея навыками работы с компьютерами, получают доступ к новостям быстро, кратко и эффективно. Их часто больше интересуют видео, чем статьи, их больше не интересуют новости в традиционных форматах, особенно в печатных газетах и журналах. Мобильная журналистика действительно изменила способы получения информации обществом, сократила разрыв между странами, сделав общественность более активной в получении информации. Они хотят тратить свое время на получение качественных новостей. В нынешнем контексте информационной конкуренции поколение Z может полностью следить за информационными каналами социальных сетей и подписываться на них вместо того, чтобы искать и читать официальные газеты. Поэтому редакции новостей должны иметь четкую стратегию по созданию качественного контента, отвечающего потребностям общественности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лассуэлл Г. Д. Техника пропаганды в мировой войне / Г. Д. Лассуэлл.— М., 2021.— 237 с.

2. Беньямин В. Девять работ / В. Беньямин.— М., 2019.— 223 с.

3. Дмитриев А. Н. Опыт сотрудничества П. Лазарсфельда и Т. Адорно в исследовании массовой коммуникации / А. Н. Дмитриев // Социологический журнал.— 1997.— № 3.— С. 151–158.

4. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием / Г. Шиллер.— М., 1998.— 326 с.

5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл.— М., 1999.— 783 с.

6. СМИ в контексте цифровых медиа во Вьетнаме.— Режим доступа: http://www.lyluanchinhtri.vn/home/index.php/dien-dan/item/5061-cong-chung-truyen-thong -in-boi.-canh-truyen-thong-so-o-viet-nam.html (дата обращения: 20.03.24).

7. Нгуен Хонг Винь. Благородная профессия среди благородных профессий / Нгуен Хонг Винь.— Режим доступа: https://www.vietnam.vn/ru/mot-nghe-cao-quy-trong-cac-nghe-cao-quy (дата обращения: 20.03.24).

8. Нгуен Минь Туан. История войны во Вьетнаме глазами прессы / Нгуен Минь Туан // Вестник ВГУ. Филология. Журналистика.— Воронеж, 2017 — № 3 — С. 137–140.

9. До Тхи Тху Ханг. Изучить психологию детей, которые являются особой группой читателей прессы / До Тхи Тху Ханг.— Режим доступа: http://www.cmvn.org.vn/news/default.asp?id=475&menu=39 (дата обращения: 20.03.24).

10. Ле Тху Ха. Гражданская пресса / Ле Тху Ха.— Ханой, 2020 (на вьетнамском языке).

11. Чан Хыу Куанг. Портрет медиапублики / Чан Хыу Куанг.— Ханой, 2001 (на вьетнамском языке).

12. Social Media in Vietnam-2023 Stats & Platform Trends.— Режим доступа: https://www.statista.com/outlook/dmo/digital-media/vietnam (дата обращения: 20.03.24).

13. Социальные сети во Вьетнаме: статистика и тенденции.—URL: https://oosga.com/social-media/vnm/ (дата обращения 20.03.24).

14. Decision Lab.— Режим доступа: https://tracxn.com/d/companies/decision-lab/_VRhfKJaFtWx6Q6GzITyBIqvxU7PTuiS3i6-xhBfU30 (дата обращения 20.03.24).

15. Ву Ван Ха. Темпы цифровой трансформации / Ву Ван Ха.— Режим доступа: https://tuyengiao.vn/nghien-cuu/bao-chi-truyen-thong-trong-xu-the-chuyen-doi-so-137238 (дата обращения: 20.03.24).

16. Фан Ван Кьен. Улучшить навыки учащихся в сфере безопасного использования социальных сетей / Фан Ван Кьен.— Режим доступа: https://www.vietnam.vn/ (дата обращения: 20.03.24).

17. Май Куинь Нам. Новые СМИ во Вьетнаме / Май Куинь Нам.— Режим доступа: http://factsanddetails.com/southeast-asia/Vietnam/sub5_9e/entry-3437.html (дата обращения: 20.03.24).

Ханойский университет культуры

Чан Тхи Тху Хыонг, преподаватель кафедры письма и журналистики

E-mail: letv@dainam.edu.vn

Hanoi University of Culture

Tran Thi Thu Huong, Lecturer of the Department of Writing and Journalism,

E-mail: letv@dainam.edu.vn

УДК: 659.118.5

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ WECHAT В КИТАЕ: АУДИТОРИЯ, ФУНКЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ РЕКЛАМЫ

Цао Линь

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Поступила в редакцию 4 апреля 2024 г.

Аннотация: *статья предоставляет углубленный анализ одной из ведущих социальных платформ в китайском цифровом пространстве. В статье рассматриваются ключевые аспекты WeChat, включая состав аудитории, уникальные функциональности платформы и возможности для рекламодателей.*
Ключевые слова: *WeChat, социальные сети, цифровое пространство, аудитория, функциональности, рекламные возможности, Китай.*

Abstract: *the article provides an in-depth analysis of one of the leading social platforms in the Chinese digital space. The article examines key aspects of WeChat, including audience composition, unique platform functionality, and opportunities for advertisers.*
Keywords: *WeChat, social networks, digital space, audience, functionality, advertising opportunities, China.*

С развитием цифровых технологий социальные сети становятся неотъемлемой частью общественной коммуникации и взаимодействия. В контексте китайского цифрового пространства особую роль играет социальная сеть WeChat, являющаяся одной из ключевых цифровых платформ в стране.

Говоря о китайских социальных сетях, мы также говорим о трансформации формата блога, на что непосредственное влияние оказывает неуклонно возрастающая конкуренция в интернет-пространстве. WeChat-блогеры адаптируют привычные жителям КНР средства привлечения внимания с учетом новейших онлайн-технологий, особенностей платформы и направленности блога [1, 8–13]. Тем не менее, в рамках глобального интернет-пространства, подобный формат является уникальным, а его анализ помогает лучше понять особенности менталитета китайских пользователей, их восприятия информации и подхода к созданию дополнительных образовательных ресурсов.

WeChat — китайская многофункциональная социальная платформа, выходящая далеко за пределы обычных социальных сетей. Запущенная компанией Tencent, она стала неотъемлемой частью китайской цифровой культуры. WeChat объединяет в себе функции мессенджера, социальной сети, платежной системы, магазина онлайн-услуг и многое другое. Одной из ключевых особенностей WeChat является его огромная аудитория, включая сотни миллионов пользователей по всему миру. Это позволяет платформе быть востребованной не только для общения, но и для бизнеса, развлечений и других аспектов повседневной жизни.

WeChat предлагает уникальные функциональности, включая моменты (Moments) для обмена новостями, статусами и фотографиями, а также возможность платных транзакций и онлайн-покупок. Встроенные сервисы также включают в себя заказ еды, бронирование билетов, игры и многое другое, что делает WeChat центром деятельности для многих пользователей. В контексте рекламы, WeChat предоставляет множество возможностей для компаний. Рекламные кампании могут быть таргетированы на конкретные аудитории, используя данные профилей пользователей. Это открывает двери для эффективной рекламы и продвижения продуктов. Важно отметить, что WeChat стал не только средством коммуникации, но и инструментом формирования социальной структуры, определяя взаимоотношения и влияя на культурные нормы. Как многосторонняя платформа, WeChat продолжает оставаться центральным элементом цифровой эволюции в Китае, с каждым днем расширяя свой функционал и влияние на повседневную жизнь пользователей.

В настоящее время в Китае насчитывается более 1,2 млрд. активных пользователей WeChat. Более того, наблюдается активное расширение аудитории за пределы Китая, что делает WeChat востребованным в мировом масштабе. Пользователи WeChat проявляют уникальные поведенческие тенденции, активно используя платформу в повседневной жизни. Мессенджер, моменты, возможность проведения онлайн-транзакций и другие функции делают WeChat неотъемлемой частью их коммуникации и взаимодействия. Аудитория проявляет высокую степень вовлеченности, часто обмениваясь моментами из своей жизни, совершая покупки, решая повседневные задачи и находя развлечения, все в одном приложении [2, 59].

WeChat не только отражает, но и формирует социокультурные нормы в жизни своих пользователей. Платформа стала не только средством общения, но и инструментом для управления повседневными

© Цао Линь, 2024

делами. Здесь пользователи не только общаются, но и развивают бизнес, заключают сделки, следят за новостями, что делает WeChat центром их онлайн-активности [3, 128–132]. Это влияние также проявляется в формировании новых трендов и образа жизни, ориентированного на цифровые технологии. Как результат, WeChat становится не только платформой для общения, но и цифровым образом жизни, оказывая существенное воздействие на социокультурную сцену Китая и за его пределами.

WeChat представляет собой уникальную социальную платформу с рядом ключевых функций, делающих ее несравненной в мире цифровых коммуникаций. Среди основных функций выделяется **мессенджер**, который не только обеспечивает текстовую и голосовую связь, но и поддерживает видеозвонки высокого качества. Это дает пользователям возможность общаться в режиме реального времени, совмещая различные типы общения в одном приложении.

Моменты (Moments) — уникальная функция, предоставляющая возможность делиться фотографиями, статусами и новостями с друзьями, создавая персональную ленту новостей внутри приложения. Это обеспечивает пространство для социального взаимодействия и обмена информацией. WeChat также интегрирует **платежную систему**, позволяя пользователям осуществлять онлайн-транзакции, оплачивать счета, заказывать товары и услуги, что делает платформу важным элементом финансовой инфраструктуры.

Мини-программы (Mini Programs) — это небольшие приложения, работающие внутри WeChat без необходимости установки. Эта функция позволяет пользователям быстро получать доступ к разнообразным сервисам, от игр до покупок. Влияние этих функций на взаимодействие пользователей невероятно. WeChat становится центром активности, объединяя коммуникацию, развлечения и бизнес-взаимодействия. Все эти функции активно взаимодействуют, создавая уникальный цифровой опыт.

Отличительная черта WeChat от других социальных сетей заключается в полноте сервисов под одной крышей. Возможность комбинировать общение, покупки и финансовые операции в одном приложении делает WeChat непревзойденным в своей универсальности, отличая его от традиционных социальных сетей. Эта многогранность содействует постоянному росту числа пользователей и усиливает приверженность к платформе.

WeChat предлагает разнообразные рекламные инструменты и форматы, обеспечивая рекламодателям широкий спектр возможностей для продвижения своих товаров и услуг [4, 83–88]. Один из основных инструментов — таргетированная реклама (Targeted Advertising), которая позволяет рекламодателям настраивать свои кампании в зависимости от характеристик аудитории. Это включает в себя возможность выбора демографических параметров, интересов и поведенческих особенностей пользователей для точного нацеливания.

WeChat также предоставляет брендированные аккаунты (Official Accounts), которые представляют собой официальные страницы брендов с возможностью публикации контента и взаимодействия с подписчиками. Этот формат способствует углубленной коммуникации с аудиторией и укреплению имиджа бренда. Платформа поддерживает баннерную рекламу (Banner Ads), интегрированную в различные разделы приложения, что обеспечивает высокую видимость для рекламных объявлений [5, 73–75].

Мини-программы (Mini Programs) также предоставляют уникальные рекламные возможности. Рекламные мини-программы могут предлагать интерактивные игры, конкурсы или скидочные предложения, что активизирует взаимодействие с аудиторией. Важной составляющей является аналитика и отчетность, предоставляемые WeChat. Рекламодатели имеют доступ к подробной статистике, включая количество просмотров, вовлеченность аудитории, конверсии и другие ключевые метрики, что позволяет оценить эффективность рекламных кампаний. С постоянным внедрением новых форматов и возможностей WeChat продолжает развивать свои рекламные инструменты, предоставляя рекламодателям все необходимое для успешного и эффективного продвижения своих продуктов и услуг на этой уникальной цифровой платформе [6, 63–67].

Сотрудничество с инфлюенсерами — данный вид подразумевает заказ рекламы у знаменитых пользователей. Такое продвижение не дешево обходится, однако сотрудничество с именитыми блогерами дает большие успехи в развитии услуг [7, 28]. Блогеры могут успешно рекламировать товары и услуги. Медийные личности пользуются большим авторитетом у местных жителей. *Партизанский маркетинг.* Малобюджетные способы рекламы и маркетинга [8, 134–136]. Объектом данного метода служит поиск заинтересованной аудитории и тематических групп в WeChat, которые нацелены на данный тип продукта. Так же можно рассылать персонально Qr коды и ссылки для перехода на нужную страницу. Многие используют групповой обмен сообщениями для продвижения.

Бренды, регулярно использовавшие брендированные аккаунты на WeChat, заметили в среднем увеличение узнаваемости своих брендов на 30%. Официальные страницы, позволяющие рекламодателям делиться контентом и взаимодействовать с аудиторией, эффективно укрепляют имидж и формируют долгосрочные связи с пользователями. Кампании, использовавшие таргетированную рекламу на WeChat, отмечают увеличение конверсии в продажи на 25%. С возможностью точного нацеливания на целевую аудиторию и персонализации рекламных объявлений, рекламодатели добиваются более высоких показателей эффективности.

Рекламные кампании, встроенные в Моменты, показывают среднюю степень вовлеченности аудитории более 50%. Возможность размещать рекламу в ленте новостей пользователей, где они активно обмениваются контентом, обеспечивает более высокий уровень внимания к рекламным сообщениям. Эффективность рекламы в Мини-программах: Рекламные кампании внутри Мини-программ на WeChat приводят к увеличению кликов на более чем 40%. Это свидетельствует о том, что пользователи откликаются положительно на интерактивные и персонализированные рекламные форматы, предоставляемые Мини-программами. Рекламные кампании, интегрированные с платежной системой WeChat, продемонстрировали рост объема онлайн-продаж на 35%. Удобство совершения транзакций внутри платформы усиливает импульсивные покупки, способствуя увеличению общего объема продаж.

Более 80% китайских смартфонов активно используют WeChat, что подчеркивает глубокую пенетрацию этой социальной сети в цифровую инфраструктуру Китая. Платформа не просто предоставляет средства связи, но и становится центром управления повседневными делами, такими как платежи, заказы и обмен информацией.

WeChat оказывает значительное воздействие на общественные и культурные нормы в Китае. С функцией Моментов, пользователи делятся моментами своей жизни с окружающими, создавая цифровые дневники и формируя новые стандарты для социального взаимодействия. Эта открытость и демократизация публичного пространства оказывают воздействие на традиционные представления о частной и общественной жизни.

Роль WeChat в формировании цифровой культуры Китая невозможно недооценить. Становление цифровой культуры в стране тесно связано с активным внедрением технологий и платформ, и WeChat является лидером в этом процессе. Отсутствие необходимости переключения между различными приложениями для выполнения различных задач создает уникальную цифровую экосистему. Воздействие WeChat на культуру видно в проникновении мобильных платежей, цифровых визиток и даже в смене парадигмы бизнес-взаимодействия.

Таким образом, WeChat — это экосистема, задачей которой является решение «всех» проблем юзера в приложении. Во многом использование WeChat стало обязательным, т.к. многие государственные службы передвинули обслуживание клиентов на эту платформу. Это объясняет размер аудитории в 1,2 млрд. человек, что в прямом смысле каждый обладатель смартфона в поднебесной. WeChat был создан китайской холдинговой компанией Tencent. По своей сути — это приложение для обмена сообщениями, но оно включает в себя и другие интересные функции. Ни одно другое приложение не сравнится с WeChat. Это скорее смесь Facebook*[1], Skype, Slack, Amazon и Paypal в одном приложении. Поэтому роль WeChat в жизни китайского народа очень весома. WeChat действительно является самой популярной мобильной платформой страны, на которой они часами проводят свое время. Приложение позволяет компаниям создать официальный аккаунт для продвижения своей компании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акопов А. И. «Веб 2.0.» как явление и как проблема // Акценты. Новое в массовой коммуникации / А. И. Акопов.— Воронеж, 2007.— № 1–2 (64–65).— С. 8–13.

2. Алгави Л. О. Термин «новые медиа» и его содержание в современной науке // Журналистика и общество / Л. О. Алгави, Д. А. Аль-Ханаки.— М., 2014.

3. Хирн В. Боссы Китая. Наши неизвестные конкуренты / В. Хирн.— М., 2018.

4. Чжан Ш. Роль Интернета в развитии активности медийной аудитории Китая / Ш. Чжан // Вестник РУДН. Литературоведение, журналистика.— 2008.— № 2.— С. 83–88.

5. Асфандиаров Б. М. Правовое регулирование использования Интернета в КНР и Вьетнаме / Б. М. Асфандиаров // Современное право.— 2005.— № 8.— С. 73–75.

6. Бо Гуань. Проблемы обучения русскому языку в Китае / Бо Гуань // Известия ВГПУ.— 2019.— № 8 (141).

7. Ли Ф. Микроблоги как вид социальной коммуникации в КНР / Ли Ф // Автореф. дис. канд. фи-лол. наук.— Ростов-на-Дону, 2018.

8. Цзя Л. Модели развития китайских СМИ: особенности современной ситуации / Цзя Л // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры.— 2014.— № 3.— С. 134–136.

9. С чем связан рост популярности интернет- и мобильных платежей в Китае.— Режим доступа: https://habr.com/ru/company/wirex/blog/373325/ (дата обращения: 14.01.2024).

10. Количество активных учетных записей мессенджера WeChat 2023.— Режим доступа: https://www.statista.com/statistics/255778/number-of-active-wechat-messenger-accounts/ (дата обращения: 14.01.2024).

11. Сергеева Ю. Вся статистика Интернета на 2020 год — цифры и тренды в мире и в России / Ю. Сергеева — Режим доступа: https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy/ (дата обращения: 14.01.2024).

[1] * Признана экстремисткой на территории РФ.

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Цао Линь, аспирант

E-mail: lin.tsao.95@mail.ru

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Cao Lin, Postgraduate Student

E-mail: lin.tsao.95@mail.ru

УДК 808.2–085 (082)

ПОГРАНИЧНЫЕ СМИ В СИСТЕМЕ ВЕДОМСТВЕННОЙ ПЕЧАТИ ФСБ РФ

Е. В. Шашкова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Поступила в редакцию 3 февраля 2024 г.

Аннотация: *роль пограничной службы РФ, а также периодики пограничных войск, обеспечивающей информационное сопровождение ее деятельности, возрастает. Данным фактом обусловлена актуальность представленного исследования. Объект исследования — ежеквартальный информационно-аналитический и военно-публицистический журнал «Пограничник Содружества». Предмет — тематическая специфика и функциональное своеобразие современных отечественных пограничных СМИ (на примере анализируемого издания). Цель — выявить содержательное своеобразие и функциональное назначение отечественных пограничных СМИ.*
Ключевые слова: *ведомственная печать, военные СМИ, периодика пограничных войск, система СМИ ФСБ.*

Abstract: *the role of the border guard service of the Russian Federation, as well as the periodicals of the border troops, providing information support for its activities, is increasing. This fact determines the relevance of the presented research. The object of the study is the quarterly information-analytical and military-journalistic magazine «Commonwealth Border Guard». The subject is the thematic specificity and functional originality of modern domestic border media. The goal is to identify the substantive originality and functional purpose of domestic border media.*
Keywords: *departmental press, military media, periodicals of the border troops, media system FSB.*

Эмпирическим материалом послужили выпуски ежеквартального информационно-аналитического и военно-публицистического журнала «Пограничник Содружества». Хронологический период исследования — 2022–2023 гг.

История отечественной пограничной службы своими корнями уходит во времена борьбы со степными кочевниками, когда русские князья возводили приграничные заставы и крепости-города. В период татарской угрозы на окраинах Московского государства (XVI в.) начали формировать специальные сторожевые отряды и укреплять пограничные линии. В XVI в. появился первый регламентирующий документ «Уложение о станичной службе». В XVIII в., в период правления Екатерины II, учрежден институт «таможенной цепи и стражи», в обязанности которого входили охрана границ и пограничный контроль. В XIX в. пограничная таможенная стража была частью департамента внешней торговли Министерства финансов России [1, 96]. В 1918 г. официально учреждена пограничная охрана границы. С начала XX в. она перешла в распоряжение военных структур (Особый отдел ВЧК, ОГПУ, НКВД, Министерство государственной безопасности, МВД, КГБ, Министерство безопасности). В 1993 г. образована Федеральная пограничная служба. С 2003 года она включена в структуру ФСБ России.

Точкой отсчета в появлении пограничных СМИ можно считать 1906 г., когда по указу императора Николая II, осознававшего всю важность охраны государственных границ Российской империи, был организован журнал «Пограничник» (выходил до начала Первой мировой войны, возобновлен в 1939 г.). 2 декабря 1918 г. на конференции военно-окружных комиссаров и комиссаров ГУПО было предложено издавать газету «Красноармеец-пограничник». В 1922 г. материалы о деятельности пограничников были представлены на страницах газеты «Гвардия пролетариата». В 1920-е гг. появляются первые специализированные журналы («Красная застава»). Пограничные отряды выпускали и собственные стенгазеты. В 1926 г. появилась первая пограничная многотиражная газета «На Красном рубеже». В начале 1940-х гг. в пограничных войсках уже сформирована система печатных изданий: центральный журнал «Пограничник», многотиражки погранчастей и низовая красноармейская печать. Особо необходимо отметить периодику тыла фронтов («Советский пограничник», Волховский фронт, «Пограничник-фронтовик», Калининский фронт) и пр. В 1943 г. в соответствии с постановлением «О реорганизации сети газет пограничных войск» были организованы окружные газеты («Пограничник Азербайджана»). История пограничной периодики — история государства и вооруженных сил [2, 16]. Также выходили красноармейские газеты («Пограничник на Карпатах»).

Сегодня периодические издания пограничной службы входят в систему ведомственной печати ФСБ

© Шашкова Е. В., 2024

РФ. В настоящий момент активно функционирует официальный сайт Совета командующих Пограничными войсками, предназначенный для информирования самой широкой общественности и целевой аудитории о деятельности Совета в сфере обеспечения надежной охраны внешних государственных границ всех участников Содружества, а также защиты приоритетных национальных интересов в пограничных пространствах (skpw.ru).

В современной системе СМИ Пограничных войск ФСБ Российской Федерации [3, 24] центральное место занимает газета «Граница России» — еженедельное издание, посвященное вопросам безопасности передовых рубежей. В рамках данного издания также выходят газета «Воинство Православное» и «Мужская работа» (проект, посвященный истории и современности специальных подразделений государственных органов безопасности). Выходят также литературно-художественные журналы «Пограничник» и «Сокол», информационно-аналитический и научно-методический журнал «Вестник границы России». Книжно-журнальное издательство ФСБ России «Граница» включает в себя также издания региональных пограничных управлений («Чекисты Дона») и издания специализированных вузов («Вестник института пограничной службы»).

В системе СМИ ФСБ РФ отдельное место занимает журнал «Пограничник Содружества». Тираж — 1243 экз. Полноцветное, иллюстрированное издание на 84 страницах. Распространяется в розничной сети и по подписке. Основные рубрики издания: «Культурный слой», «Ничто не забыто», истории», «На просторах Содружества», «Погранведомства СНГ», «30 лет СКПВ», «Согласованная, пограничная», «Судьба пограничная» и пр. Целевая аудитория — военнослужащие и пограничники, сотрудники органов безопасности и ветераны войны, представители властных структур, координирующих деятельность погранслужбы и военные публицисты, представители военных ведомств и силовых структур.

В ходе проведенного контент-анализа медиатекстов журнала «Пограничник Содружества» были выявлены доминирующие тематические направления современного пограничного СМИ. Каждый выпуск журнала открывается материалом, посвященным деятельности Совета командующих Пограничными войсками по разработке подходов к обеспечению пограничной безопасности на внешних рубежах Содружества: «Основные усилия постоянного рабочего органа СКПВ в 2021 г. были сосредоточены на организации мероприятий Совета командующих Пограничными войсками и поддержании на должном уровне практического взаимодействия пограничных ведомств государств — участников СНГ в целях обеспечения стабильного положения на внешних границах» («Итоги подведены, задачи поставлены», январь-март, 2022).

Постоянной темой издания являются и специальные операции, проводимые в рамках Содружества (порядок их подготовки, проведение и итоги): «Совместная операция проводилась в три этапа (общей продолжительностью более 60 суток) в 9 операционных районах, а также на участке российско-белорусской границы» («В режиме спецопераций», январь-март, 2022). Материалы, посвященные специальным операциям, сопровождаются подробной инфографикой («Регионы проведения и рубежи ССПО «Мекен чеги-2021», январь-март, 2022).

В каждом выпуске «Пограничника Содружества» содержатся материалы, освещающие деятельность пограничных ведомств СНГ (Армении, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Киргизия, Таджикистана): «28 января 1992 года Указом Президента Республики Армении было создано Министерство обороны Республики Армения, в состав которого вошло Управление пограничных войск. Это было требованием времени — Армения нуждалась в защите своей независимости, суверенитета и территориальной целостности» («Ощущая пульс границы», январь-март, 2022).

Славным страницам военной истории отводится значительное место в журнале: «В Беларуси подвиг воинов 3-й заставы 86-го Августовского пограничного отряда, которые первыми приняли удар немецких войск 22 июня 1941 года, помнят и чтут так же, как и подвиг защитников Брестской крепости» («Бой первый и бой последний», январь-март, 2022). В преддверии юбилейных и памятных дат ФСБ РФ размещает на своем сайте уникальные архивные документы, которые оказываются и на страницах журнала («Правду не скрыть», 2023, № 1). Особое внимание журнал уделяет ветеранам пограничных войск («Заставам — имена героев», 2023, № 1).

В центре внимания журнала и обычные герои пограничной службы: «Руслан Закиев с юности мечтал беззаветно служить Родине. Поэтому он посвятил свою жизнь защите и охране государственной границы» («Верность долгу», январь-март, 2022).

Ключевое значение в пограничных СМИ имеет тема гуманитарного сотрудничества как важнейшего элемента межгосударственных отношений: «За эти годы успели сформироваться основные направления такого сотрудничества, включающие создание общего гуманитарного пространства, поиск новых форм и механизмов взаимодействия, таких как проведение совместных творческих проектов, нацеленных на укрепление дружбы, уважение традиций, национальных языков и культур других народов» («Диалог культур — диалог народов», январь-март, 2022). Это принципиально важно, так как диалог самобытных культур союзных государств на протяжении многих лет основывается на прочных многовековых связях.

Освещение гуманитарного сотрудничества дополняется информацией о культурном содружестве:

«Значимое место в достижении этой цели занимает координация сотрудничества пограничных ведомств государств — участников СНГ в сфере культуры и, прежде всего, участие в организации и проведении мероприятий в формате фестивалей-конкурсов» («Эта песня служить помогает», апрель-июнь, 2022).

Еще одна злободневная тема — унификация и гармонизация национального законодательства государств Содружества (о модельных законах, рекомендованных парламентам стран Содружества).

Развитие цифрового общества породило новые проблемы в области безопасности, прежде всего информационной. Это деструктивное информационное воздействие с целью нарушения деятельности органов власти, ухудшения межгосударственных отношений, создания внутренней социально-политической напряженности, разрушения традиционных духовных и нравственных ценностей, установления контроля над национальными информационными ресурсами. Обеспечение безопасности информационных границ — одна из ведущих тем последних выпусков журнала («Противодействуя информационным угрозам», 2023, № 2).

Государственные границы требуют обеспечения безопасности не только на суше, но и в воздухе, и на водных просторах. Пограничная деятельность в морских акваториях — в центре внимания журнала («В Каспийском дозоре: 30 лет на страже морских рубежей», 2023, № 2).

Традиционно граница образуется вместе с появлением государства и становится его центральным атрибутом, обозначая территориальную неделимость и политическую самостоятельность. На протяжении российской истории территория государства менялась неоднократно (приобретение новых земель и отделение некоторых регионов). История державных границ в фокусе внимания «Пограничника» («Сквозь десять столетий: о некоторых исторических и правовых аспектах становления российско-норвежской границы», 2023, № 2).

Среди прочих частотных тем: опыт и практика охраны государственных границ, история образования и развития пограничной службы и боевые традиции пограничных войск («От Тянь-Шаня до Памира», апрель-июнь, 2022), подготовка будущих кадров («Развивая межведомственное и международное сотрудничество», апрель-июнь, 2022), очаги напряженности в системе пограничной безопасности («Афганский фактор в Центрально-Азиатском регионе»), кинология («Новая эра кинологии», июль-сентябрь, 2022), военная медицина («Врач с чутким сердцем и доброй душой, июль-сентябрь, 2022), особенности службы и боевая подготовка пограничника («Слагаемые боевой подготовки», июль-сентябрь, 2022), стратегически важные регионы («Тихий заслон», июль-сентябрь, 2022), развитие оборонной промышленности («Вклад в технологическое будущее», июль-сентябрь, 2022), геополитика («Геополитические процессы изменили масштаб угроз», октябрь-декабрь, 2022), особенности пограничной политики («Сила в единстве», 2023, № 3) межгосударственное информационное сотрудничество («Время развивать технологи», октябрь-декабрь, 2022), технологическая модернизация пограничных застав («Мобильно и комфортно», 2023, № 2), материально-техническое обеспечение пограничной службы («Профессионализм и ответственный подход», 2023, № 1), уникальные подразделения Пограничной службы («Их почерк ярок и дерзок», 2023, № 3), специфические участки службы Пограничных войск («В зоне отчуждения», 2023, № 3).

Одним из обязательных содержательных компонентов издания являются программные высказывания высшего руководства стран Содружества о важности охраны государственных границ. В сложившейся геополитической обстановке они становятся подтверждением политического и идеологического курса страны: «В последние годы все больше обостряются вызовы и угрозы региональной безопасности, к которым, прежде всего, относятся международный терроризм, экстремизм, религиозный радикализм, незаконный оборот наркотиков и другие проявления транснациональной организованной преступности» (Выступление президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, апрель-июнь, 2022).

В связи с этими установками в медиатекстах журнала актуализируется концепт «граница» [4, 35]. Граница государства воспринимается не как исключительно территориальное понятие, а идеология как отдельного гражданина, так и общества в целом: «Не случайно, границу сравнивают с кожей государства, не только остро реагирующей на «холод» либо «жар» окружающей обстановки, но и мгновенно передающей их всему «организму» страны» («Опыту тех лет еще предстоит стать предметом для изучения», январь-март, 2022).

Журнал «Пограничник Содружества» интересен и в жанровом отношении. На его страницах встречаются информационные отчеты о проведенных совместных профилактических и оперативно-розыскных мероприятиях («Бороться с угрозами совместно», 2023, № 1) и биографии («Путь по правильным ориентирам», 2023, № 1), обозрения («В готовности к новым вызовам», 2023, № 1) и мемуары («Десант надо ждать утром», 2023, № 1), житейские истории («Погоня длиною 60 километров», 2023, № 1) и интервью (интервью генерала армии Владимира Кулишова, 2023, № 2), репортаж («Не поддаваясь на провокации»: репортаж из Лельчицкого района, где пограничники охраняют белорусско-украинский рубеж в усиленном режиме», 2023, № 2) и даже кинопутешествия (рубрика «На киностудиях большой страны»).

У журнала «Пограничник Содружества» есть ежеквартальное приложение — журнал «Ветеран гра-

ницы». Публикации приложения раскрывают один из важнейших аспектов пограничной службы — преемственность поколений («Хозяин тишины. История продолжается», 2022, № 4). Закономерно появление большого количества материалов, посвященных подготовке будущих кадров («В Ставропольском крае — новый класс пограничной направленности», 2022, № 3). Приложение раскрывает новые страницы истории становления и развития разведки и контрразведки.

Выводы. В условиях сохраняющейся геополитической напряженности неизбежно возрастает значение СМИ в информационном сопровождении деятельности пограничных войск, а также Совета командующих Пограничными войсками. Материалы периодики отражают основные положения «Концепции согласованной пограничной политики». Медиатексты журнала «Пограничник Содружества» акцентируют внимание на ведущих угрозах в пограничной сфере (международный трафик наркотических веществ и неконтролируемая миграция, международный терроризм и обострение военно-политической обстановки в горячих точках», незаконный оборот оружия и прочие формы трансграничной организованной преступности). Ведущими концептами, отраженными в медиатекстах, являются концепты «граница» и «безопасность». Печать пограничных войск РФ способствует формированию многостороннего сотрудничества как пограничников стран Содружества, так и представителей прочих заинтересованных ведомств в обеспечении безопасности государственных границ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пограничная служба ФСБ России: Энциклопедия. Формирование границ. Нормативная база. Структура. Символы.— М., 2009.

2. Антипенков И. И. Многотиражные газеты пограничных войск НКВД СССР в довоенный период / И. И. Антипенков // Военно-исторический журнал.— 2012.— № 11.— С. 16.

3. Козлов Д. Современные российские военные СМИ как социально-политическое явление / Д. Козлов // Власть.— 2008.— № 2.— С. 22–25.

4. Синявина Н. В. Актуализация концепта «граница» в современной российской действительности / Н. В. Синявина, Е. В. Махович // Вестник МГУКИ.— 2018.— № 2 (82).— С. 34–42.

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Шашкова Е. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики

E-mail: shaskova-lenochka@list.ru

Omsk State University named after. F. M. Dostoevsky

Shashkova E. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Journalism and Media Linguistics Department

E-mail: shaskova-lenochka@list.ru

УДК 659.1:316.7(470.324)

ВИДЕОРЕКЛАМА БАНКОВСКИХ УСЛУГ И ЕЕ УБЕЖДАЮЩИЙ ЭФФЕКТ

М. А. Шилова, Е. Ю. Красова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 6 апреля 2024 г.

Аннотация: *статья посвящена проблеме воздействия видеорекламы услуг банков на потребителей. Обобщаются данные социологического исследования представлений жителей г. Воронежа о рекламе банков и ее влиянии. Актуальность исследования обусловлена закредитованностью россиян и активным использованием в видерекламе банков суггестивных методик и убедительных аргументов.*
Ключевые слова: *видеореклама, услуги банков, закредитованность, убеждение, суггестия, коммуникативная эффективность.*

Abstract: *the article is devoted to the impact of video advertising of banking services on consumers. The results of a sociological investigation of the representations of Voronezh citizens of the advertising of banks and its influence have been summarized. The relevance of the study is due to the debt load of Russians and the active use of suggestive techniques and convincing arguments in bank advertising.*
Keywords: *video ads, banking services, creditworthiness, conviction, suggestion, communication effectiveness.*

Современные банки представляют широкий ассортимент финансовых продуктов, среди которых особое место занимают кредитные и дебетовые карты, карты рассрочки, потребительские кредиты и счета для бизнеса. Сложилась ситуация, когда задолженность россиян перед банками опережает рост доходов, долг достиг 35 трлн. руб., а трудности с его обслуживанием есть у более чем 9 млн. [1–2].

Среднестатистический заемщик характеризуется возрастом 35–40 лет, доходом ниже среднего, профессией физического труда и представлениями о допустимости невозврата кредита вовремя [3]. Тревожным сигналом эксперты считают траты 10% дохода на погашение кредитов, но эта цифра порой достигает 80% заработка [4]. Факторы, влияющие на закредитованность населения, можно подразделить на общие и специфические. Оказывают воздействие общие факторы:

— социокультурная среда общества потребления, когда индивид оказывается в «замкнутом круге» — потребности формируются с целью увеличения потребления [5, 69];

— цифровая информационная среда, среди последствий которой увеличение частоты рискованных социально-психологических ситуаций;

— кризисные события последних лет: пандемия, усугубившая финансовое положение многих, антироссийские санкции из-за недружественной позиции Запада, которые создали трудности на рынке потребления;

— длительное пользование социальными сетями как распространенная практика людей, в особенности молодых, приводящая к временной дезориентации, к потере привычки делать долгосрочные выводы и нести ответственность за свои поступки [6];

— уровень финансовой грамотности населения, который оценивался в 2022 г. в 12,79 балла в рамках диапазона от 1 до 21 [7].

Оказывают воздействие также субъективные факторы. Специфика касается конкретных индивидов с их социокультурными ценностями, уровнем социальной ответственности и степенью внушаемости.

В этой связи Правительство РФ в октябре 2023 г. утвердило стратегию повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 г. [8]. Ставится цель — сформировать у большинства граждан ценности, установки и поведенческие практики, способствующие финансовому благополучию, расширению навыков и опыта принятия решений.

Центральный банк ужесточил макропруденциальную политику, планируя снизить количество выданных кредитов в целом и «с высокой степенью риска» [9]. В этих условиях основной мишенью рекламных атак банков должны стать надежные дебиторы с благополучной кредитной историей, высокими доходами и низкой кредитной нагрузкой, с зарплатой, приходящей на карту банка.

Профессиональная платформа Sostav.ru вычислила рейтинг крупнейших рекламодателей России в 2023 г. на основе данных Mediascope, AdMetrix, Digital Budget. В Топ-30 вошли: Сбербанк России, «Тинькофф Банк», «Банк ВТБ», «Альфа-Банк», «Газпромбанк», «Совкомбанк» и др. До 57% их рекламных бюджетов пришлось на телевизионную рекламу [10].

Нами была отобрана банковская видеореклама, транслировавшаяся на бесплатных федеральных каналах в 2022–2023 гг. В фокус попали: «Альфа- Банк», «Банк ВТБ», Сбербанк России, «Тинькофф Банк», «Со-

© Шилова М. А., Красова Е. Ю., 2024

вкомбанк», «Промсвязьбанк» и «Почта Банк». В качестве уникального торгового предложения (УТП) выступают беспроцентный кредит, рассрочка и снятие наличных, бесплатное обслуживание карты, возврат части расходов на оплату товаров и услуг (кешбэк), отмена комиссии за эквайринг, бесплатный банковский счет для бизнеса, пониженная кредитная ставка и т.п.

Для всех видеороликов характерно сочетание эмоционального и рационального компонентов. К традиционным эмоционально-рациональным аргументам в основном относятся простота получения кредита (одобрения), быстрая выдача кредитной карты, ее доставка или моментальное оформление виртуальной карты посредством считывания QR-кода с экрана.

Выделяются определенные приемы эмоционального воздействия в рекламе финансовых услуг.

Во-первых, использование референтных образов селебрити: актеров С. Безрукова, Е. Подкаминской, С. Ходченковой, С. Бурунова, С. Гармаша; певцов Басты, А. Беляева, спортивного комментатора Д. Губерниева, юмористов Г. Харламова и П. Воли, предпринимателя Г. Кононенко и др.

Во-вторых, применение «симулякра счастья» [11, 53]. Наглядно демонстрируются счастливые, свободные и уверенные в себе люди, лишенные финансовых проблем («Где взять деньги на развитие бизнеса?»), избавленные от финансовых дилемм («Сделать ремонт в квартире или поехать в отпуск?»), щедро дарящие подарки близким людям на праздники, способные удовлетворять все свои материальные потребности по формуле «хочу=могу».

В-третьих, эксплуатация патерналистского или дружеского/партнерского образа банка: «*Совкомбанк* — дает беспроцентный кредит доверия», *Тинькофф* — «одобряет наши планы», «*Альфа-Банк* — поддерживает нас даже, если «мы делаем все не так»; Сбербанк России убеждает, что «будет все, как ты захочешь…», а *Почта Банк* предлагает по-дружески «заходить за деньгами».

При этом информация о существенных сторонах рекламируемых финансовых услуг, таких как процентные ставки, необходимость оплаты страховки, использование карты рассрочки, зачастую остается незамеченной в силу мелкого шрифта и высокой скорости движения бегущей строки внизу экрана. Кроме того, уровень финансовой грамотности реципиентов может быть недостаточным для верного расчета процентной ставки и понимания экономических последствий сделки.

Федеральная антимонопольная служба (ФАС России) обратила внимание на данную проблему, и в октябре 2023 г. вступили в силу изменения к статье 28 «Реклама финансовых услуг и финансовой деятельности» № 38-ФЗ «О рекламе» [12]. Согласно новой редакции, реклама банковских услуг, связанная с предоставлением кредита или займа, должна содержать информацию об условиях их предоставления и возврата, а также диапазоны значений полной стоимости. Причем данная информация должна указываться тем же шрифтом, что и сведения о процентных ставках.

Однако говорить о существенных изменениях в рекламировании финансовых услуг еще рано. Мы предполагаем, что видеореклама банков является привлекательной и убедительной для части целевой аудитории, не вполне осознающей экономические последствия использования, что может вести к негативному потребительскому опыту. Основным постулатом поведенческой экономики, благодаря нобелевскому лауреату Р. Талеру [13], является ограниченная рациональность и даже иррациональность людей при принятии финансовых решений, когда они руководствуются не логикой, а сиюминутными настроениями под влиянием когнитивных ограничений и социальных факторов.

В связи с проанализированной проблемной ситуацией, в 2024 г. был осуществлен исследовательский проект «Влияние рекламы услуг банков на воронежских потребителей». Использовались методы:

— экспертных оценок (15 экспертов — пять докторов филологических, политических и экономических наук и десять кандидатов филологических и исторических наук, являющиеся профессионалами в областях рекламы и связях с общественностью, маркетинга, политики, медиапсихологии и экономики);

— формализованного интервью (145 респондентов, отобранных по квотно-пропорциональной выборке с учетом признаков пола и возраста);

— вторичного анализа маркетинговых данных;

— контент-анализа открытого вопроса анкеты.

Экспертный опрос показал, что у видеорекламы банковских продуктов есть очевидные достоинства и недостатки, а также характерные особенности.

Видеореклама основного пула банков выполнена на высоком профессиональном уровне и носит имиджевый характер. В то же время проблемой является эффективность таргетирования.

Большинство экспертов сходятся во мнении, что, несмотря на интересный сюжет и запоминающееся музыкальное сопровождение современной банковской рекламы, она не оказывает непосредственного влияния на приобретение карточных банковских продуктов. Многие клиенты перед принятием решения пользуются сравнительными сервисами, изучают преимущества и скрытые ограничения рекламируемых продуктов. В целом информация вызывает у многих зрителей настороженность. Один из экспертов утверждал: «Оценивая влияние видеорекламы услуг банков на поведение потребителей, надо иметь в виду, что молодежная аудитория телевизор практически не смотрит, а в интернете рекламу отключает. Соответственно, на этот, максимально интересный для банков сегмент аудитории, видеореклама почти никакого влияния не оказывает. Пожилые люди

плохо ориентируются в современных тенденциях, а телевизионная рекламная информация их потребительских предпочтений не меняет».

3. Обращено внимание на то, что видеореклама, хотя и рассчитана на широкую массовую аудиторию, находит отклик преимущественно у женщин среднего и старшего возраста, что зачастую обусловливает выбор знаменитостей для видеороликов. Для части потребителей-мужчин важна политическая повестка в рекламе услуг банков.

4. Высказано предположение о том, что с маркетинговой точки зрения наиболее перспективным направлением является развитие экосистем. Например, «СБЕР» как помощник в приобретении недвижимости — «Домклик», «СБЕРМегаМаркет» как магазин, «СБЕР-Еаптека» и т.д. Однажды вовлеченную в экосистему аудиторию, легко удерживать различными перекрестными акциями и бонусами.

5. Современная видеореклама банковских продуктов часто строится на суггестивных методиках: обращается к «внутреннему ребенку» клиента, делая акцент на «хочу», а не на «могу» и «должен». Создатели банковской рекламы стараются, чтобы кредит ассоциировался у потребителей с праздником, возможностями и изобилием, а не с финансовыми обязательствами и долговым бременем.

Резюмируя мнения экспертов, можно сказать, что видеореклама банков непосредственно не влияет на приобретение/заказ/использование карточных продуктов и других рекламируемых услуг. Она создает коммуникативный эффект — поддерживает образ надежного и современного банка, развлекает аудиторию забавными сюжетами с участием знаменитостей, информирует о новых услугах и акциях, проводит финансовый ликбез, подталкивает клиента к самостоятельному более подробному знакомству с заинтересовавшей услугой.

Выводы экспертов получили конкретные расшифровки в развернутых суждениях участников формализованного интервью. Прежде всего, был поставлен вопрос о потребности в рекламе банковских услуг, постоянно транслируемой по телевидению и в сети Интернет (см. табл. 1).

Таблица 1.

Степень заинтересованности воронежских потребителей в рекламе услуг банков,%

Степень интереса	%
Безусловно интересна	1,4
Больше интересна, чем нет	14,6
Больше не интересна, чем интересна	39,6
В полной мере не интересна	42,3
Другое («вызывает интерес сюжет и операторская работа», «интересны актеры в рекламе», «реклама банков бесит»)	2,1

Очевидно, что потребность/интерес декларируются лишь небольшим количеством воронежцев, хотя 40% все же выбрали среднюю позицию «больше не интересна, чем интересна». С одной стороны, абсолютное большинство отмечает отсутствие нужды в рекламной информации такого рода, с другой — интерес как испытываемое при просмотре чувство выделили уже 28%, а большинство запомнило конкретные рекламные сообщения.

Участники интервью утвердительно ответили на вопрос о просмотре видеорекламы, в которой фигурируют известные люди — актеры, певцы, юмористы. Их внимание привлекли следующие элементы (см. табл. 2).

Таблица 2.

Факторы привлечения внимания потребителей к рекламе банков,%

Факторы	%
Использование юмора	19,9
Интересный сюжет ролика	19,6
Привлекательный персонаж рекламы	16,0
Веселое музыкальное сопровождение или запоминающаяся песня	13,7
Значимая информация о банковской карте, счете и кредите	10,1
Красивая внешность героев	6,5
Демонстрация покупки или услуги	6,2
Участие домашних животных	5,3
Другое («ничего», «реклама меня вообще не привлекает», «раздражают известные люди, которые рекламируют банки», «как обнищали звезды, что стали рекламировать банки», «популярность актера»).	2,7

Как видно, привлекают внимание обычные рекламные стопперы, прежде всего юмор, сюжет, персонаж и музыка. Однако самое главное — конкретная информация о карте, счете и кредите — обращает на себя внимание лишь каждого десятого, а демонстрация услуги и того меньше.

Только 16% женщин и 27% мужчин не сумели вспомнить конкретное рекламное сообщение. Остальные упомянули рекламируемый банк с описанием сюжетной линии, демонстрируя потребительскую информированность. На первое место по удельному весу ответов вышел «Тинькофф Банк», на второе – Сбербанк и «Альфа-Банк», на третье — «Совкомбанк» и «Банк ВТБ». Называлась и информация других банков: «Райффазенбанк», «Газпромбанк», «МТС Банк», «Банк Точка», «Промсвязьбанк», «Финансовая корпорация *Открытие*». Был сделан акцент на участие знаменитостей в рекламе — С. Гармаша, С. Безрукова, Д. Нагиева, П. Воли, Г. Харламова и др. или говорилось о «ярком актере», «известном комике», «хорошо знакомой актрисе», «внешне привлекательном герое».

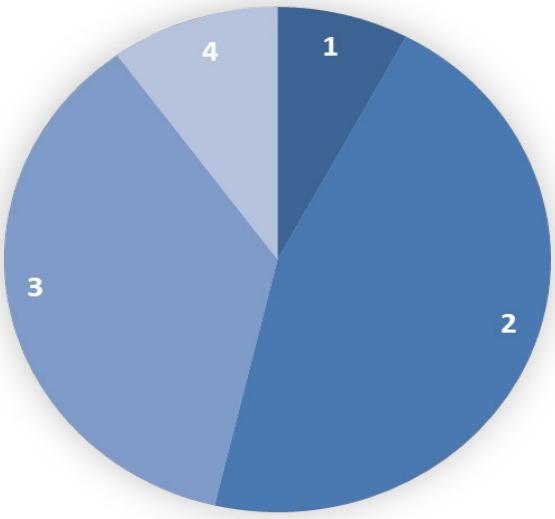
Иногда это были критические высказывания, например «*Совкомбанк* с Сергеем Безруковым и ду-

рацкой песней «берем кредиты мы в *Совкомбанке*», «*Альфа-Банк* очень назойливый, не нравится», «Кешбэк на все и на это, и на то, и на это, и на то — заедающий мотив *Райффазенбанка*». Порой хвалебные, например, «С. Гармаш — актер, вызывающий доверие, кажется одним из простых людей, говорит простые вещи», «*Тинькофф Банк* снимает интересные видео с использованием известных людей, где они без проблем оплачивают счет в кофейне», «У *Банка ВТБ* была красивая новогодняя реклама с приятными героями и качественной съемкой».

В ответах участников интервью отмечались и сферы жизни людей, о которых повествовали рекламные сообщения — семья, бизнес, искусство, фитнес как вид физической активности, природа, покупки и технологии.

Создатель теории дифференциальных эмоций К. Изард справедливо указывал на то, что «эмоции служат организующим и мотивирующим фактором поведения человека… его отношений с окружающим миром» и «выступают в роли пусковых механизмов когнитивных процессов» [14, 16–17]. Следовательно, важно было выяснить, какие эмоции и чувства испытывали опрошенные во время контакта с рекламой банков. Условно эмоции и чувства были поделены на положительные, отрицательные и нейтральные (см. рис. 1).

Рисунок 1. Чувства и эмоции, испытываемые во время просмотра рекламы банков,%



Положительные — доверие, восхищение — 7,8%
Отрицательные — раздражение, разочарование — 45,9%
Нейтральные — интерес, удовлетворение — 36,3%
Другое — 10%

Каждый десятый предпочел высказать особое мнение. Треть из них отметила, что никаких эмоций не испытывает. Другие добавляли «равнодушие» и «безразличие», утверждали: «хочется, чтобы быстрее закончилась», «если информация полезная, то сначала интерес, но далее при повторении скорее раздражение». Наконец, нашлись такие, которые отмечали «все красиво, приятно», «испытываю веселые чувства, смех, гордость».

Полученные данные демонстрируют тот факт, что реакция потребителей на рекламирование формируется примерно в пропорциях 50:50. Половина респондентов воспринимает ее негативно, а другая — либо положительно, либо в спокойном ключе.

По мнению участников интервью, рекламу банков делает убедительной главным образом фактическая информация о банковской услуге, в том числе о конкретных акциях и бонусах (56%) и акцент на доступности/удобстве оказания услуг (23%). Часть респондентов (16%) выделила героев рекламы — эмоциональность и искренность их обращения к аудитории, демонстрацию их материального статуса. Скептически настроенные потребители отказывают рекламе в убедительности («ничто не убедительно», «ничем не убеждает» «убеждает, когда я не вижу и не слышу», «легкий и быстро испаряющийся интерес»), а рационально настроенные называли конкретные качества удачного рекламирования — «отсутствие подтекста и мелкого шрифта», «честность и прозрачность информации».

Большинство считает рекламное информирование банков полезным — либо в чем-то (70%), либо в полной мере (7%). Остальные категоричны: реклама банков совершенно бесполезна. Были отмечены критерии утилитарности, причем в том числе и теми, кто утверждал обратное (см. табл. 3).

Таблица 3.

Критерии целесообразности рекламы банковских услуг,%

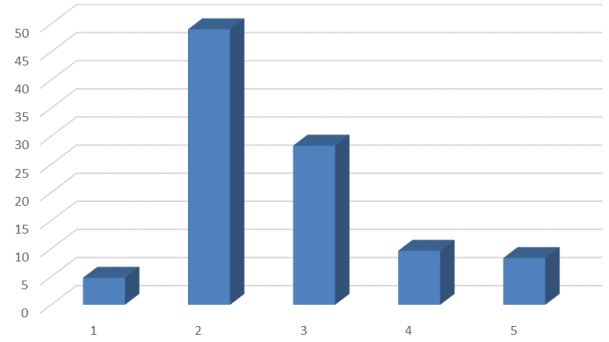
Критерий	%
Новые формы услуг	40,1
Информация о финансовых выгодах	26,6
Информация о проводимых акциях	22,4
Быстрое оформление карты и рассрочки по кредиту	5,7
Другое («банк рекламирует только для своей выгоды», «имя банка — бренд», «больше ничего», «ничем», «реклама бесполезна»)	5,2

Оказалось, что выгоды фиксируются большинством, а критичность (другое) проявилась в эмоциональном тезисе «бесполезна».

Противоречивость взглядов на процесс банковского информирования проявилась и в ответах на вопрос о действенности или продуктивности рекламы (см. рис. 2).

Несмотря на то, что часть респондентов затруднилась высказать свое мнение, остальные прояснили свою позицию. Более половины опрошенных видят определенный положительный эффект от рекламных сообщений банков, а около десятой части убеждены во вреде такой информации.

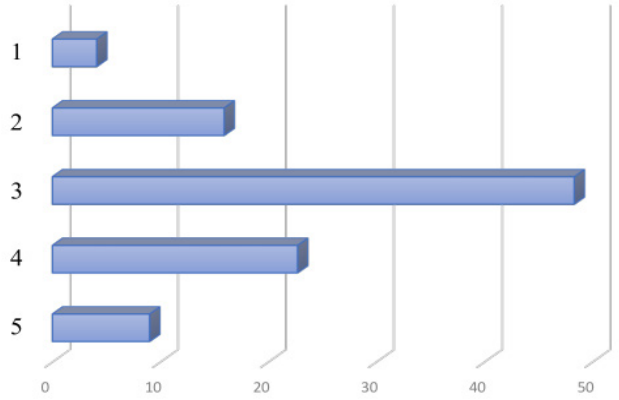
Рисунок 2. Степень эффективности видеорекламы банковских услуг в оценках воронежцев,%.



1. Однозначно эффективна, помогает людям разобраться с финансовыми проблемами — 4,8%
2. Скорее да, чем нет, иногда бывает действенной — 49,0%
3. Скорее нет, чем да, можно обойтись без нее — 28,3%
4. Нет, такие рекламные сообщения приносят вред людям — 9,6%
5. Не могу сказать — 8,3%

Уровень правовой потребительской культуры демонстрирует рис. 3, содержащий данные об осведомленности респондентов о правах потребителей банковских услуг.

Рисунок 3. Осведомленность воронежцев о правах потребителей банковских услуг,%



1. Отлично информирован(а) — 4,1%
2. Хорошо осведомлен(а) — 15,9%
3. Достаточно информирован(а) — 48,3%
4. Плохо осведомлен(а) — 22,7%
5. Не осведомлен(а) — 9,0%

Обращает на себя внимание тот факт, что почти треть участников интервью оказалась малосведущей или совсем не осведомленной в вопросе потребительских прав. Следует заметить, что данный вопрос имеет престижный характер и, скорее всего, к этой трети можно смело добавить еще 10%, так как людям трудно признаваться в своей некомпетентности. Гендерная разница в оценках собственной плохой осведомленности или отсутствии ее значительна: соотношение мужчины — 10%, женщины — 21%.

В завершение исследования был задан вопрос об отношении к ситуации невыплаты потребительских кредитов. Высветилась следующая картина — см. табл. 4.

Таблица 4.

Отношение воронежцев к невыплатам в срок потребительских кредитов,%

Позиция	%
Невыплата кредита вовремя не соответствует моим жизненным принципам	30,8
У многих реальные жизненные трудности, это вынужденная мера	24,6
Это распространенная практика, пусть каждый сам выбирает	20,0
Считаю это нормой в ситуации нестабильности экономики	9,2
Всегда есть возможности выкрутиться из ситуации	6,7
Затрудняюсь ответить	7,2
Другое («считаю, что человек должен реально оценивать свои финансовые возможности», «кредит — крайняя мера, нужно уметь жить по средствам», «осуждаю кредиты в принципе»).	1,5

Видно, что около трети респондентов заняли принципиальную позицию относительности невыплаты кредитов в срок. Остальные находили оправдание неплательщикам, причем зачастую называя это «распространенной практикой» и «нормой». В два раза больше мужчин по сравнению с женщинами посчитали нормой отказ выполнять обязательства перед банком, когда экономика нестабильна.

Проведенное исследование показало, что видеореклама банковских предложений с ее позитивным фоном и яркими селебрити отличается высоким суггестивным потенциалом, способным оказывать убеждающее воздействие и на мышление человека и на его потребительское поведение. Для воронежцев она в определенной мере является диссонансной. Демонстрируются противоречивые представления — дисгармония мыслей, чувств и поведения, возникающие при столкновении с информацией о кредитах и картах. В то же время большинство считает рекламные сообщения полезными, отмечая информацию о новых услугах, финансовых выгодах и проводимых акциях. Есть потребность в продуктах, позволяющих грамотно перераспределять кредиты и управлять долгами.

Большое количество разнообразных образцов видеорекламы банковских услуг привлекает и удерживает внимание, запоминается. Они оказывают сильное впечатление и вызывают зачастую не только интерес, но и негативные эмоции — раздражение и разочарование. В связи с этим остро стоит вопрос о качестве информации, ее рациональной направленности на улучшение финансового благополучия

потребителей, а не только на повышение репутации и выгоды банков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Башлыкова Н. Долга дорога: обязательства россиян перед банками превысили 30 трлн. руб. / Н. Башлыкова, Р. Алмакумова. — Режим доступа: https://iz.ru/1536846/natalia-bashlykova-roza-almakunova/dolga-doroga-obiazatelstva-rossiian-pered-bankami-prevysili-30-trln-rublei (дата обращения: 09.02.2024).

2. Долг россиян перед банками достиг 35 трлн. руб. 2 янв. 2024 г.— Режим доступа: https://www.rline.tv/news/2024–01–02-dolg-rossiyan-pered-bankami-dostig-35-trln-rubley/ (дата обращения: 14.02.2024).

3. Антонов С. Сколько кредитов у россиян. Кто и зачем берет взаймы у банка / С. Антонов.— Режим доступа: https://journal.tinkoff.ru/credit-stat/?ysclid=ls05m90pbv338272186 (дата обращения: 21.02.2024).

4. Фурсова И. Уровень закредитованности граждан вырос до 55%. В чем причина и как справиться с неподъемным грузом долгов / И. Фурсова.— Режим доступа: https://rg.ru/2022/11/28/zajmy-poiut-romansy.html?ysclid=ls06pleysk845204135 (дата обращения: 21.02.2024).

5. Татаринцева Ю. О. Культура потребления как социологическая категория / Ю. О. Татаринцева // Вестник Тамбовского университета. Сер. Общественные науки.— 2016.— Т. 2.— № 3 (7).— С. 66–70.

6. Как меняются люди под воздействием медиа? — 2012.— Режим доступа: https://www.cossa.ru/234/13669/?ysclid=lspy1i4n16938269707 (дата обращения: 15.03.2024).

7. 72% россиян имеют средний или высокий уровень финансовой грамотности.— 2022.— Режим доступа: https://nafi.ru/analytics/72-rossiyan-imeyut-sredniy-ili-vysokiy-uroven-finansovoy-gramotnosti/?ysclid=lunqk13okd700871561 (дата обращения: 01.04.2024).

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 г. № 2958-р.— Режим доступа: http://government.ru/docs/all/150261/ (дата обращения: 19.03.2024).

9. Что ждет рынок кредитования до конца 2023 года.— 2023.— 17 окт.— Режим доступа: https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10994782&ysclid=lrrabm35b637311105 (дата обращения: 03.04.2024).

10. Рейтинг крупнейших рекламодателей России 2023.— Режим доступа: https: https://www.sostav.ru/publication/advertisers-media-rating-2023–9820.html?ysclid=lunv2awfsw334540647 (дата обращения: 03.04.2024).

11. Ильин А. Н. Психологическая манипуляция в рекламе как фактор изменения сознания в обществе потребления / А. Н. Ильин // Психопедагогика в правоохранительных органах.— 2023.— Т. 28.— № 1(92).— С. 49–57.— Режим доступа: https://doi.org/10.24412/1999–6241–2023–192–49–57 (дата обращения: 26.03.2024).

12. Письмо ФАС России от 17.10.2023 N КТ/85530/23 «О рекламе финансовых услуг».— Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459910/ (дата обращения: 26.03.2024).

13. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер.— М., 2022.

14. Изард К. Э. Психология эмоций / К. Э. Изард.— СПб., 1999.

Воронежский государственный университет

Шилова М. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: maria_prtep@mail.ru

Красова Е. Ю., кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна

E-mail: kelan20042004@mail.ru

Voronezh State University

Shilova M. A., Candidate of Philology, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: maria_prtep@mail.ru

Krasova E. Yu., Candidate of History, Associate Professor of the Public Relations, Advertising and Design Department

E-mail: kelan20042004@mail.ru

ПРАВИЛА
для авторов серии «Филология. Журналистика» научного журнала «Вестник Воронежского государственного университета»

Серия «Филология. Журналистика» журнала «Вестник ВГУ» включена в список ВАК при Минобрнауки российских рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Журнал принимает к публикации материалы, содержащие результаты оригинальных исследований, оформленные в виде полных статей. Опубликованные статьи, а также статьи, представленные для публикации в других журналах, к рассмотрению не принимаются.

Статьи проходят редакционное рецензирование и в случае положительной рецензии — научное и контрольное редактирование. В случае рекомендации статьи к опубликованию автору высылается лицензионный договор (все подписанные страницы договора сканируются и высылаются в редакцию).

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Журнал выходит **4 раза в год**

Почтовый адрес: 394068, г. Воронеж, ул. Хользунова, 40-а, уч. корп. № 6 ВГУ, факультет журналистики, к. 103, редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика».

Контактный телефон:
+7 (473) 266–17–50, 274–52–71

Контактный e-mail: tam1008@yandex.ru, vlvtul@mail.ru

Полные статьи принимаются объемом до 10 страниц формата А4 рукописи. Текст статьи должен быть напечатан через полтора интервала на белой бумаге формата А4, с полями — 2,5 см с левой стороны, размер шрифта — 14 п. (Times New Roman Cyr). Информационная графика — черно-белая.

Ссылка на использованную литературу дается в тексте цифрой в квадратных скобках [1], через запятую дается указание на страницы — [1, 165], через точку с запятой — другая ссылка (например, [1, 5; 2, 75]).

Список литературы дается в конце статьи с обязательной нумерацией и озаглавливается **ЛИТЕРАТУРА** (прописные буквы); оформляется в соответствии с *ГОСТ 7.1–2003 Библиографическая запись*. Библиографическое описание, ссылки располагаются в порядке цитирования.

Кроме ссылок на литературу в тексте могут присутствовать **сноски.**

Статья должна быть написана сжато, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Для публикации статьи авторам необходимо представить в редакцию (e-mail редакции: vlvtul@mail.ru) текст статьи, подписанный всеми авторами, УДК, таблицы, иллюстрации и подписи к ним (бумажный экземпляр, присланный по почте, или файлы текста и иллюстраций, а также сканы каждой из страниц).

Время рассмотрения, рецензирования и опубликования статей зависит от объема редакционного портфеля, формируемого из статей, рекомендованных к печати. Поэтому редакция не отвечает на вопросы типа «Как скоро может быть опубликована статья? Сколько времени занимает рассмотрение и рецензирование статьи? В течение какого срока автор получит номер журнала со статьей после его выхода?»

Редакция не гарантирует обеспечение авторов опубликованных статей бумажным экземпляром журнала, поэтому **желательна подписка** на журнал. Подписной индекс — 51174 в объединенном каталоге «Пресса России».

Редколлегия

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК ...
(*узнать в библиографическом отделе библиотеки*)
ОБРАЗЫ КОСМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА В ТЕКСТАХ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
Е. В. Бавыкина
Воронежский государственный университет
Поступила в редакцию 28 июля 2021 г.

Аннотация: *целью данного исследования является представление состава языковых средств, объективирующих космическое пространство в научно-фантастических произведениях, и описание семантики этих единиц. Источниками для исследования послужили произведения русских авторов и немецких фантастов.*
Ключевые слова: *когнитивная лингвистика, текст, научная фантастика, космическое пространство, прямые номинации, косвенные номинации, индивидуально-авторские номинации.*

Abstract: *the aim of this study is to present the composition of language means which objectify outer space in science fiction and to describe the semantics of these units. Works by Russian authors and German science fiction writers constituted the subject for study.*
Keywords: *cognitive linguistics, the text, science fiction, space, direct nominations, indirect nominations, individually-author's nominations.*

Тексты научной фантастики[1] представляют собой практический интерес для исследователей в рамках когнитивной лингвистики как специфическая форма воплощения картины мира. Ключевым образом в текстах научной фантастики является космическое пространство [1, 5–9]. Анализируя языковые средства, объективирующие космическое пространство в научно-фантастических произведениях, можно выявить как общие, так и отличительные их признаки, связанные со спецификой национальных картин мира разных народов [2, 4–21].

ЛИТЕРАТУРА
(Список нумеруется в порядке цитирования)

После литературы указываются сведения об авторах на русском и английском языках (12 п., курсив): название университета; фамилия, инициалы; ученая степень, должность; электронный адрес.

Воронежский государственный университет
Бавыкина Е. В., преподаватель кафедры немецкой филологии
E-mail: phil27@mail.ru

Voronezh State University
Bavykina E. V., Lecturer of the German Philology Department
E-mail: phil27@mail.ru

Далее необходимо указать фамилию, инициалы автора и название статьи на английском языке (прописными буквами).

Bavikina E. V. IMAGES OF SPACE IN THE TEXTS OF SCIENCE FICTION

P. S. Рекомендуемые объемы статей (требование издателя)

2 журнальные страницы = не более 9100 знаков с пробелами
3 журнальные страницы = не более 14250 знаков с пробелами
4 журнальные страницы = не более 19500 знаков с пробелами.

P.P.S. Примеры названий ученых степеней, должностей и пр. на английском языке: Candidate/Doctor of Philology (кандидат/доктор филологических наук); Postgraduate Student (аспирант) / Lecturer (преподаватель) / Senior Lecturer (старший преподаватель) / Associate Professor (доцент) / Professor (профессор) of the Public Relations Department (кафедры связей с общественностью).

[1] Сноска